

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. Вернадского

Том 25 (64). № 2
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Симферополь
2012

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 25 (64). № 2

Серия «Исторические науки»

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2012

Редакционный совет журнала

«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:

Багров Н. В. – д. г. н, проф., академик НАН Украины, (главный редактор)

Шульгин В. Ф. – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)

Дзедолик И. В. – д. ф.-м. н, доц. (отв. секретарь)

Члены совета (редакторы серий):

Бержанский В. Н. – д. ф.-м. н., проф.

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф.

Вахрушев Б. А. – д. г. н., проф.

Казарин В. П. – д. филол. н., проф.

Климчук С. В. – д. э. н., доц.

Копачевский Н. Д. – д. ф.-м. н., проф.

Непомнящий А. А. – д. ист. н., проф.

Подсолонко В. А. – д. э. н., проф.

Темурьянц Н. А. – д. б. н., проф.

Ротань В. Г. – д. ю. н., проф.

Шоркин А. Д. – д. филос. н., проф.

Редакционный совет серии «Исторические науки»:

Непомнящий А. А., доктор исторических наук, профессор (редактор серии) (aan@home.cris.net)

Айбабин А. И., доктор исторических наук, профессор

Бачинская Е. А., доктор исторических наук, профессор

Ганкевич В. Ю., доктор исторических наук, профессор

Петрова Э. Б., доктор исторических наук, профессор

Смынтына Е. В., доктор исторических наук, профессор

Тункина И. В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Филимонов С. Б., доктор исторических наук, профессор

Хмарский В. М., доктор исторических наук, профессор

Храпунов И. Н., доктор исторических наук, профессор

Щевелев С. С., доктор исторических наук, профессор

Печатается по решению Ученого совета Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, протокол № 12 от 19 декабря 2012 г.

Подписано в печать 27.12.2012. Формат 70x100 1/16. 18,61 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 12_2/12-УЗ.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія «Історичні науки». Том 25 (64), № 2

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2011

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету

ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

© Таврический национальный университет, 2012 г.

УДК 17.035.3+291.37

**СИМВОЛИКА НАДГРОБНЫХ КАМНЕЙ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ МУСУЛЬМАНСКИХ КЛАДБИЩ
БАХЧИСАРАЯ И ТУРЦИИ XVII–XIX ВВ.**

Абибуллаева Э. Э., Эмруллаев Ш. А.

*КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник», г. Бахчисарай, Украина
E-mail: shems-annur@mail.ru*

Статья является итогом научно-исследовательской экспедиции проходившей с 24.06.12 по 1.07.12. Представлен сравнительный анализ более 2000 тысяч надгробных памятников XVII–XIX вв., происходящих с территории Турции и Бахчисарая. В исследовании выделены отличительные критерии мужских и женских надгробий, сделана попытка интерпретации использованных на памятниках символов. Особый интерес вызывают надгробия представителей суфийских орденов, которые были рассмотрены впервые.

Ключевые слова: мусульманские надгробия, символика, исламский мистицизм (суфизм), Бахчисарай, Ханское кладбище, Турция.

Культурное наследие – это историческая память народа. Когда по каким-либо причинам происходит утрата культурного наследия, соответственно теряется связь между прошлым и настоящим. Мезарлык или къабиристан (кладбище), мезар ташлары (надгробия) являются фундаментом моста связывающего прошлое и настоящее.

Кладбище и мемориалы в культуре многих народов занимают, пожалуй, одно из важных мест. Так, например в XIX веке мир узнал, что мемориал, обнаруженный на территории Южной Сибири (Орхоно-Енисейские памятники VI – VIII вв.) принадлежат существовавшей за пять веков до новой эры – империи тюрков [1, с. 9]. Пирамиды Египта и многие аналогичные памятники, которые сохранились, являются свидетелями и источниками исследования мирового значения. За основу нашего исследования были взяты сохранившиеся до наших дней надгробия мусульманских кладбищ (XVII – XIX вв.) Бахчисарая и относящихся к нему районов, а также кладбищ городов Эдирне, Стамбула, Бурсы (Турция).

Общеизвестным фактом является то, что изучение мусульманских каменных надгробий Крыма началось в начале XX века в связи с активно проводившимися археологическими раскопками в Старом Крыму, Отузах, Бахчисарае (Эски-Юрт). В результате, которых была проведена работа по описанию разнообразных типов надгробий и расшифровка эпитафий. Большой вклад в исследование этих памятников сделал Осман Акчокраклы. Он расшифровал многие надмогильные надписи в Старом Крыму и Чуфут-Кале. В 1927 году на основе исследованных им материалов публикуется очерк под названием «Татарские тамги в Крыму» [2, с. 32–47].

Исследования некрополя Кырк-Азизлер (XIV – XV) У. Боданинским и А. С. Башкировым легли в основу классификации средневековых мусульманских

надгробий Крыма. Исследователи провели параллель о подобии орнаментальных мотивов надгробий с резьбой построек Сельджукской Кони, Самарканда, христианских построек Крыма (Мангуп) [3; 4, с. 198–199].

В 1850 г. вышел сводный результат работы (1839–1849 гг.) А. Негри, Ф. Домбровского и А. Борзенко под названием: «Бахчисарайские арабские и турецкие надписи» [5].

Труды послевоенных и современных исследователей посвящены в основном орнаментике, эпиграфике, частичной каталогизации данных памятников [6; 7].

На сегодняшний день эти памятники, до сих пор остаются не исследованными до конца: не велась работа по изучению символики сохранившихся надгробных камней, полной расшифровке эпиграфики и составление полного каталога этих исчезающих свидетелей истории и культуры. В данном исследовании мы попытались, дать информацию о наиболее часто использованных символах, провели параллель между символикой надгробий Турции, которая может стать вкладом в изучении культурных стилей и влияний, в период существования Крымского ханства и после его гибели.

В 20-е годы XX столетия в Бахчисарае насчитывалось свыше 20-ти мусульманских кладбищ. Самым древним мусульманским захоронением Бахчисарая считается кладбище в Эски-Юрте, которое описано в труде Эвлия Челеби [8, с. 122]. Кладбище Гиреев (Крымских ханов) в Бахчисарайском дворце является единственным сохранившимся на сегодняшний день памятником своего рода в Крыму. Всего, вместе с надгробиями внутри мавзолеев, на дворцовом кладбище в настоящее время насчитывается 106 памятников. Из сорока восьми ханов правивших с 1441–1783 гг., в Крыму похоронены только двадцать. Остальные двадцать восемь представителей Гиреев погребены вне Крыма. Большинство из них нашли свой последний приют на территории Османских владений: сегодня это – современная Турция, Болгария, Греция (о. Родос) [7, с. 12].

Давая общую характеристику мусульманскому кладбищу, хотелось бы отметить: это территория, которая могла находиться, как за чертой, так и в самом населенном пункте. Восточный город делился на кварталы (маале), и в ходе нашего исследования было установлено, что некоторые кладбища располагались в кварталах (Къады маале мезарлыгы, Салачикъ маале мезарлыгы, Малич агъа маале мезарлыгы). Особенностью кладбищ является и то, что в большинстве случаев они располагались при мечетях, примером может служить: кладбище в дворике Евпаторийской мечети, где сохранились надгробия XIX века, дворик кладбища при Ханской мечети в Бахчисарае. Могилы и надгробия мусульманского кладбища Крыма были ориентированы по направлению восток-запад. Согласно мусульманскому законодательству, разрешается установка на могилах надмогильных плит. Доказательством этому свидетельствует следующий хадис: «Когда похоронили Усмана ибн Мазуна, Пророк (Мир ему и благословение) повелел одному человеку принести камень, но тот не смог. Тогда Пророк (Мир ему и благословение) пошёл и сам принёс камень и, положив его у изголовья, сказал: «Благодаря этому я узнаю могилу своего брата и буду хоронить здесь тех, кто умрёт из числа членов семьи».

Фото 1. Изголовье из села Озенбаш (ныне с. Высокое).

Фото 2. Изображение джильбента на изголовье из села Озенбаш (ныне с. Высокое).

Фото 3. Шестиконечная звезда на надгробии Бахадыр Герай-Султана (г. Бахчисарай).

Фото 4. Шестиконечная звезда на надгробии кладбища г. Эдирне.

В целом, каждое надгробие, можно рассматривать как произведение искусства, над созданием которого работали: каллиграф, художник и резчик по камню (ташчи) [9, с. 127], зачастую эти три направления объединял в себе только один человек – ташчи. В частности это можно отнести к надгробиям влиятельных людей.

С образованием в 1443г. самостоятельного Крымского ханства с династией Гераев на престоле процесс распространения ислама на полуострове вступил в новую фазу. Основным методом распространения ислама в Крымском ханстве было создание имаретов – мусульманских духовных центров в главных административных, торговых, а также стратегически важных населённых пунктах [10, с. 26]. Под имаретами следует понимать благотворительные учреждения: мечети, медресе, караван-сарай, больницы и т.д. Другим средством распространения ислама в этот период служила поддержка ханской администрацией суфиев. Многие крымские суфии, в том числе, представители ханской династии, принадлежали к различным тарикатам (суфийским орденам) [10, с. 27].

Основным источником по истории деятельности тарикатов в Крыму является книга турецкого путешественника Эвлии Челеби «Книга путешествий (Сейяхатнаме)». Еще одним авторитетным источником о деятельности тарикатов в Крыму является фундаментальная работа профессора В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII столетия».

Данные Эвлии Челеби указывают на значительное распространение суфизма в Крыму, наличие огромного числа последователей учения во всех классовых прослойках крымского общества. Суфийские братства функционировали во всех городах Крыма, по крайней мере, в наиболее значительных, во многих селениях. Наибольшее число обитателей отмечается в Бахчисарае (9), в Кафе (7), в Карасубазаре (4). Распространены были как турецкие тарикаты (Мевлевийа), так и местные формы суфизма (Колечли, Чуюнчили). При этом наиболее часты упоминания последователей святого Ахмеда-эфенди из Колеча, что указывает на их многочисленность [8, с. 272].

Исследуемые памятники можно разделить на два типа: женские и мужские. Символом женского надгробия была женская шапочка или отсеченный сверху столбик. Символом мужского надгробия – мужской головной убор. Как известно, головной убор и одежда у многих народов символизировали статус, сословие, высокое положение. Крымское ханство не стало исключением в этом плане. В частности это можно отнести к мужским головным уборам, которые впоследствии вырезались на изголовье надгробия и несли информацию о похороненном. Например, духовные лица у крымских татар обязаны были носить отличительный от мирян наряд, состоящий из длинного балахона (халат), каука (круглой шапки) и чалмы. У муфтия воротник балахона обшивался золотом и одежда его должна, как и каук, быть зеленого цвета. Кади-аскер имел одежду такого же цвета, но без золотой обшивки. Кадии одевались в малиново-красный балахон, носили такого же цвета чалму, имея на плечах красный шарф. Что же касается до хатибов и мулл, то им предоставлялось право одеваться по усмотрению [11, с. 72].

Особый интерес вызывают надгробия представителей суфийских орденов.

Отличия в одежде суфиев, отметил и А. Безчинский в 1905г, в своем путеводителе: «<...>одежда дервишей, смотря по ордену, различного покроя и цвета. Головной убор состоит из тюрбанов различной формы» [12, с. 97].

Например, дервиши ордена Кадирие и Накшибендие носили конусовидные головные уборы [13, с. 45] (В частности, головной убор и изголовье на кладбище села Пычки-Баштановка). Представители ордена Хальветие (ветви: Сунбулие, Шемсие, Шабание, Джерахие, Синание и Байрамии) носили шапочку, которая шилась из четырех отдельных кусочков, где каждый кусочек был прошит крупной строчкой и составлял 10 делений. Шапочка обматывалась батистом (дестар или сарык) 7–9 метров и в целом получалась чалма [13, с. 350] К примеру, головной убор представителей ордена хальветие и башташ обнаруженный в селе Высокое (фото 1). Дервиши (мюриды) ордена мевлеви носили высокие цилиндрические уборы, а шейхи орденов красиво и искусно намотанные дестары (сарык). (Примером может служить головной убор мевлеви и башташлар из села, Эвель шейх и Пычкы). Представители некоторых орденов на поясе носили сумочку из козьей кожи (джильбент), в ней обычно хранили расческу, иглу, нитки, деньги, мисвак и др. необходимые предметы [13, с. 171]. Мы предполагаем, что надгробие из села Нагорное, скорее всего, принадлежит представителю одного из орденов, так как на башташе можно увидеть четко высеченную сумочку (фото 2).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что надгробия, не имеющие эпитафии можно определить по разновидностям изголовья, так как они полностью повторяют головной убор похороненного.

Большое предпочтение в украшении надгробий отдано растительному орнаменту, который использовался в восточной архитектуре, в оформлении рукописных книг, национальной вышивке и посуде.

Из наиболее часто использованных цветов в орнаменте надгробий можно выделить розу и тюльпан. Суфийская символика нашла своё отражение и в средневековой восточной поэзии, где роза (гуль) отождествлялась с быстротечной жизнью и бренностью. А так же приобщению к совершенному и вечному [14, с. 88; 9, с. 130; 15]. В народе и фольклоре (старинных песнях) нераскрывшуюся розу символизировали с человеком, который умер очень рано [16, с. 134]. Вероятно поэтому на ханском кладбище, роза в бутоне изображена на некоторых надгробиях принцев (Бахадыр Герай султан бин Девлет Герай хан 1756/57); Арслан Герай султан бин Селим Герай хан 1751/52), Халим Герай султан (Турция, 1772–1823) как бы, подтверждая это мнение.

Тюльпан – цветок Аллаха, именно так он стал отождествляться в «Эпоху тюльпанов» в Османской империи. Этот период продолжался с 1717 по 1730 гг. при правлении Ахмеда III. Отмечен строительством красивых зданий, открытием типографии (1727 г. Ибрахим Мутеферрик), фабрик по производству бумаги, текстиля и керамики. Символом этого периода стал особый вид тюльпана, выведенный в Стамбуле, который начал появляться повсюду: в орнаменте прикладного искусства, в миниатюрах рукописных книг, в декоре архитектуры и конечно же в садах, которые разбивались в то время не только знатью, но и средними слоями общества. На наших надгробиях изображение тюльпана сегодня чаще всего можно встретить на

ханском кладбище. Скорее всего, это мода была заимствована из Порты и нашла своё отражение и в Крыму [17].

Кипарис – дерево, которое чаще всего можно встретить в орнаментике надгробий, архитектуре, вышивке. По общепринятому мнению считается, что темно-зеленая мрачная листва соответствует скорби и грусти. Н. Акчурина-Муфтиева отметила, что «мотив кипариса, служащий символом скорби и знаком вечности, имеет свои истоки в <...> древних традициях сельджукизма, который проник в Крым из Малой Азии и южного Причерноморья [18, с. 27]. Но такое значение этому дереву придавали еще древние греки [19, с. 245–253]. В. Гернгросс считал, что стилизация кипариса или пирамидального тополя является «основным мотивом собственно татарского орнамента...» [20, с. 22]. В суфийской же, философии прямая и устремленная вверх крона кипариса символизирует веру в единство Аллаха, истинный путь и воссоединение с создателем [13, с. 45], возможно, поэтому оно нашло своё отображение и на женских и на мужских надгробиях, так как основным столпом ислама является – вера в единство Аллаха.

Этот символ помимо надгробий изображался и на фонтанах, в мечетях (на михрабе). Фонтан по дороге на Ай-Петри; фонтан Каплан Герая II 1739–1771 г. в Турции (Эдирне-Субаши), мечеть в Аккое (1877–1878), мечеть в Денизли (XVII – XIX вв).

Финиковая пальма (хурма), виноградная лоза – эти растения, описаны в сурах и аятах Корана, где идёт повествование о райских садах [21]. Опираясь на текст Корана, мы считаем, что на надгробиях они изображались с целью пожелания райских благ покинувшему этот мир.

Шестиконечная звезда или гексаграмма – символ известный у многих народов мира, очень древнего происхождения, который можно встретить и на мусульманских надгробиях (предметах обихода, архитектуре, вышивке). В легендах трёх мировых религий шестиконечная звезда, помещенная в круг называется Печатью царя Соломона (в исламском мире известна как, мухр-и Сулейман), которая давала ему власть над джиннами и возможность разговаривать с животными. Существует много разных версий относительно её трактовки, которые в процессе времени менялись по смыслу и содержанию.

Исследователь К. К. Климович заметил: «<...>у знака есть более глубокий и философский смысл: шестиконечная звезда состоит из двух взаимопроникающих треугольников – это идеальный символ устройства мира. Символ будет полным, если его вписать в круг. Это два мира, видимый – явный, и не видимый – параллельный, зеркальный, которые находятся в вечном противостоянии, противоборстве ...это то, что было и что будет; жизнь и иной другой, неведомый мир, куда мы обязательно уйдём» [22, с. 67]. К примеру, изображение шестиконечной звезды на витражах мечети Исми хан, Малой дворцовой мечети в Ханском дворце, надгробия Ханского дворца и Турции (фото 3 и 4).

Следующий символ, который присутствует на надгробиях – многолепестковая розетка (постоянно раскрывающийся цветок). Г. Давлетшин считает такие орнаменты символами солнца. Изображение розетки – эмблема солнца – пожелание добра, удачи, благоденствия [19, с. 245–253]. В суфийской философии многолепестковая

розетка (чаркифелек) символизирует движение земли, устройство мира [16, с. 137]. В переносном значении слово чаркифелек означает – судьбу [23, с. 170].

Таким образом, делая выводы данной работы, можно отметить следующее:

– за основу исследования были взяты надгробные памятники Бахчисарая и относящихся к нему районов, а так же надгробия Турции (города: Эдирне, Стамбул, Бурса);

– всего, рассмотрено более двух тысяч памятников, изготовленных из твердых пород местного известняка;

– все изученные символы, которые наиболее часто встречаются на надгробиях, (в основном) носят религиозный и суфийский смысл.

Хотелось отметить и то, что хотя суфизм нашел широкое распространение на полуострове и было очень велико влияние Османской империи, которое отразилось и на символике надгробий, однако отличительной чертой крымских надгробий является то, что на сегодняшний день среди исследованных памятников, существуют надгробия, аналогов которых нет например: изображение дервишской сумочки на надгробии, женская феска с изображением монеток; надгробие из села Прохладное с изображением геометрических фигур или знаков; надгробие, обнаруженное напротив музея Гаспринского (Малич агъа мезарлыгы), надгробие дервишей орденов Кадирие и Накшбендие (конусовидные шапочки). Эти элементы требуют более детального изучения и ждут своих исследователей.

Список использованных источников и литературы

1. Большая надпись в честь Кюль-тегина / [сост. Л. С. Юнусова]. – Симферополь : Доля, 2004. – 63 с.
2. Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму / О. Акчокраклы // Материалы научно-этнографической экспедиции по изучению крымскотатарской культуры в Крыму 1925 г. – Симферополь, 1927. – С. 32–47.
3. Башкиров А. С. Памятники Крымскотатарской старины : Эски Юрт / А. С. Башкиров, У. А. Боданинский // Новый Восток. – 1925. – №8/9.
4. Боданинский У. Татарское «дурбе»-мавзолеи в Крыму / У. Боданинский // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – 1927. – Т. 1 (58). – С.198–199.
5. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. – 1850. – Т. 2. – С. 429–578.
6. Акчурина-Муфтиева Н. М. Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV-первой половины XX вв. / Н. М. Акчурина-Муфтиева/ – Симферополь, 2008. – 392 с.
7. Гайворонский О. Е. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце / О. Е. Гайворонский. – Симферополь : Доля, 2006. – 64 с.
8. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Эвлия Челеби. – Симферополь : Доля, 2008. – 272 с.
9. Hans-Peter Laqueur. Huvel-Baki. Istanbulda osmanli mezarliklari ve mezaraslari. Tarih Vakfi Yurt Yayinlari : ikinci basim Subat, 2010. – 289 s.
10. Ислам в Крыму : очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е. В. Бойцова, В. Ю. Ганкевич, Э. С. Муратова, З. З. Хайрединова/ – Симферополь : Элиньо, 2009. – 432 с.
11. Лашков Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии / Ф. Лашков. – Симферополь, 1890. – 254 с.
12. Безчинский А. Путеводитель по Крыму / А. Безчинский. – Москва, 1905. – 235 с.
13. Salih el-Istanbuli. Tarikat Kiyafetlerinde sembolizm (Mecmuatuz-Zaraif Sandukatul-Maarif). – Ocak yayincilik, 2002. – 350 s.
14. Грёзы розового сада : из средневековой крымскотатарской классической поэзии [пер.с татар. С. Дружинина ; сост. Н. Абдульваапа]. – Сиферополь : Сонат, 1999. – 88 с.

15. Cetisli I. Tanzimat Sonrası Türk Şiirinde Hazreti Peygamber ve Gül. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yagmurdergisi.com.tr/archives/konu/tanzimat-sonrasi-turk-siirinde-hazreti-peygamber-ve-gul---1>
16. Serap Ozkan. Gec donemde osmanli – Adana mezartaslari 18–20 yy. – Konya, 2007.
17. Refik A. Lale devri. [Электронный ресурс]. – Istanbul, 1932. – Режим доступа: <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/19/1348/15619.pdf>
18. Акчурина-Муфтиева Н. Каменная пластика. Крымскотатарские надгробия XIII–XIX ст. / Н. Акчурина-Муфтиева // Qasevet. – 2007. – № 32. – С. 22–29.
19. Полканова А. Ю. Орнаменти кримських караїмів як фрагмент загальнотюркської культури / А. Ю. Полканова // Література. Фольклор. Проблема поетики. – К., 2009. – Вип. 33, ч. 2 : Українсько-турські культурні взаємини). – С. 245–253.
20. Гернгросс В. Ханский дворец в Бахчисарае / В. Гернгросс. – СПб., 1912. – 32 с.
21. Коран. Сура : Рахман (Милосердный) : 68; 11; Сура: Эль-Вакыя (Событие) : 29; Сура: Ясин : 34.
22. Климович К. К. Во власти символов / К. К. Климович. – М. : Русская правда, 2008. – 160 с.
23. Buyuk Turkce-Rusca sozluk / [hazirlayanlar: A. N. Baskakov, N. P. Golubeva, A. A. Kamileva, K. M. Lyubimov, F. A. Salimzyanova, R. R. Yusipova]. – Istanbul, 1997. – 950 s.

Абібуллаева Э. Э. Символика надгробных камней: порівняльний аналіз матеріалів мусульманських кладовищ Бахчисараю і Туреччини XVII-XIX вв. / Э. Э. Абібуллаева, Ш. А. Эмруллаев // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 3–11.

Стаття є підсумком науково-дослідної експедиції проходившій з 24.06.12 по 1.07.12. Представлений порівняльний аналіз більше 2000 тисяч надгробних пам'яток XVII-XIX вв., що відбуваються з території Туреччини і Бахчисараю. У дослідженні виділені відмітні критерії чоловічих та жіночих надгробків, зроблена спроба інтерпретації використаних на пам'ятниках символів. Особливий інтерес викликають надгробки представників суфійських орденів, які були розглянуті вперше.

Ключові слова: мусульманські надгробки, символика, ісламський містицизм (суфізм), Бахчисарай, Ханське кладовище, Туреччина.

Abibullaeva E. E. Symbolics of Gravestones: Comparative Analysis of the Materials of Muslim Cemeteries of Bakhchisaray and Turkey of 17th-19th centuries / E. E. Abibullaeva, Sh. A. Emrullaev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 3–11.

The article is the result of scientific research expedition that took place from 24/06/12 to 07/01/12.

As the basis for this research saved tombstones of Muslim cemeteries (17-19 centuries) were taken.

They originate in Bakhchisarai and related districts, and cemeteries of Edirne, Istanbul, Bursa (Turkey).

The study of Muslim tombstones in Crimea began in the early 20 century. At the same time the archaeological excavations in Staryi Krym, Otuzy, Bakhchisarai (Eski Yurt) were actively conducted. As a result, description of different types of tombstones and epitaphs transcript were made. Osman Akchokrakly made a great contribution to the study of these monuments. He decoded many gravestones inscriptions in Staryi Krym and Chufut-Khale. In 1927, on the basis of his researched materials an article titled «Tatar tamgi in Crimea» was published. The works of postwar and contemporary reseachers are devoted mostly to ornaments, epigraphy, partial cataloging of these monuments. Nowadays, these monuments are still unexplored to the end. No work to study the symbolism of saved tombstones, full decoding epigraphy and to compose a complete catalog of these endangered witnesses of history and culture was carried out. The article presents a comparative analysis of more than 2000 tombstones of 17–19 centuries. The distinctive criteria of men and women's gravestones are identified; the attempt to interpret the symbols used on the gravestones was made. The tombs of Sufi orders representatives that have been considered for the first time are of particular interest.

Keywords: muslim gravestones, symbolics, islamic mysticism (sufism), Bakhchisaray, Chan cemetery, Turkey.

Поступила в редакцію 01.11.2012 г.

УДК 908:37 (479)

ВТОРОЙ СЪЕЗД ДЕЯТЕЛЕЙ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ И ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПАМЯТНИКООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Акимченков В. В.

*Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК, Киев, Украина
E-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru*

Вводятся в научный оборот воспоминания сотрудницы Севастопольского музея краеведения М. И. Ключниковой о Втором съезде деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, принимавшей в его ходе непосредственное участие. Дана общая характеристика тенденциям советского краеведческого движения в начале 20-х годов XX века.

Ключевые слова: М. И. Ключникова, Кавказ, Черноморское побережье, Батуми, Центральное бюро краеведения.

В 20-е годы XX века наблюдался рост краеведческого движения на территории Советского Союза. Данный факт побудил Академический центр Народного комиссариата просвещения в 1921 году принять меры к урегулированию подобного явления. В декабре этого же года состоялась Первая Всероссийская конференция обществ по изучению местного края, на которой было сформировано Центральное бюро краеведения (ЦБК), находившееся вплоть до 1925 года при Российской академии наук. На него были возложены функции координации краеведческого движения и учета краеведческих сил в стране. Уже первый пробный подсчет показал, что к марту 1923 года в СССР имелось 553 краеведческих обществ, кружков и музеев. В декабре 1924 года была созвана Вторая Всесоюзная Конференция по Краеведению, после которой ЦБК стало самостоятельным учреждением в ведении Главнауки НКП РСФСР. Именно на этом съезде была выработана концепция о необходимости ведения краеведческой работы на основе непосредственной связи с государственными планирующими органами, советской общественностью и научными учреждениями. Под данным лозунгом и протекала вся дальнейшая жизнь краеведческих учреждений.

На 1 марта 1926 года в стране, по данным ЦБК, имелось 1405 краеведческих обществ, кружков и музеев (187 создано до революции), из которых около 75% находилось в пределах РСФСР. Таким образом, в период с 1921 по 1926 годы открылось около 600 краеведческих организаций.

Значительный рост сети краеведческих ячеек привел к поискам на местах организационной структуры краеведческого аппарата, который мог бы регулировать его деятельность в областном, губернском либо уездном масштабе. Первым этапом данного пути явились краеведческие съезды, на которых организационный вопрос разрешался либо избранием самостоятельного бюро, либо учреждением секции при

каком-то местном плановом учреждении, отделе народного образования, или центральной краеведческой организации – в зависимости от местных условий.

Подобная ситуация наблюдалась практически во всех уголках советского государства. Так, не оставался в стороне и Черноморский регион. Уже 12 сентября 1924 года в Сухуми был открыт Первый Съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа. В нем приняли участие виднейшие ученые, общественные деятели и партийное руководство региона: сотрудник Института языка и мышления Карпез Дариспанович Дондуа (1891–1951), сотрудник Российской академии истории материальной культуры Анатолий Несторович Генко (1896–1941), основатель Яфетического института Николай Яковлевич Марр (1864–1934), председатель Совета Народных Комиссаров Абхазии Нестор Аполлонович Лакоба (1893–1936) и др.

Съезд дал толчок к изучению археологического прошлого Абхазии и всего Кубано-Черноморского региона СССР. В ряде резолюций секции истории, археологии и этнографии дана предварительная, хотя и неполная, программа первоочередных работ. Так, было признано за необходимость «начать раскопки в Абхазии с ассигнованием потребленных сумм», приступить к «обследованию всех памятников старины Кубано-Черноморской области», и, в частности, к «детальному обследованию» храмов Москвинского, Ведийского, Лыхненского и Пицундского, к составлению «Corpus inscriptionum Абхазии на всех языках», к сбору в Сухуме, при одной из библиотек, «специального книжного фонда по Абхазии», и, наконец, к «сбору материалов для составления в самом непродолжительном времени археологической карты Абхазии» [1].

На 1925 год было намечено проведение второго съезда, о ходе и значении которого, на данный момент в исторической науке, не существует полноценного представления. На страницах научных изданий той поры встречаются лишь отдельные краткие заметки об его итогах [2]. В этой связи значительный интерес представляют воспоминания сотрудницы Севастопольского музея краеведения Марии Ивановны Ключниковой (06. 02. 1902, Киев – 1998, Севастополь), которая принимала непосредственное участие в ходе вышеупомянутого мероприятия. М. И. Ключникова – краевед, сотрудница Севастопольского музея краеведения. Вплоть до 1998 года проживала в городе Севастополе по улице Героев Бреста, 45. 25 февраля 1988 года «в знак дружеской помощи» передала на хранение в Межшкольный краеведческий музей им. Е. Н. Овена рукопись воспоминаний «II-ой Краеведческий съезд Черноморского побережья и Западного Кавказа» [3].

Согласно поданным заявкам, в съезде изъявило желание принимать участие 181 человек. В их число вошли ученые из Баку, Владикавказа, Иркутска, Кутаиса, Краснодар, Ленинграда, Майкопа, Москвы, Новочеркасска, Свердловска, Сухуми, Тифлиса, Харькова, Ялты и других городов страны. Свои доклады представали – востоковед и археолог Алексей Степанович Башкиров (1885–1963), профессор Института народов Севера Владимир Германович Богораз-Тан (1865–1936), ученый секретарь Комиссии по изучению Якутской АССР Павел Владимирович Виттенбург (1884–1968), языковед и археолог Иван Иванович Мещанинов (1883–1967), заведующий Главнаукой Наркомпроса РСФСР Альберт Петрович Пинкевич (1884–1937), ученый

секретарь ЦБК Даниил Осипович Святский (1881–1940), профессор сравнительного страноведения географического факультета ЛГУ Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942) и др.

Его проведение способствовало изучению материальной и духовной культуры, расширению сети метеорологических и биологических станций на побережье Кавказа и превращению Черноморского региона Грузинской ССР в здравницу Советского Союза.

«Съезд проходил с 25. IX. по 6. [5 (В. А.)] X. 1925 года в г. Батуми.

В Сочи из Армавира мы ехали поездом. Подъезжая к Туапсе утром, состав поезда долго петлял, объезжая гору Индюк и, наконец, вырвался в долину, к далекому Черноморскому простору.

После недолгой стоянки в Туапсе, поезд устремился на юг по берегу моря, к Сочи. Пассажиры, стоя у окон, смотрели вперед на бегущие по над самым высоким обрывом, слегка качающиеся из сторон в сторону вагоны и замирали от страха. – Скорей, скорей мысленно торопили они вагон по извилистой стальной линии, уложенной из шпал у самой кромки высокой насыпи.

Вот передние вагоны неожиданно скрылись за поворотом, туда же стягивался и наш вагон, и жадному взору представились прелестные бухточки и заливы. А слева – рукой подать – стояла высокая стена почти вертикально поднятых на земле горных пород – известняков и мергелей [4].

Вот и Сочи – маленький приморский городок – наш южный форпост северных тропиков нашей необъятной Советской республики, нашей Родины. В городке всего три санатория – «Кавказская Ривьера», «Москва», «Приморский». На всем расстоянии двухчасового пути горы и море были в первозданной тишине, нарушаемой только мчавшимися вдали поездами.

Тогда в центре города было большое болото, в нем стояли и лежали буйволы, облепленные грязью. Это сочинское болото, было, несомненно, знаменитее Миргородской лужи [5]: рядом сверкало ослепительное море. На берегу мы увидели досчатое строение и толпу людей. Чтобы к ним приблизиться, мы должны были круто повернуть влево и обойти это болото.

У берега на песок набегали легкие морские волны. В море были проложены на сваях, без перил, широкие сходни. Ритмично покачивались у свай открытые, емкие, глубокие, широкобокие деревянные лодки – фелюги. На них перевозили пассажиров и груз на пароход и обратно. Пароходы останавливались на рейде из-за мелководья. Во время шторма они минуют Сочи.

Собравшиеся люди удивлялись заброшенности, унылому виду вокруг пристани. Говорили, что летом, когда внезапно в горах начинают быстро таять снега, река Сочинка не вмещает в своих берегах хлынувшие потоки с гор, а если еще с моря ветер, то он гонит обратно в устье реки морскую воду. Вода заливают прибрежную полосу низинной части города, левый берег реки, это болото разливается по Парковой улице до Навагинской улицы. Разливается болото и при внезапных трехчасовых тропических ливнях.

Полюбовавшись морем, мы пошли побродить по городку.

*1. Нестор Аполлонович Лакоба (1893–1936)
Председатель Совета Народных Комиссаров Абхазии*

2. Батуми (20-е годы XX века)

3. Батуми. Торговая площадь (20-е годы XX века)

4. Даниил Осипович Святский (1881–1940)

5. Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1870–1942)

6. Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927)

7. Альберт Петрович Пинкевич (1884–1937)

8. Андрей Николаевич Краснов (1862–1914)

Смотреть нечего. Поднялись по Платановой улице вверх. Пыльная дорога. По обеим сторонам по одному двухэтажному домику, далее огороды с бодылками подсолнечника, кукурузы, картофельной ботвы. Высокие сосны, незнакомые деревья, кустарники. Вот овраг справа, глубокий, до самого берега моря. Через овраг широкий деревянный мост. Мы перешли мост. Вправо недалеко церковь. Сколько мы ни шли никто – не пеший, ни проезжий не попадались. Глухое незнакомое место. Мы побоялись идти дальше и повернули обратно. Ночевали мы на квартире у хозяйки на Навагинской улице. Прошло несколько десятилетий, еще до Великой Отечественной войны, в Сочи – Мацеста – стал курортом мирового значения, а пристань его стала одновременно принимать несколько океанских лайнеров.

... Утром мы сели на пароход. На пароходе мы узнали, что из России на съезд едут с нами много русских ученых. Изрезанный бухточками берег внезапно открывал взору толпившихся на палубе пассажиров разнообразные картины живой кавказской природы. Когда скрылась от нас Гагра с ее дворцами, с ее глубоким, узким в горе приходом какой-то речушки, с раскопками, с пальмами на Приморском бульваре, все пассажиры единодушно решили, что Гагры самое прекрасное место на побережье.

От Сухуми пароход шел очень далеко от берега.

Было уже за полдень. Я одиноко стояла на узком проходе у правого борта парохода. Пароход быстро рассекал бурные темно-синие, тяжелые волны... Вправо до бесконечности – одна серо-колышущаяся даль.

Смелый, одинокий пароход, бесстрашно ныряющий носом в волны, отодвигал мое сознание от всего прошлого, всего существующего и захватывал мою душу неизъяснимым чувством вечности, первоздания... Вот так – уносишься вперед...

- Где вы? Я Вас везде искала. Скорее, - раздался за мной голос моей спутницы. И она потащила меня на левую палубу.

Там толпились все пассажиры и жадно смотрели в сторону, на едва-едва различимые на горизонте темные полосы гор.

- Вот!... Ах!... Смотрите!... Дай скорей бинокль!... – раздалась возгласы.

- Ах!... Увы!... Уже все!... и восторг сменился сожалением.

Пассажирам очень посчастливилось увидеть с моря цепь снежных вершин Главного Кавказского хребта. А это для плавающих по морю – редчайшее явление: сочетание соответствующего освещения солнца и пребывание парохода в данной точке на море.

Позднее я увидела подобную картину художника [И. К.] Айвазовского в музее. Но трепет и восторг от живой природы остался у меня навсегда.

... В солнечное утро 24 сентября мы приближались к Батуму. Батумская бухта была больше Новороссийской. В бухте стояло много иностранных кораблей.

В бездонные трюмы текла рекой кубанская пшеница, исчезали тюки, бочки масла, шерсти, туши скота. Советская республика во время НЭПа, начинала свой экспорт, утверждала свою деятельность и жизнеспособность. Политика, по В. И. Ленину, есть экономика...

С нашего парохода пассажиры увидели на пристани огромную толпу встречающих.

Вот пароход тихо, медленно-медленно приближается к пристани и раздается оглушительная музыка духового оркестра, рукоплескания, возгласы. Подали трап, на пароход взошли врач и портовое начальство. В это время шли радостные возгласы с пристани между встречающимися и пассажирами.

Делегаты Краеведческого съезда образовали отдельную группу и когда мы сходили первыми с парохода, опять грянул торжественный оркестр, раздались возгласы, рукоплескания и объятия.

Членов съезда стали развозить по гостиницам на двух автомобилях. Несколько женщин посадили в шестиместный автомобиль – открытый, черный, низкий и старый. Вскоре автомобиль остановился у двухэтажного старого, длинного дома с балконом и большой вывеской по фронту: «Гостиница Ной».

Нас двоих повели по коридору первого этажа. На одной двери я с изумлением прочла табличку:

«Ключникова М. И., Пирожникова М. Ф. [б]»

Нам двоим предоставили комнату.

Рано утром нас разбудили гортанные возгласы на незнакомом языке. Выглянув в открытое окно, мы ясно увидели совсем близко от гостиницы мечеть с минаретом. На плоской крыше на ковре стоял на коленях муэдзин в черном облачении. Это он, простирая руки к небу, к восходящему на востоке солнцу, призывал правоверных Аллаха к утренней молитве...

Мы очень этому изумились...

Отдохнув, мы отправились зарегистрироваться. Моя спутница – пожилая, тонкая женщина, учительница Мария Федоровна из Армавира записалась в секцию истории, этнографии, а я – в естественноисторическую.

Вечером для участников съезда был устроен роскошный банкет на первом этаже какого-то здания.

В работе съезда принимали участие ученые, профессора, специалисты-делегаты советских республик: 1. Российской, 2. Украинской, 3. Армянской, 4. Грузинской с автономными союзными республиками – Абхазской, Аджарской, Осетино-Балкарской, 5. Азербайджанской с автономными областями – Нахичевань на Араксе, Нагорно-Карабахской.

На съезде присутствовали делегаты из Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Казани, Владикавказа, Новороссийска, Майкопа, Армавира, Тифлиса, Ялты, Еревана, Баку, Гагры, Сухуми, Нахичевани на Араксе.

Необходимо отметить следующий удивительный факт. На съезде участвовали крестьяне-аджарцы и рабочие.

Руководители организации съезда решили с самого начала подготовительных работ привлечь к активному участию крестьян.

С незапамятных времен труженики полей – крестьяне-аджарцы были отстранены от участия в общественной жизни своей Родины. Как круто изменилась их жизнь вместе с изменениями их Родины после Великого Октября!

Руководители краеведческого съезда справедливо полагали, что крестьяне обсудят самые важные, самые необходимые нужды по сельскому хозяйству.

Какая гордость [для] аджарца участвовать в этом съезде!

Организационный комитет послал в исполком селений приглашения. На съезд прибыло около 200 человек крестьян.

Непосредственное их участие в съезде создало огромный толчок к понятию и усвоению коренных перемен жизни всей страны. И не только познать эти перемены, но, главное – участвовать в строительстве новой жизни.

На съезде было зарегистрировано 442 делегата, в том числе 52 женщины: 36 грузинских и 16 русских научных сотрудников.

Включение женщин-грузинок делегатами, тоже весьма значительный факт времени. Это победа равноправия женщин – их первый шаг в общественной деятельности.

Из Ленинграда приехало 17 человек ученых, из Москвы – 10 человек, из Краснодара – 6, в том числе профессора КСХИ [Кубанского сельскохозяйственного института (В. А.)] В. И. Смирнского [7], заведующего отделом метеорологии Кубанского [сельскохозяйственного] института Леонида Яковлевича Апостолова [8] и автора-студентку II курса КСХИ.

Съезд являл собой олицетворение живой связи Правительств республик с учеными и трудовым народом – рабочими и крестьянами. Государственные органы придавали огромное значение краеведческой работе. Это отличительная черта советского краеведения от краеведения капиталистических стран и старой царской России.

Правительство советских республик не только поддержало съезд политически, организационно, но и его члены лично принимали участие в работе съезда.

... Торжественное открытие II-го Краеведческого съезда проходило 25 сентября в Батумском государственном театре в 7 часов вечера.

Председатель Распорядительного комитета Я. П. Сулаберидзе, при наличии 304 членов съезда объявляет съезд открытым и предоставляет слово для приветствия от имени Правительства АССР председателю Центр[ального] исполнительного комитета [Аджаристана (В. А.)] О[сману Хулусовичу] Моцкобили.

В своей короткой речи О. [Х.] Моцкобили отметил, что этот день – радостный день для маленького Аджаристана. «Мы впервые в истории принимаем у себя посланцев Советского Союза – они – ученые изъявили желание помочь своими советами как лучше использовать природные богатства страны. От имени ЦИКа и Совнаркома он благодарил участников съезда. «Добро пожаловать!» – заключает он под аплодисменты всего зала свою речь.

Среди избранного состава Президиума съезда были: Святский Д. О. [9], ученый секретарь Центр[ального] бюро краеведения СССР, Штернберг Л. Я. [10], профессор, представитель академии наук, Семенов-Тянь-Шанский В. П. [11], профессор, профессор Ленинградского гос[ударственного] университета, директор Центра Географического общества, Пинкевич А. П. [12], представитель Наркомпроса РСФСР, ректор 2-го Московского университета и зам[еститель] зав[едующего] Главнауки РСФСР, Кекелидзе К. С. [13], профессор Тифлиского гос[ударственного] университета, Канделаки Д. В. [14], представитель Совнаркома Грузии и Наркомпроса, Сулаберидзе Я. П. – председатель Госплана Аджаристана; Цкитишвили Г. С. [21] Директор ботанического Союза. За столом президиума сидело несколько крестьян аджарцев.

После приветствий прошли выборы в Президиум съезда. Работа съезда проходила в шести секциях.

- Организационно-краеведческая и народного образования.
- Истории, географии, этнографии и археологии.
- Естественнонаучная [с подсекциями – (В. А.)].
- Народного здравоохранения и курортного дела.
- Сельскохозяйственная и статистико-экономическая.
- Промышленно-строительная.

... Состав съезда был внушительный. Тематика докладов обширная – от докладов, касающихся общих теоретических вопросов, как, например, о Яфетической теории [Н. Я.] Марра (Л. Я. Штернберг, И. И. Мещанинов), проблемы геологической истории Черноморского, Азовского и Каспийского бассейнов (В. В. Богачев); научно-практических задач – изучение стратиграфии и тектоники при пересечении Главного Кавказского хребта и Закавказья (В. В. Богачев), до практических задач курортного дела, просвещения, здравоохранения, промышленности и сельского хозяйства. В докладах давались подробные предложения.

Было прослушано во всех секциях 162 доклада на русском и грузинском языках (больше на русском).

При регистрации я записалась в естественнонаучную секцию. В первой секции организационно-краеведческой и народного образования было 25 докладов, все на русском языке.

А. П. Пинкевич дал три доклада:

1. Задачи и организационные формы краеведческого движения.
2. Проблемы краеведения и принципы краеведческой работы.
3. Краеведение и школа.

В тезисах по докладам А. П. Пинкевича отмечалось, что краеведение – есть способ комплексного использования всех наук, для изучения края в целом, как предпосылка к познанию основных законов и основных действующих причин общественного развития. Содержание краеведческой работы – исследование природы, производства человека, быта, идеологии. Такой подход к краеведению практически подготовил почву для развития производственной, научной и просветительской деятельности, использование на местах школ, педагогов, агрономов, местное население.

По работе секции была дана развернутая резолюция, которую А. П. Пинкевич предложил на утверждение четвертого заключительного заседания съезда.

Советское краеведение – как раздел науки – это детище Великого Октября.

Мы не брали за образец краеведение капиталистических стран чуждое истинному пониманию его задач.

Краевед-интеллигент в большинстве ранее собирал на земле дефицитные растения, камни. Его собрания хранились в пыли музеев. Он, найдя шедевр древнего искусства, вывозил его тайком в свои дворцы или на продажу, в личных корыстных или в целях своей наживы. Он извлекал хищнически из недр земли дары природы.

«Краеведение» – это было хищническое присвоение в пользу капитала, завуалированное легкой любознательностью.

Старые идеалистические, индивидуалистические формы «Краеведения» должны быть отброшены.

В основу советского краеведения положен материалистический и естественноисторический подход к работе. Советский краевед руководствуется заботливой любовью к человеку, бережной любовью к природе и творениям рук человеческих!

Музеи, выставки открыты всем бесплатно для изучения.

Краеведение не только полезно в изучении местности, но и в развитии всей республики – ее электрификации, преобразовании сельского хозяйства и промышленности.

Мы трое – Л. Я. Апостолов, Мария Федоровна Пирожникова – учительница из Армавира и я слушали доклады на русском языке.

В естественнонаучной секции 23 доклада. В том числе два доклада Л. Я. Апостолова.

1. О распределении осадков в зависимости от рельефа местности высокогорных долин Кубано-Черноморской области.

2. Род метеорологических аномалий 1924–1925 г[г]. и практические результаты их влияния для Кубано-Черноморской области.

А также В. В. Богачева [15]. Проблемы геологической истории Азовского, Черноморского и Каспийского бассейнов.

Н. М. Кипиани. Геология Гурии и Мингрелии.

В. А. Водяницкого [16]. «О деятельности Новороссийской Биологической станции».

Из доклада Л. Я. Апостолова выяснилось, что распределение осадков далеко не точны. Необходимо в высокогорных местах организовать метеорологическое наблюдение.

Причины [последствия – (В. А.)] аномалий – вымерзание южных культур, хлебных посевов, понижение урожайности заключается а малой изученности климата Черного моря.

Из доклада В. В. Богачева:

Время образования котловины Черного моря не выяснено. Зоогеографические данные для Крым[а] и малоазиатского побережья заставляют считать эту котловину очень молодым образованием. Находка кладбища крупных млекопитающих в Севастополе (в Сарматском ярусе) говорит о близости какой-то крупной суши. Характерное чередование сарматского, Понтийского, Каспийского и особенно типов фауны проходит через всю неогенную историю наших южных морей.

Интересен был доклад профессора А. А. Твалчреидзе [17] «Сходство минералогического мира окрестностей Тифлиса и Батума».

В секции по народному здравью и курортного дела было семь заседаний. 26 докладов, из них 12 по-русски. Темы – по малярии, курортному вопросу, о минеральных источниках Аджаристана, физиотерапии Грузии, по борьбе с зобом и кретинизмом, об антикилостомииазе в Грузии, о пеллагре.

Доклад доктора В. И. Оленова «О природных целебных богатствах Апшеронского полуострова», и Верхне-Аждарских минеральных источниках, профессора И. Г. Кутетеладзе «О Атропа Белладонна». Почва и климат Грузии – в частности Аджаристана, чрезвычайно подходит для разведения лекарственных растений. Целесо-

образно широкое разведение не только для внутреннего рынка, но и как предмет вывоза за границу.

В секции сельскохозяйственной темы докладов – 11 на русском, 12 по-грузински были: о состоянии и организации сельского хозяйства в Аджарии и на Черноморском побережье, о субтропических культурах и их экономическом значении, на русском языке были прочитаны доклад А. М. Василевского «Сельское хозяйство Черноморского побережья и его перспективы», К. С. Ильяшенко «Чай».

В промышленно-строительной секции из докладов на русском языке 12.

С. Горбунов – О путях развития горного дела в Аджаристане, М. А. Фукс «Бакинская нефтяная промышленность и ее значение для Аджаристана».

Джунковский Н. Н. [20] и содоклада Валединского В. В. (инженеры) доклад «О портовом строительстве в Грузии, Батуми–Гагра».

Прслушаны были доклады русских женщин:

Н. Т. Ивановской «Стилистическая характеристика искусства бронзовых доисторических пряжек музеев Тифлиса».

Е. А. Никольской «Фрески Набахтеви» (памятник архитектуры). Фрески имеют надписи на греческом и грузинском языках.

Е. А. Никольская «Миниатюры червероглава, заказанного в Риме Хемшицем. Армянский священник Степан из Хемщина заказал в Риме для рукописи украшения-миниатюры, [автор – (В. А.)] обнаружила влияние искусства Востока, Персии.

Заключительное заседание съезда проходило 1-го октября в здании Государственного театра. Председательствовал тов[арищ] Хасан Лордкипанидзе [18]. А. П. Пинкевич подробно ознакомил съезд о сущности всех докладов по секциям и представил на утверждение резолюцию по вопросу о задачах и организационных формах краеведения: заложен твердый научный фундамент, идеально достигнуто здесь, на съезде, совместная работа ученых и крестьян, принимавших участие. Они своими мозолистыми руками царапвли предложения и вопросы. На съезде отмечалось, что Аджаристан являлся когда-то колыбелью грузинской науки. По известным историческим условиям в течении 400 лет в смысле развития своей культуры он представлял из себя младенца в колыбели. Но, как представил съезд, теперь младенец вылез из колыбели и старается встать на свои ноги. Съезд с помощью дружественных народов Республики дал большой толчок его развитию. Он поздравляет съезд с успехами... да здравствуют члены съезда, да здравствует Советская власть, создавшая прочную базу единения науки и труда.

Съезд оглушается бурными аплодисментами.

А. П. Пинкевич приглашает поблагодарить правительство Аджаристана за гостеприимство.

Съезд закрывается. Аплодисменты. Все встают и поют Интернационал.

Экскурсии. Состоялись экскурсии на строящуюся Аджарис-Цхасевскую гидроэлектростанцию в 20 верстах от Батума [в Махунцети – (В. А.)]. Поездка на автомобилях. Экскурсия в ботанический сад и Чаквинское народное имение (чайные плантации и фабрики) – поездом. Поездка на море в Гори, пограничные селения Сарпы.

Участники остались весьма довольны экскурсиями, все осмотренное произвело на нас прекрасное впечатление.

Члены съезда осматривали краеведческую выставку, на которой хорошо были представлены отдел субтропической культуры продукции государственной и кустарной промышленности, статистический материал, бытовой отдел, народного просвещения, здравоохранения.

В ранний период утверждения Советской власти в отдельных многонациональных районах огромной территории съездом укрепилась связь центрально-политических культурных сил. Это имело огромное положительное значение.

Все члены съезда получили не только интересный материал, но и то, что важно, – крепкую между собой дружбу, общие цели дальнейшей работы.

На II Краеведческом съезде были утверждены резолюции по многим докладам – постановления, пожелания, предложения и т. п. В том числе как, например, следующее:

1. Необходимо достойно отпраздновать в 1929 году 300-летний юбилей грузинского книгопечатания, обследование, сбор и издание о памятниках духовной и материальной культуры Аджаристана.

2. Превращение Пицундского мыса в заповедник – разнородный памятник древней культуры Грузии.

3. Расширить сеть метеорологических и биологических станций на побережье Кавказа.

4. Проведение и углубление работы по исследованию края, в частности перспективного развития в Аджарии субтропических культур и чая, как основы крестьянского хозяйства.

5. Открыть физиотерапевтический институт для оздоровления не только для Батума, но и как всей страны в субтропическом благоприятном для здоровья крае.

6. Сооружение на р. Риони у Кутаиси гидроэлектростанции и создание магистральной линии передачи и распределения энергии по всей Грузии от строящихся гидроэлектростанций.

7. Усилить оздоровительные мероприятия по уничтожению местных эпидемических заболеваний (зоб, пеллагра, малярия и т. п.).

8. Участвуя в проведении Всесоюзной конференции в 1926 году, заранее проработать своеобразный материал по вопросам местного значения и выслать в комиссию по переписи.

Большое, приятное, познавательное впечатление оставил осмотр [Батумского – (В. А.)] ботанического сада, основанного А. Н. Красновым [19]. На огромной площади создано 5 отделов различных регионов нашей Земли – с естественной растительностью: Север, Тундра, Япония, Африка, Южная Америка – саванны, прерии, пампасы, реликтовые араукарии, плодоносящие финиковые пальмы и бананы, светлые и черные стволы бамбуков высотой до 15 – 20 метров, низменности с деревьями, перевитые лианой; высокогорные пастбища и... вершины вечных снегов – вот тут, казалось, рукой достать... Осмотр занял весь день, хотя бегло, на ходу, к сожалению. Живые экспонаты были вывезены из различных стран и океанических островов».

Руководящая, организационная, методологическая работа Главнауки Наркомпроса РСФСР, взаимодействие с ЦБК, как с полномочным представителем интересов центральных профильных органов, создала благоприятные условия для развития плодотворной научно-исследовательской работы краеведческих организаций и объ-

динений в 20-е–30-е годы XX века. В свою очередь, Второй съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа дал толчок к изучению археологического прошлого всего Черноморского региона СССР. В ряде резолюций секции истории, археологии и этнографии была заложена предварительная программа первоочередных работ. Все это нашло свое отражение и в работах по охране исторических памятников Крыма.

Примечания

1. См. подробнее: Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа / Абхазское научное общество. – Сухум, 1924. – № 3 ; Постановления и резолюции второго съезда Черноморского побережья и Западного Кавказа. – Батум, 1925.

2. А. Б. II-ой съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа / А. Б. // Новый Восток. – 1925. – № 10/11. – С. 376–377.

3. Архив Межшкольного краеведческого музея им. Е. Н. Овена, Ключникова М. И. Второй краеведческий съезд Черноморского побережья и Западного Кавказа, 14 л. См. об этом: Акимченков В. В. «Академия в миниатюре» : Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / В. В. Акимченков ; под ред. А. А. Непомнящего ; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского, Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – К. ; Симферополь : АнтикВА, 2012. – 120 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 17).

4. Мергель – осадочная камнеподобная горная порода смешанного глинисто-карбонатного состава.

5. «Миргородская лужа» – пруд в центре г. Миргород (Полтавская обл., Украина), рядом с Успенской церковью, увековеченный Н. В. Гоголем как «Миргородская лужа» в повести «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

6. Мария Федоровна Пирожникова – в 20-е – 30-е гг. XX в. учительница истории в городе Армавир. С 1941 по 1945 – заведующая лабораторией технических культур Северокавказского отделения Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (Армавир).

7. Василий Иванович Смирнский (06. 03. 1887 – 19. 01. 1970). Родился в г. Новочеркасск (Ростовская обл.). Окончил Московский коммерческий институт (1912). Профессор (1924), доктор экономических наук (1938). Автор многих научных работ по теории и практике сельскохозяйственной статистики. С 1919 по 1920 – заведующий отделом статистики Наркомпрода, Кубанско-Черноморским областным статистическим бюро. Преподавал статистику в Кубанском сельскохозяйственном институте. Работал в секторе статистики Наркомзема СССР (1932). На научно-педагогической деятельности (1936–1970): в Московском государственном университете экономики, статистики и информатики (МЭСИ) – профессор, заведующий кафедрой сельскохозяйственной статистики (1937), профессор-консультант (1957). Преподавал в Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

8. Леонид Яковлевич Апостолов (5. 04. 1865, станица Ладожская, Кубанская губ. – 1932) – сын священника, директор Глуховской мужской гимназии. Учитель географии и космографии в Глуховской женской гимназии с 1912 по 1917 гг. В 20-е гг. XX в. заведующий метеорологического отделения Кубано-Черноморского научно-исследовательского института. Был награжден орденом Святого Владимира 4 степени. Главный научный труд – «Географический очерк Кубанской области» (1897). Скончался в 1932 г.

9. Даниил Осипович Святский (14. 09. 1881, Севск – 29. 01. 1940, Актюбинск) – советский астроном, метеоролог. Родился в г. Севск (ныне Брянская область). Был активным участником Русского общества любителей мироведения (РОЛМ) и Центрального бюро краеведения (ЦБК). Ученый секретарь, руководитель фенологической секции и заместитель председателя ЦБК. 27 марта 1930 г. был арестован по делу РОЛМ и осужден на три года, после чего направлен на строительство Беломорско-Балтийского канала. В 1932 г. его освободили, а через три года выслали в Алма-Ату, и в 1937 г. уволили «за невозможностью использования». Умер в Актюбинске. Самый большой труд Д. О. Святского – «Очерки истории астрономии в Древней Руси» – был опубликован лишь спустя 20 лет после смерти автора. См. о нем: Бронштэн В. А. Разгром Общества Любителей Мироведения / В. А. Бронштэн //

Природа . – 1990. – № 10. – С. 122–126 ; Он же. Даниил Осипович Святский (1881–1940) / В. А. Бронштэн // Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. – М. : Русская панорама, 2007. – С. 16–24.

10. Лев Яковлевич Штернберг (Хаим-Лейб) (21. 04. (3. 03) 1861, Житомир – 14. 08. 1927, Дудергоф, близ Ленинграда) – российский и советский этнограф, член-корреспондент АН СССР по отделу палео-азиатских народов (1924). Профессор Петербургского университета (1918). Арестован 8 февраля 1921 г., но был освобожден по личному ходатайству Максима Горького.

11. Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский (17. 03. (8. 04.) 1870, Спб. – 8. 02. 1942, Ленинград) – русский географ, автор фундаментальных работ по районированию, городскому и сельскому расселению. С 1922 г. профессор сравнительного страноведения в Географическом институте и Педагогическом институте им. А. И. Герцена (г. Ленинград). С 1925 г. профессор сравнительного страноведения, антропогеографии и методологии районирования на географическом факультете ЛГУ.

12. Альберт Петрович Пинкевич (1884–1937). В 1909–1914 гг. преподавал естествознание в Вольской учительской семинарии и Вольском кадетском корпусе Саратовской губернии, в 1914–1917 гг. – в Тенишевском техническом училище (Петроград). В 1917 г. председатель Новгородского губернского съезда Советов, заместитель председателя Государственного комитета по образованию. Избирался профессором и ректором Петроградского педагогического института. С осени 1921 г. – на посту председателя Комитета по улучшению быта ученых. С 1923 г. жил в Москве, выполнял ответственные работы в Наркомпросе. В 1924–1925 гг. являлся главой Российского общества по изучению Крыма. С 1924 г. исполнял обязанности заведующего Главнаукой. В 1937 г. репрессирован. Реабилитирован в 1956 г. См. о нем: Пинкевич А. П. // Педагогическая энциклопедия. – М., 1966. – Т. 3. – С. 388–389 ; Политические деятели России, 1917 : биограф. словарь. – М., 1993. – С. 250–251.

13. Корнилий Самсонович Кекелидзе (18. (30). 04. 1879 – 07. 06. 1962) – исследователь памятников древнегрузинской церковной письменности, протоиерей. Один из основателей Тбилисского университета (1918), профессор. Академик АН Грузинской ССР (1941). В 1942–1949 – директор Института грузинской литературы им. Ш. Руставели. Автор «Истории грузинской литературы» (т. 1–2, 1923–1924).

14. Давид Владимирович Канделаки (1895–1938) – советский государственный деятель, дипломат, доверенное лицо Иосифа Сталина. Родился в 1895 г. в с. Кулаши, Кутаисского уезда и губернии. С 1918 г. член РКП(б). Нарком просвещения Грузии в 1921–1930 гг. С 1930 г. заместитель народного комиссара в Наркомате внешней торговли СССР. Торговый представитель Советского Союза в Швеции (1934) и Германии (1935–1937). По заданию И. В. Сталина, и от его имени, вел секретные переговоры с А. Гитлером (в обход МИД, ИНО ОГПУ, ГРУ). В 1937 г. награжден орденом Ленина. Арестован 11 сентября 1937 г. в Москве. 20 июля 1938 г. приговорен к расстрелу за участие в контрреволюционной террористической организации («Москва-Центр»). Расстрелян 29 июля 1938 г. на спецобъекте «Коммунарка». Реабилитирован 26 мая 1956 г.

15. Владимир Владимирович Богачёв (1881–1965) – советский геолог, палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук (1937). В 1920–1930 гг. профессор Азербайджанского политехнического института, Азербайджанского и Ростовского государственных университетов. С 1943 по 1953 гг. репрессирован, после чего работал в различных учреждениях Новосибирска, Симферополя и Баку.

16. Владимир Алексеевич Водяницкий (24. 12. 1893, Константинополь, ныне г. Красноград Харьковской обл. – 30. 11. 1971, Севастополь) – биолог. Доктор биологических наук (1934), профессор (1941), член-корреспондент АН УССР (1957), заслуженный деятель науки УССР (1968). Окончил Харьковский университет (1916). В 1921 г. совместно с профессором В. Арнольди организовал Новороссийскую биологическую станцию, руководил которой до 1931 г. Дальнейшая деятельность ученого связана с Севастопольской биологической станцией, реорганизованной в 1963 г. в Институт биологии южных морей им. А. О. Ковалевского НАН Украины: заместитель директора (1931–1938), директор (1944–1963), директор Института (1963–1968). См. о нем: Владимир Алексеевич Водяницкий : к 75-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности // Гидробиологический журнал. – 1968. – Т. 4. – № 3. – С. 81–84 ; Дехник Т. В. Владимир Алексеевич Водяницкий / Т. В. Дехник, М. И. Киселева // Биологическая продуктивность южных морей. – К., 1974. – С. 5–21 ; Водяницкий В. А. // История Академии наук УССР / АН УССР. – К., 1979. – С. 751 ; Воройська А. В. Життя, присвячене морю / А. В. Воройська ; АН УССР. – К., 1977. – 48 с.

17. Александр Антонович Твалчремидзе (1881–1957) – минеролог и петрограф, академик АН Грузинской ССР. Возглавлял кафедру минералогии и петрографии Тбилисского государственного университета. В 1929 г. основал (и руководил до 1957 г.) Кавказский институт минерального сырья. В честь

А. А. Твалчреמידзе назван минерал – твалчрелидзеит. Текст доклада, озвученный на Втором съезде деятелей по краеведению – «Сходство минерального мира окрестностей Тифлиса и Батуми» был опубликован в 1926 г. на страницах «Трудов Краевого съезда естествоиспытателей».

18. Хасан Лордкипанидзе (1888–1937) – один из деятелей Комитета освобождения мусульманской Грузии, председатель Меджлиса Аджарии с 6 июня по 4 сентября 1921 г.

19. Андрей Николаевич Краснов (27. 10 (8. 11). 1862, Петербург – 19. 12. 1914 (1. 1. 1915), Тбилиси) – российский ботаник и географ. Окончил Петербургский университет (1885). Профессор Харьковского университета (1889–1911). Брат генерала Русской императорской армии и участника Белого движения Петра Николаевича Краснова. Основал Батумский ботанический сад в 1880 г., который был официально открыт 3 ноября 1912 г. Главной задачей сада Краснов считал акклиматизацию хозяйственно ценных субтропических растений и введение их в культуру южных районов России. После установления в Грузии Советской власти, ботанический сад продолжал развиваться. Постановлением Совнаркома СССР от 30 июля 1925 г. Батумский ботанический сад признан основным научным учреждением Советского Союза по развитию на Черноморском побережье Кавказа субтропических культур: чая, citrusовых и др. См. о нем: Вернадский В. И. Памяти А. Н. Краснова / В. И. Вернадский // Природа. – 1916. – № 10. – С. 1177–1184.

20. Джунковский Н. Н. (25. 06. 1893, хутор Бабенков-Яр, Богудухского уезда Харьковской губ. – ?) – инженер-строитель, сотрудник Тифлисского государственного политехнического института. Сфера интересов: строительная механика, статика сооружений.

21. Цкитишвили Григорий Семенович (13. 12. 1889, Зестафони, Грузия – ?) – агроном, директор Батумского ботанического сада и опытной станции при нем. Сфера интересов: акклиматизация субтропических растений.

Акімченков В. В. Другий з'їзд діячів з краєзнавства Чорноморського узбережжя та Західного Кавказу: невідомі сторінки історії пам'яткоохоронної діяльності / В. В. Акімченков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 12–29.

До наукового обігу вводяться спогади співробітниці Севастопольського музею краєзнавства М. І. Ключникової про Другий з'їзд діячів з краєзнавства Чорноморського узбережжя та Західного Кавказу, яка приймала у ньому безпосередню участь. Дана загальна характеристика тенденцій радянського краєзнавчого руху на початку 20-х років ХХ століття.

Ключові слова: М. І. Ключникова, Кавказ, Чорноморське узбережжя, Батумі, Центральне бюро краєзнавства.

Akimchenkov V. V. The second congress of figures on study of local lore of the Black Sea coast and the Western Caucasus: unknown pages history protection of monuments / V. V. Akimchenkov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 12–29.

Memories of the employee of the Sevastopol museum of study of local lore of M. I. Kljuchnikovoj on the second congress of figures on study of local lore of the Black Sea coast and the Western Caucasus, taking in its course direct part are published. The general characteristic is given a condition of the Soviet movement of regional studies in the early twenties of the XX-th century. In 20th years of the XX-th century spontaneous growth of movement of regional studies in territory of Soviet Union was observed. The given fact has induced the Academic center of the National commissariat of education in 1921 to take measures to settlement of the similar phenomenon. In December of the same year the First All-Russia conference of societies on studying of local edge on which the Central bureau of study of local lore, were has been generated up to 1925 at the Russian Academy of Sciences has taken place. Functions of coordination of movement of regional studies have been assigned to it and the account of forces of regional studies in the country. Already the first trial calculation has shown that by March, 1923 in the USSR there were 553 societies of regional studies, circles and museums. In December, 1924 the Second All-Union Conference on Study of local lore after which Central bureau of study of local lore became independent establishment under the authority of Glavnauki of RSFSR has been called. At this congress the concept about necessity of conducting work of regional studies on the basis of a direct connection with the state planning bodies, the Soviet public and scientific institutions has been developed. Under the given slogan all further life of establishments of regional studies also proceeded. Con-

*ВТОРОЙ СЪЕЗД ДЕЯТЕЛЕЙ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ
И ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ...*

---

siderable growth of a network of cells of regional studies has led to searches on places of organizational structure of the device of regional studies which could regulate its activity in regional, provincial or district scale. The first stage of the given way were congresses of regional studies on which the organizational question was resolved or election of independent bureau, or section establishment at any local planned establishment, national education department, or the central organization of regional studies – depending on local conditions.

Keywords: M. I. Kljuchnikova, Caucasus, Black Sea coast, Batumi, Central bureau of study of local lore.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

УДК 75 (477.75)

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПАНОРАМЫ «ШТУРМ ПЕРЕКОПА»

Андреева Л. Ю.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: Lv.scs@mail.ru*

Рассмотрено участие академика Н. С. Самокиша в разработке одной из ключевых тем героических побед Красной Армии в годы Гражданской войны. Основное внимание уделено истории создания панорамы «Штурм Перекопа» и роли художника в становлении советского батального искусства. Проект «Штурм Перекопа» был посвящен самой блестящей победе над Врангелем – Перекопско–Чонгарской операции советских войск Южного фронта под руководством М. В. Фрунзе. Коллектив художников осуществил эту задачу. В работе принимали участие: М. Б. Греков, Г. К. Савицкий, В. П. Ефанов, Г. Н. Горелов, П. С. Добрынин, В. В. Мешков, М. И. Авилов, П. И. Котов и другие.

Ключевые слова: панорама, диорама, «Штурм Перекопа», Н. С. Самокиш.

Исследование жизни и деятельности выдающихся людей позволяет нам по-новому понять историю страны, обогатив ее неизвестными подробностями и личностными переживаниями. Осмысление собственной истории и обобщение опыта приводит к необходимости персонифицированного восприятия ключевых моментов в процессе развития научных знаний. Научная биография становится неотъемлемой частью истории науки и позволяет оценить как роль личности, так и историко–научный материал, являющийся неотъемлемой частью социокультурного и социально–политического контекста конкретного региона и отрасли знаний, что обуславливает ее актуальность.

Н. С. Самокиш – академик, профессор мастерской батальной живописи Императорской Академии художеств в зрелые годы оказался перед важнейшим выбором, определившим всю его дальнейшую судьбу. Художник, жизнь которого поделилась на до и после 1917 г., смог выстоять, найти свое место в истории и искусстве. К. Буревий, обобщая дореволюционную деятельность академика, отмечал, что «лихо баталістові, коли його тема дрібніша за його талант. В оцьому саме полягає трагедія М. С. Самокиші» [1, с. 2]. Рисунки и картины из истории русско–японской и первой мировой войны не позволили художнику «прогреметь на весь свет», потому что не отвечали чаяниям простого народа и не принесли победу и славу русскому оружию. Н. Г. Бурачек, А. И. Полканов, В. Я. Ткаченко, В. Ф. Яценко, Н. И. Лapidус, В. С. Немцова, исследовавшие творчество советского периода Н. С. Самокиша, отмечали, что тема героических побед Красной Армии, стала для него ключевой на протяжении всей последующей жизни [2]. Я. П. Бирзгал связывал подлинный подъем в творчестве Н. С. Самокиша с «Великой Октябрьской социалистической революцией, раскрепостившей художественную и научную мысль нашей страны от тяжелых пут

феодално-буржуазной идеологии» [3, с. 33]. Художник оказал значительное влияние на формирование советского батального и исторического искусства.

Целью данного исследования является раскрытие исторического аспекта создания панорамы «Штурм Перекопа» и основной темы в творчестве Н. С. Самокиша, социально-политические условия, складывавшиеся в 20–30-е г. XX в. и анализ влияния, оказанный художником, на становление советского батального и исторического искусства.

События Гражданской войны стали для молодого советского государства одним из ключевых звеньев внутренней политики. Многочисленные конкурсы и выставки, организованные и поддерживаемые правительством и Наркоматом обороны СССР были призваны отображать славные подвиги бойцов Красной Армии и их непосредственных руководителей. Порой это достигало масштабов мифотворчества [4]. «Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии – есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая была одержана над Врангелем», – писал В. И. Ленин о Перекопско-Чонгарской операции [5]. Поэтому закономерным проявлением крупномасштабного политического и пропагандистского характера стала реализация проекта панорамы «Штурм Перекопа», к которому были привлечены все лучшие специалисты того времени. Создаваемая панорама должна была наглядно показать героический подвиг советских войск Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе [6] в годы Гражданской войны (1918–1920). Перекопско-Чонгарская операция была осуществлена с 7 по 17 ноября 1920 г. Основной целью было завершение разгрома войск Врангеля (23 тыс. штыков и 12 тыс. сабель, 213 орудий, 1663 пулемета, 45 бронемашин и танков, 14 бронепоездов и 42 самолета) и освобождение Крыма. Войска Южного фронта (146,4 тыс. штыков и 40,2 тыс. сабель, 985 орудий, 443,5 пулеметов), прорвали сильно укрепленную глубоко эшелонированную оборону врангелевских войск на Перекопском перешейке и Чонгарском полуострове, форсировали залив Сиваш и при содействии крымских партизан полностью освободили Крым [7, с. 549; 8, с. 454–456].

Н. С. Самокиш (1860–1944) – известный художник-баталист, признанный академик, находившийся в Крыму в период бурных событий Гражданской войны, посвятил много работ непосредственно Перекопским батальям [9 ; 10]. Среди них: «Защита Красного Знамени» (1920); «Атака. Бой за знамя» (1922); «Атака буденовской кавалерии» (1923); «Бой», «Первая Конная во главе с М.В.Фрунзе преследует врангелевцев», «Захват танков в Северной Таврии», «Ночной штурм Сиваша (первый вариант)», «В разведке», «Штурм Перекопа», «Штурм Перекопского вала» (два варианта) (1923); «Нападение красной разведки на обоз белых», «Штурм Перекопа частями Красной Армии», «Нападение на обоз врангелевцев» (1925); «Даешь танк!», «Взятие Перекопа» (1926); «Преследование обоза врангелевцев», «М. В. Фрунзе во главе буденовской кавалерии», «Нападение на обоз белых» (1927); «Советская артиллерия на маневрах» (1928); «Бой под Перекопом», «Ночной бой», «Красноармеец у ворот» (1929); «Бой у Чонгарского моста», «Пулеметные тачанки на маневрах», «Штаб Первой Конной Армии» (другое название – «Штаб Первой Конной Армии во главе с К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным») (1930). Н. С. Самокиш, говоря о своем учителе, мастере батальной живописи с мировым именем

Э. Детайле, отмечал: «он позавидовал бы, узнав, что я работаю над темами Перекопа, Чонгара и Сиваша, перед легендарной славой которых бледнеют Аустерлиц и Маренго, Ваграм и Ватерлоо.... Турецкий вал было труднее брать, чем неприятельские форты Вердена. Операция против Врангеля – яркое выражение военного гения Фрунзе. Под Перекопом, Сивашем и Чонгаром тысячи командиров получили сталинскую закалку, определились как полководцы непобедимой Красной Армии» [11]. Тема «Штурм Перекопа» для академика Н. С. Самокиша – шанс написать работу по масштабу равную или превосходящую ранее выполненные панорамы под руководством Ф. А. Рубо («Оборона Севастополя» и «Бородинское сражение»). Идея создания такой панорамы, посвященной перекопским баталиям витала давно. Ученики Н. С. Самокиша, знавшие какую тематику увлеченно разрабатывает их педагог, ставили в известность о том, что еще в мае 1927 г. НКО УССР собирался заказывать панораму «Перекоп» к 10-й годовщине Октябрьской революции и рассматривал Н. С. Самокиша, как возможного исполнителя [12]. Только в начале 1933 г. художнику поступило долгожданное предложение. В своем ответе он написал, что «был очень обрадован предложением сделать большой проект панорамы «Перекопа» и охотно возьмусь за эту работу на следующих условиях: 1) Я обязуюсь в течение одного года сделать проект панорамы Перекопа в 1/10 натурального размера 5x1 м, причем работа будет выполнена на двух частях по 2 ½ метра каждая и сложена одна к другой так, что выйдет пять метров. Это делается для того, чтобы легче было смотреть с другой стороны, т. е. справа и слева. Рубо сделал для панорамы проект из четырех частей, так как все равно при выполнении большой панорамы проект придется разрезать на 4 части, чтобы можно было работать всем помощникам. 2) Работу над проектом выполнить могу только я (персонально) без помощников» [13]. Но это предложение, судя по всему, было отклонено.

В 1934 г. комиссией при ЦИК СССР по охране, восстановлению и созданию памятников Гражданской войны и Красной Армии было принято решение создать комплексную панораму–памятник «Штурм Перекопа». Консультантом от Главного политического управления Красной Армии был назначен участник штурма Перекопа генерал Д. М. Карбышев. Совершенно очевидным было и непосредственное участие академика Н. С. Самокиша в данном проекте. Его квалификация позволяла возглавить эту работу, однако руководство страны ограничилось только привлечением его в качестве консультанта. Поэтому возглавил эту работу художник–баталист М. Б. Греков¹, внесший значительный вклад в создание Союза советских художников. «Тачан-

¹Греков Митрофан Борисович (Мартыщенко Митрофан Павлович) (1882–1934) – советский художник–баталист русского казачьего происхождения. Основоположник советской батальной живописи, он одним из первых в искусстве обратился к реальным событиям Гражданской войны (1918–1920). В своих произведениях запечатлел боевой путь 1–й Конной армии, создал образ народа, героически сражающегося за Советскую власть. Для большинства картин М. Б. Грекова характерны историческая достоверность событий и типов, правдивое воссоздание всей атмосферы Гражданской войны. Греков – инициатор создания в советском искусстве диорам и панорам. Имя М. Б. Грекова присвоено Студии военных художников, образованной в 1935. См. о нем: Грекова Т. Т. Певец подвига М. Греков. – 2 изд. – М. : Воениздат, 1973. – 125 с. ; М. Б. Греков в воспоминаниях современников. – Л. : Художник РСФСР, 1966. – 136 с. ; Тимошин Г. А. Митрофан Борисович Греков : жизнь и творчество. – М. : Советский художник, 1961. – 358 с. ; Лапунова Н. Ф. Митрофан Борисович Греков. – М. : Изобр. искусство, 1982. – 248 с.

ка», «Взятие Новочеркаска», «Кавалерийская атака», «Бой под Егорлыкской», «Знаменщик и трубач», «Трубачи Первой Конной армии» – вот самые известные полотна художника. Ему принадлежала идея создания тематических передвижных выставок, диорам и панорам. Первой крупной работой М. Б. Грекова в этом направлении стала диорама «Взятие Ростова» (1928). М. Б. Греков создал ряд эскизов к диорамам «Егорлыкский бой» (1931), «Штурм Перекопа» (1931), «Оборона Царицына» (1933). Он был близко знаком с руководством страны и пользовался особым доверием К. Е. Ворошилова¹. Наркомат обороны СССР выступил основным заказчиком работ, связанных с созданием художественных образов Перекопских событий и приуроченных к 20-й годовщине освобождения Крыма от белогвардейцев.

Художественный материал для панорамы «Штурм Перекопа» собирался с 1921 г. по 1931 г. Планировалось создание панорамы, не уступающей известным работам А. Ф. Рубо «Оборона Севастополя» (1907) и «Бородинская битва» (1911). Собранная группа художников во главе с М. Б. Грековым приступила к созданию панорамы «Штурм Перекопа» в 1934 г. Художники выезжали в Крым, встречались с непосредственными участниками событий Гражданской войны. Главным консультантом проекта выступал академик батальной живописи Н. С. Самокиш, назначенный членом художественного Совета Всесоюзной дирекции панорам. Он неоднократно выезжал в г. Москву для участия в Совете по рассмотрению и утверждению эскизов Перекопских панорам (фото. 1 [14]). В творческой группе были и его непосредственные ученики, выпускники Академии художеств М. И. Авилов² и П. И. Котов³ [15; 16, с. 23]. На фотографии (фото. 2 [17]), сделанной в 1934 г., запечатлен момент одной из таких встреч в г. Симферополе. Слева направо: В. П. Ефанов⁴, Г. Н. Горелов¹,

¹Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза. С 1925 года нарком по военным и морским делам, в 1934–1940 годах нарком обороны СССР. В 1953–1960 годах председатель Президиума Верховного Совета СССР. Дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда.

²Авилов Михаил Иванович (1882–1954) – русский советский живописец и педагог. В 1904 – 1913 г.г. обучался в батальном классе Академии художеств у Ф. А. Рубо, затем у Н. С. Самокиша. Действительный член АХ СССР (1947), Народный художник РСФСР (1953), лауреат Сталинской премии первой степени (1946). См. о нем: Большая Советская Энциклопедия. 3 изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1970. – Т. 1. – С. 70.

³Котов Петр Иванович (1889–1953) – советский живописец, заслуженный деятель искусств РСФСР (1946), действительный член АХ СССР (1949). Учился в Академии художеств (1909–16) у Ф. А. Рубо и Н. С. Самокиша. С 1923 жил в Москве. Член АХРР (1923). Преподавал во ВГИКе (1944–48), Московском художественном институте (1948–51) и др. В ряде произведений отразил трудовой энтузиазм первых пятилеток («Кузнецкстрой. Домна № 1», 1931, Третьяковская галерея; «Красное Сормово», 1937, Саратовский художественный музей им. А. Н. Радищева). С конца 30-х гг. много работал как портретист (портреты: И. Д. Шадр, 1936, Киевский музей русского искусства; Н. Д. Зелинского, 1947, Третьяковская галерея, Государственная премия СССР, 1948). См. о нем: Большая Советская Энциклопедия. 3 изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1973. – Т. 13. – С. 290.

⁴Ефанов Василий Прокофьевич (1900–1978) – советский художник, знаменитый парадными портретами и монументальными полотнами. Автор парадных, театрализованных тематических композиций, близких к групповому портрету. Народный художник СССР (1965). Действительный член АХ СССР (1947). Лауреат пяти Сталинских премий (1941, 1946, 1948, 1950, 1952). См. о нем: Большая Советская Энциклопедия. – 3 изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 9. – С. 308.

Г. С. Добрынин², Д. Ф. Бек, Г. К. Савицкий³, Н. Г. Котов–Памирский⁴, В. В. Мешков⁵, М. И. Авилов, П. И. Котов, Н. С. Самокиш, Н. Б. Терпсихоров⁶, М. Б. Греков. Приезжавшие московские художники посещали мастерские, встречались с крымскими художниками, для которых стали важными обсуждения и высказанные критические замечания по поводу их творческих работ. Все это сопровождалось дружескими вечерами. Один из них проходил «в обширной столовой симф <еропольской> туристической базы (в районе нового городка)» [18]. А ходе вечера проходили выступления Я. П. Бирзгала⁷ [19; 20, с. 288–291] о состоянии изобразительного искусства в Крыму и проблемах Союза крымских художников. П. П. Соколов–Скала делился впечатлениями, активно обсуждали проблемы советского изобразительного искусства. «Незабываемое впечатление у всех присутствующих оставило пение дуэтом В. С. Сварога⁸ (бас) и Н. П. Христенко⁹ (тенор). Василий Семенович пел под

¹Горелов Гавриил Никитич (1880 – 1966) – русский и советский художник. Учился в Академии художеств (1911), где был учеником И. Е. Репина и Ф. А. Рубо. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии третьей степени (1950). См. о нем: Большая Советская Энциклопедия. 3 изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 13. – С. 79.

²Добрынин Петр Семенович (1875–1948) – живописец, график. Учился в Академии Художеств у Ф. А. Рубо, в 1908 г. получил 1-ю премию на конкурсе за эскиз «Соколиная охота», в 1911 г. – звание художника за картину «Царское строительство» XVII век. Был членом «Товарищества независимых» (1910–1917). Участвовал в создании диорам для Музея Революции в Москве, для Всемирной выставки в Нью-Йорке в 1939 г.

³Савицкий Георгий Константинович (1887–1949) – советский художник–живописец, график. Учился в Академии художеств (1908–1915) у Ф. А. Рубо, В. Е. Маковского. Действительный член АХРР. Академик АХ СССР (1949), лауреат Сталинской премии II степени (1942).

⁴Котов (Котов–Памирский) Николай Георгиевич (1889–1968) – художник–исследователь, мастер панорамной живописи. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) у А. Архипова, А. М. Васнецова и К. А. Коровина (1912–1917). В 1922 г. стал одним из организаторов АХРР. В 1930-е годы был руководителем группы художников в составе Памирской экспедиции Академии наук СССР (1932). Участвовал в воссоздании панорам Ф. А. Рубо: «Бородинская битва» и «Оборона Севастополя». Действительный член Академии художеств СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, профессор.

⁵Мешков Василий Васильевич (1893–1963) – советский живописец, сын художника В. Н. Мешкова. Народный художник РСФСР (1963). Лауреат Сталинской премии III степени (1951).

⁶Терпсихоров Николай Борисович (1890–1960) – учился в художественной школе К. Ф. Юона и И. Дудина, в школе живописи и рисования В. Н. Мешкова, затем в МУЖВЗ у А. М. Васнецова, К. А. Коровина, К. Н. Касаткина. Участвовал в гражданской войне в рядах Красной Армии. С 1922 г. – активный член АХРР.

⁷Бирзгал Ян Петрович (1898–1968) – художник, образование получил в Центральном училище технического рисования им. Штиглица (1918), студии академика Н. С. Самокиша, член АХРР, директор Алушкинского Дворца-музея (1927–1939), директор Симферопольской картинной галереи (1939–1948), Председатель Союза советских художников Крыма.

⁸Сварог (Корочкин) Василий Семёнович (1883–1946) – советский художник, живописец, график, педагог. Закончил художественное училище им. Штиглица (1902). В 1920–1930-е годы он публиковал многочисленные рисунки в «Ленинградской правде», «Красной газете», затем в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде» и других изданиях. Художник исполнял портреты В. И. Ленина, И. В. Сталина, их ближайших соратников, рабочих–ударников, отображал быт и подвиги Красной Армии, народные торжества и праздничные заседания, создавал композиции на индустриальные и колхозные сюжеты.

⁹Христенко Николай Павлович (1897) – живописец, член Союза художников СССР. Учился в Казанской художественной школе и в Художественном институте под руководством Н. И. Фешина

аккомпанемент гитары. Он ведь был блестящий гитарист, в былые годы соревновался с самим Сеговия – «королем» гитаристов мира [21].

Панорама «Штурм Перекопа» стала самым грандиозным довоенным проектом. Специально для создания более творческой атмосферы в ноябре 1935 г. была проведена реконструкция событий взятия Перекопа 1920 г. с участием пехоты и кавалерии. Художники смогли писать этюды практически «с натуры» [22]. На фотографиях, публикуемых впервые, изображены рабочие моменты подготовительной работы творческой группы (фото. 3; 4 [23; 24]).

Панорама и диорамы «Штурм Перекопа» создавались в течение нескольких лет группой художников. Необходимо отметить, что состав постоянно менялся. Первоначальные эскизы и композиции к панораме «Штурм Перекопа» были созданы Г. К. Савицким, который после скорострительной смерти М. Б. Грекова в Севастополе 26 ноября 1934 г., стал достойным продолжателем и руководителем проекта. Панорама, изображавшая штурм турецкого вала у Перекопа частями Красной армии в ноябре 1920 г., состояла из двух половин – на одной изображалось сражение на западной части Турецкого вала, а на другой – сражение на восточной части вала. Эту сложную работу выполнили художники Г. К. Савицкий, В. П. Ефанов и П. И. Христенко (фото. 5). Центральное панорамное полотно было сферической формы и имело 30-ти метровую длину. Создателями диорамных полотен стали П. П. Соколов–Скаля и М. М. Соловьев – «Бой у села Отрада»; Б. В. Иогансон¹ и В. В. Крайнев – «Переход через Сиваш»; Г. Н. Горелов и А. Е. Куликов – «Штурм Чонгарского моста»; А. В. Моравов и А. А. Пржецлавский² – «Бой у Юшуни». Эскизы к панораме «Штурм Перекопа», изображавшие западный, северный, восточный, южный сектора, выполнили Г. К. Савицкий, М. И. Авилов и П. И. Котов. Кисти художника В. П. Ефанова принадлежали композиции и этюды «Штурм Перекопа», «Перекоп», «Турецкий вал», «Старая турецкая крепость», «Турецкий вал», «Турецкий вал в сторону Сиваша». Куликов написал этюды «Чонгар», «Берег Чонгара», «Чонгар ночью». В. В. Крайнев – «Пейзаж», «Сиваш», «Берег Сиваша», «Дорога к Перекопу». П. П. Соколов–Скаля – «Этюд красноармейца», «Этюд кавалериста», «Этюд офицера». М. М. Соловьев – «Этюд бойца», «Этюд белогвардейца», «Этюд кавалериста». Документы, связанные с Панорамой «Штурм Перекопа», были выявлены в 1987–89 гг. в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) г. Москвы сотрудниками Симферопольского художественного музея Г. А. Федотовой и Н. Ф. Грищенко [25].

(1922). С 1948–1953 г. Николай Павлович преподавал рисунок и возглавлял кафедру академического рисунка, с 1962–1983 г. – заведующий кафедрой живописи в МВХПУ (б. Строгановское), его педагогическая деятельность и методическая направленность исходила из принципиально-реалистических установок в изобразительном искусстве.

¹ Иогансон Борис Владимирович (1893–1973) – русский и советский художник и педагог, один из ведущих представителей социалистического реализма в живописи. В творчестве заметно влияние импрессионизма. Народный художник СССР (1943). Герой Социалистического Труда (1968). Лауреат двух Сталинских премий первой степени (1941, 1951). См. о нем : Большая Советская Энциклопедия. 3 изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 10. – С. 366.

² Пржецлавский (Пшеславский) Александр Александрович (1875– ?) – художник, участник группы по созданию Панорамы «Штурм Перекопа».

Выставку макетов, этюдов и эскизов панорамы и диорам «Штурм Перекопа» открыли для широкого показа 21 февраля 1938 г. в г. Москве, в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. 12 художников и 7 макетчиков принимали участие в этом масштабном проекте, среди них: Г. Н. Горелов, В. П. Ефанов, Б. В. Иогансон, В. В. Крайнев, А. Е. Куликов, А. В. Моравов, А. А. Пластов, А. А. Пржецлавский, Г. К. Савицкий, П. П. Соколов-Скала, М. М. Соловьев, Н. П. Христенко. Общий объем панорамного полотна составил 130x18 м. В экспозиции были представлены макеты панорамы «Штурм Перекопа» и четыре диорамы: «Первая Конная в тылу Врангеля», «Переход через Сиваш», «Разгром Врангеля у Юшунских позиций», «Бой у Чонгарского моста». Для достойного размещения подготовленных работ был организован и проведен Всесоюзный конкурс на составление проекта здания для панорамы «Штурм Перекопа» в г. Москве [26; 27; 28]. Однако, проект здания не понадобился, т. к. было решено выставлять «Штурм Перекопа» в картинной галерее г. Симферополя.

Управление по делам искусств Крымской АССР контролировало создание панорамы «Штурм Перекопа», поэтому Приказ № 76 от 9 июня 1940 г. «О приеме панорамы «Штурм Перекопа» поручал специально созданной «комиссии к 11/VI- с.г. закончить приемку панорамы «Штурм Перекопа»» [29]. Директором Панорамы «Штурм Перекопа» был назначен руководитель Симферопольской картинной галереи Я. П. Бирзгал, который отвечал за доставку сложнейшего комплекса художественных работ из г. Ленинграда в Крым. Основу экспозиции составили: 1) макет панорамы «Штурм Перекопа» (автор Г. К. Савицкий, В. П. Ефанов и Н. П. Христенко), 2) макет диорамы «Первая Конная в тылу у Врангеля» (авторы П. П. Соколов-Скала и М. М. Соловьев), 3) макет диорамы «Переход через Сиваш» (авторы Б. В. Иогансон и В. В. Крайнев), 4) макет диорамы «Бой у Чонгарского моста» (авторы Г. Н. Горелов и А. Е. Куликов) и 5) макет диорамы «Разгром Врангеля у Юшунских позиций» (авторы А. В. Моравов и А. А. Пржецлавский). Для подготовки стыков живописных полотен панорамы и диорам к бутафорским планам макетов в г. Симферополь приезжали художники П. П. Соколов-Скала, В. С. Сварог, Г. Н. Горелов, А. А. Пржецлавский, Н. П. Христенко, П. С. Добрынин и В. В. Крайнев [30]. В кратчайшие сроки была подготовлена экспозиция и экскурсии смогли достойно представить «Штурм Перекопа» для обозрения публики. 11 июня 1940 г. приказом № 93 «В соответствии с предоставленным Комиссией актом приемки Панорамы «Штурм Перекопа» давалось разрешение на «показ Панорамы и Диорам с 12 июня 1940 года» [31]. Оба приказа подписаны начальником Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР Камилевым. Доставка и экспонирование панорамы и диорам «Штурм Перекопа» в залах Симферопольской картинной галереи стало значительным событием в художественной и культурной жизни Крыма.

Великая Отечественная война, начавшаяся в июне 1941 г. изменила ход художественной истории комплекса «Штурм Перекопа». Агитационно-мобилизационная работа среди населения и военнослужащих велась непосредственно и в музее на смотровых площадках. «Начальник Симферопольского гарнизона распорядился всех вновь мобилизованных и также воинов маршевых частей обязательно повести осмотреть панораму.

Фото 1. Совецание по поводу панорамы «Штурм Перекопа», на первом плане академик Н. С. Самокиш (фото Оскирко). (Публикуется впервые)

Фото 2. Встреча с академиком Н. С. Самокишем, г. Симферополь, 1934 г. (фото Оскирко). (Публикуется впервые)

Слева направо: В. П. Ефанов, Г. Н. Горелов, Г. С. Добрынин, Д. Ф. Бек, Г. К. Савицкий, Н. Г. Котов-Памирский, В. В. Мешков, М. И. Авилон, П. И. Котов, Н. С. Самокиш, Н. Б. Терпсихоров, М. Б. Греков.

Фото 3. Художник В. В. Мешков (на первом плане) и В. П. Ефанов за работой на Чонгаре. Фото Оскирко (публикуется впервые)

Фото 4. Художники Н. П. Терпсихоров, М. И. Авилов и Г. Н. Горелов за работой на Турецкой крепости (Перекоп). 8 ноября 1935 г. Фото Оскирко. (Публикуется впервые)

Фото 5. Г. К. Савицкий и Н. П. Христенко пишут панораму «Штурм Перекопа», Москва, 30-е годы XX века.

Фото 6. В гостях у академика Н. С. Самокиша. Слева направо: В. В. Крайнев, неустановленное лицо, В. П. Ефанов, Н. С. Самокиш, В. Н. Кучумов, Н. П. Христенко, Г. К. Савицкий

И тут начался поистине «второй штурм Перекопа» – на улице К. Либкнехта у здания музея частенько бивуаком располагались воинские части, ожидая очереди просмотра картин» [32]. Музейные работники рассказывали многочисленным посетителям о содержании картин и героической эпопее Перекопских сражений. К сожалению, крымские руководящие работники до последнего запрещали свертывать музейные экспозиции и готовить ценности к эвакуации, чтобы не сеять панику среди населения Крыма. В связи с такой политикой все эвакуационные моменты крымских музеев были доведены до предела, т. е. – когда фашистские войска уже находились у Перекопа и крымские города подвергались жестокой воздушной бомбардировке. Только 27 сентября 1941 г. был отдан приказ № 109-а Крымского управления по делам искусств : «приступите к упаковке экспонатов и свертывании макетов панорамы «Штурм Перекопа»» [33]. В эвакуацию отправлялись и фрагменты панорамы (в собранном виде 130x18м), четыре диорамы (60x15), около 40 эскиз-макетов в 1/5 натуральной величины. «27 октября из Керчи в Алупку пришло трагическое известие о том, что картинная галерея г. Симферополя, погруженная на корабль, готовый к отправке, была полностью уничтожена при налете фашистской авиации» [34].

Для многих деятелей искусства тематика, связанная с героическими подвигами Красной Армии в годы Гражданской войны, стала основной в творчестве и была востребована, потому что служила укреплению внутренней политики советского государства. Академик Н. С. Самокиш стал основоположником и продолжателем традиций советского батального и исторического искусства, основанных на принципах социалистического реализма. Панорама «Штурм Перекопа» была воплощена в жизнь последователями художника и по масштабу стала самым грандиозным довоенным проектом, прославляющим героическую победу советских войск Южного фронта под руководством М. В. Фрунзе и окончательное поражение армии Врангеля в ходе Гражданской войны.

И хоть академик Н. С. Самокиш не воплотил свою мечту в жизнь в полном масштабе, но за создание картины-диорамы «Переход Красной Армии через Сиваш» (1935) был удостоен в 1941 г. Сталинской премии. Варианты работы он выполнил для музеев г. Днепропетровска, Чернигова [35; 36], что еще раз подтвердило неимоверную работоспособность мастера в зрелые годы жизни.

Память о Н. С. Самокише была увековечена на Перекопских просторах. Так, Указом Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 г. с. Караджанай было переименовано в с. Самокиши¹ и располагалось на берегу Сиваша [37, с. 245–246].

В послевоенные годы многие деятели искусства неоднократно обращались к теме перекопских сражений. Так, художником И. С. Петровым в 1958 г. были написаны диорамы «Штурм Перекопа в 1920 году», «Разгром Врангеля под Ишунью 1920». В настоящее время известно, что часть подготовительных оригинальных работ к «Штурму Перекопа» (этюды, эскизы) удалось сохранить. Сначала они находились в запасниках Севастопольского художественного музея им. Крошицкого, а затем были переданы в Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя.

¹ Село Самокиши в 70-е г. XX в. было расселено по экологическим соображениям в связи с близостью построенного титанового завода.

Список использованных источников и литературы

1. Бурачек М. Українське малярство : Микола Самокиша / М. Бурачек; передм. К. Буревія. – Харків : РУХ, 1930. – 41 с.
2. Полканов А. И. Николай Семенович Самокиш : жизнь и творчество / А. И. Полканов. – Симферополь : Крымиздат, 1960. – 120 с.; Яценко В. Ф. М. С. Самокиш : нарис про життя та творчість / В. Ф. Яценко. – К. : Мистецтво, 1954. – 48 с. Ткаченко В. Я. Николай Семенович Самокиш : жизнь и творчество / В. Я. Ткаченко. – М. : Искусство, 1964. – 131 с., 7 л. ил.; Лapidус Н. [И.] Николай Самокиш / Н. И. Лapidус. – М. : Белый город. 2006. – 48 с.; Немцова В. С. Н. Самокиш / В. С. Немцова // Галерея искусств. – 2008. – № 7/8. – 31 с.
3. Бирзгал Я. П. Н. С. Самокиш : Жизнь и творчество / Я. П. Бирзгал. – Симферополь : Гос. изд-во Крымской АССР, 1940. – 40 с.
4. Бузина О. Конец белой России / О. Бузина // МК в Украине. – 2010. – 6 нояб. – С. 8–9.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5 изд. / В. И. Ленин. – М. : Изд-во политической литературы, 1967. – Т. 42. – С. 130.
6. Михаил Васильевич Фрунзе. Жизнь и деятельность в фотографиях и документах / сост. Е. А. Смотрицкий. – М. : Политическая книга, 1973. – 104 с.
7. Военный энциклопедический словарь / гл. ред. Н. В. Огарков. – М. : Воениздат, 1984. – 863 с.
8. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов; ред.кол.: Н. Н. Азовцев, Е. Г. Гимпельсон, П. А. Голуб и др. – М. : Сов. Энциклопедия, 1987. – 720 с., ил., 24 л. ил. и 4 л. карт.
9. Полярный Л. Исторический штурм / Л. Полярный // Крымский комсомолец. – 1934. – 11 нояб.; Картина профессора Н. Самокиша «Переход Красной Армии через Сиваш» (Перекопский бой); Эскиз Н. Самокиша «Взятие Перекопа» // Красный Крым. – 1934. – 14 нояб.; «Штаб I-ой Конной армии». Картина академика Н. С. Самокиша // Красный Крым. – 1935. – 14 дек.; «Перекопский бой» – эскиз диорамы академика Самокиша // Правда. – 1935. – 9 февр.; Верховный В. Диорама «Перекопский бой» / В. Верховный // Правда. – 1935. – 9 февр.; «Переход Красной Армии через Сиваш для взятия Литовского полуострова в 1920 г.» // Красный Крым. – 1935. – 6 окт.; Рагинский А. В гостях у академика Н. С. Самокиша / А. Рагинский // Сталинская магистраль. – 1936. – 17 дек.; Эскиз картины академика Н. С. Самокиша на выставку «XX лет РККА» «Бегство белых после взятия Перекопа». Фото С. Каме-нецкого // Сталинская магистраль. – 1936. – 17 декаб.
10. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК), ф. Р-3814, оп. 1, д. 95, 8 л.
11. Борзенко С. В гостях у Н. С. Самокиша / С. Борзенко // Харьковский рабочий. – 1938. – 15 сент.
12. Харьковский художественный музей (далее – ХХМ), научный архив, ф. 23 (Н. С. Самокиш), письмо К. Д. Трохименко – Н. С. Самокишу. – 1927. – 23 июля. – л. 1об.
13. ХХМ, научный архив, ф. 23 (Н. С. Самокиш), письмо Н. С. Самокиш. – 1933. – 24 янв.; Ткаченко В. Я. Николай Семенович Самокиш : жизнь и творчество / В. Я. Ткаченко. – М. : Искусство, 1964. – С. 98–99.
14. ХХМ, научный архив, ф. 23 (Н. С. Самокиш), оп. 3, д. 30, л. 2.
15. Петр Иванович Котов / сост. М. И. Мозговенко-Котова. – Орел : АПЛИТ, 2009. – 192 с., илл.
16. Дружинин А. А. Панорамно-диорамное искусство П. И. Котова / А. А. Дружинин // Петр Котов : [сб.] / ред.-сост. М. И. Мозговенко-Котова. – Орел : АПЛИТ, 2010. – С. 21–25.
17. ХХМ, научный архив, ф. 23 (Н. С. Самокиш), оп. 3, д. 30, л. 1.
18. ГААРК, ф. Р-3814, д. 417, л. 103.
19. Андреева Л. Ю. Я. П. Бирзгал – ученик, друг и соратник Н. С. Самокиша / Л. Ю. Андреева // Таврійські студії. – 2011. – № 1. – С. 57–63; Ковалевская Н. А. Ян Петрович Бирзгал : дополнение к биографии / Н. А. Ковалевская // Матер. Международ. науч.-практ. конф. «Н. С. Самокиш и его ученики» / КРУ «Бахчисар. ист.-культ. заповедник»; сост. И. Б. Арбитайло, Е. И. Лазаренко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – С. 218–232.
20. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст : страницы истории крымского краеведения. – К. : Стило, 2012. – 464 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 15).
21. ГААРК, ф. Р-3814, д. 417, л. 103 (об).
22. Игнатович Т. Музей убитый на войне / Т. Игнатович // Культура. – 2002. — 21–27 нояб. – С. 4.
23. ХХМ, научный архив, ф. 23 (Н. С. Самокиш), оп. 3, д. 30, л. 3.
24. Там же, л. 4.

25. Рабочий архив Ассоциации музеев и заповедников Крыма. Документы, выявленные в 1982–1986 гг. Панорама «Штурм Перекопа». – Л. 1–4.
26. Всесоюзный конкурс на составление проекта здания для панорамы «Штурм Перекопа» в г. Москве. – М. : Гос. архитектурное изд-во, 1940. – 14 с.
27. Сугуняй В. Штурм Перекопа, ноябрь 1920 г. : панорама / В. Сугуняй // Советский музей. – 1938. – № 3. – С. 30–33.
28. Щекотов Н. Штурм Перекопа : худож. панорама / Н. Щекотов // Творчество. – 1938. – № 2. – С. 14–19.
29. ГААРК, ф. Р-3076, оп. 1, д. 33, л. 53.
30. ГААРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 417, л. 102, 102 об.
31. ГААРК, ф. Р-3076, оп. 1, д. 33, л. 54.
32. ГААРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 417, л. 112, 112 об.
33. Там же, л. 138 (об).
34. Тимофеева И. Как спасали сокровища крымских музеев и дворцов во время войны и оккупации / И. Тимофеева // Ялта. – 2009. – 3 авг. – <http://www.bigyalta.com.ua/story/164>.
35. Харьковский художественный музей, научный архив, ф. 23 (Н. С. Самокиш), Договор на створення картини. 15 червня 1939 р. – 1 л.
36. Там же, Расписка о получении В. П. Полегенько. 13 июня 1940 г. – 1 л.
37. Кружко Л. П. Н. С. Самокиш и Перекоп / Л. П. Кружко // Матер. Международ. науч.-практ. конф. «Н. С. Самокиш и его ученики» / КРУ «Бахчисарайский ист.-культ. заповедник»; сост. И. Б. Арбитайло, Е. И. Лазаренко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 538 с.

Андреева Л. Ю. До історії створення Панорами «Штурм Перекопу» / Л. Ю. Андреева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 30–42.

Розглянуто участь академіка М. С. Самокиша в розробці однією з ключових тем героїчних перемог Червоної Армії в роки Громадянської війни. Основну увагу приділено історії створення панорами «Штурм Перекопу» і роль художника в становленні радянського батального мистецтва. Проект «Штурм Перекопу» було присвячено самої блискучої перемоги над Врангелем – Перекопсько-Чонгарській операції радянських військ Південного фронту під керівництвом М. В. Фрунзе. Колектив художників здійснив цю задачу. У роботі брали участь: М. Б. Греков, Г. К. Савицький, В. П. Єфанов, Г. Н. Горелов, П. С. Добринін, В. В. Мешков, М. І. Авілов, П. І. Котов та інші.

Ключові слова: панорама, діорама, «Штурм Перекопу», М. С. Самокиш.

Andreeva L. U. To the history of the panorama «Sturm Perekop» / L. U. Andreeva / Scientific Notes of V. I. Vernadsky National University. – Series : «Historical Science». – 2012. – // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 30–42.

Considered part of Academician N. Samokish in development of one of the key themes of the heroic victories of the Red Army during the Civil War, the history of the panorama «Sturm Perekop» and the role of the artist in the establishment of Soviet battle-art. The «Storm Perekop» was dedicated to the most brilliant victory over Wrangel – Perekop–Chongarskoy operations of Soviet troops of the Southern Front under the leadership of M. Frunze. A collective of artists carried out this task. The work involved: M. Greeks, G. Sawicki, V. Efanov, G. Gorelov, P. Dobrynin, V. Meshkov and others. Academician N. Samokish written many papers on the subject, however, he was invited by the chief consultant of the project. His students M. Avilov and P. Kotov also took part in this large-scale project. Panorama and diorama «Storm Perekop» was first put on display in Moscow (1938), and then in Simferopol (1940–1941). Unfortunately, during the evacuation of the Great Patriotic War, the part of the panorama «Storm Perekop» was destroyed in a bombing raid in the city of Kerch.

Keywords: panorama, diorama, «Sturm Perekop», N. Samokish.

Поступила в редакцію 01.11.2012 г.

УДК 35.083.3(477.75)»1783/1900»

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ГОРОДАХ КРЫМА (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Анисимова О. С.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: afineon-sudak@mail.ru*

В статье освещается динамика административно-территориальных преобразований крымских городов в период пребывания полуострова в составе Российской империи. Предложена классификация городов, основанная на их административном статусе. Прослежена динамика изменений структуры городов в целом и каждой её составляющей в частности.

Ключевые слова: города Крыма, губернский город, уездный город, заштатный город, безуездный город, градоначальства, Симферополь, Старый Крым, Левкополь, Гезлев, Евпатория, Феодосия, Перекоп, Ялта, Ахтиар, Севастополь, Балаклава, Керчь, Еникале, Керчь-Еникале, Бахчисарай, Карасубазар.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие городов Крыма является важным, но малоисследованным элементом истории Юга Украины. Поэтому изучение динамики их административно-территориальных преобразований в период пребывания Крыма в составе Российской империи актуально. В этой связи появилась необходимость выявить структуру крымских городов и проследить хронологию её формирования. Для решения этих задач были проанализированы имеющиеся по интересующей тематике источники и литература.

Изучение вышеозначенной тематики, как показал анализ исторической и краеведческой литературы, осуществлялось разными авторами [1–19]. Тем не менее, процесс формирования структуры городов как таковой специально не рассматривался. Среди источников, без которых невозможно проследить административно-территориальную историю городов Крыма, первоочередное место занимают Законы Российской империи. На их основе были подготовлены тематические сборники документов [20–26]. Однако, в этих изданиях, как правило, рассматривался каждый город в отдельности, а анализ формирования структуры не осуществлялся. Кроме того, важные сведения содержатся в справочниках и энциклопедиях [27]. Интересующие нас сведения обнаруживаются в различных путеводителях и описаниях путешествий [28–44]. Однако, здесь они грешат неточностями или неполнотой сведений.

СТРУКТУРА КРЫМСКИХ ГОРОДОВ

Административно-территориальные преобразования Крыма привели к формированию структуры городов полуострова. Сама она, а также их численный и качественный состав изменялась под воздействием нескольких факторов. Во-первых, под влиянием формирования границ и административного статуса Таврической области

в 1784–1802 годах и губернии после 1802 года. Во-вторых, одними из важнейших факторов, повлиявших на формирование структуры городов Крыма, был ряд специфических черт, обнаружившихся на полуострове.

Административный статус крымского полуострова в конце XVIII – начале XIX веков изменялся несколько раз. После присоединения Крыма к России в 1783 году и во время царствования Екатерины II Крымский полуостров входил в состав Таврической области. Существенные изменения произошли после прихода к власти Павла I. В 1796 году Таврическая область как самостоятельная административная единица была ликвидирована и ее территория была присоединена к Новороссийской губернии. При Александре I в 1802 году была создана Таврическая губерния, в состав которой вошла территория Крыма. В таком статусе полуостров пребывал до 1918 года.

Неоднократные разделения России на губернии образовали понятие о типах городов: губернских или областных, уездных, безуездных и заштатных. Различия между ними основано на том, в какое отношение они были поставлены к администрации края. В губернском или областном городе сосредотачивалась администрация всего региона, а в уездном – органы управления уездом. Заштатными городами, как правило, становились те, которые при очередном разделении России на губернии были лишены уездов. Заштатные города назывались иногда и безуездными. Однако, последнее название более применимо тем городам, которые находились в пределах какого-либо уезда, но в них никогда не сосредотачивалось уездное правление [21, с. 8–9]. Кроме этого, в Крыму существовали города, на территории которых были сформированы градоначальства. Эти административно-территориальные единицы считались, по сути, одинаковыми частями империи с губерниями. С той лишь разницей, что первые образовывались из территории городов, административное руководство которых было наделено правами губернской власти [45, с. 4].

Центром Таврической области, а после и губернии стал Симферополь. Необходимо сказать, что он же одновременно являлся и уездным. Кроме него центрами уездов за весь период пребывания полуострова в составе Российской империи были: Евпатория, Перекоп, Левкополь (Старый Крым), Феодосия, Ялта. Безуездные: Бахчисарай, Карасубазар, Балаклава, Керчь, Еникале, Севастополь. Центры градоначальств: Феодосия, Керчь-Еникале, Севастополь и Ялта. Заштатные – Левкополь и Евпатория. Появление одного города в разных категориях связано с тем, что некоторые изменяли свой статус несколько раз.

Изначально в Крыму официально статус уездных получили четыре города: Симферополь, Левкополь (современный Старый Крым), Евпатория, Перекоп. В этом же году, указом от 12 июля 1784 года, к Таврической области были присоединены еще два города – Керчь и Еникале [46, л. 23]. Изменения в структуре произошли в 1787 году, когда центр Левкопольского уезда переместился в Феодосию и сам уезд стал называться Феодосийским. А Левкополь стал заштатным городом. Следующие преобразования произошли после учреждения новых. Так, в 1837 году в Крыму появился еще один уездный город – Ялта. А в 1859 году – еще один безуездный город – Балаклава. За всю историю Крыма здесь существовало четыре градоначальства. Первое из них появилось в Феодосии и просуществовало с 1803–1829 годы [47; 1, с. 694–716]. В 1821 году было создано Керчь-Еникальское градоначальст-

во (1821–1918 гг.), а в 1873 году – Севастопольское (1873–1918 гг.). Кроме этого, в 1914 году было создано Ялтинское градоначальство, которое просуществовало, скорее, формально и было упразднено с установлением советской власти в Крыму.

ХРОНОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСОВ КРЫМСКИХ ГОРОДОВ

Рассматривая динамику изменения статусов Крымских городов, следует помнить, что не все города пребывали в одном статусе в течение изучаемого периода. Некоторые изменяли его несколько раз, поэтому в предложенной классификации неизбежны появления указаний на разные статусы одного города. В предложенной классификации города распределены следующим образом. Сначала рассмотрен Симферополь. Затем прослежена динамика изменения статусов уездных городов: Левкополя, Евпатории, Перекопа, Феодосии и Ялты. Далее показаны административно-территориальные преобразования городов, находящихся на особых условиях подчинения: Керчь–Еникале, Севастополь. Завершается обзор безуездными городами: Бахчисараем, Карасубазаром и Балаклавой.

Симферополь в качестве административного центра Крыма был учрежден указом Екатерины II от 2 февраля 1784 года [21, с. 634]. Любопытно, что были проекты о создании центрального города Тавриды на территории современного Старого Крыма. Потому его и решили именовать Левкополем. Однако, главным городом в итоге был назначен Симферополь. С момента подписания указа об его основании его административный статус изменялся несколько раз. Так, 29 августа 1797 года Симферополь, изначально бывший центром Таврической области, стал уездным городом. Вернуться к прежнему статусу – центру Крыма – Симферополь смог только в 1802 году. Тогда, когда указом Александра I, была образована Таврическая губерния. После этого статус города до 1918 год более не изменялся.

Левкополь (Старый Крым) с 1784 года до 1787 года значился уездным. Это единственный из уездных городов, не бывший центром каймаканства в ханское время. Потому любопытно, с чего вдруг было принято решение наделить его таким особым статусом. Оказалось, что еще при составлении светлейшим князем Г.А. Потемкиным проекта главного город, планировалось построить его на месте Левкополя. Причем, именно это место и планировалось назвать Симферополем. Этот факт в искаженном виде иногда проскальзывает в исторической литературе. То есть появляются сведения о том, что якобы Левкополь – это один из вариантов названия Симферополя. Однако, это не соответствует действительности, а является результатом невнимательности авторов. Императрица Екатерина II создала здесь город, как сообщалось, в память о предыдущем историческом периоде, когда здесь располагалась ставка крымского хана [23]. Однако, намерения относительно расположения главного города полуострова изменились. Город получил лишь статус уездного и имя Левкополь. Однако, ошибочность наделения этим статусом быстро обнаружилась. В вновь образованном городе не нашлось никакой возможности быть центром уезда: ни кадрового ресурса, ни географическое положение. Поэтому 2 апреля 1787 года императорским указом центр Левкопольского уезда был перенесен в Феодосию [48–49]. Так Левкополь лишился своего статуса и стал безуездным заштатным городом Феодосийского уезда [26, с. 38]. Тогда же стал именоваться Старым Крымом

[11; с.46, 50]. Согласно данным от 12 декабря 1796 года Старый Крым значится как безуездный город Таврической области. При учреждении на полуострове губернии в 1802 году Старый Крым остался в том же статусе [21, с. 741–744].

Еще один уездный город Крыма – это Евпатория (до 1826 года – Гезлев). В статусе центра уезда пребывала с 1784–1797 годы и с 1802 года до 1918 года. Гезлев (Евпатория) указом от 8 февраля 1784 года стал городом. Однако, в связи с изменениями административно-территориальной политики в Российской империи, 29 августа 1797 года стал безуездным городом Новороссийской губернии. С 8 октября 1802 года Гезлеву был возвращен статус уездного города, теперь он находился в составе Таврической губернии [21, с. 673]. В начале XIX столетия в городе был основан порт, который впоследствии стал одним из самых больших в Крыму. На городской земле располагалась пригородная слобода [26, с.14]. 26 марта 1826 года Гезлев был переименован в Евпаторию [21, с. 673].

Перекоп – еще один крымский уездный город, который появился на карте полуострова в итоге автоматического наделения этим статусом бывшего центра одноименного каймаканства. Соответствующий указ был подписан 8 февраля 1784 года. Город состоял из двух отдельных поселений: самого города и его предместья – Армянского Базара, находящегося от него на расстоянии 5 верст [26, с. 19]. Здесь располагалась небольшое укрепление, утратившее свое значение после присоединения Крыма к России [21, с. 685]. В статусе уездного города он пребывал с 1784 года по 1918 год.

Феодосия за все время пребывания в составе Российской империи получила несколько статусов: заштатного города, уездного и центра градоначальства. Однако, дольше всего была именно уездным центром. Изначально статус города Феодосия получила указом от 13 июля 1785 года. Однако, при новом административном разделе она была лишена статуса центра. Вместо этого вошла в состав Левкопольского уезда. Немногим позже, 2 апреля 1787 года Феодосия стала уездным городом Таврической губернии вместо Левкополя [48–49]. В статусе центра уезда Феодосия была с 1787 года по 1918 года. 10 декабря 1810 года, в пределах Феодосии был создан магометанский форштадт. С 1804 года по 1829 год территория города была выделена в градоначальство [21, с. 694–716]. На городской земле стояла немецкая колония Герценберг [26, с. 23].

Самый молодой из уездных городов – Ялта. В таком статусе она пребывала с 1838 года по 1914 год. В 1914 году здесь было образовано Ялтинское градоначальство, просуществовавшее формально до 1918 года. Официальной причиной основания города назвали стремительно растущую численность обитателей на южном берегу. 23 марта 1838 года из части Симферопольского уезда был создан ялтинский [21, с. 636–637, 690]. Немногим позже в состав города было присоединено село Кадикой [24, с. 536–537]. В 1859 году в составе Ялтинского уезда появилась новая административно-территориальная единица – город Балаклава.

В числе городов, на территории которых существовали градоначальства были: Феодосия, Ялта, Керчь-Еникале и Севастополь. Поскольку Феодосия и Ялта уже рассмотрены, более детально остановимся на двух оставшихся.

Керчь и Еникале, не смотря на то, что географически являлись частью Крыма, 14 февраля 1775 года были присоединены к Азовской губернии в качестве безуездных городов. А в 1784 году Керчь и Еникале стали частью Екатеринославского наместничества Таврической губернии. Лишь в декабре 1796 года города вошли в состав Таврической губернии в качестве безуездных городов. 10 декабря 1804 года города попали под непосредственное подчинение губернскому правлению.

Следующие административные преобразования относительно городов произошли почти через почти два десятилетия: 10 октября 1821 года. В этот день было издано постановление о создании в Керчи порта и Керчь–Еникальского градоначальства. Вновь образованная административно-территориальная единица подчинялась непосредственно военному губернатору. 16 июля 1835 года в Еникале были ликвидированы крепость и комендантское управление. Его функции были переданы городскому управлению. 25 апреля 1839 года был создан магометанский форштадт [21, с. 778–779; 2, с. 47]. Привлекает внимание один любопытный нюанс, который связан с Керчью и Еникале. Два, казалось бы разных города, с середины XIX века в документах одно официальное название: Керчь-Еникале [44]. В 1821–1918 годах здесь было учреждено градоначальство.

Обособленное место в структуре городов Крыма имел Севастополь. Он был основан в соответствии с указом от 10 февраля 1784 года. Тогда же было принято решение о постройке здесь крепости. 13 августа 1785 года на месте современного Севастополя было создано адмиралтейство, верфь, порт и военное поселение. В пределах новой застройки находилась деревушка Ахтиар. Впоследствии это стало основанием для некой неразберихи с названием нового города. Во избежание путаницы и двоякого названия одного и того же населенного пункта, 28 марта 1826 года был издан указ город именовать не Ахтиар, а Севастополь. Изначально это был заштатный город особого подчинения. Позже на его землях было сформировано градоначальство. Оно просуществовало с 7 февраля 1872 года по 1918 год.

Бахчисарай, бывший центр Крыма, был административной единицей Симферопольского уезда. После ликвидации Крымского ханства Бахчисарай навсегда утратил статус первого города. При всех последующих административно-территориальных разделах Бахчисарай ни разу не получил никаких особых отличий и выше статуса безуездного города Симферопольского уезда с 1784 года по 1918 год [21, с. 716–717].

Карасубазар – безуездный город в Симферопольском уезде с 8 февраля 1784 года [21, с. 729–7; 2, с. 30]. Будучи центром каймаканства в ханское время, он, однако, в отличие от других подобных населенных пунктов Крыма, не получил статус уездного города [20, с. 144–145].

Балаклава – самый молодой город, появившийся в изучаемый период, был зарегистрирован 21 октября 1859 года. Он получил статус безуездного в составе Ялтинского уезда и не изменял его до 1918 года. Состоял из двух частей: города и предместья Кадиной [26, с. 27].

ВЫВОДЫ

Таким образом, в Крыму были представлены типы городов: губернский и областной центр, уездные, безуездные, заштатные и города, являющиеся центрами осо-

бых административно-территориальных единиц – градоначальств. Динамика изменений статусов городов свидетельствует о поиске оптимальных модели структуры городов, которые наилучшим образом обеспечивали бы экономические развитие Крыма. Кроме того, наличие большого числа городов особого подчинения в пределах одной губернии, говорит о реализации правительственной политики по охране пограничных территорий Российской империи.

Список использованной литературы

1. Бабенко Г. А. Симферополь – город пользы / Г. А. Бабенко, В. И. Дюличев. – Симферополь : Форма, 2007. – 516 с.
2. Бабенко Г. А. Таврическая губерния : история в очерках / Г. А. Бабенко, В. И. Дюличев. – Симферополь : Таврия, 2009. – 580 с.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи / Департамент Генерального штаба. – СПб., 1849. – Т. 11, ч. 2 : Таврическая губерния. – 225 с.
4. Зенкевич Х. Х. Керчь в прошедшем и настоящем : историко-археологический и географический очерк / Х. Х. Зенкевич. – Керчь : тип. Х.Н. Лого и К^о, 1894. – 164 с.
5. История Джанкойского района / В. С. Гаврикова, Н. В. Гордиенко, Н. И. Иванов и др. ; под ред. В. В. Пятниковского. – Джанкой, 2008. – 107 с.
6. Колли Л. О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии // Путешествия в Феодосию : записки 1769–1904 годов / сост. П. Коньков. – Феодосия : Коктебель, 2002. – С. 16–17.
7. Кутайсов В. А. Евпатория : Древний мир, Средние века, Новое время / В. А. Кутайсов, М. В. Кутайсова. – Киев : Стилос, 2007. – 284 с.
8. Мертваго Д. Б. Описание Таврической губернии, учиненное в 1807 году сенатором Мертваго / Д. Б. Мертваго. – Б/м, Б/г. – 12 с.
9. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / П. С. Паллас ; пер. с нем. – М. : Наука, 1999. – 246 с.
10. Поляков В. Историческая эволюция городской топонимии Симферополя / В. Поляков. – Симферополь : СОНАТ, 2001. – 224 с.
11. Потиев А. Старый Крым: город музеев, город-музей : сборник зарисовок / А. Поляков. – Симферополь : Салта-ЛТД, 2009. – 254 с.
12. Прохоров Д. А. Присоединение Крыма к России // Книга для чтения по истории Крыма / Д. А. Прохоров. – Симферополь : Феникс, 2010. – С. 133–165.
13. Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Часть II. Хозяйственная статистика Новороссийского / А. Скальковский. – Одесса: тип. Францова и Нитче, 1853. – 556 с.
14. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1731–1823 / А. Скальковский. – Одесса : гор. тип., 1836. – Ч. 1 : 1731–1796. – 290 с.
15. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730–1823 / А. Скальковский. – Одесса, 1838. – Ч. 3 : 1796–1823. – 349 с.
16. Славич С. Н. Город-герой Керчь : очерк-путеводитель. – Симферополь : Таврия, 1975. – 104 с.
17. Тронько П. Історія міст і сіл України : досвід і нагальні проблеми видання / П. Тронько // Краєзнавство. – 2009. – № 3/4. – С. 40–42.
18. Хоєцький Є. Спогади з подорожі по Криму / Є. Хоєцький. – Симферополь, 2008. – 382 с.
19. Широков В. А. Симферополь : улицы и дома рассказывают... / В. А. Широков, А. И. Доля. – Симферополь : Атлас-Компакт, 2007. – 268 с.
20. Административно-территориальные преобразования в Крыму, 1783–1998 гг. : справочник. – Симферополь : Таврия-Плюс, 1999. – 464 с.
21. Городские поселения в Российской империи. – СПб., 1864. – Т. 4. – С. 634–805.
22. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи // ПСЗРИ. – Т. 12. – С. 358–384.
23. Изменения в составе и числе городов, произошедшее в царствование Екатерины II // Журнал Министерства внутренних дел. – 1834. – № 4. – С. 1–43.
24. История городов и сел Украинской ССР : Крымская область. – Харьков : ХКФ им. В. Ф. Фрунзе, 1974. – 624 с.

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В ГОРОДАХ КРЫМА (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

---

25. Лашков Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году / Ф. Лашков // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 91–157.
26. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. – СПб., 1863. – Ч. 2.
27. Анісімова О. С. Довідкові видання Російської імперії як джерела для вивчення історії міст Криму / О. С. Анісімова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия : «Исторические науки». – 2011. – Т. (24) 63, № 2 : спецвыпуск «История Украины» – С. 23–30.
28. Вебер Ф. Д. Город Ялта с его окрестностями и лечебными средствами : климатический эскиз и путеводитель / Ф. Д. Вебер. – СПб. : изд. К. Реккера, 1886. – 230 с.
29. Вигель Ф. Феодосия : Страницы «Записок» / Ф. Вигель // Путешествия в Феодосию : записки 1769–1904 годов ; сост. П. Коньков. – Феодосия : Коктебель, 2002. – С. 18–23.
30. Путеводитель по Крыму / сост. Е. Л. М-ъ. – Одесса : изд. А. Е. Кехрибарджи, 1872. – 120 с.
31. Сосногорова М. Путеводитель по Крыму для путешественников / М. Сосногорова. – Одесса : тип. Л. Нитче, 1871. – 370 с.
32. Путеводитель по Крыму и справочная книжка / сост. Фейгин. – М. : тип. И. Н. Кушнирева и К^о, 1888. – 146 с.
33. Путеводитель по Крыму с историческим описание достопримечательностей Крыма / сост. Ф. В. Ливанов. – М. : тип. Г. Рись, 1885.
34. Ялта из воспоминаний и деятельности В. А. Быбицкого с 1969 по 1893 гг. / сост. Ц. Ф. Вержиковский. – Ялта : тип. Н. Р. Петрова, 1893. – 26 с.
35. Крым : путеводитель / под. ред. Н. И. Андрусова, А. С. Башкирова, С. А. Зернова и др. – Симферополь : тип. Таврического губ. земства, 1914. – Ч. 2. – 688 с.
36. Симферополю 200 лет : сб. док. и матер. – Киев : Наукова думка, 1984. – 322 с.
37. Рыбицкий В. А. Пятидесятилетие Ялты, 1837–1887 / В. А. Рыбицкий. – Ялта : тип Н. Р. Петрова, 1887. – 76 с.
38. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию / В. Измайлов. – М. : тип. Х. Клаудия, 1805. – Ч. 3. – 142 с.
39. Кёппен П. Крымский сборник с картою южного Крыма и принадлежащим к ней указателем / П. Кёппен. – СПб. : тип. имп. Академии наук, 1837. – 410 с.
40. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма / В. Кондараки : в 17 ч. – СПб. : [Б. м.], 1875. – Ч. 14. – 145 с.
41. Малороссия. Новороссия. Крым : исторический и этнографический очерк. – М. : АИРО-XXI ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 320 с.
42. Марков Е. Л. Очерки Крыма : картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1902. – 520 с.
43. Сумароков П. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова : в 2 ч. / П. Сумароков. – СПб. : имп. тип., 1803. – Ч. 1. – 226 с.
44. Анисимова О. С. К вопросу о наименовании городов Керчь и Еикале в первой половине XIX века / О. С. Анісімова // Боспорские чтения / ред.-сост. В. Н. Зинько. – Керчь : Керченская гор. тип., 2011. – Вып. 13. – С. 13–16.
45. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. О. И. Чистяков. – М. : Юридическая литература, 1987. – 528 с.
46. Державний архів в Автономній Республіці Крим (ДААРК), ф. 799, оп. 2, спр. 2.
47. ДААРК, ф. 162, оп. 1, спр. 335.
48. ДААРК, ф. 799, оп. 1, спр. 103.
49. ДААРК, ф. 799, оп. 1, спр. 38.

Анісімова О. С. Адміністративно-територіальні перетворення у містах Криму (кінець XVIII – початок XX століття) / О. С. Анісімова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 43–50.

У статті висвітлюється динаміка адміністративно-територіальних перетворень кримських міст в період перебування півострова в складі Російської імперії. Запропоновано класифікацію міст, заснована на їх адміністративному статусі. Простежено динаміку змін структури міст в цілому і кожної її складової зокрема.

Ключові слова: міста Криму, губернське місто, повітове місто, заштатне місто, безуездний місто, градоначальства, Сімферополь, Старий Крим, Левкополь, Гезльов, Євпаторія, Феодосія, Перекоп, Ялта, Ахтіар, Севастополь, Балаклава, Керч, Єнікале, Керч-Єнікале, Бахчисарай, Карасубазар.

Anisimova O. S. City of Crimea and their administrative and territorial changes / O. S. Anisimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 43–50.

The article highlights the dynamics of the administrative-territorial reforms of the Crimean cities during the tenure of the peninsula in the Russian Empire. A classification of towns based on their administrative status. The dynamics of changes in the structure of cities as a whole and each of its components in particular. Taurian center field, and after, and the province has Simferopol. Having said that, he also served at the same time and county. Besides him the centers of counties throughout the period in the peninsula in the Russian Empire were Yevpatoria Perekop Levkopol (Old Crimea), Feodosia, Yalta. Bezuezdnye: Bakhchisaray Karasubazar, Balaclava, Kerch, Yenikale, Sevastopol. Centers city hall: Feodosia, Kerch-Yenikale, Sevastopol and Yalta. Pharmacist - Levkopol and Evpatoria. Initially, the official status of the Crimea district received four cities Simferopol, Levkopol, Evpatoria, Perekop. In the same year, the decree of 12 July 1784, to the Taurian area were joined by two of the city - and the Kerch Yenikale. Changes in the structure occurred in 1787, when the center moved to the county Levkopolskogo Theodosius himself county was called Feodosia. A Levkopol became a provincial town. The following changes have occurred since the establishment of new ones. For example, in 1837 in the Crimea has another county town - Yalta. And in 1859 - another bezuezdny city - Balaklava. In the entire history of the Crimea there are four city hall. The first of these appeared in Feodosia and existed from 1803-1829 years. In 1821 was created the Kerch-Yenikalsky city hall (1821-1918 gg.), And in 1873 - Sevastopol (1873-1918 gg.). In addition, in 1914, was created by the Yalta city hall, which was abolished with the establishment of Soviet power in the Crimea.

Keywords: city of Crimea, the provincial capital, the county town, unimportant town, bezuezdny city, city hall, Simferopol, Crimea Old, Levkopol, Chersonese, Evpatoria, Feodosia, Perekop Yalta Akhtiar, Sebastopol, Balaklava, Kerch, Yenikale, Kerch-Yenikale Bakhchisaraj Karasubazar.

Поступила в редакцію 01.11.2012 г.

УДК 39(477.75):001.891–057.4 «1921–1941»

**ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ХЕРСОНЕССКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
(20–30-е гг. XX в.): ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ**

Асанова У. К.

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, г. Одесса, Украина
E-mail: musaeva_ulker@mail.ru*

На основе синтеза неизвестных архивных и опубликованных источников восстанавливается картина археологического изучения городища и памятников Херсонеса Таврического, осуществлявшегося в период 20–30-х гг. XX в. силами экспедиций, организованных как непосредственно дирекцией музейного учреждения, так и рядом столичных научных организаций (ГАИМК, ГИМ). Прослежены обстоятельства и причины конфликтных ситуаций, возникавших среди исследователей в ходе процесса раскопок, определены роль руководящих профильных органов в этом процессе. Специальное внимание обращено на методические разработки К. Э. Гриневича, сформулировавшего перспективный план изучения городища, позволивший в течение 30-х гг. XX в. организовать первые постоянные, систематические раскопки целого района городища.

Ключевые слова: Херсонесский музей, археологические экспедиции, Государственная академия истории материальной культуры, К. Э. Гриневич, Н. Д. Протасов, Г. Д. Белов.

В начале 20-х гг. XX века наблюдалось значительное оживление археологических исследований в Крыму. Это было связано с началом активной деятельности общегосударственных учреждений, призванных регулировать и курировать изучение и сохранность памятников истории и культуры: Главнауки Наркомпроса РСФСР, его специализированного подразделения – Музейного отдела Главнауки, ГАИМК, профильного регионального подразделения – КрымОХРИСа, находившегося в ведении Наркомпроса Крымской АССР. Работы по изучению памятников древности получали финансовую поддержку со стороны республиканских властей. Процесс непосредственной организации раскопок памятников должны были обеспечить подразделения единой государственной сети музеев республики. На них же возлагалось техническое сопровождение сбора, описания, учета и хранения найденных объектов. В связи с этим, первоначально роль крымских музеев в изучении памятников истории региона можно охарактеризовать как вспомогательную. Данная работа стала основой деятельности профильных археологических музеев Крыма – Государственных Херсонесского и Керченского историко-археологических музеев, самостоятельно работу по обследованию памятников древности также смог организовать Археологический отдел ЦМТ. Использование новых, методологически обос-

нованных принципов и форм исследований археологических объектов позволили названным учреждениям вывести процесс изучения памятников прошлого Крыма на новый качественный уровень, сделать археологические раскопки и охранные мероприятия постоянными, обеспечить оперативную публикацию результатов исследований. В связи с этим, можно сделать вывод о выходе коллективов крымских профильных музеев к концу исследуемого периода на уровень основных организаторов раскопок, ведущей роли местных исследователей в контексте определения перспектив изучения, составления соответствующей текущей документации экспедиций, отчетов перед контролирующими органами, во многом – о завершении эволюции крымских музеев в полноценные научно-исследовательские учреждения. Отсутствие реконструкции экспедиционного процесса археологических музеев Крыма в изучаемый период формулирует **актуальность** нашего исследования.

Наиболее масштабно и стабильно археологические исследования были организованы на территории Херсонесского городища. Это объяснялось наличием преемственной базы в виде «Склада местных древностей», существовавшего с 1882 г. и выполнявшего роль учреждения первичной музеефикации найденных при раскопках экспонатов. При этом статус «Склада», как и само положение городища к 1921 г. оставалось неурегулированным. События Первой Мировой войны и эвакуация большей части музейной коллекции в Харьков, последующая нестабильность периода Гражданской войны, серьезный материальный урон, нанесенный территории раскопок при отступлении из Севастополя соединений «Русской армии» генерала П. Н. Врангеля в ноябре 1920 г., последующее присутствие на территории памятника войск Красной армии и размещение на территории монастыря городских учреждений социального презрения создавало объективные трудности, а зачастую – делало невозможным проведение археологических работ, а также – мероприятий по охране памятников [1, с. 8–10].

Вместе с тем, отдельные археологические исследования в эти годы организовать удалось. Так, в 1920–1922 гг. заведующим раскопками Л. А. Моисеевым было продолжено изучение западной части городища, где основным объектом интереса ученого стал неизвестный ранее северный отрезок оборонительной стены. Также в ходе этих работ удалось обнаружить фрагмент надгробной стелы, датируемой первыми веками нашей эры [2, с. 18; 3, с. 419; 4, с. 160–161]. В 1922–1923 гг. были проведены раскопки и разведки на территории акрополя городища, материалы которых остались неопубликованными [5].

Новый этап археологического изучения городища был связан с деятельностью на посту заведующего музеем К. Э. Гриневича в 1924–1928 гг. Учитывая, что приоритетом деятельности ученого было создание постоянной музейной экспозиции, а также закрепление за Херсонесским музеем статуса научно-исследовательского центра эпохи античности и средневековья в Крыму, проведение данных экспедиций и раскопок следует охарактеризовать как практическое оформление наиболее актуальной задачи музейного строительства в рамках отдельно взятого музейного учреждения. Более того, раскопки, организованные К. Э. Гриневичем заложили основу для дальнейшего систематического изучения памятников городища, создали необходимую базу для их охраны на государственном уровне.

О масштабе и уровне начатых исследований свидетельствует интерес со стороны ГАИМК – уполномоченного специализированного органа, который контролировал ход и результаты, а также осуществлял научное руководство всеми археологическими изысканиями на территории СССР. Для осуществления помощи, а возможно – и для наблюдения за действиями нового директора летом 1925 г. в Херсонес для проведения осмотра был направлен заведующий отделом византийских памятников ГИМ, крупный знаток крымских памятников средневекового периода Николай Дмитриевич Протасов (1886–1940). Его отчет, представленный в ГАИМК, подробно и объемно рисует состояние объектов памятника на момент создания Государственного Херсонесского историко-археологического музея. Ученый определял цель своего визита как «скромную»: определить датировку отдельных предметов древности из Херсонеса, хранившихся в отделе византийских памятников ГИМ. В связи с этим, исследователь определял и методику своей работы – изучение археологических дневников и отчетов в фондах музея, сравнение датировки экспонатов ГИМ с аналогичными в собраниях Херсонесского музея, определение топографии тех или иных объектов. Однако состояние городища и музея в действительности вынудило Н. Д. Протасова отказаться от намеченных планов штудий и рассмотреть более широкий круг проблем изучения херсонесских древностей. Так, ученый констатировал отсутствие в распоряжении администрации музея археологических дневников и отчетов о раскопках после 1912 г. При этом сами находки этого периода и более ранние предметы находились в складских помещениях музея. Именно на сопоставлении непосредственного археологического материала и смог построить свои выводы Н. Д. Протасов, анализируя сначала предметы, найденные во время раскопок до 1912 г. и имевшие датировку, соответственно, наличие хронологических рамок позволяло ученому датировать и предметы из раскопок позднее 1912 г. Данные сравнения позволили усомниться в датировке коллекции изделий из стекла, бронзы и ожерелий всех типов ввиду того, что по «формальным особенностям» экспонатов они могли быть отнесены как к античному, так и к византийскому периоду истории Херсонеса. В результате специальных экспертиз Н. Д. Протасову удалось все же определить особенности интересовавших его предметов и установить приблизительную датировку. Относительно еще одной большой группы предметов, находившихся на сохранении в Херсонесском музее – глиняной поливной посуды, исследователь обратил внимание на ее недостаточную изученность, как следствие отсутствия внимания к ней как к ценному историческому источнику у предшествовавших исследователей. Наиболее интересными, по определению Н. Д. Протасова экспонатами были экземпляры глиняной поливной посуды с звериным рельефным орнаментом, датировка и происхождение которых стала возможной только благодаря случайным замечкам в отчетах и идентичностью либо близким сходством обнаруженных предметов с аналогичными из Малой Азии и Египта. Благодаря этим находкам становилось возможным определить основные пункты внешних экономических контактов Херсонеса в средневековый период, а также проследить основные статьи экспорта и импорта города. Н. Д. Протасов также отмечал, что согласно просьбы КрымОХРИСа и дирекции Херсонесского музея он проводил и другую работу – по организации Византийского отдела музея. Ученый констатировал, что ис-

пользование экспонатов происходило по «социологическому принципу» и отражало основные сферы жизни городища в средневековый период, для экспозиции были определены необходимые датировки, составлен историко-культурный план и план осмотра отдела [6, л. 9–11].

Однако, кроме фиксации характера коллекций фондов Херсонесского музея, Н. Д. Протасовым была составлена и специальная «Докладная записка», направленная в Комиссию по раскопкам ГАИМК. В преамбуле этого документа ученым была обозначена основная причина его появления: «такой, мирового значения памятник, как Херсонес <...> находится в совершенно угрожаемом состоянии». В развитие данного тезиса были приведены достаточно весомые аргументы. Отмечалось, что не установлены границы музейной зоны и территории, находившейся в ведении военной крепости Севастополя. Это влекло за собой «априорную невозможность для музейной администрации» нести ответственность за охрану и целостность памятников. Указывал Н. Д. Протасов и на неиспользование представителями военных властей ряда, сооружений, бывших в прошлом в их ведении, но покинутых и не закрепленных за музеем, а следовательно – предоставленных для разрушения и разграбления или вандализма. Логичным выводом московского исследователя стало заключение о том, что дирекция Херсонесского музея объективно не может контролировать неприкосновенность памятников даже на территории, формально подведомственной ей ввиду отсутствия четкого территориального разграничения. Сама территория городища произвела на Н. Д. Протасова «впечатление заброшенного пустыря или каменоломен», при полном отсутствии необходимых элементов охраны памятников под открытым небом и активном выпасе скота на территории городища, осуществляемом местным населением [6, л. 14]. Относительно состояния сохранности музейного материала в Херсонесском музее была дана такая же негативная оценка. Мраморные предметы, терракоты и черепица, помещенные в лапидарии, находились под прямым воздействием морской воды и воздух, что приводило к образованию патины. Водопроводные трубы античного периода «редчайшей конструкции и формы» были превращены в «совершенно разложившуюся массу». Раскопочный материал при этом, по словам исследователя, оставлял «самое хаотическое впечатление»: он был свален на полу, разложен на случайных стеллажах, датировка на экспонатах отсутствовала. Констатировал Н. Д. Протасов и отсутствие сводной и ссылочной инвентарной базы, отметив при этом, что с лета 1925 г. новая администрация музея начала учетно-регистрационную работу чернового характера, которая при этом не могла исправить общего неудовлетворительного положения [6, л. 14–14 об.].

Кроме изложенных объективных замечаний, Н. Д. Протасовым были внесены и конкретные предложения по оптимизации положения Херсонеса и музея на его территории. Так, ученый предлагал официально закрепить на уровне декрета центральных органов Советской власти «признание мирового значения Херсонеса». Следующими пунктами следовали: точное разграничение территорий, подотчетных музейному и военному ведомствам; систематический зондаж наиболее опасных с точки зрения геологии мест – всей береговой полосы Карантинной бухты и северной части городища до района Западных стен; запрет на посещение городища (и территории раскопок непосредственно) гражданами без соответствующего разрешения

дирекции музея; запрет на выпас скота; своевременная и систематическая очистка раскопанных территорий городища. Целесообразной также представлялась постройка специального обводного мола в северо-восточной части Карантинной бухты, где морская вода сильно подмывала берег и угрожала музейным сооружениям. Предлагался перенос мраморных и терракотовых экспонатов в закрытые помещения. Отдельное внимание Н. Д. Протасовым было уделено необходимости проведения срочной музейно-научной инвентаризации всего музейного материала, к которой, по его мнению, можно было привлечь во время летних каникул студентов-археологов Первого МГУ, а руководство доверить сотрудникам музеев из Москвы и Ленинграда. Последний тезис наглядно демонстрировал слабость научной и кадровой базы крымских музеев в середине 20-х гг. XX в., необходимость руководящей роли сотрудников центральных музейных учреждений РСФСР процессом сохранения памятников и музеефикационными мероприятиями. Оговаривалась в записке и необходимость полного обмера всех памятников городища, для чего предлагалось организовать специальную экспедицию для составления новых планов и чертежей. Мотивацию своих действий Н. Д. Протасов еще раз объяснял тревогой за «действительно ужасное положение Херсонеса, которое вынуждает самым серьезным образом позаботиться о его целостности как памятника исключительного значения и научного интереса» [6, л. 14 об.]. Подтверждением серьезности и принципиальности намерений Н. Д. Протасова следует считать его заявление, направленное в разряд византийской археологии и искусства ГАИМК, датированное 31 декабря 1925 г., относительно разрешения со стороны руководящей организации на продолжение работ ученого в Херсонесе в 1926 г. [7, л. 1].

Исследованные внутренние протокольные документы ГАИМК позволяют сделать вывод о том, что ситуация с состоянием памятников Херсонесского городища и создаваемого специализированного музея стала предметом пристального рассмотрения сотрудниками научного учреждения. Уже в сентябре 1925 г. была создана комиссия по обсуждению мер охраны Херсонеса, которая провела ряд заседаний. 15 сентября 1925 г. состоялось первое ее заседание, утвердившее программу работы комиссии. В состав органа вошли авторитетные специалисты по античной и средневековой археологии: профессор В. А. Городцов (стал председателем комиссии), К. Э. Гриневич, С. Г. Матвеев (секретарь комиссии), Н. Д. Протасов и представитель Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР С. П. Григоров. Центральным вопросом рассмотрения стал вопрос «О современном состоянии раскопок и музея Херсонеса», по которому с содокладом выступили К. Э. Гриневич и Н. Д. Протасов (что, очевидно, подтверждает наличие неких контролирующих функций от ГАИМК у последнего). К. Э. Гриневич в своем выступлении также указал на факт критического состояния памятников городища, которые были вызваны действием ветра, моря и людей. Директор музея отмечал, что в год подготовки к открытию учреждения были приняты «возможные меры охраны»: засыпаны мраморные ступени Уваровской и Западной базилик, укреплены участки внутренней оборонительной стены Херсонеса – протейхизмы в районе «башни Зенона». В целом же, основные усилия коллектива музея, по словам К. Э. Гриневича «были направлены на приближение Херсонеса к массам, путем организации античного и византийского отделов Му-

зая», также руководитель учреждения перечислил основные мероприятия, осуществленные по его инициативе перед открытием Херсонесского музея как постоянно действующего экспозиционного и научно-исследовательского центра. К. Э. Гриневичем также были представлены материалы проведенных в 1925 г. под его руководством раскопок перемычки, соединявший оборонительную стену городища с протейхизмой. Отмечалось, что необходимые дневники, протоколы раскопок и опись найденных предметов была выслана своевременно в Главнауку.

В свою очередь, Н. Д. Протасов отметил, что К. Э. Гриневичем был достаточно точно изложен характер работ, проведенных в Херсонесе. Московский исследователь снова обратил внимание на необходимость установления датировки экспонатов из резной кости, стеклянной посуды и других предметов, находившихся в распоряжении фондов ГИМ и Государственного Эрмитажа. Мероприятия, предпринятые дирекцией музея и представленные в докладе К. Э. Гриневича, Н. Д. Протасов оценил как «весьма важные меры по охране Херсонеса». В дополнении к своему докладу К. Э. Гриневич сообщил комиссии, что сотрудниками музея был составлен карточный научный каталог, дублетный вариант которого, состоявший из 540 фотографий, был привезен для дальнейшей работы в Ленинград и очевидно мог быть предоставлен в распоряжение ГАИМК. В итоге, комиссией было принято решение принять к сведению содоклад К. Э. Гриневича и Н. Д. Протасова, а сделанную в Херсонесе работу – одобрить [7, л. 6–6 об.].

Дальнейшие вопросы рассмотрения комиссии касались непосредственных мер по охране памятника от разрушения. Так, было постановлено для прекращения обвалов и оползней морского берега просить К. Э. Гриневича организовать обследование угрожаемых мест берега, пригласив для этих целей профессоров-геологов А. С. Слуцкого и А. С. Федоровского, по результатам работы которых заслушать на заседании комиссии; относительно спасения каменных кладок и предметов, находившихся под открытым небом от выветривания, было предложено обратиться к Реставрационному подотделу Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР с просьбой о проведении закрепления наземных памятников городища посредством сооружения футляров, крыш и ограждения колючей проволокой, для привлечения реставраторов к проблеме, К. Э. Гриневичу и Н. Д. Протасову предлагалось выступить перед сотрудниками ЦГРМ со специальным докладом. Касательно проблемы разрушения памятников городища о действиях людей, комиссия постановила просить Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР принять меры к «совершенному прекращению доступа публики на городище в неорганизованном порядке», К. Э. Гриневичу же предлагалось разработать и представить план изоляции Херсонеса, также была высказана идея поставить перед Совнаркомом Крымской АССР задачу запретить купание в пределах херсонесских памятников [7, л. 4–4 об., 7–8 об.].

Важность задач, рассматриваемых комиссией, подтверждает факт продолжения ее заседаний 16 сентября 1925 г. Центральным стал вопрос о юридическом статусе городища. Комиссия постановила разработать докладную записку во ВЦИК, а также подготовить проекты декрета о национализации и положения об управлении Херсонесом. Предложенный К. Э. Гриневичем проект внутреннего распорядка музея был утвержден с дополнением пункта о порядке взимания входной платы и посещения

экскурсиями и отдельными лицами только в организованном порядке. Также предлагалось рассмотреть сметы на осуществление мер по охране и содержанию памятников городища. Комиссия также признала положительным факт поступления в архив Херсонесского музея дневников раскопок за 11 предшествовавших лет (т. е. с 1914 г.) и постановила снять копии с соответствующих дневников, находившихся в распоряжении РАИМК. Публикация исследований К. Э. Гриневича «о стенах и склепе Херсонеса» была признана желательной, а предложенный директором музея план дальнейших раскопок и смету к нему было решено направить в Археологический подотдел Главнауки Наркомпроса РСФСР для дальнейшего рассмотрения [7, л. 5–5 об, 9–10].

Одним из наиболее характерных аспектов изучения древностей Крыма в данный период является наличие заметной конкуренции среди исследователей разного уровня, обусловленной несколькими факторами. Наиболее актуальными из них стоит признать: возможность стабильного финансирования подобных исследований из средств, отпускавшихся специализированными учреждениями как научного (ГАИМК, Музейный отдел Главнауки, ГИМ), так и непосредственно государственного характера (ЦИК СССР, органы власти Крымской АССР); научную конкуренцию и противоборство между «московской» и «ленинградской» группами ГАИМК, которые во второй половине 20-х гг. XX в. приобрели характер ожесточенного конфликта интересов. Свидетельством названной тенденции в среде советских археологов за право контролировать ход раскопок и исследований в Херсонесе, является письмо, направленное К. Э. Гриневичем 11 апреля 1926 г. в Ленинград на имя ученого секретаря ГАИМК Бориса Владимировича Фармаковского (1870–1928). Директор Херсонесского музея делился свежими новостями, а именно: 10 апреля 1926 г., после доклада К. Э. Гриневича в Музейном отделе Главнауки Наркомпроса РСФСР было принято решение о создании комиссии при Херсонесском музее в новом составе. ГАИМК в этом органе должны были представлять Б. В. Фармаковский и Д. В. Айналов, ГИМ – Н. Д. Протасов (при этом, в письме специально оговаривалось, что ГИМ выделяет небольшую субсидию на проведение раскопок), профессор П. И. Голландский (очевидно, как представитель КрымОХРИСа) и К. Э. Гриневич – как представитель собственно Государственного Херсонесского историко-археологического музея. В тексте письма также делается специальная оговорка, что бывший глава соответствующей комиссии В. А. Городцов «почти не возражал» против изменения ее состава, а «ответственность за все» теперь ложится на сам Херсонесский музей и лично на К. Э. Гриневича как «распорядителя кредитов» [7, л. 15]. Освобождение от опеки ГАИМК, а точнее – сокращение влияния контролирующего органа, конечно, стоит рассматривать как важную победу местной, крымской музейной общественности в лице сотрудников Херсонесского музея, доказавших свое право на самостоятельную научно-исследовательскую работу. При этом следует признать ключевой в этом вопросе и роль К. Э. Гриневича, который смог добиться автономности от влияния ГАИМК, прежде всего, разработкой современных и новаторских методов музейной работы, которые он активно внедрял в экспозиционной и научно-исследовательской деятельности музея.

Р. С. Ф. С. Р.
Народный Комиссариат
по Просвещению.
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ,
НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И
МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
(ГЛАВНАУКА)
ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ
и
ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ
ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

Открытый лист

№ 69.

2 "Окт" 1924 г.
№ 1635/И.

Главное Управление Научных, Научно-Художественных и Музейных Учреждений (Главнаука) Наркомпроса по Отделу по делам Музеев и охране памятников искусства и старины, выдавая настоящий Открытый Лист уполномоченному К. Э. Гриневичу по Севастопольскому округу проф. К. Э. Гриневича на право производства археологических раскопок в пределах Герасимовского полуострова просит все органы Советской Власти, Государственные и Общественные учреждения и частных лиц оказывать К. Э. Гриневичу всемерное содействие, в интересах науки, для успешного выполнения возложенного на него поручения.

Исследователь б обязывается не позднее 1-го Декабря 1924 года представить в Отдел по Делах Музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса все добытые раскопками памятники древности, а также отчеты и дневники раскопок. Настоящий Открытый Лист действителен по 1-е Декабря 1924 года.

Заведующий Главным Управлением Научных, Научно-Художественных и Музейных Учреждений:

Заведующий Отделом по Делах Музеев и охране памятников искусства и старины:

Ученый Секретарь:

1. Открытый лист, выданный К. Э. Гриневичу Главнаукой Наркомпроса РСФСР на раскопки в Херсонесе в 1924 г. (ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 171, л. 15)

В Разряде Византизм, Саксония и Пещеры

О Т Ч Е Т

В. П. П.
9 II 1925.

9

по командировке в Херсонес летом 1925 года.

Моя командировка в Херсонес истекшим летом преследовала скромную задачу: определить provenance коллекций и отдельных предметов из Херсонеса, находящихся в собрании руководимого мною Отдела Византийских Памятников Государственного Исторического Музея, лишенных указаний на время и место находки. Почти все такие предметы имеют исключительно бытовое значение, и, в связи с изучаемым мною в последнее время материалом по истории и археологии Византийской художественной промышленности VI–XIV вв., выяснение указанного вопроса представлялось совершенно необходимым. Самый путь выполнения этого задания представлялся на первый взгляд весьма несложным: изучение на месте археологических дневников и отчетов, сравнение с коллекциями Херсонесского музея и фиксация топографических комплексов.

Однако, современное положение Херсонеса *in situ* и Херсонеса музейного оказалось таковым, что мое первоначальное скромное задание должно было осложниться целым рядом приводящих обстоятельств и распасться на несколько частных заданий, для которых указанный путь оказался совершенно недостаточным, и мне пришлось ограничиться тщательнейшим изучением главным образом стилистической и формальной структуры некоторых категорий бытовых предметов в окладах Херсонесского музея.

Дневниками и отчетами раскопок, после 1912 г., воспользоваться не мог так как их при мне не было в распоряжении администрации Музея, и они появились после моего отъезда из Херсонеса. Отсюда, в моем распоряжении был археологический материал находок этого времени, материал из ранних раскопок и дневники с отчетами того-же времени. И естественно, что была подсказана мысль изучить наличный материал ранних раскопок, до 12 года, аналогичный беспаспортному моему Отделу, определить его археологические комплексы, поскольку в них имелись датирующие моменты, и уже отсюда переходить к предметам после 12 года, и, следовательно, к нашим предметам. Это, ясно, давало определенный вывод о хронологических границах, к которым нельзя приурочивать этих последних, а в некоторых случаях определяло и довольно точно самую дату того или другого памятника, его бытовой смысл и форму.

2. Отчет в ГАИМК о раскопках Н. Д. Протасова в Херсонесе в 1925 г.
(ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 106, л. 9)

ПРОТОКОЛ

Заседания Комиссии по обсуждению мер охраны
Херсонеса 15 сентября 1925 г.

Присутствовали: проф. В.А. ГОРОДЦОВ, С.Н. ТРИКОРОВ, директор
Херсонеса К.Э. ГРИНЬВИЧ, С.Г. МАТВЕЕВ, проф.
Н.Д. ПРОТАСОВ.

Председатель: В.А. ГОРОДЦОВ.

Секретарь: С.Г. МАТВЕЕВ.

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

I. О современном состоянии раскопок и музея Херсонеса. Доклад К.Э. ГРИНЬВИЧА и Сводклад Н.Д. ПРОТАСОВА.	I. доклад и сводклад принять к рассмотрению и сделанную в Херсонесе работу одобрить.
II. О мерах охраны Херсонеса от обвалов и оползней морского берега.	II. Просить К.Э. ГРИНЬВИЧА организовать обследование угрожаемых мест берега, пригласив для этого геологов проф. А.С. СЕДУХИНОГО и проф. А.С. ДОБРОВОЛЬНОГО, о результатах работы просить их сделать сообщение в комиссии. Просить Главнауку ассигновать необходимые средства.
III. Об охране от выветривания каменных кладок и предпечей, находящихся под откосом небом.	III. Просить Отдел по делам Музеев поручить Реставрационному П/Отделу в срочном порядке выполнить работу по закреплению падучих памятников общества в Херсонесе и та-

3. Протокол заседания Комиссии по обсуждению мер охраны Херсонеса от 15 сентября 1925 г. (ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 197, л. 4)

... щиты их посредством бутларов, крыш
и ограждения колючей проволокой. Про-
сить Реставрационный И/Отдел сделать
доклад Комиссии о результатах пред-
варительного обследования И.Э. Гри-
невича и П.А. Протасова просить вы-
ступить с докладом в заседании Ре-
ставрационных Мастерских о состоя-
нии монументальных памятников Хер-
сонеса. Принять мелательным пока-
зательную са-илку, разобрать и луч-
шие вещи перенести в музей, а второ-
степенные - в крытые помещения.
Просить Главнауку отпустить специал-
но для этой цели в срочном порядке
500 р. в распоряжение директора
Херсонеса.

IV. О нарушении памятников
Херсонеса действиями лю-
дей.

У. Просить Отдел по делам Музеев
принять меры к совершенному прек-
ращению доступа публики на горо-
дище в неогранизованном порядке, а
директора Херсонеса И.Э. Гриневича
просить представить план и описания
городища. Просить Отдел войти в
сложение с Крымсовнаркомом об аб-
солютном запрещении купания в Хер-
сонесе.

Председатель: (Торозцов)

Секретарь: (Мамышев)

Верно: Дитерова-Скрябина

Протокол заседания Комиссии по обсуждению мер охраны Херсонеса
от 15 сентября 1925 г. (ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 197, л. 4)

КОМИССИЯ

по выработке плана исследования
Херсонеса.

1. В.А. Городцов
2. Б.В. Фармаковский
3. Д.В. Айналов
4. К.Э. Гриневич
5. Н.Д. Протасов
6. Н.И. Новосадский
7. Б.Н. Засыпкин
8. С.П. Григоров.-

Заслуженно член комиссии

9. А.А. ...

Знакомит, что у Алад
не имеется материалов или документов.

Ученый Секретарь

С. ...

4. Список членов Комиссии по выработке плана исследования Херсонеса
(ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 197, л. 33)

РАСКОПКИ В ХЕРСОНЕСЕ В 1926 году.

/Краткий отчет/

Минувшим летом была сделана попытка возобновить системати-
ческие раскопки в Херсонесе.

Уже в прошлом году, летом, силами студентов Ленинградского Уни-
верситета была произведена показательная раскопка на южном
частке оборонительной стены в массиве так называемой "пере-
печки", у пролома, чрез который проходит дорога к "лапидарию".
Раскопка не дала больших результатов, лишь частично подтвердив
раннейшее мнение о двух слоях засыпи и дав несколько предме-
тов поздне-римской и византийской эпох.

В настоящем году Главнаукой Наркомпроса было одобрено пред-
ставление о систематических раскопках в Херсонесе, на что бы-
ла отпущена ничтожная сумма в 500 рублей.

Согласно производственного плана Херсонесского Музея, в кото-
ром особое внимание отводится научному обследованию южной ча-
сти главной оборонительной стены, именно-от башни Зенона до б.
монастырских ворот, на предварительном совещании было призна-
но желательным остановиться на внутренней площади южной сте-
ны, до сих пор окончательно не раскопанной и не представляющей
следствие этого ясной картины исторического прошлого. И в пер-
вую очередь было решено подвергнуть обследованию значительный
Рис. 1.
раскос, примыкавший к площади незаконченных раскопок т.н. "боль-
шой выемки", 1911 г., *Рис. 2.* с восточной стороны, с западной-подпертый

5. Отчет в ГАИМК о раскопках Н. Д. Протасова в Херсонесе в 1926 г.
(ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 197, л. 117)

Паланы раскопок Херсонеса на 1926 г. были представлены К. Э. Гриневичем на специально созванном совещании в ГАИМК в Ленинграде 6 апреля. На него были приглашены все сотрудники академии, по выражению Б. В. Фармаковского «ближайшим образом интересующиеся древностями Херсонеса». В итоге доклад К. Э. Гриневича был обсужден и одобрен такими авторитетными представителями советской археологии как: академики Д. В. Айналов, С. А. Жебелёв, А. А. Миллер, А. П. Удаленков, профессора Г. И. Боровко, А. П. Смирнов, Б. В. Фармаковский, молодыми, но уже авторитетными исследователями Т. Н. Книпович, Е. О. Прушевской, М. А. Тихановой-Клименко. КрымОХРИС представлял Я. П. Бирзгал. План раскопок К. Э. Гриневича содержал два основных пункта. Первый касался принятия мер охраны к уже открытым памятникам городища в результате раскопок Р. Х. Лёпера, а также к иным предметам, добытым в предшествующие года. Второй предполагал проведение археологических разведок в местности вблизи «башни Зенона», с главной целью – выяснить систему археологических напластований Херсонеса, что помогло бы внести ясность в работу по разбору находок прежних лет в музее. К работе в Херсонесе предполагалось пригласить П. И. Голландского, а представителям ГАИМК было необходимо высказать свое видение намеченного плана работ и, по возможности, командировать своего представителя для участия в работе экспедиции. Большинство участников совещания одобрили намерения К. Э. Гриневича и согласились с необходимостью командирования своего представителя [7, л. 11–11 об.]. 30 апреля 1926 г. Н. Д. Протасов дал свое согласие стать представителем ГАИМК на раскопках в Херсонесе [7, л. 17].

Результатом раскопок Херсонеса летом 1926 г. стали значительные дискуссии в среде советских археологов. Уже 24 июня 1926 г. на заседании Московской секции ГАИМК, которое было собрано совместно с представителями Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР, Историко-этнологическим отделом ВНАВ, НИИ археологии и искусствознания РАНИОН, был заслушан доклад Н. Д. Протасова о проведенных работах в Херсонесе. Указав на малую сумму, выделенную на раскопки, Н. Д. Протасов кратко осветил их ход: согласно одобренному плану, предложенному К. Э. Гриневичем, раскопкам должен был быть подвергнут небольшой участок в южной части оборонительной стены городища. Работы были начаты, участок оказался нетронутым более ранними раскопками, и поэтому стало возможным исследование культурных напластований, характерных как для этого участка, так и для всего городища в целом. Они предполагали наличие культурных слоев византийского, римского и древнегреческого периодов. Однако при проведении дальнейших работ возникли препятствия, вызванные обвалом части базилики «Святого Лаврентия», реконструкция либо другие меры по спасению которой предполагали необходимость использования специального оборудования, что оказалось невозможным ввиду нехватки финансирования. В итоге, по словам, Н. Д. Протасова, работы были свернуты, а он, как представитель ГАИМК, вернулся в Москву для получения указаний от Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР. В развернувшейся дискуссии основными предметами спора выступавших специалистов стали три позиции: насколько проведенные исследования были санкционированы профильными контролирующими органами (ГАИМК, Музейный отдел Главнауки), насколько выполнены рекомендации,

высказанные специальной комиссией по результатам работы Н. Д. Протасова в 1925 г. и насколько адекватным является уровень внимания контролирующих органов к проблеме охраны памятников Херсонеса? Конфликтный момент в обсуждение также внес Б. В. Фармаковский, заявивший, что никакой специальной комиссии при ГАИМК по исследованию Херсонеса весной 1926 г. создано не было, чем опроверг соответствующую информацию К. Э. Гриневича.

В своих ответах Н. Д. Протасов отметил, что большинство из высказанных в 1925 г. рекомендаций так и осталось невыполненными ввиду причин, которые ему либо неизвестны, либо касаются бездеятельности ряда учреждений (конкретно был назван Реставрационный подотдел Музейного отдела Главнауки). Свидетельством развития конфликта между К. Э. Гриневичем и представителями ГАИМК стала дискуссия о существовании либо отсутствии специальной комиссии ГАИМК по исследованию Херсонеса. В итоге, стало ясно, что данный орган так и не был сформирован, а представленная в этом контексте К. Э. Гриневичем информация не являлась достоверной. Итогом совещания стало постановление о необходимости создания специальной комиссии при ГАИМК для выработки плана обследования Херсонеса и руководства работами в дальнейшем с привлечением «представителей научно-исследовательских учреждений всего Союза», продолжении раскопок по утвержденному плану и произведении общего технического осмотра городища [7, л. 29–31 об.]. Такая комиссия была создана в следующем составе: Д. В. Айналов, В. А. Городцов, К. Э. Гриневич, С. П. Григоров, Б. Н. Засыпкин, Н. И. Новосадский, Н. Д. Протасов, Б. В. Фармаковский [7, л. 33].

Результаты экспедиции 1926 г. ее руководитель К. Э. Гриневич представил в специальной статье, опубликованной в научном журнале «Крым». Им были изложены основные цели работы экспедиции: подтверждение или опровержение предварительных сведений экспедиции 1909–1910 гг. под руководством Р. Х. Лёпера о существовании поселения VII–VI вв. до н. э. на территории Гераклеяского полуострова, в районе «Базилики Св. Лаврентия», то есть в центре южной части городища [8, с. 112–113]. Стратиграфическое исследование, определило наличие четырех геологических слоев в раскапываемом участке: первый – содержал предметы XV–XIX вв.; второй – относился к X–XI вв.; третий – к позднеэллинистическому времени (рубеж эр); четвертый – к IV–II вв. до н. э. [8, с. 115–116]. К. Э. Гриневич сформулировал характеристику каждому из 6 строительных периодов, в разное время присутствовавших на данной территории: они начинались с III в. до н. э. и последовательно сменяли друг друга до рубежа XIII–XIV вв., когда средневековый город был окончательно разрушен монголами [8, с. 118–121]. Главными выводами исследований К. Э. Гриневича были подтверждение версии К. К. Косцюшко-Валюжинича о существовании на исследуемой территории в X–XII вв. монастыря и опровержение гипотезы Р. Х. Лёпера о существовании эллинского поселения на Гераклеяском полуострове в VII–VI вв. до н. э.: его основание произошло не ранее III в. до н. э., скорее всего, самими жителями Херсонеса [8, с. 121].

Качественным развитием археологических исследований в Херсонесе стоит считать выработку пятилетнего производственного плана научно-исследовательской работы на территории памятника, который был утвержден на

заседании Комиссии по выработке плана исследования Херсонеса 18 октября 1926 г. [7, л. 48]. Данный проект был предложен К. Э. Гриневичем и содержал в себе несколько положений. Первым из них было признание приоритета публикации уже раскопанного археологического материала перед проведением дальнейших раскопок, мотивацией данного шага было названо разрушение памятников, вызванное стихийными причинами. Высказывалась даже идея о том, чтобы первые три года с момента утверждения производственного плана все силы посвятить составлению и печати раскопанных материалов. Проект издания включал в себя выпуск дневников раскопок с 1907 по 1911 гг., а также более поздних сохранившихся работ, его формой должны были стать выпуски «Херсонесского сборника», причем ответственность за публикацию К. Э. Гриневич был готов разделить с ГАИМК, предложив в структуре издания два раздела – «Труды Херсонесского музея» и «Труды Академии истории материальной культуры». В 1926–1927 гг. предполагались к выходу в свет материалы раскопок 1907, 1909–1910 и отчасти 1911 г., которые охватывали южную территорию городища. Ожидалось, что завершение данных работ должно осуществиться к сентябрю 1927 г., когда было запланировано празднование столетнего юбилея начала раскопок в Херсонесе. В 1927–1928 гг. к опубликованию должны были быть отнесены раскопки 1909–1912 гг. в восточной части Херсонесского городища, которые должны были составить 3 том «Херсонесского сборника», предполагавший наличие той же двойной структуры – «Трудов Херсонесского музея» и «Трудов ГАИМК». Наконец, в 1928–1929 гг. должны были быть подготовлены материалы раскопок 1909–1912 гг. и раскопки последующих годов под руководством Л. А. Моисеева в западной части городища. Они должны были составить 4 том «Херсонесского сборника» [7, л. 44–45].

Относительно же проведения самих раскопок К. Э. Гриневич предлагал сосредоточиться на формулировке новых принципов их проведения. Они подразумевали начало системной работы на городище, которая могла быть основана на постепенном его изучении. Такой путь означал учет всех имеющихся разведок и начатых раскопок для формирования их очереди и приоритетности. Впервые К. Э. Гриневичем была сформулирована мысль о необходимости выхода раскопок за пределы границ собственно территории оборонительной стены древнего города. Как источник для определения приоритетности проведения раскопок планировалось также использование имеющихся конкретных исторических данных, которые можно было бы опубликовать в «Херсонесском сборнике». В итоге, основным методом будущего плана работ на городище были определены работы послойно-квадратным методом, который должен был обеспечить вскрытие территорий подряд. При этом К. Э. Гриневич снова подчеркивал, что непосредственно раскопки не должны играть главенствующей роли вплоть до опубликования выпусков «Херсонесского сборника», а вопрос утверждения соответствующего плана предлагал обсудить на торжествах столетнего юбилея раскопок в Херсонесе осенью 1927 г. [7, л. 45].

В итоге исследования Херсонеса Таврического в 1927–1928 гг. стали скорее оформлением подготовки к систематическому изучению городища в дальнейшем. В 1928 году объектом работ стали остатки масштабного многоуровневого здания, содержавшего в себе четыре культурных слоя (от V в. до н. э. до находок времен

Крымской войны 1853–1856 гг.), находившегося на территории бывшего «хутора Бермана», в античное и средневековое время не входившей в городскую черту, что следует считать реализацией пункта о выходе раскопок за пределы собственно территории городища [9, с. 47–71]. Параллельно К. Э. Гриневич руководил обследованием оборонительных сооружений Херсонеса римского периода (первые века нашей эры), основываясь при этом на материалах работ А. Л. Бертье-Делагарда, как первого серьезного их исследователя [10, с. 18–32]. Последующие исследователи истории изучения Херсонеса (В. И. Кадеев, В. М. Зубарь, С. Б. Сорочан) отмечали ключевую роль работ К. Э. Гриневича в возобновлении систематических научных исследований на территории Херсонеса, что позволило создать на территории СССР эталонный памятник греко-римского и византийского периодов. Авторы исследований также соглашались с выводами К. Э. Гриневича, которые он сформулировал относительно предназначения и роли объектов раскопок под его руководством во второй половине 20-х гг. XX в., эти данные заняли прочное место в реконструкции истории древнего города и не были опровергнуты или подданы сомнению [1, с. 17–20; 11; 12, с. 42–45].

Отчетная документация Херсонесского музея за 1927–1928 гг. доказывает выполнение основных положений, озвученных в пятилетнем производственном плане работ на городище. Так, «Годовой отчет Государственного Херсонесского музея и площади раскопок за 1927–1928 год» [13, л. 6–8] отмечает, что за отчетный период была произведена значительная работа по инвентаризации музейных предметов, было обработано 8845 экспонатов, и общее число, подвергшееся инвентаризации к 1 октября 1928 г. составило 21338 пронумерованных и необходимым образом зафиксированных «предметов-номеров». При этом была завершена работа по инвентаризации непосредственно экспонируемых предметов, к которым также были составлены необходимые охранные ключи. Составитель отчета – заместитель директора Херсонесского музея по научной работе Г. Д. Белов отмечал, что данная работа, хотя и принесла положительный результат, все еще являлась незавершенной, т. к. как таковая инвентаризация памятников Херсонеса началась только в 1925 г., а предметов, требующих инвентаризации, в музее накопилось с 1888 г. Г. Д. Белов также обращал внимание, что основной научной работой коллектива музея стала подготовка к печати материалов неизданных раскопок 1908–1912 гг. Относительно раскопок, проводимых музеем, в отчете упоминаются продолжение исследований в районах оборонительной стены и первое исследование за пределами Херсонесского городища на «хуторе Бермана». В целом, документы о работе Херсонесского музея подтверждают, что основные предложения К. Э. Гриневича по систематическому изучению Херсонеса, изложенные до этого в производственном плане археологического изучения городища, получили реальное воплощение в жизнь. В специальном дополнении к отчету Г. Д. Белов представлял персональный состав экспедиции, работавшей в 1927–1928 гг. в Херсонесе: руководил работами К. Э. Гриневич, производил раскопки на Гераклеяском полуострове и был их секретарем (то есть оформлял всю отчетную документацию для ГАИМК) исследователь из Ленинграда Н. И. Репников, секретарем раскопок на территории городища был Г. Д. Белов, дежурными научными работниками были: Е. В. Веймарн и А. К. Таратынов (студенты

Первого МГУ), В. Ф. Гайдукевич и М. П. Ваулина (стажеры ЛГУ), сотрудники музея Л. Н. Белова-Кудь и Н. М. Янышев [13, л. 9].

Производственный план работы музея на 1928–1929 гг. также был выдержан в ключе намеченных задач. В зимний период планировалось осуществить масштабную работу по подготовке издания материалов раскопок восточной части городища в 1908–1914 гг., составлению отчетов о раскопках 1927–1928 гг. и изданию материалов раскопок западной линии оборонительных стен Херсонеса. В плане проведения раскопок намечалось продолжение исследования оборонительных стен и завершение работ на «хуторе Бермана» [13, л. 10–10 об.].

В дальнейшем стоит отметить продолжение систематического характера археологических работ, проводившихся сотрудниками Херсонесского музея. Так, в 1930 г. под руководством К. Э. Гриневича, уже сложившего с себя исполнение обязанностей директора музея, производились небольшие археологические разведки на Гераклейском полуострове, а в 1931 г. – была организована комплексная экспедиция на Маячном полуострове, для исследования усадьбы IV–II вв. до н. э. Одновременно с этими работами, К. Э. Гриневич предпринял масштабные подводные археологические исследования, предполагавшие поиск т. н. «затонувшего города» у берегов Гераклейского полуострова. Гипотеза, высказанная К. Э. Гриневичем о существовании под водой остатков масштабных архитектурных и оборонительных сооружений не получила поддержки со стороны научного сообщества, однако, сыграла одну из ключевых ролей в трагической судьбе самого ученого [1, с. 28–30].

После освобождения К. Э. Гриневича от должности директора Государственного Херсонесского историко-археологического музея в связи с переездом в Москву на работу в Музейный отдел Главнауки и приходом на эту должность профессора В. Ф. Смолина основные раскопки проводились в западной части городища, где были исследованы остатки жилого дома эллинистического периода, а также была раскопана часовня XII–XIII вв. Также Г. Д. Беловым на восточном берегу Карантинной бухты были исследованы два ограбленных склепа первых веков нашей эры. Единственным масштабным мероприятием, осуществленным под руководством В. Ф. Смолина, стоит считать раскопки прибрежных кварталов на северной части городища, которые подвергались активному разрушению морем [12, с. 43–45]. Эти исследования позволили сделать участок северной части городища основным участком раскопок на всем протяжении 30-х гг. XX в. и выявить ряд значительных по своему значению археологических памятников: были обнаружены остатки поселения догреческого периода, обнаружен древнейший некрополь, подробно изучена жилищно-хозяйственная застройка эллинистического периода и эпохи средневековья. Были открыты две базилики, часовни позднего средневековья, прослежена хронология застройки данного района городища с IV в. до н. э. до конца XIII в. [1, с. 34–45].

Таким образом, главным результатом археологического изучения Херсонесского городища, предпринятого силами сотрудников Государственного Херсонесского историко-археологического музея, стало создание самостоятельного центра комплексного изучения прошлого на территории отдельного эталонного памятника эпохи античности и средневековья. Заложенные К. Э. Гриневичем основы и принципы систематического изучения городища, были удачно и последовательно разви-

ты Г. Д. Беловым, принявшим на себя научное руководство раскопками в 30-е гг. XX в. К середине 30-х гг. XX в. Государственный Херсонесский историко-археологический музей занял свое самостоятельное место в системе археологической науки в СССР.

В результате проведенного исследования экспедиционной деятельности Херсонесского историко-археологического музея в 20–30-е гг. XX в. можно сформулировать следующие выводы:

- Наиболее масштабно, методологически обоснованно и полно археологические и памятникоохранительные мероприятия проводились в течение 20-х–30-х гг. XX в. в Крыму на территории Херсонесского городища в Севастополе. Разработка принципов и последовательного характера данных работ была предметом совместного обсуждения дирекции Государственного Херсонесского историко-археологического музея с профильными контролирующими органами – ГАИМК, Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР, ВНАВ при ЦИК СССР;
- В ходе формулировки планов изучения античных и средневековых памятников Херсонеса наблюдалась активная и содержательная дискуссия между представителями дирекции музейного учреждения (в лице его директора в 1924–1928 гг. К. Э. Гриневича) и представителями ГАИМК, направившими для наблюдения за раскопками в 1925–1926 гг. своего представителя (Н. Д. Протасова). Результатом данного сотрудничества стал конфликт дирекции Херсонесского музея и ГАИМК, приведший к созданию осенью 1926 г. специальной комиссии по выработке плана обследования Херсонеса;
- Основным результатом работы К. Э. Гриневича на посту директора Херсонесского музея стало предложение перспективного пятилетнего производственного плана археологического обследования Херсонеса, который предполагал приоритет организации публикации материалов предшествовавших раскопок Херсонеса перед проведением непосредственных археологических изысканий. Осуществление этого плана позволило восполнить недостающую документальную базу для последующей организации раскопок в Херсонесе;
- Предложенные К. Э. Гриневичем принципы осуществления раскопок, предполагавшие последовательность и комплексность их проведения были осуществлены на практике в масштабных работах 30-х гг. XX в., производившихся на территории северной части городища под руководством Г. Д. Белова. Данные раскопки позволили впервые в полной мере проследить историю развития жизни в античную и средневековую эпоху на целостном участке городища, открыть одни из наиболее масштабных памятников музея;
- В период 20-х–30-х гг. XX в. Государственный Херсонесский историко-археологический музей состоялся как самостоятельный административный и научно-исследовательский центр изучения древнего и средневекового периодов истории отдельных регионов Крыма. Масштаб и качество производимых исследований позволяют оценить данные работы как образцовые для уровня научных исследований изучаемого периода.

Список использованных источников и литературы

1. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса–Херсона и его округа (1914–2005) / В. М. Зубарь // МАИЭТ : Supplementum / Ин-т востоковедения им. А. Е. Крымского ; Крымское отд. – Симферополь, 2009. – Вып 6. – 496 с.
2. Белов Г. Д. Херсонес Таврический : историко-археологический очерк / Г. Д. Белов. – Л.: изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 147 с.
3. Гриневич К. Е. Досягнення радянських вчених в дослідженні античних міст Північного Причорномор'я / К. Е. Гриневич // Праці історичного факультету Харківського державного університету ім. О. М. Горького. – 1957. – Т. 6. – С. 416–431.
4. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса / Э. И. Соломоник. – К. : Наукова думка, 1964. – 196 с.
5. Національний заповідник «Херсонес Таврійський», науковий архів, спр. 99. Моїсеев Л. О. Розкопки Херсонесу в 1922–1923 рр. Щоденник розкопок та розвідок. Інвентарні описи знахідок, 1922–1923 рр., 60 л.
6. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, научный архив, рукописный отдел, ф. 2, Государственная академия истории материальной культуры, оп. 1 д. 106. Работа в Херсонесе по изучению памятников Н. В. Измайловой. Отчет и переписка, 1925 г., 15 л.
7. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, научный архив, рукописный отдел, ф. 2, Государственная академия истории материальной культуры, оп. 1 д. 197. Работа в Херсонесе. 1926 г., 1926 г., 130 л.
8. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. / К. Э. Гриневич // Крым. – 1927. – № 1 (3). – С. 112–113.
9. Гриневич К. Э. Раскопки Гераклеийской экспедиции 1928 г. : предварительный отчет с описанием архитектурного комплекса / К. Э. Гриневич // Крым. – 1928. – № 2 (8), вып. 2. – С. 34–71.
10. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. : предварительный отчет / К. Э. Гриневич // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 14–32.
11. Кадеев В. И. К 75-летию К. Э. Гриневича / В. И. Кадеев // Советская археология. – 1967. – № 4. – С. 187–189.
12. Сорочан С. Б. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Х. : Майдан, 2001. – 828 с.
13. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 13 д. 20. Отчеты о деятельности местных музеев : Херсонесского, Архангельского, Калязинского за 1927–1928 гг., 28.09.–27.11.1928 г., 26 л.

Асанова У. К. Експедиційна діяльність Державного Херсонеського історико-археологічного музею (20–30-і рр. ХХ ст.) / У. К. Асанова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 51–71.

На основі синтезу невідомих архівних та опублікованих джерел відновлюється картина археологічного вивчення городища і пам'яток Херсонеса Таврійського, що здійснювався в період 20-30-х рр. ХХ ст. силами експедицій, організованих як безпосередньо дирекцією музейної установи, так і низкою столичних наукових організацій (ДАІМК, ДІМ). Простежено обставини та причини конфліктних ситуацій, що виникали серед дослідників в ході процесу розкопок, визначені роль керівних профільних органів в цьому процесі. Спеціальна увага звернена на методичні розробки К. Е. Гриневича, який сформулював перспективний план вивчення городища, що дозволив протягом 30-х рр. ХХ ст. організувати перші постійні, систематичні розкопки цілого району городища.

Ключові слова: Херсонеський музей, археологічні експедиції, Державна академія історії матеріальної культури, К. Е. Гриневич, Н. Д. Протасов, Г. Д. Белов.

Asanova U. K. Transport activity Kherson State Historical and Archaeological Museum (20–30-ies XX century) / U. K. Asanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 51–71.

In the early 20's. twentieth century, there was a significant recovery of archaeological research in the Crimea. This was associated with the active work of national institutions to regulate and oversee the study and

preservation of historical and cultural monuments: Glavnauka Commissariat of the RSFSR, its specialized departments – the Department of Museum Glavnauka, GAIMK, specialized regional units – KrymOHRISa, is run by the People's Commissariat of the Crimean Autonomous Republic. Work on the study of ancient monuments have received financial support from the national authorities. process of direct organization excavation sites were to provide a single unit of state network of museums of the country. They are also entrusted with the technical support of the collection, description, registration and storage of found objects. Therefore, the main task of the Crimean museums in the study of historical monuments in the region can be described as an auxiliary. This work became the basis of the relevant archaeological museums of Crimea – Kherson and Kerch State Historical and archaeological museums, independent work on the survey of antiquity was also able to organize the archaeological department of ITC.

Most large scale, methodologically sound and complete archaeological and monument protective activities were conducted during the 20's and 30's. The twentieth century. in the Crimea in the Kherson fortress of Sevastopol. Develop principles and consistency of these works has been the subject of joint discussion of the State Directorate Chersonesos historical and archeological museum with relevant regulatory bodies – GAIMK, the Museum Department Glavnauka Commissariat of the RSFSR, VNAV the CEC of the USSR. During the formulation of plans for the study of ancient and medieval Chersonese was an active and meaningful discussion between the management of the museum institutions (represented by its director in 1924-1928. Grinevitch K. E.) and representatives GAIMK, sent to observe the excavations in 1925-1926 years. a representative (N. D. Protasov). The result of this collaboration was the conflict management and GAIMK Chersonesos museum, which led to the creation of the fall of 1926 a special commission to develop a plan of survey of Hersonissos.

The main result of K. E. Grinevich as director of the museum of Chersonesos was the suggestion of five prospective production plan of the archaeological survey of Chersonese, which involved the priorities of the organization prior to publication of material prior to excavation Chersonese direct archaeological investigation. Implementation of this plan would fill the missing documentary base for the subsequent organization of excavations in Chersonesos.

K. E. Grinevich proposed principles for excavations show consistency and comprehensiveness of there have been implemented in practice in large-scale works of the 30's., the twentieth century, are produced in the northern part of the settlement under the direction of D. Belov. These excavations have allowed for the first time to fully trace the development of life in the ancient and medieval era to the integrity of the area towns, discover some of the most significant monuments of the museum.

During the 20's and 30's., the twentieth century State Chersonese Historical and Archaeological Museum held as a separate administrative and research center for the study of ancient and medieval periods of the history of individual regions of the Crimea. The scale and quality of the research data allow us to estimate the work as model for the level of scientific research of the period studied.

Keywords: Chersonesos museum, archaeological expeditions, State Academy of the History of Material Culture, K. E. Grinevich, N. D. Protasov, G. D. Belov.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

УДК 94(477)»19»:314

НАБОРИ ДО ЗАКЛАДІВ СИСТЕМИ ТРУДОВИХ РЕЗЕРВІВ ЯК ФАКТОР ДЕФОРМАЦІЇ СТАТЕВО-ВІКОВОЇ СТРУКТУРИ НАСЕЛЕННЯ КОЛГОСПНИХ СІЛ

Гаврилов В. М.

*Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка, м. Київ, Україна
E-mail: gavrilloff_vl@mail.ru*

Стаття присвячена вивченню окремих аспектів демографічних процесів у середовищі повоєнного українського села. У матеріалі здійснено аналіз заходів влади по проведенню наборів до навчальних закладів системи трудових резервів, організації функціонування цих закладів, соціального протесту призваних контингентів, визначено наслідки навчально-мобілізаційної державної політики.

Ключові слова: відбудова, мобілізація, навчання, трудові резерви, демографія, деформація, структура населення.

Демографічні проблеми сучасного українського села, демографічна деградація окремих сільських територій мають у своїй основі історичну детермінанту. У перші повоєнні десятиліття серед низки факторів, що визначали демографічні процеси українського села, варто виокремити чинники організованих владою кампаній навчально-трудова мобілізацій.

Окресленій проблемі мобілізації молоді на навчання до закладів системи трудових резервів, більш відомими як школи фабрично-заводського навчання (ФЗН), залізничні та ремісничі училища, з точки зору відбудови, та з позиції наслідків для соціальних процесів на селі присвячено ряд спеціальних і відповідних розділів узагальнюючих досліджень [1]. У них наголошується на всенародному характері відбудови промислових центрів країни, шефстві колгоспів над окремими підприємствами та шахтами, яке проявлялось і у комплектуванні їх робочою силою, трудових досягненнях робітників. Натомість замовчувались негативні наслідки цих мобілізацій для розвитку села. Загалом дослідження радянського періоду обходили незручні теми, пов'язані з відбудовою, серед них і проблему поглиблення деформації структури сільського населення після війни. Головним чинником, що її зумовлював, називалась війна [2]. Це дійсно так, але він суттєво доповнювався іншими суб'єктивними причинами, і, перш за все, масовими мобілізаціями молоді. Під кутом зору наслідків для демографії села його виробничих можливостей та соціального становища у сучасній історіографії робиться аналіз мобілізаційних заходів держави на відбудову та навчання до ФЗН [3]. Серед інших факторів, що деформували всю структуру сільського населення, мобілізації, за висновками дослідників, посідали одне з чільних місць [4].

Метою даної статті є аналіз заходів влади по проведенню наборів до закладів системи трудових резервів, організації функціонування цих закладів, соціального протесту призваних контингентів, визначення наслідків цієї державної політики.

Практика наборів до шкіл ФЗН була започаткована ще у 1939 р. після звітної доповіді Сталіна про роботу ЦК ВКП(б), на XVIII з'їзді партії [5]. Відповідно до рішень з'їзду було розроблено законодавство про призов і розпочалося його негайне впровадження в життя. Указ Президії Верховної Ради СРСР від 2 жовтня 1940 р. дозволяв РНК СРСР щороку мобілізувати до 1 млн. молоді. Голови колгоспів були зобов'язані щорічно виділяти по два чоловіки чоловічої статі у віці 14-15 років до ремісничих і залізничних училищ та у віці 16-17 років – до шкіл ФЗН з розрахунку на кожних 100 членів колгоспів [6, с. 774]. Відповідною постановою РНК СРСР створювалась виконавча вертикаль на чолі з Головним управлінням трудових резервів.

Нового розмаху, значно посиленого, набори до ФЗН та ремісничих училищ набули після визволення окупованих територій України. Постанова державного комітету оборони від 26 жовтня 1943 р. «Про першочергові заходи по відновленню вугільної промисловості Донецького басейну» передбачає що до кінця року необхідно довести кількість робітників у Донбасі до 300 тис. чол., а також відновити і організувати мережу шкіл ФЗН до лютого 1944 р. з контингентом 40 тис. чол. та ремісничих училищ з контингентом 10 тис. чол. [7, с. 169].

Примусові набори до промислових регіонів країни на відбудову зруйнованих шахт, підприємств широко проводились майже відразу після визволення і практично до закінчення другої повоєнної п'ятирічки. Потреба в масових робітничих професіях вирішувалась шляхом підготовки в мережі шкіл ФЗН, які організовувались при виробничих підприємствах, та ремісничих училищах. У перші роки відбудови через систему підготовки в школах ФЗН пройшло понад 859 тис. молодих робітників [8, с. 106]. На підприємствах, в установах і організаціях республіки упродовж п'ятирічки в середньому за рік навчалось нових професій 513 тис., а підвищували кваліфікацію 821 тис. робітників і службовців [9, с. 280].

На час початку першої повоєнної п'ятирічки промислово-виробничий персонал УРСР становив лише 1,3 млн. осіб, тоді як останнього передвоєнного року він налічував 2,6 млн. осіб [10, с. 27]. Тому керівництво держави вдається до випробуваних мобілізаційних заходів у сільськогосподарських регіонах. Проблеми кадрів робітників для відбудови командна економіка вирішує перевіреним шляхом – залученням для цих потреб величезної кількості селян [11]. Уже на першому етапі відбудови у промисловість і транспорт було мобілізовано близько мільйона чоловіків та жінок, переважно сільських жителів. Подібні заходи суттєво впливали на демографічні процеси в українському селі. При цьому наголосимо, що сільські регіони після визволення самі перебували у складному демографічному становищі.

У школах ФЗН здійснювалась підготовка масових робітничих професій: токарів та фрезерувальників, свердлувальників, слюсарів та ковалів для нескладних робіт, електро- та газозварників, електромонтерів освітлення, теслярів, мулярів, крівельників, столярів, бондарів, токарів по дереву, а також робітників для металургійної, хімічної, легкої промисловості, промисловості будівельних матеріалів, залізничного та річкового транспорту. Термін навчання у цих школах тривав 6 місяців. Витрати

на утримання одного учня школи становили 4 954 крб. з них: на харчування – 1 966, на обмундирування – 132, навчальні витрати – 1 574, інші витрати – 99 крб. [12]. Випускникам шкіл присвоювались робітничі кваліфікації 3–4 розрядів.

На відміну від шкіл ФЗН навчання у ремісничих училищах тривало 2 роки, випускники отримували дипломи з присвоєнням кваліфікацій 4–5 розрядів. У цих навчальних закладах проводилась підготовка слюсарів, токарів, фрезерувальників, столярів, електромонтерів, ковалів, майстрів по обслуговуванню металоріжучих автоматів та напівавтоматів, інструментальників, лекальників, помічників машиністів турбін, електрозварників, а також робітників для вугільної, хімічної, металургійної промисловості, залізничного та річкового транспорту. Розрахункові витрати на одного учня склали 16 265 крб. з них: на харчування – 7 160, обмундирування – 3 334, навчальні витрати – 5 329, інші витрати – 444 крб. [13].

Уже у листопаді 1943 р. перші контингенти мобілізованих зі звільнених від окупантів Чернігівської та Сумської областей були направлені на Донбас. Але незгодженість роботи різних відомств зривали відправку молодих робітників. Наприклад, із мобілізованих на 30 листопада 1943 р. 195 чол. у Коропському районі відправили лише 45. Решта після двотижневого сидіння на залізничній станції Бахмач розійшлася по домівках. Уповноважений Коропського райвиконкому Г. Г. Билько у доповідній писав: «Представники Донбасу зовсім не піклуються про матеріальне та побутове облаштування мобілізованих, а також не сприяють швидкій відправці людей на місце роботи чи навчання» [14]. Постанови та рішення райвиконкомів щодо наборів молоді до промислових районів від цього часу разом з плановими показниками передбачають репресивні заходи, як стосовно мобілізованих за порушення призовного законодавства, так і у відношенні до осіб, що реалізовували їх на місцях [15]. Вказівка Чернігівського облвиконкому зобов'язувала всі райвиконкоми негайно завести облік працездатного населення сіл: чоловіків від 18 до 55 років, жінок від 18 до 50, а також підлітків від 14 років. При виконкоммах вводились посади завідуючих мобілізацією з оплатою праці 600–800 крб. залежно від категорії до якої відносився район [16]. Зазначимо, що у перші тижні після визволення мобілізація також проводилась на місцеві підприємства, тимчасові роботи, тощо. Але досить швидко набирала оберти кампанія наборів робітників та учнів ремісничих училищ та шкіл ФЗН до великих індустріальних центрів. Так, із Сумщини лише у 1943 р. за межі області мало бути мобілізовано понад 20 тис. молодих селян [17].

Переважає більшість навчальних закладів комісаріату трудових резервів була зосереджена у промислових регіонах республіки. На 1 травня 1944 р. в УРСР діяло 88 ремісничих та 14 залізничних училищ, 192 школи ФЗН [18]. Але вже на 1 серпня 1944 р. у 15 областях УРСР передбачалось створити 498 шкіл та училищ, які підпорядковувались системі комісаріату трудових резервів, з контингентом учнів 172 685 чол., але в сільськогосподарських областях їхня кількість була дуже незначною.

З метою перевірки якості облаштування шкіл ФЗН була створена спеціальна комісія, у матеріалах роботи якої було відзначено, що керівники організацій, на базі яких були утворені школи ФЗН, не забезпечують школи паливом, твердим інвентарем та ремонтом гуртожитків. Для повного забезпечення взуттям необхідно було 1 600 пар, а було в наявності тільки 300. Верхнього одягу було на 25% контингенту,

а зимових ковдр не було зовсім [19]. Центральний партійний друкований орган – газета «Правда» критикував незадовільну роботу по підготовці шкіл ФЗН та ремісничих училищ до роботи [20]. Доповідні із райкомів партії Сталінської області на ім'я О. І. Кириченка свідчать про повну неготовність шкіл ФЗН до прийому контингентів і навчально-виробничої роботи [21].

За повідомленнями до ЦК КП(б)У зі шкіл промислових областей «окремі області призивають юнаків і дівчат без одягу, взуття, документів, хворих». «Є випадки, коли до шкіл прибувають хворі, інваліди, вагітні» [22]. Через відсутність санітарної обробки контингентів, котрі направлялись на Донбас часто мали місце випадки поширення інфекційних хвороб [23]. Реевакуація та значний приплив робочої сили з усієї України визначили цей регіон як найбільш загрозливий з точки зору поширення інфекцій [24]. З ряду причин прибулі у жовтні 1944 р. учні до школи ФЗН № 63 навіть з початком 1945 р. до занять не приступили, «теоретичне навчання по 116 годинній програмі не організовано, в гуртожитках брудно, відсутній елементарний порядок, 10 учнів захворіли висипним тифом» [25].

Упродовж 1944 р. до Сталінської області прибули 800 підлітків 1930–1931 років народження, а ця вікова група взагалі призову не підлягала. Також за висновком ЛТЕК уже в школах, 250 чол. були визнані непридатними до навчання. Постанова РНК УРСР та ЦК КП(б)У від 12.09.45 встановлювала план набору до ФЗН у кількості 34 950 чол., але Сталінська область зовсім не була готова до прийняття такої кількості – приміщень було лише на 16 тис чол. Згодом план був дещо зменшений до 30 050 чол. На 1.12.45 було прийнято 29 105 чол. [26]. Як наслідок перевірка школи №29 на 10.01.1945 р. засвідчила, що виробнича практика для контингенту у 230 чол. організована лише для 80. Решта виробничого навчання не проходить. Зовсім не мали верхнього одягу та взуття 97 чоловік [27]. За 10 днів серпня 1945 р. у листах із шкіл № 63 та №103 Маріуполя було виявлено 55 скарг на незадовільне харчування, погані побутові умови, важку працю» [28].

Через відсутність спецодягу та взуття у школах ФЗН на базах шахт комбінату «Сталіновугілля» не навчались 4 100 чол., на базах підприємств наркомату чорної металургії – 2 500 чол., наркомату будівництва – 1 500 чол., інших наркоматів – 1 тис. чол. [29]. Велика кількість учнів через брак взуття у зимовий час не могла навіть відвідувати їдальні. Загалом весь комбінат на 1944 р. взуттям був забезпечений лише на 45% [30]. На початок 1945 р. у деяких школах не було закінчено капітальний ремонт гуртожитків та відчувалась відсутність палива. Взагалі житлова проблема стояла досить гостро. На 1944 р. трест «Зуевантрацит» був забезпечений житлом на 48%, «Калінінвугілля» – на 44%, «Артемвугілля» – на 33%.

Військова цензура НКДБ УРСР у процесі перлюстрації поштової кореспонденції за перший квартал 1944 р. виявила 4 582 листи зі скаргами на тяжкі матеріально-побутові умови та продовольчі труднощі.

Тож не дивно, що за 5 місяців 1944 р. самовільно залишили школи ФЗН 2 552 учні, і з часом потік втікачів все зростав [31]. Зважаючи на це, 30 квітня 1945 р. була видана постанова ЦК КП(б)У «Про заходи по закріпленню і збереженню контингентів учнів в ремісничих, залізничних училищах і школах ФЗН», яка зобов'язувала всі причетні установи до покращення побутових та виробничих умов у цих навчальних

закладах. Ця постанова не була виконана, оскільки вже 29 грудня 1945 р. бюро по обліку і розподілу робочої сили при Раді Народних Комісарів УРСР звертається в управління кадрів ЦК КП(б)У з проханням вплинути на союзні наркомати, на базі яких створені школи ФЗН, щоб з їхнього боку було вжито заходів по покращенню побутового обслуговування учнів, так як мали місце випадки вже масових втеч, а також цензурою були виявлені листи з інформацією що «будуть втікати всі» [32]. До всіх областей, районів і сільрад було доведено наказ прокурора СРСР від 7 березня 1944 р. про розшук і затримання дезертирів з промислових підприємств, а також встановлювалась відповідальність керівників підприємств, установ і колгоспів винних у приховуванні і незаконному прийомі на роботу дезертирів з промислових підприємств [33]. Крім того, 27 червня 1944 р. вийшов указ «Про посилення боротьби з дезертирством». Але посилення каральних заходів не дало бажаного результату, оскільки виявляли, як правило, «місцевих» дезертирів, а новоприбулі колгоспники з центральних та західних областей залишались поки-що недосяжними. Крім того, уже у 1944 р. спостерігаємо відмову молоді від трудової мобілізації. За цей рік тільки у Сумській області до кримінальної відповідальності було притягнуто 531 чол. [34].

Для того, щоб забезпечити максимально можливу мобілізацію до шкіл ФЗН, на контроль брались учні середніх шкіл з 7 класу, і списки подавались до райвиконкому. Окрім того, додатковий облік юнаків здійснювався за призовними списками військкоматів.

Оскільки опір батьків призовників подібним заходам держави був цілком природним, виконкомі рекомендували головам колгоспів і сільрад направляти до шкіл ФЗН «свідомих» батьків по 1-2 чоловіки для ознайомлення з виробничими та побутовими умовами в них, та заслуховувати їхню інформацію на загальних колгоспних зборах. Вимагалось також проведення районних зборів представників молоді, де «роз'яснювались» закони про призов до ФЗН, порядок і умови навчання та праці, закони про відповідальність батьків за порушення дітьми призовного законодавства. Голови колгоспів і сільрад були попереджені про особисту відповідальність за належну організацію призову. Перед ними також ставилось завдання забезпечити першочерговість відправки до ФЗН дітей партійного та радянського активу, а також комсомольців. Але цікавий факт – серед призваних на Донбас до квітня 1944 р. комсомольці становили лише чверть [35]. Ця тенденція збереглася в наступні роки і її показник на кінець п'ятирічки не перевищував 37 – 40% [36].

В агітаційній роботі рекомендувалось широко використовувати місцеві приклади добровільної подачі заяв, а також листи та звернення учнів шкіл ФЗН із молоді району, що були призвані раніше [37]. Директорам шкіл ФЗН промислових районів було направлено клопотання з проханням організувати серед молоді, призваної з областей мобілізації, написання листів та звернень учнів із закликом вступати до шкіл ФЗН Донбасу [38]. Такі листи справді використовувались, але їх було небагато і мали вони майже однаковий зміст, тому районна преса їх просто копіювала. Типовість звернень в цих листах наводить на думку про їхнє спільне джерело.

Що ж до дійсного стану речей в школах ФЗН, то його яскраво ілюструє звіт про проведення перевірки матеріально-технічних умов шкіл ФЗН, «де були виявлені факти кричущих порушень рішень партії та уряду з цього питання» [39]. Як вияви-

лось, житлові умови в школах ФЗН були абсолютно незадовільними. Житлова площа на одного учня складала від 1,8 до 2,2 м². У результаті такого великого скупчення гігієнічні умови були нестерпними. «Внутрішній вигляд гуртожитків незадовільний, стіни голі, штукатурка біля ліжок витерлась, твердий інвентар вимагає заміни або ремонту. Особливо тяжкі матеріально-технічні умови в школі № 3, яка створена на базі обласного будівельно-монтажного управління № 318. Приміщення старе, умивальники стоять у підвалі, в результаті чого учні по кілька днів не вмиваються. Їдальня ФЗН вранці використовується як нарядна, і там постійно накурено і брудно. Приміщення їдальні не опалюється, тому учні їдять тепло вдягненими. У школах не налагоджено прання білизни. Вона має темно-сірий колір з плямами. У результаті такого ставлення в учнів шкіл виявлено воші» [40].

Не кращою була ситуація і у школах, що розташовувались на базі промислових підприємств. Так, доповідна заступника начальника головного управління ремісничих, залізничних училищ та шкіл ФЗН УРСР Є. Сизоненка «Про стан житлово-побутових та виробничих умов у школах ФЗН Сталінської області» свідчить не тільки про відсутність мінімальних умов для праці, але і про факти злочинного поводження з учнями. Наприклад, учнів часто прикріплювали до старших робітників і всю вироблену продукцію, 2-3 і більше норм, записували останнім з відповідним нарахуванням заробітної плати. Крім того, учнів ставили до роботи поряд з ув'язненими, внаслідок чого непоодинокими були випадки побиття. Після робочих змін учні в баню допускались останніми або взагалі йшли відпочивати брудними до гуртожитків, де «немає порядку і затишку, білизна брудна, катастрофічно відсутній твердий інвентар» [41]. Непоодинокими були випадки побиття учнів майстрами виробничого навчання [42]. У школах №№ 170, 171, 172, тресту «Орджонікідзевугілля» при перевірці було виявлено масове присвоєння праці учнів на користь робітників шахт. Наприклад, учень школи 172 П. Гучнин постійно перевиконував норму, а в окремі дні навіть на 200%, але за місяць „заробив» лише 42 крб. „Подібне становище широко поширене в більшості вугільних шкіл ФЗН області,» – зазначалось у інформації до обкому управлінням держконтролю [43].

Отже, між офіційними пресовими повідомленнями і реальним станом справ у школах ФЗН прірва. Агітація якраз і розраховувалась на наївних простачків, які піддадуться на пропозицію пожити по-людському, отримувати еквівалентну праці платню. У той же час держава не забезпечувала належні умови праці та відпочинку для мобілізованих. «Зокрема, направлені на відбудову шахт, як правило, мешкали у гуртожитках, в яких не вистачало навіть ліжок і білизни. Справжніми тортурами для мешканців тих гуртожитків та бараків були щури та клопи» [44].

Щоб надати справі призову до ФЗН більш-менш цивілізованого вигляду, були створені медичні комісії, які відбирали призовників. Але результати їхньої діяльності були маловтішними. Протоколи медкомісій свідчать, що придатними до відправки виявились тільки 40–45% контингенту [45]. У більшості сільських хлопців навіть вага складала у середньому 50 кг. Тому не викликає подиву той факт, що вже, починаючи з 1944 р., плани призову до ФЗН та оргнаборів робочої сили не виконувались. Виконання річного плану мобілізації становило 69,4%, або в абсолютних цифрах 39 351 чол. Тут же зазначимо, що 96,2% від них становили сільські жителі [46].

Значна плінність кадрів (по деяких шахтах до 100% за три місяці) залишалась болючою проблемою упродовж 1945 р. За цей час лише підприємства комбінату «Сталіновугілля» покинуло 37 324 чол., комбінату «Артемвугілля» – 20 242 чол. [47]. На 1 січня 1946 р. у Сталінській області діяло 29 ремісничих училищ з контингентом 10 876 чол. та 89 шкіл ФЗН з контингентом 20 387 чол., а по п'ятирічному плану в училищах та школах ФЗН Сталінської області мало бути підготовлено 407 тис. кваліфікованих робітників для промисловості та транспорту [48]. Основним недоліком шкіл ФЗН був незадовільний стан житлово-побутових та навчально-виробничих умов. Ряд училищ та шкіл не були забезпечені навчально-виробничою базою. Не вистачало 1 321 металообробного станка, 130 станків по дереву, 77 700 м² житлової та навчально-виробничої площ. Також незадовільно забезпечувались учні спецодягом та харчуванням за встановленими нормами.

Хронічна відсутність контингентів для мобілізацій та негативні відгуки втікачів про побутові і виробничі умови в школах ФЗН стояли на заваді новим кампаніям по набору робочої сили. Різкій критиці з боку партійних органів піддавалось керівництво шкіл та організацій, на базі яких вони були створені. «У більшості училищ та ФЗН культурно-масова робота проводиться погано, як правило без врахування особливостей і запитів молоді. У вільний час для учнів не організовано культурне дозвілля. Наявні клуби, бібліотеки не мають достатньої кількості літератури, культурного та спортивного інвентарю», – зазначалось в констатуючій частині постанови ЦК КП(б)У від 25 червня 1947 р. [49]. Начальник головного управління трудових резервів П. Г. Москатов у телеграмі до ЦК КП(б)У також наголошував на неприпустимості і незаконності рішень виконкомів Дніпропетровської, Ворошиловградської, Кіровоградської облрад про масове направлення учнів ремісничих училищ та шкіл ФЗН на збирання врожаю [50]. Така обстановка змушувала підлітків шукати способів уникнення від призову, або шляхів втечі додому вже з місць розташування шкіл. Результати роботи міліції по поверненню контингентів втікачів становили у середньому 16–20% [51].

Лише у повній відповідності із планом відбувалась мобілізація до ФЗН військово-в'язаних запасу. У 1947 р. із Сумської області було відправлено 2 600 чол. з Чернігівської – 1 809 чол., що становило 100% виконання [52].

Не покращилось становище з питань призову і в 1948 році. На радіонаradі з питань проведення оргнабору та призову до ФЗН, яка відбулась 20 листопада, панувала істерія, бо багато районів не дали жодної людини в мобілізацію. [53].

У цей час багато голів сільрад за зриви планів набору були звільнені зі своїх посад, але, караючи своїх підлеглих, районне керівництво було свідоме того, що плани мобілізації виконуватись не будуть. У деяких районах заздалегідь були заготовлені бланки за підписами секретарів РК КП(б)У та голів райвиконкомів з пропущеними прізвищами голів сільрад, у яких критикувалась робота останніх у цьому напрямку [54].

Молодь всіма правдами і неправдами намагалась уникнути відправки до ФЗН. Частими випадками було симулювання хвороб, зникнення, поки не пройде черговий набір, вербування на місцеві тимчасові роботи: лісосплави, торфорозробки тощо. Але і сам факт відправки мобілізованого контингенту ще не означав успіху. У

З кварталі з плану призову 5 тис. чоловік було відправлено 3 705 – 74,1%. За час перевезення, з них зникло 1 217 чол. – 32,9%. Із тих, хто залишилися, 14,1% не були прийняті до шкіл: одні за станом здоров'я – 7,3%, інші були без документів. Загалом зараховані призовники становили 41,2% [55].

Представники облвиконкомів, які супроводжували призовну молодь, висловлювали різке обурення з приводу байдужого ставлення до прийому. «Школи не приготвлені, ніхто не зустрічає, приймають лише на третій день після прибуття, не ставлять на забезпечення» [56]. Уповноважені всіма силами намагаються залишити молодь, зібрану з великими труднощами в школах, але це не завжди їм вдавалося. Згідно звіту такого уповноваженого – І. Шурмиля, котрий привіз до Лисичанська 429 чол. призовників, директор школи № 23 Кочергин заявив, що йому потрібно лише 100 учнів, та завдяки «старанням» вдалося влаштувати до школи 267 чоловік. Про аналогічні факти порушень призовного законодавства писав у своїй доповідній начальнику головного управління трудових резервів П. Г. Москатову заступник голови облвиконкому Я. Г. Гнилуша, який 3 дні намагався здати призовників до школи. «Хіба це піклування про призовників, коли возимо їх зі школи до школи і прохасмо прийняти, а це відображається на них – як зустрічають і приймають, так в подальшому і піклуються про них» [57]. Його припущення було недалеко від істини.

Доказом цього є потік втікачів, який ринув з промрайонів до рідних місць. Так, за 6 днів зі школи ФЗН № 14, яка була організована на базі шахти «Комсомолець», дезертирувало 16 чоловік з Холминського району Чернігівської області [58]. 6 з них було спіймано і віддано до суду, а за інших 10-х направили до району прохання повернути їх назад. На місцях дезертирів, як правило, відловлювали і відправляли в чергову мобілізацію до якогось іншого закладу ФЗН. У зв'язку з тим, що втечі з ФЗН набули масового характеру, Генеральний прокурор СРСР 31 липня 1947 р. видав наказ «Про посилення боротьби з порушеннями Указу Президії Верховної Ради СРСР від 20 грудня 1940 р. у ремісничих, залізничних, училищах та школах ФЗН», згідно з яким підлягали суду не тільки втікачі, а й особи, які винні в переховуванні підлітків, тобто, як правило, батьки. Та незважаючи на це, потік втікачів не зменшувався. За інформацією прокурора Сталінської області протягом 1947 р. із шкіл втекло 18 636 чол. [59]. Однією з вирішальних причин величезної кількості втеч міністр трудових резервів В. Пронін у листі до Сталіна назвав погані житлово-побутові умови: «Як правило новоприбулих розселяли по 10-30 чоловік в одній кімнаті, і часто у неприлаштованих приміщеннях» [60]. На 531 перевірених у 1948 р. промислових та будівельних об'єктах, шахтах із 158 тис. молодих робітників працювали не за спеціальністю, отриманій у ФЗН, 21 тис. та з пониженими розрядами – 16 тис. По деяких вугільних трестах використання молодих робітників не по спеціальності досягало 45% [61]. У згаданому листі міністр зазначив, що подібний підхід є дуже неефективний, оскільки самі «колгоспи відчувають нестачу в чоловічій робочій силі, бо нерідко до шкіл ФЗН призивається кваліфікована частина молоді – трактористи, бригадири, водії, але і в промисловості ця робоча сила не знаходить ефективного застосування» [62].

За 10 місяців 1948 р. школи ФЗН покинули 26 617 чол. або 8,8%, ремісничі училища – 1 972 чол. – 1,5% [63]. Як зазначалось у доповідній записці до ЦК партії,

«наявність втеч та невиконання планів призову молоді привели до того, що встановлений план підготовки робітників у 1948 р. було виконано на 73,4%» [64]. Особливо незадовільно була організована робота по призову в областях, які повинні були направляти молодь до шкіл ФЗН вугільної та металургійної промисловості Донбасу. Так, по Сумській області план було виконано на 44,9%, Вінницькій – 48,8%, Полтавській – 53,1%, Кам'янець-Подільській – 54,5%, Житомирській – 63,4%, Чернігівській – 47,4%. Крім того, за рік під час перевезення втекло близько 14 тис. чол.

У цей час офіційно були зафіксовані факти влаштування облав з метою затримання і відправки до ФЗН молоді в Сумській та Чернігівській областях [65]. Взагалі, грубе адміністрування було типовим явищем і неодноразово на обласних нарадах його відзначали як серйозний недолік призовних кампаній [66]. Незважаючи на категоричну заборону направляти молодь до ФЗН без відповідних документів і паспортів, цей порядок також постійно порушувався. Тільки до Ворошиловградської області за 1948 р. таких прибуло 525 чол.

Загалом упродовж 1945–1948 рр. у промисловість УРСР було направлено 616,6 тис. кваліфікованих робітників, які закінчили навчальні заклади Міністерства трудових резервів. Але на обліку наприкінці 1948 р. перебувало 286,7 тис. чол. Отже, за 4 роки вибуло 329,9 тис. молодих робітників, у той же час вони, відповідно до законодавства, мали відпрацювати в промисловості 4 роки. Було встановлено, що плинність молодих робітників сягала 42% [67]. Причинами плинності називались незадовільні матеріально побутові умови: необлаштованість гуртожитків, погане харчування, невідача одягу, взуття, білизни, та відсутність належних виробничих умов: використання не по спеціальності, на допоміжних роботах, з пониженням розрядів.

Пояснюючи причини низьких показників призову секретар Сумського обкому І. Іванов у листі до ЦК писав: «На проведення призову молоді у 1949 р. впливає наявність у всіх районах молоді, що дезертирувала із ФЗН Сталінської області, і в даний час проживає в Сумській області» [68]. Тільки з призову першого кварталу 1949 р. в області до 1 жовтня було виявлено понад 500 чол. втікачів, яких повернули до шкіл [69]. Цікавий факт – по Гришинській сільраді Талалаївського району у 1949 р. на обліку перебувало 17 чол. молоді і 13 з них раніше дезертирувала із шкіл ФЗН [70].

Загалом за 1944 – 1949 рр. у порядку оргнабору та призову до ремісничих, залізничних училищ та шкіл ФЗН було направлено до промисловості зі складу сільського населення 2 558,6 тис. дорослих селян та молоді. Як наслідок, у колгоспах відчувався гострий брак робочої сили, особливо зважаючи на розвиток трудомістких галузей сільського господарства, а подальші набори ще більше поглиблювали і так деформоване співвідношення між чоловіками та жінками на селі. Крім того, з року в рік підривалась економіка слабких колгоспів. Аналізуючи дані виконання плану мобілізації за 1946 – 1949 рр. на рівні 58,4%, можемо стверджувати не лише про стійку тенденцію зменшення набраних з року в рік, але і про гостру проблему з народонаселенням цієї вікової групи у колгоспних селах.

Наступний 1950 р. також кардинально не відрізнявся від попередніх, щодо мобілізацій. Порівняння показників грудня 1949 та 1950 рр. свідчать про стабільне зниження темпів мобілізації [71]. З призваних лише в березні 1950 р. згідно постанови Ради Міністрів УРСР та ЦК КП(б)У № 27/4 від 1.03.1950 р «Про призив (мобі-

лізацію) молоді до шкіл ФЗН та гірничо-промислових шкіл» велика кількість повернулася до своїх домівок. Головною причиною було те, що ряд шкіл ФЗН та гірничо-промислових шкіл Ворошиловградської області не підготувались до прийому молоді та не забезпечили бодай мінімальних умов. Школи № 17 та № 63 зтягнули прийом молоді, що вже прибула, на три дні. Через відсутність транспорту до шкіл доводилось добиратись пішки по 16 – 20 км. Гуртожитки в цих школах були зовсім не підготовлені і призовників розмістили у пустих кімнатах на голих долівках, до того ж, у ці дні не було налагоджене організоване харчування. У школі № 84 у частини прибулої молоді в перший же день було вкрадено особисті речі [72].

Велика плінність молодих робітників, призваних до шкіл ФЗН та ремісничих училищ залишалась однією з головних проблем мобілізацій. Проблеми соціальної адаптації призваних контингентів постійно супроводжували ці кампанії. Втечі були типовим явищем як для шкіл, так і у подальшому для промислових підприємств. Лише за половину 1950 р. з переданих на підприємства молодих робітників, що закінчили школи ФЗН та ремісничі училища, вибули 54,7 тис. чол., з них самовільно 21,8 тис., підприємства металургійної промисловості залишили 4,1 тис., з них самовільно 1,7 тис., з будов важкої індустрії вибуло 9,4 тис. чол. – самовільно 2 тис. [73]. Лист Головного управління училищ і шкіл ФЗН від 9.01.1951 р. забороняє проводити вільний набір молодих робітників, що закінчили ремісничі училища та школи ФЗН і перебувають на обліку Міністерства трудових резервів, оскільки мають відпрацювати за направленнями чотири роки підряд [74].

Часті зміни у планах наборів відбувались також через невідповідність шкіл до прийому та багато інших причин, і, як наслідок, робота обласних контор по організації набору робітників була повністю дезорганізована. Наприклад, загальноукраїнський показник набору на 1.01.1953 р. було виконано на 89,8%. Але вже упродовж січня 1953 р. на адресу облконтори оргнабору надійшло 9 телеграм від головного управління ремісничих, залізничних училищ та шкіл ФЗН УРСР про те, щоб чернігівська контора оргнабору призупинила відправку робітників підприємствам Міністерств чорної металургії, важкої індустрії, вугільної промисловості, лісової промисловості в зв'язку з невідповідністю цих підприємств до прийому. Таке керівництво з боку головного управління у питанні організованого набору робітників для промисловості не сприяло якісній роботі облконтор оргнабору по виконанню державних завдань і створювало в ряді випадків важкі умови для подальшої роботи по набору.

Як бачимо, спостерігається стійка тенденція не тільки до зниження показників виконання, але і до невиконання планів мобілізації молоді на навчання у ФЗН, з огляду на суттєве обезлюднення села. Це мало свої конкретні причини. Перш за все, це наслідки окупаційної політики німецької адміністрації. На прикладі двох типових сільськогосподарських регіонів – Сумської та Чернігівської областей спробуємо кількісно показати ці зміни. Так, населення Сумської області на момент визволення порівнюючи із переписом 1939 р. зменшилося на 420,9 тис. чол., Чернігівської – на 461,3 тис. чол. [75]. Крім того суттєві зміни відбулися в складі сільського населення робочого віку. За період окупації із Сумської області на примусові роботи було вивезено 84 тис. чол. [76]. Робоче сільське населення Сумської області у листопаді 1943 р. становило 480 тис. чол. проти 788 тис. у 1939 р., Чернігівської – відповідно

559 та 843 тис. чол. [77]. Суттєвої деформації зазнала статево-вікова структура сільського населення загалом, і робочого віку зокрема. Жінки в аграрному секторі економіки Сумської області становили 76,4%, Чернігівської – 71,9% [78].

Оскільки молодь та робітники з колгоспів йшли на поповнення кадрів до вугільної та металургійної промисловостей, а також на будови у важкій індустрії, то набір головним чином відбувався за рахунок чоловічої частини працездатних селян. У зв'язку з цим її складова в колгоспах різко скоротилась і становила по віковій групі 20-29 років – 33,4% до загальної кількості колгоспного населення. В окремих областях їх було ще менше. Згаданий показник становив по Полтавській області 31,6%, Херсонській – 31,4%, Сумській – 3,2%, Чернігівській – 30,7% [79]. Про глибинний і тривалий характер деформації можна стверджувати аналізуючи дані перепису населення 1959 р. Згідно них загальноукраїнський показник зазначеної категорії становив 30,1% [80, 75].

Наступне, і також дуже важливе – непродуманість подібних акцій з точки зору перспектив розвитку сільського господарства. Не можна заперечити значних успіхів у відбудові промисловості, але примусові мобілізації значно поглибили післявоєнну кризу всього села, через недалекоглядну демографічну, аграрну та соціальну політику. Це проявилось, зокрема, у значному зменшенні кількості сільського населення, як через мобілізації, так і через збільшення темпів урбанізації, зважаючи на нерівномірність життєвого рівня населення міста і села. Мобілізації викачували з села чи не найголовніші ресурси – молодь, що незаперечно негативно вплинуло на подальший розвиток всього сільського господарства. Призовники, за винятками тих, хто наважувався на втечі, як правило, залишались працювати у промислових центрах, а село позбавлялося необхідної кількості робочих рук. Лише частково вирішувала цю проблему демобілізація зі збройних сил колишніх селян після завершення бойових дій та зменшення контингентів окупаційних зон. У перші роки відбудови зруйнованого господарства були демобілізовані лише старші вікові групи, і, взагалі, цей процес був розтягнений у часі.

Отже, можна заперечити цілковитий позитив у оцінках процесів мобілізацій до ФЗН, що панував у радянській історіографії. Натомість, навпаки, можна твердити про непродуманість таких масштабних кампаній по вилученню робочої сили з сільськогосподарського сектору економіки.

Таким чином, можемо зробити висновок про досить складні економічні та демографічні умови життя селян-колгоспників. Післявоєнні економічні негаразди впливали і на міграційні процеси в середовищі сільського населення. Але незначна когорта добровільних мігрантів розчинялась у масових щорічних переселенських кампаніях до різних сільськогосподарських та промислових регіонів держави. Організовані міграції проводились поряд із мобілізаціями молоді на навчання та відбудову зруйнованих шахт та промислових підприємств. Аналіз наслідків цих акцій дає можливість наголосити на значному уповільненні темпів відтворення сільського населення та глибокій деформації його статево-вікової структури.

Список використаної літератури

1. Хорошайлов М. Всенародна допомога у відбудові Донбасу в роки Великої Вітчизняної війни / М. Хорошайлов // Український історичний журнал. – 1966. – № 11. – С. 113 ; Хорошайлов М. На від-

**НАБОРИ ДО ЗАКЛАДІВ СИСТЕМИ ТРУДОВИХ РЕЗЕРВІВ ЯК ФАКТОР ДЕФОРМАЦІЇ
СТАТЕВО-ВІКОВОЇ СТРУКТУРИ НАСЕЛЕННЯ КОЛГОСПНИХ СІЛ**

будові : з історії відбудови Донбасу / М. Хорошайлов. – Донецьк, 1966. – 179 с. ; Буцько М. Донбас відбудовувала вся країна / М. Буцько // Архіви України. – 1974. – №1. – С. 24 ; Буцько М. Коммунистическая партия – организатор всенародной помощи Советской Украине в восстановлении народного хозяйства в годы Великой отечественной войны / М. Буцько. – К., 1962. – 177 с.

2. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов : [сб. ст. / ред. Д. И. Валентей]. – М., 1970. – 224 с.

3. Кульчицкий С. В. Новітня історія України / С. В. Кульчицкий // УІЖ. – 1991. – № 10 ; Кравченко Э. Л. Обеспечение рабочей силой угольных предприятий Донецкой области (1943–1945) / Э. Л. Кравченко // Новые страницы в истории Донбасса : статьи [сост. З. Г. Лихолобова]. – Кн. 4. – Донецк, 1995. – 192 с., Шеремета О. В. Деякі аспекти профспілкової роботи в робітничих колективах підприємств України в роки першої повоєнної п'ятирічки (1946–1950 рр.) / О. В. Шеремета // Історія України : маловідомі імена, події, факти : зб. ст. / [відп. ред. П. Т. Тронько]. – К., 1997 – Вип. 2. – 326 с.

4. Демографические процессы в СССР в 40-е гг. : по документам «особой папки» Сталина // Отечественные архивы. – 1996. – № 2. – С. 27.

5. Отчётный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // XVIII съезд всеоюзной коммунистической партии (большевиков) : стенографический отчет. – М., 1939. – С. 23.

6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : [в 5 т.]. – М., 1968. – Т. 3. – 816 с.

7. Постановление Государственного комитета обороны от 26 октября 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : [в 5 т.]. – М., 1968. – Т. 3. – 816 с.

8. Шеремета О. В. Деякі аспекти профспілкової роботи в робітничих колективах підприємств України в роки першої повоєнної п'ятирічки (1946–1950 рр.) // Історія України: маловідомі імена, події, факти (Збірник статей) [відп. ред. П. Т. Тронько]. – Вип. 2. – К. : 1997 – 326 с.

9. Історія народного господарства Української РСР : у 3 т., 4 кн. / Ін-т економіки АН УРСР; гол. ред. І. І. Лукінов. – К. : Наук. думка, 1987. – Т. 3 : Розвиток соціалістичної економіки в період будівництва і вдосконалення розвинутого соціалізму (1938–80-ті роки). Кн. 1 : Будівництво економіки розвинутого соціалізму (1938–1960 рр.) / Т. І. Дерев'янкін [та ін.] ; відп. ред. Т. І. Дерев'янкін. – 1985. – 463 с.

10. Баран В. К. Україна в умовах системної кризи (1946–1980 рр.) / В. К. Баран; В. М. Даниленко [за заг. ред. В. А. Смоля]. – К. : Альтернативы, 1999. – 303 с. – (Серія : «Україна крізь віки»).

11. Кульчицкий С. В. Вказ. пр. – С. 12.

12. Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО України), ф. 1, оп. 23, спр. 5746, арк. 21.

13. Там само.

14. Державний архів Чернігівської області (далі ДАЧО), ф. Р-2881, оп. 2, спр. 5, арк. 58.

15. ДАЧО, ф. Р-2881, оп. 2, спр. 1, арк. 3.

16. ДАЧО, ф. Р-82, оп. 16, спр. 2, арк. 4.

17. Підраховано за: Державний архів Сумської області (далі ДАСО), ф. Р-2196, оп. 2, спр. 2.

18. ЦДАГО України, ф. 1, оп. 30, спр. 96, арк. 2.

19. Там само. – С. 4.

20. Правда. – 1944. – 1 окт.

21. Державний архів Донецької області (далі ДАДО), ф. Р-326, оп. 2, спр. 444, арк. 50.

22. Там само. – С. 5.

23. ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 1359, арк. 77.

24. Вронська Т. В. В умовах війни: життя та побут населення міст України (1943–1945 рр.) / Т. В. Веронська ; Ін-т історії України НАН України – К., 1995. – 83 с.

25. ДАДО, ф. Р-326, оп. 2, спр. 444, арк. 147.

26. ДАДО, ф. Р-326, оп. 2, спр. 865, арк. 195.

27. ДАДО, ф. Р-326, оп. 2, спр. 1054, арк. 112.

28. ДАДО, ф. Р-326, оп. 2, спр. 1054, арк. 165.

29. ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 1657, арк. 23.

30. Кравченко Э. Л. Вказ. пр. – С. 123.

- 31.Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ф. 2, оп. 7, спр. 1547, арк. 149.
- 32.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 1657, арк. 169.
- 33.ДАСО, ф. Р-2196, оп. 2, спр. 7, арк. 21.
- 34.ДАСО, ф. Р-3684, оп. 1, спр. 8, арк. 12.
- 35.Хорошайлов М. Вказ. праця. – С. 114.
- 36.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 5746, арк. 66.
- 37.Колгоспник Борзенщини. – 1949. – 13 берез.
- 38.ДАЧО, ф. 5036, оп. 4, спр. 286, арк. 279.
- 39.ДАЧО, ф. Р-5036, оп. 4,спр. 348, арк. 74.
- 40.ДАЧО, ф. Р-5036, оп. 4, спр. 348, арк. 74.
- 41.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 5746, арк. 27
- 42.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 6007, арк. 19
- 43.Там само.
- 44.Вронська Т. В. Вказ. пр. – С. 10.
- 45.ДАЧО, ф. Р-5196, оп. 2, спр. 143, арк. 16.
- 46.ДАЧО, ф. Р-5226, оп. 7, спр. 27, арк. 3.
- 47.Кравченко Э. Л. Вказ. праця. – С. 127.
- 48.ДАДО, ф. Р-326, оп. 4, спр. 471, арк. 12.
- 49.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 5746, арк. 79.
- 50.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 3583, арк. 192.
- 51.ДАСО, ф. Р-3486, оп. 1, спр. 46, арк. 23.
- 52.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 4888, арк. 281.
- 53.ДАЧО, ф. Р-5036, оп. 4, спр. 184, арк. 50.
- 54.ДАЧО, ф. Р-526, оп. 6, спр. 104, арк. 68.
- 55.ДАЧО, ф. Р-5036, оп. 4, спр. 286, арк. 281.
- 56.Там само, С. 282.
- 57.Там само.
- 58.ДАЧО, ф. Р-2634, оп. 7, спр. 14, арк. 73.
- 59.ДАДО, ф. Р-326, оп. 7, спр. 212, арк. 63.
- 60.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 5746, арк. 13.
- 61.ДАДО, ф. Р-326, оп. 7, спр. 1113, арк. 20.
- 62.Там само. – С. 4.
- 63.Там само. – С. 17.
- 64.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 5746, арк. 93.
- 65.Там само. – С. 95.
- 66.ДАЧО, ф. Р-5036, оп. 4, спр. 286, арк. 281.
- 67.ДАДО, ф. Р-326, оп. 4, спр. 1063, арк. 173.
- 68.Там само. – С. 114.
- 69.ЦДАГО України, ф.1, оп. 23, спр. 6007, арк. 45.
- 70.ДАСО, ф. Р-2196, оп. 16, спр. 24, арк. 337.
- 71.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 120, арк. 128.
- 72.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 24, спр. 419, арк. 18–20.
- 73.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 120, арк. 82.
- 74.ДАЧО, ф. Р-5174, оп. 1, спр. 46, арк. 3.
- 75.ЦДАГОУ, ф.1, оп. 23, спр. 555, арк. 10.
- 76.ДАСО, ф. Р-2196, оп. 16, спр. 24, арк. 44.
- 77.ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 23, спр. 555, арк. 14.
- 78.Там само, арк. 17.
- 79.ЦДАГО України, ф. 1, оп. 24, спр. 120, арк. 80.
- 80.Демографічна криза в Україні : причини та наслідки / [Н. С. Власенко, Г. В. Герасименко, Е. М. Ліанова та ін.] ; за ред. С. І. Пирожкова ; Державний комітет статистики України. – К., 2003. – 230 с.

Гаврилов В.Н. Наборы в учреждения системы трудовых резервов как фактор деформации половозрастной структуры населения колхозных сёл / В. Н. Гаврилов // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 72–85.

Статья посвящена изучению отдельных аспектов демографических процессов в среде послевоенного украинского села. В материале осуществлён анализ мероприятий власти по проведению наборов в учебные заведения системы трудовых резервов, организации функционирования этих учреждений, социального протеста призванных контингентов, определены следствия учебно-мобилизационной государственной политики.

Ключевые слова: восстановление, мобилизация, обучение, трудовые резервы, демография, деформация, структура населения.

Havrylov V.M. Enrolment into the institutions of labour reserve system as a factor of deformation of the sex-age structure of the population of collective farm villages / V. M. Havrylov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 72–85.

This article is devoted to the study of certain aspects of the population processes in the post-war Ukrainian villages. The article contains the analysis of the government measures on enrolment into the institutions of the labour reserve system, organization of their functioning, social demer of the enrolled population, as well as identification of consequences of the state training and mobilization policy. The attention is drawn to the fact that the demographic problems of the modern Ukrainian villages and the demographic degradation of certain rural areas is based on the historical determinant. Among the factors that were present in the population processes of the Ukrainian village, it has to be pointed out the factors of the campaigns of training and labour mobilizations arranged by the government. It is underlined the involuntary nature of the enrolment into the labour reserve training institutions. Special attention is paid to the steady tendency to the decrease of performance indices and non-performance of plans of mobilizing the youth for training. It is noted that these campaigns were always accompanied by the issues of social adaptation of the enrolled population. Social demer is expressed in the wide range of countermeasures. Significant turnover of students and young workers remained one of the main problems of the mobilization. Escapes were typical both for schools and future industrial enterprises. Since the youth and collective farm workers were recruited in the coal and metallurgic industries as well as in the building sector of the heavy industry, the enrolment was realized mainly at the expense of the male employable farmers. Due to this their share in the collective farms was drastically reduced. Mobilizations drained the villages of the most important resource – youth, which adversely affected the further development of the whole agricultural sector. The consequences of these government actions were manifested in significant decrease of the rural population both due to the mobilizations and the increase of the rate of urban extension. The analysis of these actions allows to emphasize the critical slowdown of the process of reproduction of the rural population and deep deformation of its sex-age structure.

Key words: restoration, mobilization, training, labour reserves, demography, deformation, population structure.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

УДК 929.732 (440.248)

**ВПЛИВ АНГАЛЬТСЬКО-РОСІЙСЬКИХ ДИНАСТИЧНИХ ЗВ'ЯЗКІВ
НА ІСТОРІЮ УКРАЇНИ
(ДО 800-РІЧЧА АНГАЛЬТСЬКОЇ ДЕРЖАВНОСТІ)**

Ганкевич В. Ю.

*Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, м. Сімферополь, Україна
E-mail: prgankiewiczw@yandex.ru*

Стаття присвячена багаторічним династичним зв'язкам правлячих домів Ангальта (Асканії) та Росії (Романови). Проаналізовані джерела та література за темою. Основна увага приділяється часу з XVIII до першої половини XIX століття. Окрім чисто династичного сюжету, розглядаються питання взаємного міждержавного нагородження монархів та сановників, встановлення дипломатичних відносин, впливу цих зв'язків на військові та соціально-економічний розвиток України. З цією тематикою пов'язана історія створення та розвитку ангальтської колонії в Таврійській губернії, яка пізніше стала всесвітньо відомим заповідником Асканія-Нова

Ключові слова: Асканія-Нова, Ангальт.

Маленька німецька держава Ангальт протягом складної історії Європи загалом грала свою особливу роль. Його правителі належали до одного із найстаріших домів Германії – Асканіям. Але найбільш відомими династичними зв'язками ангальтських князів та герцогів були контакти із імператорським домом Романових.

Важливим аспектом цих зв'язків було те, що вони безпосередньо впливали на карколомні події в історії України. В багатьох випадках вони стали визначальними, або такими, що формували історичний вигляд регіону.

Безпосередньо визначеному аспекту та масштабу проблеми увага ще не приділялася. Однак, окремі наукові публікації, зрозуміло, зустрічаються. Вони суттєво допомагають процесу реконструкції ролі представників Асканіїв в історії України. Серед таких вчених необхідно відзначити праці Д. М. Бантиш-Каменського, Ф. Б. Хавкинса, Й. Ф. Рельхерта, О. О. Васильчикова, В. О. Більбасова, П. К. Козлова и В. Е. Фальц-Фейна. Щодо сучасних публікацій, то треба відзначити дослідження Є. В. Пчелова, І. С. Семенова та Т. І. Лозаннської. Найближче до запропонованою до розгляду тематики стоїть стаття Х. Шванна [1].

Джерелами для цього дослідження прислужили документи та матеріали іменного Указу, наданого Сенату, що Править «Об учреждении в Таврической губернии колонии из Ангальтских поселенцев», Архіву зовнішньої політики Російської імперії (АВПРИ, Москва), Державного архіву при Раді міністрів АР Крим (ДААРК, Сімферополь), «Общий гербовник дворянских родов Всероссийския империи», «Новороссийский календарь на 1849 год» тощо.

Епізодичні контакти між російським двором та ангальтськими князями зафіксовані ще на початку XVIII століття. Саме тоді була здійснена невдала спроба вирі-

шити питання шлюбу ангальт-дессауського принца-спадкоємця з представницею родини О. Д. найяснішого князя Меншикова – княжною Олександрою [2]. Бундючний російський можновладець вважав таку партію для своєї доньки невігідною та відмовив у сватанні. Можна припустити, що невдалим нареченим був Вільгельм Густав Ангальт-Дессауський (1699–1737) – майбутній прусський генерал-лейтенант та засновник лінії рейхс-графів Ангальтських.

Але найбільш помітно представники ангальтських князів заявили про себе після рішення імператриці Єлизавети I обрати її спадкоємцю великому князю Петру Федоровичу нареченої. Нею стала представниця цербстської гілки ангальтського роду – принцеса Софія Фредерика Августа. (Як загальновідомо, пізніше вона посіла російський престол під іменем імператриці Катерини II). Княгиня Катерина Олексіївна, що перебувала у ранзі нареченої спадкоємця російської держави – Петра Федоровича, вперше відвідала Україну. У той час, наприкінці серпня – вересня 1744 р., вона знаходилася у свиті імператриці Єлизавети I. Разом із нею знаходилася і її мати – Йоганна-Єлизавета (1712–1760) княгиня Ангальт-Цербстська (уроджена Гольштейн-Готторпська) [3].

Сучасний російський історик Є. В. Пчелов доводить, що саме через материнську лінію своєї бабусі Альбетини з дому Баден-Дурлах імператриця Катерина II була споріднена навіть з Рюриковичами. У даному разі мова ведеться про те, що далекою ріднею Йоганни Єлизавети Ангальт-Цербстської «є Данило Галицький, Мстислав Великий, Володимир Мономах, Ярослав Мудрий» [4].

Але, саме із іменем імператриці Катерини II пов'язаний початок активного впливу на визначні та суперечливі події історії України XVIII–XIX століть. Зрозуміло, що підготовка, хід подій та наслідки скасування української автономії, остаточно закріпачення селянства, нобілітація української козачої старшини, знищення Запорозької Січі, приєднання Північного Причорномор'я до Російської імперії вивчені досить докладно і достатньо. Зрозуміло, що на ці важливі політичні, військові та економічні процеси переважно впливала самодержавна воля самої Катерини II. Тому зупинятися безпосередньо на цих добре відомих подіях історії України у даному разі немає сенсу.

Важливо звернути увагу наукової громадськості на ряд інших, менш помітних, але цікавих фактів династичного характеру. Під час приєднання Північного Причорномор'я до Російської імперії в битвах кількох російсько-турецьких війн активну участь приймав генерал-поручик Віктор Амадей принц Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймський (1744–1790) – дальній родич імператриці Катерини II. Його добре приймали при дворі, цінувало військове командування, поважали високі сановники. Він відзначився при штурмі Варни (1773 р.) та Очакова (1788 р.); взятті Каушан, Аккермана і Бендер (1789 р.) тощо [Див. докладніше: 5].

Крім того, під час знаменитої подорожі Катерини II через Україну до Криму у 1788 році до її свити, між іншими, перебував ще один далекий родич, що знаходився на російській службі – генерал-ад'ютант Фридрих (Федір Євстафійович) рейхсграф Ангальт (1732–1794). Він якраз був сином князя Вільгельма Густава Ангальт-Дессау від морганатичного шлюбу з донькою купця Йоганною Софією Херре. Генерал Ф. Ангальт був впливовим придворним та президентом вільного економічного

товариства. Довгий час він служив генерал-директором сухопутного шляхетського корпусу. Відомо, що серед вихованців цього навчального закладу опинилося багато представників російської і української військової, політичної та культурної еліти.

Одним з напрямків розвитку російсько-ангальтських династичних відносин було нагородження орденами представників державної еліти обох держав. Тільки вищим орденом Російської імперії – орденом «Св. апостола Андрія Первозваного» були нагороджені у XVIII – на початку XIX ст.: принц-спадкоємець Фридрих Август Ангальт-Цербстський (рідний брат імператриці Катерини II), Фридрих Альбрехт князь-володар Ангальт-Бернбургський, генерал-лейтенант Людвіг принц Ангальт-Бернбургський; генерал-поручик Віктор Амадей принц Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймський, Алексіус Фридрих Христіан князь-володар (пізніше герцог) Ангальт-Бернбургський; Хайнрих герцог Ангальт-Кетен-Плесьський; Леопольд IV Фридрих Франц герцог Ангальт-Дессау, генерал-поручик Фридрих рейхс-граф Ангальт [Див. докладніше: 6]. Багато хто з нагороджених був тісно пов'язаний із військовими, політичними та соціально-економічними подіями в Україні.

Як відомо, рідний брат імператриці Катерини II – князь Фридрих Август Ангальт-Цербстський помер у 1793 році бездітним. Останнім представником жіночої частини цієї гілки ангальтської династії залишилася власне Катерина II.

Цікаво, що сама Катерина II особисто склала герб для свого позашлюбного сина Олексія Григоровича Бобринського. Саме до цього гербу імператриця внесла один із найважливіших своїх родових елементів – у срібному полі коронованого та в золотому ошийнику чорного ведмеда, який дерся червоним міським муром [7]. (Зрозуміло, що цей геральдичний елемент був притаманним гербам усіх гілок Ангальтської держави) [8]. Численні нащадки графа О. Г. Бобринського (Смілянська гілка) через вдалі шлюби отримали багаті маєтки в Україні та фундаментально там осіли. Окремі з них залишили помітний слід у розвитку науки, сільськогосподарської, промислової та транспортної інфраструктури країни [9].

Що стосується визнаного та позашлюбного синів імператриці Катерини II (імператор Павло I та граф¹ О. Г. Бобринський). Не викликає сумніву – вони є її нащадками, у тому числі і як уродженої ангальтської принцеси. Зрозуміло, що це стосується і її онуків та правнуків. Довгий час імператори-онуки Олександр I та Микола I навіть утримували під своїм впливом жіночу частину ангальтського аллоїдального спадку Катерини II – князівство Йєвер. Отже, імператори Павло I, Олександр I та Микола I через Катерину II виявляється були династично тісно пов'язані з ангальтським домом Асканіїв по жіночій лінії.

Відомо, що у першій третині XIX століття Ангальтська держава складалася із трьох герцогств: Ангальт-Дессау, Ангальт-Бернбург та Ангальт-Кетен. Правлячий монарх останнього – Фердинанд Фридрих Ангальт-Кетен-Плесьський (1769–1830) встановив тісні зв'язки із російським імператорським двором [Див. докладніше: 10]. Це дозволило йому почати створення колонії на Півдні України та приступити до вирішення нагальних завдань щодо економічного відродження своєї держави.

¹ Важливо, що графський титул брату по матері імператор Павло I пожалував власним Указом від 12 (23) листопада 1796 р, а диплом був виданий 12 (23) лютого 1797 р.

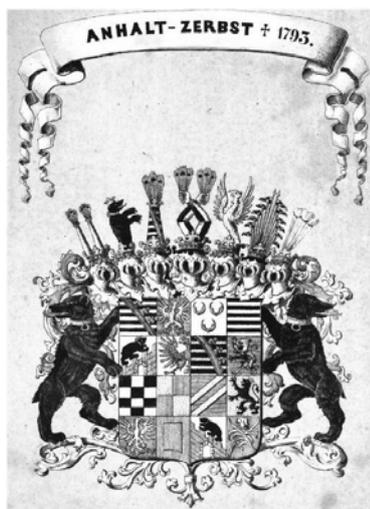
1. Іоганна Єлизавета княгиня Ангальт-Цербстська (1712–1760) (І. М. Бернігерот)

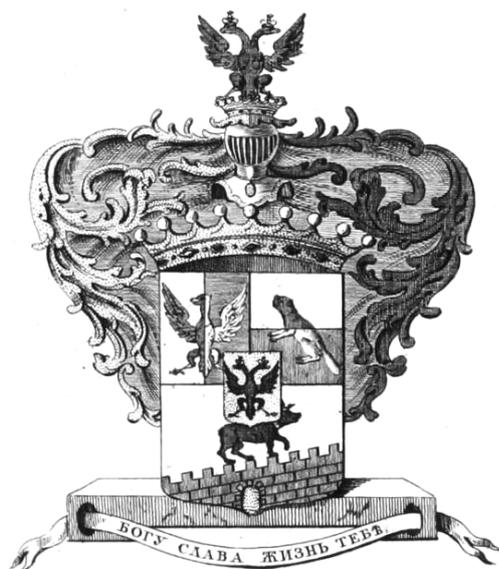
2. Великий князь Павло Петрович (імператор Павло I) (1754–1801) (Л. Бонне)

3. Олексій Григорович Бобринський (1762–1813) (К. Л. Крістенек)

4. Герб князів Ангальт-Цербстських (Siebmacher J., Hefner von O.T. J.Siebmacher's grosses und allgemeines Wappenbuch in einer neuen vollständig geordneten und reich vermehrten Auflage in Verbindung mit Mehreren. Band: I, heft: 5. – Nürnberg: Bauer und Raspe, 1857)

5. Герб графів Бобринських
(Общий гербовник дворянских родов
Всероссийской империи,
начатый в 1797 году. (Ч. 1))

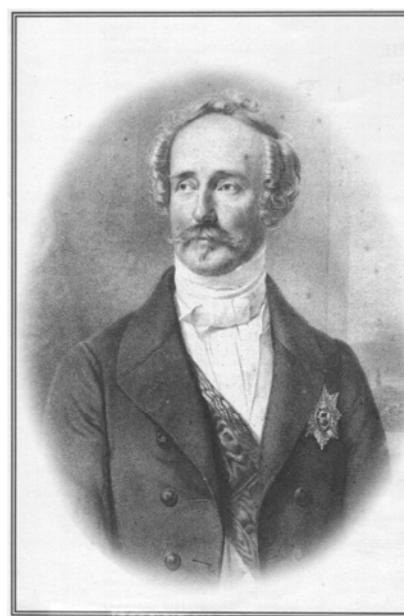

Ferdinand
Herzog von Anhalt-Köthen

6. Фердинанд Фридрих
герцог Ангальт-Кетенський
(1769–1830) (Фр. Болт)

7. Хайнрих герцог Ангальт-Кетенський
(1778–1847) (Фр. Крюгер)

8. Леопольд IV Фридрих Франц
Ангальт-Дессау-Кетенський
(1794–1871) (Г. Фелькерлінг)

Герцог Фердинанд був двічі одруженим. Першого разу він побрався із Луїзою Генріеттою Шлезвіг-Гольштейн-Зондербург-Бекською (1783–1803), яка походила із Східної Пруссії. Вона була на 14 років молодше чоловіка, але, нажаль, вона померла невдовзі після весілля у 1803 році в Плессі.

Другою дружиною Фердинанда 20 травня 1816 року стала графиня Юлія Бранденбурзька (1793–1848). Вона була позашлюбною донькою прусського короля Фридриха Вільгельма II та графини Софії фон Дьонхофф. Графиня Юлія, таким чином, була зведеною сестрою правлячого на той час короля Фридриха Вільгельма III – ініціатора цього шлюбу. (Таким чином, герцог Фердинанд одночасно став родичем російського імператора Миколи I і прусського короля Фридриха Вільгельма III). Графиня (герцогиня) Юлія доводилася зведеною тіткою імператриці Олександрі Федорівні (уродженій Фридеріці Шарлотті Вільгельміні). Сам імператор Микола I, вважався онуком ангальт-цербстської принцеси і, таким чином, був далеким родичем герцога Фердинанда Фридриха Ангальт-Кетен-Плесського.

Свого часу принц Фердинанд Ангальт-Кетен-Плесський був бойовим офіцером, приймав активну участь в боротьбі проти імператора Наполеона Бонапарта. Він зробив вагомий внесок у створення прусського ландверу. Відомо, що князь Фердинанд був кавалером низки бойових нагород Пруського королівства та Австро-Угорської імперії тощо. Отримавши поранення, тоді ще полковник Фердинанд Фридрих пролікувався в госпіталі, а з 13 квітня по 20 жовтня 1805 р. поновлював свої сили в Україні (очевидно австрійській).

Встановленню тісних зв'язків Ангальт-Кетенського герцогства та Російської імперії сприяла, окрім суто династичної, інша важлива причина. Ангальтці традиційно славилися своїми досягненнями в царині тонкорунного вівчарства. Площ же для його екстенсивного розведення в маленькій центральноєвропейській державі бракувало. Крім того, російський споживчий ринок вовни був величезним, але цього товару помітно не вистачало. Сама ж ангальтська держава гостро потребувала збільшення темпів розвитку мериносового вівчарства та суконного виробництва. Цьому перешкодою стало саме об'єктивна причина – обмеженість пасовищних угідь [11].

В результаті активних дипломатичних заходів, 3 березня 1828 року імператор Микола I підписав іменний Указ «Про заснування в Таврійській губернії колонії із Ангальтських поселенців» [12]. З цього часу і аж до остаточного продажу в 1856 році на Півдні України розвивалася ангальтська колонія.

Після смерті бездітного герцога Фердинанда Фридриха ангальт-кетенський престол посів його рідний брат Хайнрих (1778–1847). Дружиною тоді ще ангальт-кетен-плесського князя 18 травня 1819 року стала Августа Фридерика Есперанса Рейсс-Шлейц-Кестрицька (1794–1855) [13].

Зрозуміло, що подружжя поділяли прагнення покійного щодо економічного розвитку ангальтської держави. Тому герцог продовжував приділяти увагу розвитку колонії Асканія-Нова.

Під час однієї із інспекцій високих чиновників з Кетену у 1832 році колонія та навколишні поселення отримали свої офіційні назви. Центральна частина то головний населений пункт став називатися «Асканія-Нова» – на честь давно втраченої частини батьківщини. Графство Асканія вважалось історичним коренем Ангальтсь-

кого княжого дому і тому пам'ять про нього довго трималася та збереглася у титулатурі герцогів.

Низка хуторів та вівчарень отримали назви на честь представників ангальт-кетенської династії: попередньої – Фердинандівка та Юліанівка; правлячої – Генриково та Августово. Інші населенні пункти нарекли Дорнбург та Нієнбург. Окремі ж зберегли свої старі назви – Старий Етап, Новий Етап, Дофіно тощо. Відомо, що герцог Хайнрих був обраний почесним закордонним членом «Імператорського товариства сільського господарства Південної Росії».

Герцог Хайнрих продовжив встановлені братом добрі стосунки із Санкт-Петербурзьким двором та добився започаткування дипломатичних відносин. Очолив місію Карл Християн фон Кюстер, який невдовзі обійняв посаду камергера, радника посольства та повіреного у справах при російському імператорському дворі [14]. Пізніше він одержав ангальтський титул барона, а згодом, з отриманням російського підданства підтверджений державною владою у 1848 році.

Основними напрямками ангальт-кетенської зовнішньополітичної служби в Російській імперії були питання розвитку колонії в Таврійській імперії, вирішення проблеми аллоїдальної власності, привітання та співчуття щодо подій при імператорському дворі та, насамкінець, поточна переписка барона К.Х. Кюстера з російським міністерством іноземних справ [Див. докладніше: 15].

Відомо, що свого часу герцог Хайнрих Ангальт-Кетен-Плесьський був нагороджений російськими орденами «Св. апостола Андрія Первозванного» та «Св. Олександра Невського». У 1837 році 12 червня кавалером великого хреста ангальт-кетенського ордену «Альбрехта Ведмедя» став імператор Микола I [16], який був «безмежно зворушений» такою увагою. У той же день герцог Хайнрих написав імператору Миколі I власноручного листа німецькою мовою, яке було отримане у Санкт-Петербурзі 27 червня 1837 року. В ньому із усією урочистістю та пафосністю сповіщалося про нагородження російського монарха вищим знаком відзнаки – єдиного для усіх Ангальтських держав орденом. Герцог просив прийняти цю нагороду на знак щирої дружби та глибокої поваги [17]. А вже 30 липня 1837 року був укладений проект листа-відповіді герцогу Хайнриху з подякою з приводу нагородження імператора Миколи I орденом «Альбрехта Ведмедя». Він щиро подякував герцога та його родичів-співзасновників ордену – Олександра Карла Ангальт-Бернбургського та Леопольда Фридриха Франца Ангальт-Дессауського [18]. (Крім імператора, ангальтським орденом Альбрехта Ведмедя великого хреста були нагороджені російські вельможні чиновники П. М. найясніший князь Волконський, К. Р. граф фон Нессельроде-Ересгофен, Г. Л. фон Канкрин (пізніше граф), М. С. найясніший князь Воронцов, таврійський губернатор В. І. Пестель, а лицарською ступенем – архіваріус імператорської Санкт-Петербурзької Академії наук та хранитель Імператорського Ермітажу доктор Фридрих Луї Шардіус) [19].

Безсумнівно, активні дипломатичні відносини, взаємні нагородження вищими державними та династичними орденами були викликані, насамперед, взаємними економічними інтересами на Півдні України, де розвивалася ангальтська колонія Асканія-Нова.

Після смерті герцога Хайнриха по договору Ангальт-Кетен увійшов до складу Ангальт-Дессау. Правити об'єднаним державним утворенням довелося герцогу Леопольду IV Фридриху Ангальт-Дессауському (1794–1871). Цей герцог був достатньо тісно пов'язаний із російським імператорським домом. Без сумніву і він був далеким родичем імператора Миколи I. Тепер родинність генеалогічно розраховувалася через іншу, власне дессауську лінію. Герцог Леопольд IV Фридрих був кавалером кількох російських орденів: «Св. апостола Андрія Первозванного», «Св. Олександра Невського» та російсько-польського «Білого Орла» [20].

Дружиною герцога Леопольда IV Фридриха 18 квітня 1818 року стала Фредерика Луїза Вільгельміна Амалія (1796–1850) [21]. Герцогиня була кавалерственою дамою великого хреста імператорського ордену «Св. великомучениці Катерини» [22].

Цей шлюб був щасливим. В ньому народилися: син – принц-спадкоємець Леопольд Фридрих Франц Микола (1831) та доньки Фридерика Амалія Агнеса (1824) та Марія Анна (1837) [23].

У 1848 році був створений загальний ландтаг для двох ангальтських герцогств, які, однак, мали ще свої окремі ландтаги. Угодою від 1 січня 1853 року Кетен було остаточно з'єднано із Дессау. Крім власне ангальт-кетенських земель об'єднаному герцогству належали маєтки в Саксонії, Східній Пруссії та Росії [24].

19 серпня 1863 року без спадкоємців помер герцог Олександр Карл Ангальт-Бернбургський. Ангальт-Дессауська лінія тепер отримала в управління і Бернбургські володіння в силу договору про спадщину 1665 року. Таким чином, усі ангальтські землі були знову об'єднані в кордонах єдиного Ангальтського герцогства, яке управлялося представником єдиної дессауської династичної лінії.

Під керівництвом адміністрації ангальт-дессауського кабінету колонія Асканія-Нова знаходилася до 1856 року. І до цього часу герцог Леопольд IV Фридрих, як і його попередник, вважався закордонним членом «Імператорського товариства сільського господарства Південної Росії» [25].

6 жовтня 1856 року у Сімферопольській судовій Палаті затверджений договір купівлі-продажу [26]. Колонію та її землі придбав відомий вівчар та «пастуший князь» («nomadenfürst») Фридрих Фейн. Ангальтська нерухомість в Таврії була оцінена в сумі 113.120 талярів, а 50.608 голів худоби у 331.987 талярів. Проданих тварин було: 49.123 овець, 297 кіз, 640 коней та 549 голів худоби. Усього угода оцінювалася у сумі 525.000 талярів [27], або 300.000 рублів сріблом [28].

Після продажу Асканії-Нова активні династичні, дипломатичні, економічні стосунки Ангальтського герцогства та Російської імперії поступово стихали. Однак, із другої половини XVIII і до другої половини XIX століття такі відносини існували і активно розвивалися. Без сумніву, вони справили певний вплив на процеси приєднання, освоєння та розвитку Півдня України. Цьому, зрозуміло, сприяли і династичні зв'язки між ангальтським і російським правлячими домами.

Список використаних джерел та літератури

1. Шван Х. К. Вклад представителей ангальтских княжеств в развитие России в 1763–1856 гг. // Немцы в Санкт-Петербурге : биографический аспект, XVIII – XX вв. / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; [отв. ред. : Т. А. Шрадер]. – СПб., 2009. – Вып. 5. – С. 113–127.
2. Бангыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов / Д. Н. Бангыш-Каменский. – СПб.: Тип. Третьего департамента МГИ, 1840. – Ч. 1. – С. 102.

3. Васильчиков А. А. Семейство Разумовских / А. А. Васильчиков. – Том 1. – СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. – С. 49–53; Бильбасов В. А. История Екатерины Второй / В. А. Бильбасов. – Берлин : Фридрих Готтгейнер, 1900. – Т. 1. – С. 140–144.
4. Пчелов Е. В. Восходящая родословная Екатерины II / Е. В. Пчелов // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 26–29 авг. 1996 г. / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб. : СПбНЦ, 1996. – С. 156; Пчелов Е. В. Генеалогия Екатерины Великой / Е. В. Пчелов // Философский век/: альманах Екатерина II и её время: Современный взгляд / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб., 1999. – Вып. 11. – С. 132–133.
5. Ганкевич В. Ю. Генерал-поручик Виктор Амадей Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хойм: (призабута біографія генерала катерининської доби) / В. Ю. Ганкевич // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Т. 24 (63). – № 1. – С. 3–22.
6. Ганкевич В. Ю. Российские кавалеры ангальтского ордена Альбрехта Медведя / В. Ю. Ганкевич // Вісник Чернігівського нац. пед. ун-ту. Вип. 87. – № 8. – Чернігів, 2011. – С. 70.
7. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – СПб., 1797. – Ч. 1. – С. 27–28. Офіційний опис гербу мовою оригіналу: «Щит разделяется поперечною посреди чертою, а верх сего щита паки разделен на две части; в средоточии положен малый щит, изображающий на золоте двуглавого черного орла, увенчанного коронами. В верхней правой части щита, различенной в продоль на серебро и голубой цвет, виден воспаряющий орел, который переменяется на серебре в голубой цвет, а на оном в серебро; в левом верхнем поле, разделенном же пополам в поперег, в верху серебром, а внизу красным цветом, восходит бобр с левого нижнего угла к правому верхнему косвенно, и преобразуется на серебре в красный цвет, а на красном в серебро; в третьей нижней части на подошве щита видна в серебряном поле красная городовая стена несколько вкось к левой стороне простирающаяся, на которой является идущий медведь в золотой короне и с таковым же ошейником. Щит увенчан обыкновенною графскою короною с турнирным на оной поставленным шлемом, графам свойственным, который покрыт наметом с правой стороны золотым, а с левой черным, подложен весь голубым. Поверхность сих утварей украшена короною и на оной стоящим государственным Российским гербом, увенчанным двумя на орлиных главах коронами; все сие заключается надписанием: *Богу слава, жизнь тебе*».
8. Siebmacher J., Hefner von O. T. J. Siebmacher's grosses und allgemeines Wappenbuch in einer neuen vollständig geordneten und reich vermehrten Auflage in Verbindung mit Mehreren. Band : I, heft : 5. – Nürnberg : Bauer und Raspe, 1857. – S. 42–44, Taf. 91–98.
9. Лазанська Т. І. Бобринські / Т. І. Лазанська // Енциклопедія історії України. – К. : Наукова думка, 2003. – Т. 1 : А–В. – С. 307–308.
10. Ганкевич В. Ю. Правлячий герцог Фердинанд Фридрих Ангальт-Кетен-Плесський – засновник колонії Асканія-Нова / В. Ю. Ганкевич // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Т. 24 (63), № 2. – С. 31–45.
11. АВПРИ. – Ф. 133. – Оп. 469, 1841. – Д. 6 Anhalt-Cöethen (Duc) R.E. – Л. 6–7 (об.).
12. II ПСЗ, т. 3, 1828, № 1841.
13. Hawkins F. V. Germany; the spirit of her History, Literature, Social condition, and National economy; illustrated by reference to her physical, moral, and political statistics / F. V. Hawkins. – London : John Parker, M.DCCC.XXXVIII [1838]. – P. 444; Семенов И. С. Христианские династии Европы. Династии, сохранившие статус владетельных. Генеалогический справочник / И. С. Семенов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 47.
14. АВПРИ. – Ф. 133. – Оп. 469, 1835. – Д. 7 Anhalt-Cöethen (Duc) R.E. – Л. 2.
15. Ганкевич В. Ю. Архивные дела АВПРИ об Ангальт-Кетенско-Российских дипломатических отношениях / В. Ю. Ганкевич // Питання німецької історії [Текст] : зб. наук. пр. – Дніпропетровськ : вид-во ДНУ, 2011. – С. 304–308
16. Relhert J. F. Staats und Adreß Handbuch für die Herzogthümer Anhalt-Dessau und Anhalt-Köthen / J. F. Relhert. – Dessau : Moriß Raß-Aue'she Buchhandlung, 1851. – S. 10.
17. АВПРИ. – Ф. 133. – Оп. 469, 1837. – Оп. 4 Anhalt-Cöethen (Duc d') R.E. – Д. 2–2 (об.).
18. АВПРИ. – Ф. 133. – Оп. 469, 1837. – Д. 4 Anhalt-Cöethen (Duc d') R.E. – Л. 1, 5.
19. Relhert J. F. Staats und Adreß Handbuch für die Herzogthümer Anhalt-Dessau und Anhalt-Köthen / J. F. Relhert. – Dessau : Moriß Raß-Aue'she Buchhandlung, 1851. – S. 10, 13, 19.
20. Relhert J. F. Staats und Adreß Handbuch für die Herzogthümrt Anhalt-Dessau und Anhalt-Köthen / J. F. Relhert. – Dessau : Moriß Raß-Aue'she Buchhandlung, 1851. – S. 1.

21. Семенов И. С. Христианские династии Европы. Династии, сохранившие статус владетельных. Генеалогический справочник / И. С. Семенов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 42.
22. Relhert J. F. Staats und Adreß Handbuch für die Herzogthümrt Anhalt-Dessau und Anhalt-Köthen / J. F. Relhert. – Dessau : Moriß Raß-Aue'she Buchhandlung, 1851. – S. 2.
23. Relhert J. F. Staats und Adreß Handbuch für die Herzogthümrt Anhalt-Dessau und Anhalt-Köthen / J. F. Relhert. – Dessau : Moriß Raß-Aue'she Buchhandlung, 1851. – S. 2–3.
24. Anhalt// The Statesman's year-book a statistical, genealogical, and historical account of the states and sovereigns of the civilised world for the year 1866. – London ; Cambridge : Mac Millan and C^o, 1866. – P. 188.
25. Новороссийский календарь на 1849 год / Ришельевский лицей. – Одесса, 1848. – С. 317.
26. Фальц-Фейн В. Э. Аскания-Нова / В. Э. Фальц-Фейн. – К. : Аграрная наука, 1997. – С. 40–42 ; ДААРК. – Ф. 14. – Оп. 1. – Спр. 1731 «О вводе во владение колониста Федора Иванова Фейна» (28.02.1857).
27. Козлов П. Аскания-Нова в ея прошлом и настоящем. История Ангальтской колонии в Южной России / П. Козлов // Русская старина. – 1914. – № 5. – С. 371 ; Фальц-Фейн В. Э. Аскания-Нова / В. Э. Фальц-Фейн. – К. : Аграрная наука, 1997. – С. 42.
28. ДААРК, ф. 14, оп. 1, спр. 1731 «О вводе во владение колониста Федора Иванова Фейна» (28.02.1857), арк. 10 (зв.).

Ганкевич В. Ю. Влияние ангальтско-российских династических связей на историю Украины: (к 800-летию Ангальтской государственности) / В. Ю. Ганкевич // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 86–95.

Статья посвящена многолетним династическим связям правящих домов Ангальта (Аскании) и России (Романовы). Проанализированы источники и литература по теме. Основное внимание уделяется времени с XVIII до первой половины XIX века. Помимо чисто династического сюжета, рассматриваются вопросы взаимного межгосударственного награждения монархов и сановников, установления дипломатических отношений, влияния этих связей на военное и социально-экономическое развитие Украины. С этой тематикой связана история создания и развития ангальтской колонии в Таврической губернии, которая позже стала всемирно известным заповедником Аскания-Нова.

Ключевые слова: Аскания-Нова, Ангальт.

Gankievicz W. The influence of Anhalt-Russian dynastic connections on the history of Ukraine (to the 800th anniversary of Anhalt statehood) / W. Gankievicz // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 86–95.

The article is devoted to the long-term dynastic relations of ruling houses of Anhalt (Askania) and Russia (Romanov). The sources and literature on the topic have been analyzed. The author focuses on the period from the XVIII to the first half of the XIX century. Mother of Catherine II – Johanna Elizabeth Duchess of Anhalt-Zerbst was a distant relative of the Rurik dynasty. Emperor Paul I, Alexander I, Nicholas I and Count Alexei Bobrinsky – descendants of Princess Sophia of Anhalt-Zerbst (Catherine II). She was flag A. Bobrinsky. It was placed clan emblem – black bear. Duke Friedrich Ferdinand of Anhalt-Köthen was a relative of the emperors of Russia. His wife Julia, Countess von Brandenburg was the aunt of the Prussian Princess Friederike Charlotte Wilhelmina. (Later, the princess became the wife of Nicholas I). Apart from the purely dynastic story, the issues of mutual inter-state ceremonies of monarchs and dignitaries, the establishment of diplomatic relations, the impact of these relations on the military and social-economic development of Ukraine are studied. Holders of the Russian «Order of Saint Andrew» became Anhalt dukes, princes and counts. Cavaliers Anhalt «Order Albrecht Bear» became Emperor Nicholas I, his ministers and governors. This subject is related to the history and development of the Anhalt colony in Taurida province, which later became the world-famous Askania-Nova nature reserve.

Keywords: Askania-Nova, Anhalt.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

УДК 94 (477)(=112.2) «181/193»

БОРОШНОМЕЛЬНА ГАЛУЗЬ ПРОМИСЛОВОСТІ У НІМЦІВ КРИМУ В ХІХ – ПЕРШІЙ ТРЕТИНІ ХХ СТ.

Задерейчук І. П.

*Кримський економіко-правовий інститут Міжнародного гуманітарного університету,
м. Сімферополь, Україна
E-mail: zadereychuk@rambler.ru*

Досліджені питання розвитку борошномельної промисловості у німців Криму в ХІХ – першій третині ХХ ст. Проаналізовано основні періоди у зайнятті млинарством, виявлено якісні їхні характеристики. Охарактеризовано динаміку зміни чисельності борошномельних підприємств та їхнє відсоткове відношення у порівнянні до інших національних меншин регіону. Okремо вивчено діяльність потужних підприємств, що належали німцям півострову.

Ключові слова: німці Криму, млинарство, переробна промисловість.

На сучасному етапі розвитку Криму відбуваються суттєві економічні зрушення. Поступово відроджується садівництво, виноградарство, вирощування зернових культур тощо. Проте актуальним залишається проблема пошуку шляхів переробки виготовленої продукції на місцях. Для досягнення більшого успіху необхідно звернутися до накопиченого досвіду минулих століть. Показовим у цьому плані може бути історія діяльності німецької громади Криму в ХІХ – першій третині ХХ ст., яка відіграла значну роль в розвитку економіки півострову. Зокрема, вони залишили безцінний досвід у переробці зернових продуктів.

Мета наукової статті розглянути історію розвитку борошномельної галузі промисловості у німців Криму. Для її досягнення необхідно виявити періоди у зайнятті млинарством, проаналізувати динаміку поширення млинів, розкрити діяльність потужних підприємств.

Питання розвитку борошномельної промисловості у німців Криму не знайшли свого належного вивчення в історичній літературі. Проте, останнім часом з'являються окремі праці, які характеризують стан млинарства у менонітів півдня України. Зокрема, слід відмітити дослідження М. В. Белікової та Н. В. Венгер.

Серед галузей промисловості, на розвиток яких вплинули німці Криму, чільне місце посідала борошномельна. Це стало можливим завдяки домінуванню в їхньому сільському господарстві на Півдні України та у Криму в другій половині ХІХ – початку ХХ ст. зернових культур, під які відводилися значні земельні ділянки, що дало можливість стимулювати млинарство в регіоні.

На сьогоднішній день актуальним залишається питання кількості млинів, що належали німцям, та їх місце в загальній чисельності. На жаль, як слушно зазначає у своїй монографії Н. В. Венгер, з'ясування динаміки розвитку млинарства на сьогодні є малоперспективним [1, с. 331].

Загальновідомо, що для будівництва млинів не потрібне залучення значних коштів і робочої сили, купівлі дорогого обладнання [1, с. 321]. Зокрема, однією з особливостей борошномельної промисловості Півдня України кінця ХІХ – початку ХХ ст., яка була характерна й для німців, – є будівництво зазначених підприємств у великих приватних господарствах. У зв'язку з тим, що ці господарства зазнали ліквідації й руйнування в роки Першої світової та громадянської війни, сьогодні складно прослідкувати динаміку розвитку німецької борошномельної промисловості. Проте, враховуючи той факт, що німці регіонально найбільше проживали у Перекопському, Євпаторійському, Сімферопольському й Феодосійському повітах, спираючись на щорічні відомості оподаткування різних промислів для перерахування зборів на користь повітових і губерньського земств є можливість приблизно відтворити розвиток борошномельної галузі в Криму та місце в ній німців.

Користуючись виявленими джерелами, можна навести певну динаміку та припущення щодо значення німецького млинарства в економіці регіону. Насамперед, спираючись на фінансові звіти земств, треба з'ясувати приблизну кількість млинів у німців та їхнє відсоткове відношення до загальної чисельності в повітах. Зокрема, у Сімферопольському повіті в 1911 р. діяло 6 парових борошномельних підприємств та 14 вітряних, які належали німцям, а у відсотках вони мали 37,5% та 24% відповідно від загальної їх чисельності [2, арк. 5]. У Євпаторійському повіті лише в 1900 р. існувало 7 підприємств, що працювали на парових двигунах і 18 використовували силу природи [3]. Більшість з наведеної чисельності млинів мали на меті обслуговувати потреби в помолі власних господарств та оточуючого населення й промислового значення не мали. Підтвердженням цьому можуть слугувати дані по Табулдинській волості Сімферопольського повіту. У 1911 р. у цій адміністративно-територіальній одиниці всього проживало 2794 осіб з них німців 929 осіб (менонітів – 424, лютеран – 350, католиків – 155) [4, арк. 35] та діяло 5 млинів, власниками яких були лише німці. У с. Карасан було три млини: перший власник Ф. І. Крикер володів вітряним млином, що переробляв на добу 280 пудів зерна. Вартість 1 пуду складала 4 коп., в результаті чого річний прибуток дорівнював 150 крб.; К. П. Тевс мав млин з використанням кетросинового двигуна, який переробляв 300 пудів Вартість перемолу одного пуду складала 5 коп., а річний прибуток оцінювався у 200 крб. на рік; І. Я. Реймер мав підприємство, яке працювало на газогенераторному двигуні в чотири постави із зайнятістю в 6 робітників та однієї крупорушки. Виробничі потужності склали 350 пудів на добу з вартістю одного пуда 8 коп., а річний прибуток 2 000 крб. У с. Табулди діяв паровий млин, власником якого був Г. Г. Бер. Ним перероблялося 120 пудів зерна вартістю 4 коп. за пуд, а річний прибуток складав 700 крб. У селищі Новосілля діяв млин К. П. Ведель з використанням нафтового двигуна. На ньому добова переробка рівнялась 175 пуд. Вартість 1 пуда складала 4 коп., а річний прибуток 300 крб. [4, арк. 38–39]. Наведені дані по Табулдинській волості свідчать, що німецьке млинарство мало перш за все регіональне значення, розраховане на обслуговування потреб власної громади та оточуючого населення. Крім того, на початку ХХ ст. склалася стала динаміка щодо оснащення підприємств новітніми досягненнями технічного прогресу.

Станом на 1914 р. фіксуємо чисельність млинів на півострові завдяки даним наведеним в адрес-календарі Таврійської губернії на 1915 р. Зокрема, у ньому за повіта-

ми борошномельні підприємства розподілялися наступним чином: Євпаторійський повіт – 44 млини з паровим двигуном та 88 на водяній, вітряній і кінній тязі; Перекопський повіт відповідно – 34 та 87; Сімферопольський повіт – 16 та 57; Феодосійський повіт – 4 та 38 відповідно [5, с. 144–145]. У цілому, в чотирьох повітах нараховувалося 368 млинів, які увійшли до статистичних звітів. На жаль, при здійсненні публікації в статистичних збірниках національний зріз власників не здійснювався. Проте, використовуючи дані, наведені в статистичних таблицях Ф. Н. Андрієвського, можна приблизно виділити кількість німецьких сіл за чотирма згадуваними вище повітами, а саме близько 150 [6]. Навіть, якщо припустити, що в кожній колонії існував млин, то відносна цифра, до загальної чисельності, складе 40%. Отримані дані не дозволяють стовідсотково відтворити ситуацію щодо розвитку млинарства, але демонструють приблизні його масштаби. Здебільшого 40% відсотків відповідає тим масштабам земельних і посівних площ, які мали та відводили німці в Перекопському, Євпаторійському, Феодосійському та Сімферопольському повітах.

Певні дані щодо розвитку борошномельної промисловості можна віднайти й у звітах перших років радянської влади. Хлібне питання, ще й в умовах голоду 1921–1923 рр., було найголовнішим у їхній діяльності. Тому більшовики здійснювали активну діяльність, направлену на встановлення тотального контролю над борошномельною галуззю.

У січні 1922 р. на півострові діяло до 400 млинів. Головним чином селянського і середняцького типу, а за двигунами та виробництвом вони поділялися наступним чином [7, арк. 170].:

Таб. 1: Данні розподілу млинів за технічним оснащенням.

число млинів	двигун	добове виробництво в пудах
177	Паровий двигун та локомотив	47500
74	Нафтовий	45 000
36	Газовий	30 000
79	Водяний	22 500
5	електромотор	75 000

Треба зазначити, що у 1922 р. усі млини влада віддала під контроль Кримнаркомпроду. У результаті підприємства за районами розподілилися наступним чином: [8, арк. 61].

Таб. 2: Данні про наявність млинів за районами Криму станом на липень 1922 р.

№	район	наявність підприємств			
		механічних	водяних	вітряних	всього
1	Сімферопольський	86	135	15	236
2	Феодосійський	26	16	12	54
3	Керченський	31		5	36
4	Севастопольський	16	9	11	36
5	Ялтинський	6	2	1	9
6	Джанкойський	28		90	118
7	Євпаторійський	70	4	67	141
Усього		263	166	201	630

В окремих районах німці мали значний вплив на борошномельну галузь. Наприклад, у Джанкойському районі до твердої сітки в 1922 р. влада включила 19 млинів, з яких вісім належало німцям. Зокрема, у с. Губеровка моторна перероблялося до 8000 пудів; с. Новий Ширин – газогенератор в 58 сил до 24 тис. пудів відповідно; с. Німецький Барин – моторна з використанням нафтового двигуна з переробкою до 32 тис. пудів; с. Аджи Ахмат – газомоторна до 32 тис. пудів; с. Мішень – парова з використанням локомотива у 12 сил з переробкою до 32 тис. пудів; с. Дулат – використовувався мотор у 20 сил з переробкою до 12 тис. пудів; с. Кок Чегоз – використовувалась сила вітру й перероблялось до 12 тис. пудів; с. Тархан – використовувався паровий двигун й перероблялось 12 тис. пудів. Усього 19 млинів переробляли до 318 тис. пудів. Тоді, як млини, що знаходилися у власності німців здійснювали помел 164 000 пудів від наведеної цифри, а це складає 51,5%. У Курманському окрузі Джанкойського району з 6 млинів 5 належало німцям [9, арк. 4– зв.].

Станом на 1925 р., як свідчить досліджений матеріал, на півострові діяло до 1000 тис. млинів з потужністю менше 300 пудів на добу. До того ж біля 500 були вітряними. Вся їхня робота мала сезонний характер й задовольнялися потреби місцевого селянства [10, арк. 49–60].

Таким чином, наведені статистичні данні дозволяють дійти висновку, що німецьке млинарство Криму посідало важливе місце в економіці півострову. В окремих районах вони здебільшого виступали монополістами, наприклад у Перекопському. Така ситуація цілком відповідає тим масштабам вирощування озимої пшениці, яка була головною сировиною для роботи борошномельних підприємств.

У розвитку борошномельної галузі можна вирізнити декілька періодів: перший 1804 р. – кінець 80-х рр. ХІХ ст., другий кінець 80-х – 1914 р. й третій датується 1914 р. – 30 ті рр. ХХ ст. Така увага до млинарства на початку ХІХ ст. була продиктована здоровим прагматизмом (забезпечення колонії власною мукою для задоволення потреби в хлібобулочних і макаронних виробках) та історичною традицією сформованою на Батьківщині. Разом з тим, засновані колонії знаходилися на певній відстані одна від одної, а розраховувати на потужності млинів оточуючих поселень інших національних груп півострова не доводилося. Насамперед, через незнання мови й недовіри до німців з боку місцевого населення. Тому кожна громада мала інтерес у будівництві власного приміщення, щоб забезпечити своє першочергове обслуговування та звести нанівець витрати на транспортування. За таких обставин у заснованих на початку ХІХ ст. колоніях були побудовані млини, які знаходилися у їхній власності [11, с. 295–305]. Згідно зі статистичними даними, зібраними наглядчачами колоній, за 1825 р. у німців Криму діяло 4 водяні та 1 млин з використанням сили вітру. Вони розташовувалися в найбільших німецьких поселеннях: Нейзац, Фриденталь, Розенталь, Кроненталь, Цюрихталь [12].

Проте з початком масової колонізації німцями степового Криму в другій половині ХІХ ст. вітряні та кінні млини стали переважати, а водяні їм поступалися, це відбувалося через відсутність великих річок на території Перекопського та Євпаторійського повітів, де розташовувалися поселення німців. На цих територіях можна було розраховувати лише на силу вітру і тварин. Наприклад, у 1911 р. з 20 млинів,

які належали німцям Сімферопольського повіту дев'ять, використовували силу вітру, а п'ять – води, а решта шість не вказано якими були [2].

Технічний прогрес, який мав місце у другій половині XIX – на початку XX ст. вплинув і на стан млинарства в Криму. У 80-х рр. XIX ст. німці були одними з перших, хто масово використовував новітні технології – парові та нафтові двигуни, газогенераторні котли. Такий підхід до справи спричинив зростання продуктивності переробки зернових у двадцять разів. Також відбулася зміна технології борошномельної галузі: перехід від жорнової до валькової системи помелу [13, с. 115–117].

Піонерами виступили кримські меноніти. Одним із перших був Іоган Абрамович Браун, який у 1889 р. розпочав роботу щодо обладнання свого млина в селищі Кара-Чокмак Григорівської волості Перекопського повіту паровим двигуном [14, арк. 3]. Цього ж року Генріх Якович Шпехт отримав дозвіл на будівництво парового млина в селищі Орджак-Джаба Перекопського повіту [15, арк. 2]. У 1890 р. таким двигуном було обладнано млини в господарствах Готліба Люца [16, арк. 9] та Якова Герта в Євпаторійському повіті [17, арк. 1], Августа Тітца у селищі Кулар Кіпчак Перекопського повіту [18, арк. 2]. Наведені приклади ілюструють ріст зацікавленості німецьких підприємців щодо застосування новітніх технологій у розвитку борошномельної галузі. Звісно, такий підхід диктувався здоровим прагматизмом: незалежність від сили вітру, високі переробні можливості, стрімкі темпи росту площ відведених під озиму пшеницю та інші злакові культури в Криму, зростання попиту на муку.

Поряд з існуванням дрібних млинів, розрахованих на обслуговування потреб сільської громади та власних садиб, на середину 80-х рр. XIX ст. німецьке млинарство в Криму починає отримувати й промислове значення. На такий стан справ вплинуло стрімке будівництво інфраструктури (залізної дороги, портів) й переорієнтування сільського господарства на вирощування озимої пшениці, що раніше не спостерігалось.

Наприкінці XIX ст. німцями Криму створюються спеціальні товариства для будівництва млинів розрахованих на промислові обороти. Один з перших був побудований у селищі Спат в 1895 р. Петром Давидовичем Унру. На початку XX ст. на ньому працювало 30 робітників. Підприємство було обладнано сучасними для того часу технічним устаткуванням: двома потужними газогенераторами, 8 вальцовими та 20 іншими засобами для переробки злакових культур [19]. Підприємство мало чималі річні прибутки. Наприклад, у 1910 р. вироблено продукції на 343000 крб. [1, с. 626]. На час націоналізації млин П. Унру вважався одним з потужних борошномельних підприємств у Сімферопольському окрузі та в Криму. На ньому вироблялося більше 400 тис. пудів муки на рік [10, арк. 49–60.]. Згідно з актом прийняття станом на 9 лютого 1922 р., територія розташування виробничих потужностей та допоміжних приміщень займала біля 1 ½ дес. огорожених частково дерев'яним забором, а частина живими насадженнями. До того ж, в акті прийняття значилося, що на підприємстві знаходилися: криниця з ручним насосом та барабаном, приміщення круп'яного млина в 2 ½ поверхи довжиною 9 сажень та шириною 5 сажень, шеретовочне приміщення в чотири поверхи, розмельна будова у два з половиною поверхи, кам'яний елеватор об'ємом на 40 000 пудів, одноповерхове машинне приміщення крите залізом для двоциліндрового газогенераторного двигуна на 80 сил та одноци-

ліндрий на 40 сил й один нафтовий двигун. Крім того, існував склад для вугілля, конюшня, курятник, баня, будинок для робітників, столова, контора. Вся територія та приміщення мали електричне освітлення [20, арк. 13–16]. Фактично на підприємстві було створено всі необхідні умови для ефективно переробки зернових культур і забезпечено робітникам відповідні санітарно-гігієнічні умови.

У 1896 р. при селищі Барак Владиславської волості Феодосійського повіту було засновано борошномельне підприємство. Для його управління німці утворили спеціальне товариство. До його складу увійшли: Вільгельм Алоїзович Губер, Вільгельм Вільгельмович Губер, Конрад Християнович Рапп, Яків Іванович Люзе, Андрій Андрійович Нус, Християн Андрійович Нус. Паровий млин у 1917 р. за своїми потужностями на добу міг переробляти до 500 пудів й виробляти I, II та III сорти муки. Замовлення приймали від одного вагона зерна й більше [21]. Уже в 1902 р. інформацію про млин у селищі Барак було розміщено у Всеросійському довіднику присвяченому торгівлі та промисловості [22, с. 1899].

Потужний млин існував й при залізничній станції Сарабуз Сімферопольського повіту. Його засновниками виступили жителі селища Спат Камбарської волості Євпаторійського повіту брати Лангеман, брати Вал та Іоган Фрідріхович Тевс. Вони на власній землі заснували крупчато-вальцовий млин. У 1909 р. уже діяло товариство братів Лангеман та Янценів [23, арк. 2]. На підприємстві напередодні війни нараховувалося 24 найманих працівників [24, арк. 11 зв.]. Млин працював за рахунок використання парового котла, було 9 вальцових, 4 круп'яних, а також три наждачних та 8 триєрів [19]. У 1909 р. середньодобова переробка зерна складала 2000 пудів [1, с. 625], а середньорічний прибуток підприємства в 1915–1916 рр. оцінювався в 180 000 крб. [24, арк. 11 зв.]

Серед значних підприємств слід назвати млин на станції Ічки Феодосійського повіту, який належав Абраму Івановичу Діку. У 1912 р. на ньому працювало шість робітників. Йому ж належав млин у селищі Анновка Перекопського повіту. У 1910 р. вироблено 55 000 пудів борошна. Млин з газовим двигуном при станції Курман-Кемельчи Ісака Ісаковича Діка в 1910 р. перероблено 40 000 пудів. На інших підприємствах переробка зернових йшла менше 10 тис. пудів [1, с. 626].

Наявність незначної кількості великих зернопереробних підприємств у Криму пов'язано насамперед з відсутністю необхідної кількості пшениці, яка б могла забезпечити високу рентабельність усіх підприємств, адже основна маса зерна йшла на експорт. Згідно з наведеними даними в радянських звітах 1921–1925 рр. стверджувалося, що в Криму діяло лише 35 млинів, що мали промислове значення. Найбільші концентрувалися в районі Керчі (10) з потужністю 32 тис. пудів на добу, а інші знаходилися в Джанкої, Сімферополі та ст. Сарабузі (млин, який до встановлення радянської влади належав П. Д. Унру й на рік у 1925 р. виробляв 480 000 пудів) [10, арк. 50–60], а добова переробка, наприклад, в листопаді 1921 р. складала: 7764 пудів пшениці, 2814 пудів жита та 78 пудів ячменю [25, арк. 448].

Якщо навіть узяти за основу цифру 35 борошномельних підприємств, які діяли в Криму на початку 20-х рр. ХХ ст., то слід зазначити, що існування мінімум 5 млинів, власниками яких у дорадянський час були німці, свідчить про вагому частку, яку вони займали в сегменті промислової переробки зерна.

Отже, період з кінця 80-х рр. XIX ст. й до початку Першої світової війни в 1914 р. це час найбільшого піднесення німецьких борошномельних підприємств. Німці в цей період створили розгалужену мережу млинів, які більшою мірою використовувалися для обслуговування власних потреб. Проте й у промисловому виробництві вони також залишили свій слід. Звісно обсяги були значно меншими, ніж у материкових повітах, але це пов'язувалося насамперед із експортним орієнтуванням кримського зерна, й не значними ресурсами які місцеві виробники направляли на переробку.

Початок першої світової війни спричинив серйозні зміни в розвитку борошномельної галузі. Прийняття державою ліквідаційних законів призвело до неминучого скорочення посівних площ у німців, ліквідації окремих господарств, на яких знаходилися приватновласницькі млини. Роки громадянської війни, політики продовольчої розкладки та націоналізація борошномельних підприємств привело до втрати німцями своїх підприємств наприкінці 1920 р. Адже з приходом більшовиків усі борошномельні підприємства включалися у тверду сітку. Держава застосовувала жорсткі заходи щодо осіб, які допускали роботу приватних млинів. Красномовною є ситуація по Біюк-Онларському округу, яка сталася в 1922 р. Так, політпомічника Бауліна звинувачували в «злочинній бездіяльності», тому що не застосував належних мір для забезпечення державної монополії млинів, що увійшли до твердої сітки. Як зазначалося, «незважаючи на всі категоричні вимоги про опечатування млинів, що здійснювали незаконний обробіток зерна до сих пір продовжують функціонувати два млина при с. Карасан, один в с. Чече та вітряна на хуторі Азов. Представники окружного Продовольчого комітету вимагали негайного опечатування млинів та направлення власників через міліцію до них для притягнення до суду [26, арк. 3]. Такі репресивні заходи, звісно, не могли забезпечити функціонування приватновласницьких борошномельних підприємств. Саме тому вже на кінець 1922 р. більшовикам вдалося включити всі працюючі млини до твердої сітки.

Проголошення Нової економічної політики спричинило повернення частини підприємств попереднім власникам на основі договорів оренди. Німці активно брали участь у поверненні своєї власності. Влада допускала це лише після включення їх до твердої сітки. У Криму процес передачі в оренду активно відбувався лише з початку 1922 р. Наприклад, на 1 березня 1922 р. договори по Біюк-Онларському району Сімферопольського округу уклали О. Кнельц, який узяв у користування млин в с. Табулди з локомотивом у 12 сил та можливістю переробки до 60 000 пудів. Ф. Айзенбраун та Г. Лаукер у с. Бютень паровий двигун у 12 сил розрахований на переробку 24 000 пудів. Також в оренду взяли млини П. Єнс при с. Есенбак-Ішунь та А.Я. Янцен при с. Аджи-Елі Кіпчак. Я. Янцен при с. Бешаран уклав договір оренди на крупорушку з обсягом переробки до 86450 пудів на рік. До того ж вона була одна на весь Біюк-Онларський район [26, арк. 94].

В оренду здавалися не лише бувші приватновласницькі млини, але борошномельні підприємства, які належали сільським товариствам. Наприклад, у лютому 1922 р. німці селища Розенталю передали в користування двоповерховий водяний млин орендарю Ясинському [20, арк. 1].

Траплялися випадки, коли влада відмовляла передати в оренду млин його попереднім власникам. Наприклад, спадкоємці Вальца та Майера у 1922 р. звернулися з

клопотанням про повернення моторновальцового млина, який знаходився у Джанкої. Проте комісія щодо денационалізації борошномельно-круп'яних підприємств відмовила. Мотивувалася тим, що підприємство необхідне для держави, адже воно було обладнане нафтовим мотором марки «Перкун» у 20 сил, вальцовий станок, дробилка двухвальцова, шертівка та інші технічні пристрої [27, арк. 14-24].

Розвиток борошномельної галузі в німців у 20-ті роки із згортанням НЕПу остаточно припиняється. Коли ліквідуються орендні відносини й будь-які млини фактично стають державною формою власності. У 30-ті рр. вони діяли винятково в колгоспах і були направлені на обслуговування потреб колективних господарств.

У підсумку слід зазначити, що в розвитку німецького млинарства Криму виділяється декілька етапів. Перший датується початком ХІХ – 80-ті рр. ХІХ ст., коли головною енергією, яка приводила до руху жорнову систему виступала сила води, вітру, тварин. Тотожна ситуація була й в інших колоніях материкової України [13]. Також масштаби борошномельної промисловості були ще незначними, насамперед через її орієнтування на обслуговування потреб громади. Німці не відігравали вирішальної ролі в даному секторі кримської економіки, бо мали незначну чисельність, а засновані колонії ще не укріпилися матеріально. Другий період датується кінцем 80-тих рр. ХІХ – початком ХХ ст. Для якого характерним є використання парових і газогенераторних двигунів для роботи млинів, що призводило до підвищення їх потужності в двадцять разів у порівнянні з вітряними млинами [13]. Намітилася стала динаміка заснування в кожному селищі та великих економія власних млинів. У цей період у німців Криму млинарство виходить на промисловий рівень. Проте тих масштабів, яке воно мало в материковій частині, все-таки не досягнуло, як у самих німців, так й у інших народів півострову. Адже вже на той час з будівництвом залізниць, портів відбувається переорієнтування потужних виробників зерна на його експорт. Такий підхід не дозволяв забезпечити млини необхідною кількістю сировини, а відтак борошномельні підприємства більшою мірою залишалися орієнтованими на забезпечення потреб здебільшого місцевого населення.

Таким чином, до початку Першої світової війни німецьке млинарство пройшло два етапи, які можна охарактеризувати як становлення та розквіт. Подібну періодизацію щодо менонітів Півдня України наводять дослідники М. В. Белікова та Н. В. Венгер [1, с. 13].

Третій етап розвитку борошномельної галузі припадає на 1914–1941 рр. звісно, що для цього періоду характерною є ліквідація дрібних приватних млинів, націоналізація підприємств орієнтованих на промислові обсяги переробки. Політика НЕПу не змогла на практиці забезпечити вільну діяльність млинів, а колективізація, яка наступила в 30-ті рр. ХХ ст., остаточно поставила крапку в можливості вільного функціонування приватного або орендного млинарства на півострові.

Окремо слід зазначити, що динаміка розвитку борошномельних підприємств залежала від наступних чинників: чисельності німецького населення та їхніх селищ і масштабів посівних площ. Виявлені джерела дозволяють дійти висновку, що в місцях компактного проживання німців вони відігравали помітну роль у млинарстві, а у окремих волостях їм належала лівова частка ринку. Принагідно треба відмітити, що німці стали багато в чому піонерами у поширенні передових технологій, а саме

механічних двигунів, багатопверхових млинів, необхідної інфраструктури для робітників (столова, санітарний комплекс тощо).

Таким чином, підсумовуючи вище сказане, треба зазначити, що німці зробили помітний внесок у розвиток борошномельної галузі в Криму. Завдяки їхнім старанням було створено розгалужену систему млинів, що стимулювало селян збільшувати посівні площі, проводити сортову селекцію тощо. На жаль, встановлення радянської влади звело нанівець усі досягнення, зокрема й німецького млинарства.

Список використаних джерел та літератури

1. Венгер Н. В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920) / Н. В. Венгер. – Днепропетровск, 2009. – 696 с.
2. ДААРК, ф. 61, оп. 1, спр. 283.
3. ДААРК, ф. 528, оп. 2, спр. 11.
4. ДААРК, ф. 477, оп. 2, спр. 45.
5. Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год. – Симферополь, 1915. – 392 с.
6. Статистический справочник Таврической губернии / сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. – Симферополь, 1915. – Вып. 4 : Перекопский уезд. – 96 с. ; Статистический справочник Таврической губернии / сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. – Симферополь, 1915. – Вып. 5 : Евпаторийский уезд. – 82 с. ; Статистический справочник Таврической губернии / сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. – Симферополь, 1915. – Вып. 6 : Симферопольский уезд. – 186 с. ; Статистический справочник Таврической губернии / сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. – Симферополь, 1915. – Вып. 7 : Феодосийский уезд. – 96 с.
7. ДААРК, ф. Р-1932, оп. 1, спр. 12.
8. ДААРК, ф. Р-1, оп. 1, спр. 297.
9. ДААРК, ф. Р-1, оп. 1, спр. 298.
10. ДААРК, ф. Р-137, оп. 1, спр. 157.
11. Постановления Симферопольского уездного земского собрания созыва 1867 г. с приложением докладов уездной земской управы. – Симферополь : тип. С. Спиро, 1867. – 316, 88 с.
12. Leibbrandt S.G. Deutsche Bauernleistung am Schwarzenmeer. – Leipzig, 1942. – 108 s.
13. Белікова М. В. Менонітські колонії Півдня України (1789–1917 рр.) : дис. ... канд. іст. наук. – Запоріжжя, 2005. – 266 с.
14. ДААРК, ф. 27, оп.13, спр. 1906.
15. ДААРК, ф. 27, оп. 13, спр. 1924.
16. ДААРК, ф. 27, оп. 13, спр. 1938.
17. ДААРК, ф. 27, оп. 13, спр. 1980.
18. ДААРК, ф. 27, оп. 13, спр. 1890.
19. ДААРК, ф. 507, оп.1, спр. 4.
20. ДААРК, ф. Р-1, оп.1, спр. 293.
21. Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год. – Симферополь, 1915. – 275 с.
22. Вся Россия : адрес-календарь Российской империи : справочная книга по торговле и промышленности на 1902 год. – СПб. : тип. А. С. Суворина, 1903.
23. ДААРК, ф. 27, оп.13, спр. 3766.
24. ДААРК, ф. 34, оп.1, спр. 107.
25. ДААРК, ф. Р-1932, оп.1, спр. 12.
26. ДААРК, ф. Р-1883, оп. 2, спр. 13.
27. ДААРК, ф. Р-1932, оп. 1, спр. 51.

Задерейчук И. А. Мукомольная промышленность у немцев Крыма в ХІХ – первой трети ХХ в. / И. А. Задерейчук // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 96–105.

Исследовано вопросы развития мукомольной промышленности у немцев Крыма в ХІХ – первой трети ХХ ст. Проанализировано основные периоды занятия мельничным делом, выявлено их качественные характеристики. Изучено динамику изменения численности мельниц и их процентное соотношение по сравнению с представителями других национальностей. Отдельно изучено деятельность крупных предприятий, которые принадлежали немцам.

Ключевые слова: немцы Крыма, мельницы, перерабатывающая промышленность.

Zadereychuk I. P. Milling industry of the Germans in Crimea XIX – the first third XX century / I. P. Zadereychuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 96–105.

Examined issues of the milling industry of the Germans in Crimea XIX – the first third of the twentieth century. The causes of the construction of mills. Analyzed the main periods of a miller. The causes and characteristics of the spread of new technologies. Studied the dynamics of change in the number of mills and their percentage compared to other nationalities. Revealed regional characteristics of the mills. The reasons of the use of new technologies. Disclosure Policy of Soviet power in the matter of the mills, including the Germans. Argues that the First World War and the establishment of Soviet power had a negative impact on the position of the mill case of the Germans.

Separately studied large enterprises that belonged to the Germans. It is proved that the Germans were the pioneers in the application of advanced technology in the milling business. In places where the Germans managed to become a monopoly in the organization of processing wheat.

Key words: Deutch settle in Crimea, mills, processing industry.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

УДК 93:281.9:246/247 «17/19» (477.75)

ПРАВОСЛАВНЫЕ КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Ищенко Э. С.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: Face209@mail.ru*

Воссоздан реестр православных культовых сооружений Севастополя конца XVIII – начала XX века. Представлена краткая история православных храмов, часовен, домовая церковь, монастырей города и его окрестностей. В публикации присутствуют иллюстрации досоветского периода некоторых значимых святынь. Установлена современная судьба части объектов исследования. Материалы по православным культовым сооружениям Севастополя опираются на досоветскую и современную литературу.

Ключевые слова: Севастополь, православные культовые сооружения, храм, часовня, домовая церковь, монастырь

Присоединение Крыма к России в 1873 году ознаменовало новый этап в жизни полуострова. Реформы русского правительства привели к коренным изменениям в экономике, социальных процессах, культуре. Заселение Российским государством приобретенных земель, территориальные преобразования, строительство новых и рост существовавших городов происходили одновременно и взаимосвязано с христианизацией Крыма. Возрождались христианские памятники дотурецкого периода истории полуострова, возникали новые святыни. Не оставался в стороне и Севастополь. С момента основания город строился как крепость на южных рубежах Российской империи и база русского военного Черноморского флота. К тому же, в его окрестностях – Херсонесе, состоялось крещение Великого князя Владимира и отсюда христианство и византийская культура распространились по всей Руси. В этой связи, уже к середине XIX века в Севастополе, Балаклаве и ее окрестностях было 7 церквей военного ведомства, 7 – епархиального ведомства, первоклассный Балаклавский Георгиевский монастырь и две киновии, строились соборы [1, с. 6]. С каждым годом населенный пункт и число жителей увеличивались. Соответственно, возникала необходимость в возведении новых православных культовых сооружений.

Изучение источников и литературы, связанных с историей Севастополя и православных культовых сооружений Крыма, показало существование пробелов в данной сфере [2]. Не была обнаружена специальная научная публикация, в которой был бы представлен полный список существовавших в Севастополе православных святынь конца XVIII – начала XX века с указанием истории объектов, их современного состояния. Наиболее обширные сведения по затрагиваемой теме нам дает досоветская литература. Справочные сведения были обнаружены в описаниях Таврической епархии 1872 года протоиерея кафедрального собора Св. Александра Невского Михаила Родионова [3, с. 111; 190–191; 214–221; 247–255], 1886 года епископа Таврического Гермогена [4, с. 197–204]. Данные в указанных трудах противоречивы, не

всегда соответствуют друг другу. Храмам Св. Равноапостольного князя Владимира и Св. Чудотворца Николая на Братском кладбище [5] посвящены отдельные издания типографии Ковалева [6]. В трудах советского периода упоминания о святынях отрывочны, а зачастую отсутствуют по причине проводимой общегосударственной политики. Материалы по большинству православных сооружений Севастополя были обнаружены в современной периодической литературе. О их судьбе в настоящее время сообщается кратко или не указывается. К 1916 году в Севастополе и его окрестностях действовало около 19 православных храмов, 3 монастыря, домовая церковь, несколько часовен [7, с. 7].

Первым храмом Севастополя после включения Крыма в состав Российской империи в своей «Справочной книжке о приходах и храмах Таврической епархии» епископ Гермоген называет церковь во имя святых апостолов Петра и Павла, которая была построена в 1792 году анатолийскими греками [8, с. 201]. Более информации по этой святыне выявлено не было, остается не ясна ее связь с другими двумя храмами Севастополя, также освященными во имя Св. апостолов Петра и Павла в 1844 и 1856 годах [9, с. 201–202].

В 1794 году в Балаклаве была построена каменная церковь во имя Св. Николая Чудотворца. До нее на этом месте в 1375 году существовала святыня, названная в честь 12 Апостолов [10, с. 197]. Николаевский храм был сильно поврежден в Крымскую войну 1854–1856 гг. неприятелями, поэтому после ее окончания восстановлен силами прихожан и освящен 8 июня 1857 года. Посещали храм военные, состоявшие в Балаклавском батальоне, а церковь находилась в ведении обер-священника армии и флота [11, с. 197–198]. В 1861 году военный статус был упразднен и храм перешел в ведомство епархиального архиерея [12, с. 111]. К данной святыне принадлежали 3 часовни – Свято-Ильинская, Свято-Георгиевская и Свято-Троицкая (последняя располагалась в греческом селении Кадыкой в окрестностях Балаклавы) [13, с. 198]. М. Родионов сообщает, что Свято-Троицкая святыня, основанная в 1810 году, была не часовней, а каменным храмом. Автор отмечает, что до Крымской войны церковь во имя Св. Троицы имела свой приход и притч, а после – причислена к Балаклавской во имя Св. Николая Чудотворца [14, с. 111].

В 1795 году при военном ведомстве и на его средства был построен Адмиралтейский собор во имя Св. Николая. Из-за малой вместимости и ветхости в 1852 году разобран и построен новый [15, с. 202]. В Крымскую войну не пострадал [16, с. 190]. К собору была приписана церковь во имя Св. Архистратига Михаила [17, с. 202]. Год ее основания установить не удалось. Известно, что святыня пострадала и разорилась в годы Крымской войны, но в 1871 году была возобновлена за счет казны [18, с. 190; 191].

Благодаря забот бывшего вице-адмирала Филиппа Быченского в 1822 году на городском кладбище была построена церковь во имя Всех Святых. В Крымскую войну она была разбита и сожжена. После окончания военных действий на средства бывшего церковного старосты, первой гильдии купца Ивана Корневича Пикина святыня была возобновлена и освящена 5 октября 1858 (1859 [19, с. 202]) года [20, с. 191; 190].

В 1825 году во время посещения Севастополя императором Александром I главнокомандующий Черноморским флотом представил на рассмотрение государю свое

предложение о строительстве на развалинах древнего Херсонеса храма во имя Равноапостольного князя Владимира и об открытии по России подписки на сбор средств для сооружения. Разрешения императора было получено, Академии художеств поручили представить проект святыни [21, с. 9–10]. В 1843 году проект академика К. А. Тона был утвержден императором Николаем I. К этому времени, согласно итогам подписки, уже было собрано 373 тыс. рублей ассигнациями. На этом этапе главнокомандующий Черноморским флотом, вице-адмирал Михаил Петрович Лазарев просит разрешение возвести новый храм в самом городе, а не на Херсонесе. Это было связано с тем, что при населении 60 тыс. человек в Севастополе существовало только 2 церкви – Петропавловская и адмиралтейский собор. Согласие императора последовало, более того, Николай I сам указал место строительства будущей святыни [22, с. 10].

Подготовка к сооружению длилась еще около десяти лет. В 1851 году скончался вице-адмирал В. П. Лазарев и его похоронили в нижнем храме (крипте) собора [23, с. 4]. 15 июля 1854 года храм был заложен архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием [24, с. 12]. В том же печальном году началась Крымская война, легшая бременем на город, жителей и остановившая строительство собора. Также в крипте были погребены погибшие во время героической обороны Севастополя вице-адмирал В. А. Корнилов, контр-адмирал В. И. Истомин и адмирал П. С. Нахимов [25, с. 12–13]. С 1856 по 1888 годы в силу различных причин строительство то возобновлялось, то прекращалось. Архитекторами в разное время были назначены К. А. Тон, В. А. Рулев, М. И. Эппингер, В. А. Дорогулин, А. А. Авдеев. В 1871–1873 гг. были споры о переименовании строившегося храма во имя Св. Александра Невского [26, с. 15]. Все же 5 октября 1881 года архиепископ Платон освятил нижний храм собора, а 5 октября 1888 года строительство было окончено и состоялось освящение сооружения епископом Мартинианом [27, с. 16] (фото 1).

В 1931 году собор действовал, но вскоре в связи с советской политикой стал мастерской для подготовки авиационных кадров и технических работников, книжным складом. Могилы адмиралов подверглись мародерству. Сильно пострадало здание в годы Великой Отечественной войны – был разрушен северный фасад, поврежден крест, крыша, выбиты все стекла, пострадало внутреннее убранство собора его росписи. В 1867 году начались восстановительные работы и продолжались они вплоть до освящения 9 октября 1991 года [28]. Еще через полгода были обнаружены, идентифицированы и торжественно перезахоронены останки адмиралов.

В 1844 при гражданском ведомстве на южной стороне Севастополя была построена приходская каменная церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла в виде Афинского древнего храма Тезея (фото 2). Сооружение украшали по кругу 44 каменные колонны и при входе в храм в нишах две большие мраморные статуи, изображавшие святых апостолов Петра и Павла [29, с. 200]. В Крымскую войну святыня была разбита из вражеских орудий, сожжена, а мраморные статуи апостолов увезены неприятелем [30, с. 190]. После войны на данной местности, принадлежавшей Балаклавскому Свято-Георгиевскому монастырю, на средства прихожан храм был построен и освящен 22 декабря 1857 года без изменения прежнего названия [31, с. 200]. В наши дни в этом здании святыни расположен Дом культуры, но дважды в неделю в помещении идут церковные службы [32, с. 6].

ПРАВОСЛАВНЫЕ КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Фото 1. Собор Святого равноапостольного князя Владимира

Фото 2. Церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла

Фото 3. Храм во имя Св. Николая на Братском кладбище

Фото 4. Церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы

По окончании Крымской войны французский главнокомандующий уступил севастопольцам деревянную Петропавловскую церковь возле Камышевой бухты. Вскоре ее перенесли на северную сторону города и на каменном фундаменте освятили в 1856 году. В 1862 году на том же месте на средства прихожан была сооружена одноименная каменная святыня [33, с. 201; 34, с. 191].

В годы Крымской войны в Севастополе были уничтожены церкви госпитальная для матросов и полковая для сухопутных войск [35, с. 202; 36, с. 190]. В Корабельной бухте был сожжен приходской храм, но в 1868 году там же освящена новая каменная во имя Св. Митрофана [37, с. 191].

В 1857 году архитектором А. А. Авдеевым был составлен проект и заложено строительство православной церкви во имя Св. Николая на Братском кладбище, где захоронены защитники, погибшие во время Крымской войны 1854–1855 гг [38]. Храм-памятник в виде усеченной пирамиды с большим, гранитным крестом наверху был освящен в 1870 году [39, с. 192] (фото 3). Это первое православное строение в форме пирамиды в мире. Изнутри на стенах укреплены 28 плит с именами 943 погибших офицеров. В годы Великой Отечественной войны была разрушена верхняя часть храма, рухнул и раскололся крест. В 1868 году были начаты восстановительные работы, и с 1989 года в святыне возобновлены богослужения. В частности, расколовшийся на три части крест был вновь восстановлен в 70-е годы XX века киевскими реставраторами, которые склеили его новейшим эпоксидным раствором и установили на вершину храма [40, с. 7]. В мае 2010 года от креста вновь откололся кусок весом в несколько сотен килограммов и упал на землю, повредив стену и конструкции храма. Руководством и общиной храма было решено крест больше не восстанавливать, а заказать новый. Старый крест-ветеран в настоящий момент монтируется в лежачем положении на постаменте рядом с церковью и будет служить в качестве поклонного. Летом 2012 года в качестве дара городу Севастополю Ямало-Ненецким автономным округом из Екатеринбурга был доставлен и установлен на вершину новый крест высотой 7, 5 метров и весом около 24 тонны [41, с. 7].

В 1905 году на средства прихожан по проекту архитектора В. А. Фельдмана был возведен соборный храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы (фото 4). Сооружение является самым заметным зданием улицы Большой Морской и в наши дни [42, с. 7].

В Севастополе существовала домовая церковь в здании Константиновского реального училища. 6 ноября 1883 года она была освящена во имя Св. Александра Невского [43, с. 202].

В окрестностях Севастополя функционировало 3 монастыря: Балаклавский Свято-Георгиевский, Херсонесский Владимирский и Святого Климента в Инкермане [44, с. 214].

Балаклавский Свято-Георгиевский первоклассный мужской монастырь предположительно по преданию был основан в X веке [45, с. 214]. 1794 годом завершается ведение монастыря Константинопольским патриархом [46, с. 216]. В XIX веке монастырь именовали флотским – иноки обители служили на кораблях и в частях Черноморского флота [47, с. 217]. В 1814 году в монастыре была утроена каменная церковь во имя Св. Великомученика Георгия. В 1850 году по проекту архитектора

В. А. Рулева на монастырском кладбище, ныне территория воинской части, был построен храм во имя Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня. До 1866 года функционировала еще и третья – трапезная церковь во имя Св. Дмитрия Солунского, но была разобрана по причине ветхости [48, с. 215–216]. В 60–80-х гг. XIX века территория обители благоустраивалась, был высажен парк, построены жилые корпуса [49, с. 7]. В 1893 году на средства купца А. А. Максимова, по проекту архитектора Н. М. Чагина и В. А. Фельдмана был возведен храм во имя Рождества Христова на месте обнаруженной пещерной древней святыне. В октябре 1898 года в монастыре был заложен соборный храм во имя Вознесения Господня, но так и не был построен. В советское время монастырь закрыли, часть построек разрушили. В округе расположилась военная часть и доступ в эти места на долгие годы был закрыт. В 1993 году благодаря заботам архиепископа Симферопольского и Крымского Лазаря было получено соглашение о передаче командующим Черноморским флотом Э. Д. Балтиным части монастыря Крымской Епархии [50, с. 7].

Херсонесский монастырь во имя Св. Равноапостольного князя Владимира основан на развалинах храма, в котором князь Владимир принял крещение в 988 году. По представлению архиепископа Херсонесского и Таврического Иннокентия № 4, 141 от 4 мая 1850 года было дано разрешение на восстановление древней крымской святыни, открытие киновии. Была устроена и освящена 28 февраля 1853 года небольшая каменная церковь во имя Св. Блаженной княгини Ольги. После окончания разорительной для обители Крымской войны, 30 апреля 1857 года была освящена новая церковь на том же месте во имя семи священномучеников, в Херсонесе епископствовавших [51, с. 7].

18 марта 1861 Херсонесский монастырь возведен в степень первоклассного. В 1858 император Александр II дал распоряжение на строительство соборного храма во имя Св. Равноапостольного князя Владимира. Проект на сооружение был утвержден 2 июня 1859, а 23 августа 1861 года Александр II заложил этот храм. Строительство шло медленно и лишь в 1891 году было завершено. Затем настоятель обители построил двухэтажный дом для себя и келии для монахов. При доме 14 июля 1863 года была освящена домовая церковь во имя Корсунской иконы Богородицы [52, с. 220–221]. В 20-е гг. XX века монастырь был закрыт. В 1944 году собор во имя Св. Владимира был взорван немцами. С 1999 года началось восстановление святыни. Сегодня это один из самых больших православных храмов Крыма [53, с. 6].

Киновия Св. Климента, папы Римского, в Инкермане основана в VIII–IX веках как результат иконоборческого движения в Византии. Монастырь был образован в пещерах, высеченных под крепостью Каламита и просуществовал до 1778 года – переселения христианского населения в Приазовье. Монастырь опустел. Но в 1852 году по ходатайству преосвященного архиепископа Иннокентия киновия была открыта [54, с. 253–254]. В ней устроили 3 подземных храма во имя Св. Климента, Св. Мартина (освящена в 1867 году [55, с. 254]), Св. Андрея Первозванного (при доме настоятеля во имя Св. Троицы, освященная в 1867 году [56, с. 254]). В 1895 году напротив подземного во имя Св. Мартина был сооружен небольшой во имя Св. Пантелеймона, а в 1905 году было завершено строительство собора Св. Николая, замкнувшего ансамбль монастыря в верхнем плато [57, с. 7]. В 1926

году обитель была закрыта советскими властями. В 1927 году землетрясение сильно повредило Николаевскую церковь, было принято решение разобрать ее и в 1932 году сооружение было полностью уничтожено. В 1931 году в обители прекратились богослужения. Во время Великой Отечественной войны в пещерах монастыря размещался штаб 25-ой Чапаевской дивизии Приморской армии. С 1991 года трудами настоятеля архимандрита Августина началось возрождение монастыря, идет строительство новых храмовых сооружений [58, с. 7].

Таким образом, после включения Крыма в состав Российской империи шел неразрывный процесс развития полуострова, увеличения численности жителей региона, а также появление новых православных культовых сооружений, расширение существовавших, восстановление забытых. Такая судьба не обошла стороной город русской славы и колыбель Христианства на Руси – Севастополь и его окрестности. К сожалению, торможение прогресса многих православных святынь города вызвала Крымская война 1853–1856 гг., поскольку Севастополь являлся одной из главных арен сражений. Огромный урон сооружениям нанесли политика советской власти, события Великой Отечественной войны. Допускаем, что составленный нами реестр православных культовых сооружений Севастополя конца XVIII – начала XX века не является полным. Планируем дальнейшее проведение исследований в данной сфере.

Список использованной литературы

1. Представляем Благодичине : севастопольский церковный округ // Таврида Православная. – 2011. – Авг.
2. Литвинова Е. М. Крым : православные святыни : путеводитель / Е. М. Литвинова. – Симферополь : РуБин, 2005. – 384 с.
3. Родионов М. К. Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии : общий и частный обзор / М. К. Родионов. – Симферополь, 1872. – 270 с.
4. Гермоген. Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии / Гермоген. – Симферополь : Таврическая губернская типография, 1886. – 274 с.
5. Храм святого равноапостольного князя Владимира в Севастополе. – Севастополь : тип.-лит. Ковалева, 1904. – 23 с.
6. Севастопольское братское кладбище. – Севастополь : тип. Н. Ковалева, 1902. – 31 с.
7. Представляем Благодичине : севастопольский церковный округ... Указ. соч.
8. Гермоген. Указ. соч.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Родионов М. К. Указ. соч.
13. Гермоген. Указ. соч.
14. Родионов М. К. Указ. соч.
15. Гермоген. Указ. соч.
16. Родионов М. К. Указ. соч.
17. Гермоген. Указ. соч.
18. Родионов М. К. Указ. соч.
19. Гермоген. Указ. соч.
20. Родионов М. К. Указ. соч.
21. Храм святого равноапостольного князя Владимира в Севастополе. Указ. соч.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.

26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Гермоген. Указ. соч.
30. Родионов М. К. Указ. соч.
31. Гермоген. Указ. соч.
32. Представляем Благодичиние : севастопольский церковный округ... Указ. соч.
33. Гермоген. Указ. соч.
34. Родионов М. К. Указ. соч.
35. Гермоген. Указ. соч.
36. Родионов М. К. Указ. соч.
37. Там же.
38. Севастопольское братское кладбище... Указ. соч.
39. Родионов М. К. Указ. соч.
40. Представляем Благодичиние : севастопольский церковный округ... Указ. соч.
41. Там же.
42. Там же.
43. Гермоген. Указ. соч.
44. Родионов М. К. Указ. соч.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же.
49. Представляем Благодичиние : севастопольский церковный округ... Указ. соч.
50. Там же.
51. Родионов М. К. Указ. соч.
52. Родионов М. К. Указ. соч.
53. Представляем Благодичиние : севастопольский церковный округ... Указ. соч.
54. Родионов М. К. Указ. соч.
55. Там же.
56. Там же.
57. Представляем Благодичиние : севастопольский церковный округ... Указ. соч.
58. Там же.

Ищенко Е. С. Православні культові споруди Севастополя (кінець XVIII – початок XX ст.) / Е. С. Ищенко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 106–115.

Відтворений реєстр православних культових споруд Севастополя кінця XVIII – початку XX століття. Представлена коротка історія православних храмів, каплиць, домових церков, монастирів міста та його околиць. Присутні ілюстрації дорядянського періоду деяких значущих святинь. Встановлена сучасна доля частини об'єктів дослідження. Матеріали з історії православних культових споруд Севастополя спираються на дорядянську та сучасну літературу.

Ключові слова: Севастополь, православні культові споруди, храм, каплиця, удова церква, монастир.

Ischenko E. S. The Orthodox Cult Edifices of Sevastopol (The End of XVIII – The Beginning of XX Century) / E. S. Ischenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 106–115.

The register of Orthodox Church buildings of Sevastopol of the end of XVIII - the beginning of XX century is recreated. A brief history of the Orthodox churches, chapels, house churches and monasteries of the city and its environs is given. The pre-Soviet period of some important shrines is presented with illustrations. The modern fate of the objects of research is established. Materials about the Orthodox religious edifices of Sevastopol rely on pre-Soviet and modern literature. About their fate at the present time it is reported briefly

**ПРАВОСЛАВНЫЕ КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

---

or not specified. By 1916 in Sevastopol and its surroundings were about 19 the Orthodox churches, 3 monasteries, a house church, and several chapels.

Since the foundation of Sevastopol it was built as a fortress on the southern borders of the Russian Empire and the base of the Russian military of the Black sea fleet. Besides, in his surroundings – in Chersonese the Grand Prince of Vladimir was baptized and hence Christianity and the Byzantine culture spread throughout Russia. In this regard, already by the middle of XIX century in Sevastopol, Balaklava and its surroundings were 7 churches of the military Department, 7 of the diocesan offices, first-class Balaclava St. George monastery and two monasteries. Unfortunately, the inhibition of progress of many Orthodox shrines of the city has caused the Crimean war of 1853–1856 because Sevastopol was one of the main arenas of battles. Extensive damage to the facilities caused the policy of the Soviet authorities, the events of the great Patriotic war. The revival of the shrines in the 1990-ies restored the life of many cult edifices. These buildings are the pride not only of Sevastopol, the Crimea, but also for the world culture. Let us hope that in the future these monuments of architecture will be pleasing to the eye and warms the soul of believers.

Keywords: Sevastopol, Orthodox Cult Edifices, church, chapel, house church, monastery.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

ДМИТРО БОРИСОВИЧ МЕРТВАГО – ТАВРІЙСЬКИЙ ЦИВІЛЬНИЙ ГУБЕРНАТОР

Кравчук О. С.

*Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, м. Сімферополь, Україна
E-mail: alexandrkravchuk@ukr.net*

Уперше на підставі різноманітних архівних даних і інших джерел відтворено діяльність другого таврійського цивільного губернатора – Д. Б. Мертваго. Проаналізовано його роботу, як голови Комісії із земельних питань і керівника Кримської соляної частини. Висвітлено загальне становище Таврійської губернії на початку ХІХ століття. Звернено увагу на необхідність системного вивчення інституту губернаторства і біографій губернаторів Таврійської губернії.

Ключові слова: Д. Б. Мертваго, таврійський губернатор, Таврійська губернія, інститут губернаторства, Комісія із земельних питань, Кримська соляна частина.

На сучасному етапі розвитку історичної науки спостерігається стійкий інтерес до ролі персоналій в історії. Необхідність в історико-біографічних виданнях стає все більш очевидною. У 90-х рр. ХХ століття почалося відродження цього жанру і його бурхливий розвиток. З'явилися перші видання присвячені губернаторам. Якщо в Росії, останнім часом, таких робіт багато, то в Україні першопрохідцями в цій області стали професор С. І. Посохов і професор О. Н. Ярмиш [34]. Їх біографічний словник присвячено життю і діяльності харківських губернаторів і генерал-губернаторів (намісників) з моменту створення Харківської губернії в 1765 р. і до 1917 р. У передмові розглянуті зміни інституту губернаторства і генерал-губернаторства впродовж цього ж періоду. В цілому, на тлі повної відсутності в Україні робіт, присвячених даній проблемі, дослідження харківських істориків виглядає прогресивним.

Фундаментальні роботи, присвячені вивченню біографій губернаторів і інституту губернаторства Таврійської губернії, відсутні. Уперше цю проблему підняли професори В. Ф. Шарапа і А. А. Непомнящий [33]. Ними здійснено реконструкцію біографії губернатора О. І. Казначеева. Автори вперше розкрили сторінки життя цього державного. Роботу в цьому напрямку продовжив кандидат історичних наук В. В. Бобков [32]. Його дослідження також спрямовано на вивчення діяльності О. І. Казначеева. Відсутність досліджень, присвячених діяльності чиновників, які управляли Таврійською губернією, зумовила необхідність вивчення цього аспекту вітчизняної історії. Уперше нами зроблена спроба реконструкції діяльності другого Таврійського губернатора – Д. Б. Мертваго.

Дмитро Борисович Мертваго (1760–1824) народився 5 серпня 1760 р., у шляхетній родині Мертваго [1, с. 125–133]. Його батько загинув під час Пугачовського повстання, в 1774 р. Чотирнадцятилітній хлопець, як старший син, змушений був перейняти обов'язки глави сім'ї на себе [22, с. 29–35]. У результаті юнак не здобув

повноцінної освіти. [22, с. 29–35]. Ось що пише із цього приводу його онучка М. П. Вайтаці: «палкий і ґрунтовний розум, читання, спостережливість і здатність мислити, замінювали йому недолік освіти при вихованні» [3, с. 19–35].

У 1775 р. Д. Б. Мертваго почав військову службу в Преображенському полку: «записали мене унтер офіцером у гвардію та прислали паспорт на два роки: на початку 1777 року я повинен був з'явитися у Петербурзі» [22, с. 41]. У 1779 р. він отримав звання каптернамуса, через рік – сержанта [26, арк.14–15]. У 22 роки перевівся на цивільну службу і був призначений прокурором у верхню розправу Оренбурзького краю [22, с. 42]. Пізніше Дмитро Борисович обіймав посади радника цивільної палати в Уфі, і радника Уфимського намісницького правління. [26, арк. 14–15].

Після призначення 28 вересня 1794 р. новим генерал-губернатором Сибірським і Уфимським і управляючим прикордонними справами Сергія Кузьмича Вязмітінова [13, с. 128–136] Д. Б. Мертваго швидко пішов вгору. Пов'язано це було з тим, що С. К. Вязмітінов служив в одному департаменті з Григорієм Романовичем Державіним – близьким другом Дмитра Борисовича [3, с. 31]. Про їх дружні стосунки, свідчить численне листування [28, арк. 1; 29, с. 873–879]. Незабаром, після смерті Катерини II, С. К. Вязмітінову було доручено переїхати до Малоросії, для проведення адміністративної реформи – об'єднання трьох українських губерній в одну. Генерал-губернатор запропонував Д. Б. Мертваго перевестися разом з ним, на що отримав згоду. Але незабаром, замість призначення до України С. К. Вязмітінов зайняв посаду коменданта Санкт-Петербургу, як наслідок – Дмитро Борисович не міг продовжити службу під його начальством.

Завдяки протекції Г. Р. Державіна, який обіймав у цей час посаду міністра внутрішніх справ, Д. Б. Мертваго 21 вересня 1797 р. був призначений членом Провіантської експедиції [26, арк. 14–15]. Пізніше його прийняли у військовий штат на посаду військового радника.

Успіхи на службі принесли йому популярність. 1799 р. за сприяння генерал-прокурора Петра Васильовича Лопухіна Д. Б. Мертваго хотіли призначити губернатором Санкт-Петербургу, але з особистих міркувань він відмовився від цієї посади [22, с. 81]. У наслідок дворового перевороту 9 грудня 1801 р. Дмитро Борисович отримав відставку з половинною платнею [3, с. 39–40].

Проте складне фінансове становище сприяло поверненню на державну службу. Наприкінці грудня 1802 р. по клопотанню Г. Р. Державіна він був відправлений до Криму для формування штату соляної частини [30, с. 14–16]. Вже 18 грудня 1802 р. Дмитро Борисович прибув до Перекопу [22, с. 116]. Йому було доручено діяти один рік, за який він мав створити Кримську соляну частину. Кримські соляні озера до цього віддавалися на відкуп і приносили державі щорічно до 280 тисяч рублів [31, с. 424–456]. Питання стосовно соляного промислу, було дуже важливим. Саме через непорозуміння в цій галузі промисловості з Олександром I, змушений був піти у відставку Г. Р. Державін. Він вважав, що буде несправедливим розривати вже укладені контракти з М. Штігліцем і А. Перетцом. Але ці контракти були не вигідні державі, до того ж, Олександр I прагнув позбавитися старих міністрів. Після створення Кримської соляної частини, казна стала отримувати до 500 тисяч рублів щороку [22, с. 117]. У цей же час відбувалися нові адміністративні перетворення –

15 травня 1803 р. була створена Таврійська губернія [21, с. 14]. А вже 2 серпня 1803 р. перший Таврійський цивільний губернатор Григорій Петрович Мілорадович покинув свою посаду [21, с. 14–15]. Головним претендентом на цей пост став Д. Б. Мертваго, оскільки він вже був знайомий з місцевими обставинами і зарекомендував себе як чесний чиновник. За поданням місцевого дворянства Дмитра Борисовича було призначено на посаду цивільного губернатора 26 грудня 1803 р. [18, с. 28]. Стан справ в губернії він описував так: «не лише крадіжки, грабіж, але смертні вбивства залишалися невиявленими, непокараними і справи віддавалися суду Божому. Правосуддя продавалося, як річ в торгівлі звична» [22, с. 131]. Крім того, був ще цілий ряд проблем: масова еміграція кримських татар, відсутність промислового виробництва, криза в сільському господарстві, земельні суперечки, незнання чиновниками кримськотатарської мови, розбійні напади ногайців на переселенців та інше. Першим кроком на шляху до наведення ладу був дозвіл татарам писати скарги рідною мовою, оскільки багато прохачів зізнавалися в незнанні написаного російською. При безпосередньому сприянні губернатора членів присутствених цивільного і кримінального судів, викритих у хабарництві, звільнили з посад і на їх місце призначили нових [8, арк. 101]. Так само було замінено багато чиновників по всій території Таврійської губернії. Змінили й всіх капітан-ісправників, багато засідателів і поліцмейстерів [8, арк. 75].

Наприкінці 1805 р. Д. Б. Мертваго став головою Комісії із земельних питань [17, с. 96–99]. Змінивши на цій посаді таємного радника і сенатора Івана Володимировича Лопухіна, який покинув пост голови за власним бажанням. За іншою версією – через конфлікт з губернатором, який звинувачував його у пияцтві і не зміг організувати належну роботу Комісії.

Призначення саме Д. Б. Мертваго було невинуватим. До цього часу він вже проявив себе як ініціативний адміністратор, спроможний вирішувати складні завдання. Таврійський губернатор не лише вдало використовував свої зв'язки, досвід і авторитет, але і невпинно піклувався про організацію роботи Комісії. Саме такі якості потрібні були керівникові цієї установи.

Спочатку, для поліпшення роботи Комісії, було скорочено порядок у виробництві справ. Замість того, щоб посилати в Губернське правління прохання про виклик відповідачів, новий голова почав самостійно вимагати їх появи, через міську і земську поліцію, що істотно полегшило роботу Губернського уряду і прискорило процес розрішення справ. Пізніше з'ясувалося, що деякі позивачі і не знали, що від їх імені подавалися скарги. Така ж ситуація виникла і з відповідачами – частина з них, просто не володіла тими землями, які називалися спірними. Це було викликано тим, що «сенатор [І. В. Лопухин] і ніхто з членів його і секретарів не читав прохань, а лише приймаючи, клали в купу» [22, с. 132].

Ще однією важливою ініціативою Д. Б. Мертваго було наступне: «я запропонував членам комісії, що корисно було б їм їздити на місця суперечок, де всі люди, що беруть участь [у земельних суперечках] можуть бути зібрані разом. Після виміру суперечних ділянок і після прийняття документів буде зрозуміло, кому що присуджено бути повинно. І так, уникаючи судового рішення, можна схилити людей що сперечаються до примирення, яке назавжди стверджувати Комісія повинна» [22,

с. 132–133]. Проте, не можна з упевненістю стверджувати, що ця ініціатива була виключно Д. Б. Мертваго. Олександр I звернувся до губернатора з вказівкою організувати виїзні процеси «для поліпшення діяльності Комісії і для захисту поселенців від розорення» [6, арк. 108–110]. Насилу віриться, що імператор не знайомий з реаліями Криму, міг самостійно прийти до такого рішення. Швидше за все, воно було написано за проханням самого голови Комісії.

Ще одним нововведенням було збільшення кількості землемірів. Д. Б. Мертваго добивався в Санкт-Петербурзі виділення додаткових коштів. В результаті було наказано виділити 5500 рублів для підбору 7 землемірів, не рахуючи помічників [7, арк. 54].

Зміна керівництва і членів комісії, а також використання досить прозорої юридичної основи призвело до швидкого просування справ. Якщо в 1802 р. було вирішено 8 справ, в 1803 – 14, в 1805 – 80, 1806 – 516, в 1807 – 154 [10, арк. 35]. До 1808 року основна робота Комісії було закінчено.

Завершенню діяльності перешкоджало те, що ряд членів Комісії «велику платню і столові гроші отримуючи, примітили кінець комісії <...> почали явно опиратися моїм розпорядженням: ніхто нічого не став робити; чути тільки суперечки, голоси; словом, повна зупинка» [22, с. 133]. Проте, спираючись на Армана Емануїла Ришельє – генерал-губернатора Новоросії, Д. Б. Мертваго вдалося продовжити роботу Комісії.

У 1806 році було отримано маніфест, в якому говорилося про можливу війну з Францією і жителів прикордонних районів закликали до захисту Вітчизни [22, с. 135]. Губернатор обіцяв мурзам можливість отримати чини і нагороди, а простим татарам службу в іррегулярному війську при армії. Було зібрано шість полків, полковниками були обрані багаті беї і мурзи. Полки склалися з жителів передгір'я і гірських районів Криму, степові жителі відмовилися нести службу, але обіцяли фінансову підтримку. Незабаром після цих подій, Таврійська губернія пожертвувала 200 тисяч рублів на збори військового ополчення. Після цього Д. Б. Мертваго отримав резолюцію, про формування регулярних полків із татар, в яких офіцери і шефи мали бути призначені з росіян. З мурз пропонувалося сформувати лейб-сотню для служби при Імператорі [22, с. 141]. Формування полків було доручене А. Е. Ришельє, але у зв'язку з його хворобою це завдання було передоручене маркізові Ж. Ф. Траверсе – командувачеві Чорноморським флотом і військовому губернаторові Миколаєва й Севастополя, той, у свою чергу, передав цю справу до виконання Таврійському губернатору.

У назріваючій війні з Францією, Росія готувалася до вторгнення союзників французів – турків у Крим. У Туреччині на озброєнні знаходилося одинадцять лінійних кораблів, офіцерський корпус на яких був, в основному з французів. Ці судна готували для висадки десанту в Крим. У Росії ж на Чорному морі було шість кораблів, три з яких були у поганому стані, і всього дві тисячі сухопутного війська, розміщеного по береговій лінії Таврійської губернії [22, с. 143]. Намагаючись завдати висадці турецького десанту на Кінбурнській косі, Д. Б. Мертваго почав формувати міліцію поза Кримом, призначив чотири пункти для утримання по сотні: два біля можливих місць висадки і два на дорозі від Перекопу до Беріславу. Але у на-

слідок військових дій російського і англійського флотів на Середземному морі висадка турецького десанту стала неможливою. Турки кинули всі сили на захист Константинополя. Але завдяки швидким і рішучим діям губернатора в 1807 р. в Криму на службі перебувало вже 21 800 чоловік [22, с. 146].

Маловідомою, але неймовірно цікавою сторінкою діяльності чиновника став проект заселення Криму. У зв'язку з інтенсивним освоєнням цих земель колоністами і процесом бурхливого економічного розвитку південних районів Російської імперії гостро стояло питання, ким саме заселити приєднані землі. Потрібно було створити промисловість, відновити інфраструктуру. Ще однією причиною необхідності якомога швидше вирішити це питання був той фактор, що кримські татари, що склали абсолютну більшість населення, вважалися не надійними. І для уникнення можливого повстання, потрібно було заселити Криму такими людьми, які могли б стати опорою державної влади. Російських же поселень на території півострова на початку XIX століття було мало: «У Криму російських селищ в повітах: Сімферопольському і Феодосійському вісім, в них обивателі державні, які платять податі як то: бродяги, вихідці із за кордону 813 чоловічої статі душ. Відставних солдат і їх дітей, податі які не платять 469» [25, арк. 2 зв.–3].

На момент складання проекту заселення Криму (20 грудня 1806 р.), Д. Б. Мертваго обіймав посаду губернатора три роки (з 26 грудня 1803 р.) [26, арк. 14] і добре знав місцеві обставини. Губернатор вважав поселенців, які вже жили в Криму, не здібними до праці, оскільки вони не були знайомі з роботами, пов'язаними з виноробством, садівництвом і шовківництвом [25, с. 128–131]. Тому він пропонував: «корисно було б виклопотати повеління про виключення з окладу відставних солдатів і дітей їх [що живуть у Криму], і звернувши придатних у військову службу, визначити на інвалідне утримання тих старих і калік, які самостійно прокормитися не в змозі; різного ж звання бродяг, разом з відставними солдатами розселеними в селищах, які найкращі місце розташування мають, де раніше жили греки і вірмени, в околиці Маріуполя переміщені, переселити на землі Дніпровського і Мелітопольського повітів. І таким чином звільнивши землі ними марно займані, віддати у відомство Новоросійської опікунської контори для розселення колоністів, які можуть розповсюджувати господарство відповідне тутешньому клімату і якості землі» [25, арк. 2–2 зв.]. Д. Б. Мертваго виділяв греків і болгар, як людей котрі жили в схожих кліматичних умовах. Також він зробив конкретні пропозиції щодо можливості початку переговорів з турецькою владою. Звернення мало бути зроблене до правителя Анатолії, людині, яка мала достатню свободу дій у зв'язку з децентралізацією держави, – Оттоманської Порти. Цей проект було представлено на розгляд А. Е. Ришельє. Проте Таврійський губернатор не отримав підтримки.

Реалізація цього задуму на той час була неможлива. Це було пов'язано, в першу чергу, з фінансовим становищем держави. Це в той історичний період було фактично неможливо, оскільки почалася російсько–турецька війна (1806–1812) і була висока вірогідність нового військового конфлікту з французами. Так само міністр внутрішніх справ не міг погодитися з тими жорсткими заходами, які мали бути застосовані відносно населення, що вже мешкало в Криму. Саме через це міністр внутрішніх справ – В. П. Кочубей не підтримав губернатора.

1 – Д. Б. Мертваго

2 – герб роду Мертваго

3 – I. В. Лопухін

4 – мемуари Д. Б. Мертваго

Ще одним значним внеском у розвиток губернії була участь цивільного губернатора в переведенні ногайців від кочового життя до осілого [5, арк. 56–79]. Цей захід повинен був позитивно позначитися на положенні як колоністів, що освоювали південні рубежі імперії, так і на самих ногайцях. Нажаль цей процес затягнувся на довгі роки, але держава не залишала без уваги цей народ.

Одним з найважливіших напрямів діяльності губернатора було створення промисловості краю. У Таврійській губернії на початку XIX століття були відсутні будь-які підприємства. Основний прибуток казна отримувала від торгівлі і сільського господарства. Центральні органи влади прагнули відродити виноробство на Кавказі і в Криму в промислових масштабах. Пов'язано це було з попитом на внутрішньому ринку Російської Імперії, задовольнити який не було чим. Вищі прошарки суспільства могли собі дозволити вживати французькі і іспанські вина, тоді як середній клас потребував продукту нижчої цінової категорії. Стійкий попит на внутрішньому ринку, повинен був забезпечити стабільність галузі і принести чималий прибуток державі. Саме через ці обставин на початку XIX століття виноробство Криму знов переживає період підйому. От як описував стан цієї галузі Д. Б. Мертваго: «З вижимок винограду, і з фруктів є господарства, що мають землі в Кримських горах. Після приєднання Криму, садові ділянки після татар і греків, що виїхали, роздано різного звання чиновникам. Багато з них залишаються тепер у володінні таких людей, які абсолютно не в змозі їх утримувати в порядку. Відсутність сумлінних працівників, змушувало вживати всілякі засоби: приймати бродяг та виділяти кожному з них землю, хоча, загалом, шкоди від них більше ніж вигоди» [26, арк. 5–8]. Як ми бачимо, виноробство знаходилося в занепаді, у зв'язку з некомпетентністю людей, що займалися цим ремеслом. У власників виноградників не було можливості найняти робітників, через відсутність вільних робочих рук. Ускладнення викликали грабіж і мародерства, які панували в губернії.

Указ В. П. Кочубея про створення виноградного училища в Таврійській губернії було затверджено 21 травня 1804 р. [8, арк. 67]. Комерції радник Рувьє, що займався вербуванням виноградарів за кордоном, виконав доручену йому справу. В кінці 1803 р. прислав, до Криму одного купера і двох виноградарів з потрібною кількістю виноградних лоз: «виписані з Франції комерції радником паном Рувьє, по моєму дорученню для закладу казенних виноградних училищ купор і два виноградарі прибули вже до Криму» [8, арк. 23].

У той же час В. П. Кочубей на прохання Д. Б. Мертваго звернувся до академіка Петра Симона Палласа: «віднісся до академіка Палласа, просячи його, щоб відшукав у Судацькій долині місце зручне для створення передбачуваного училища» [8, арк. 24]. Залучення П. С. Палласа було важливим, оскільки в Таврійській губернії на той час не було таких фахівців, які знали на виноградарстві і виноробстві, крім того академік був добре знайомий з місцевими кліматичними умовами і сприяв вірному вибору місця для училища [23, с. 30–45].

Через деякий час, комерції радник Рувьє знайшов нових професійних виноградарів, що бажали переселитися до Криму. Це були два виноградаря з Малаги [9, арк. 41–43]. Для розведення виноградників з іспанських лоз було придбано землі на південному березі Криму, через схожість кліматичних [8, арк. 121 – 123]. Місцева і

центральна влада турбувалася про сприятливий результат задуманого, тому прагнули вибрати як можна більш схожі на автентичні в кліматичному плані місця. Що ж до самого училища, то під безпосереднім контролем П. С. Палласа було зроблене наступне: визначені земельні ділянки, кількість учнів і працівників. Ця установа підкорялося безпосередньо Таврійському цивільному губернаторові.

Училище в Судакській долині було засновано П. С. Палласом за підтримки Таврійського губернатора Д. Б. Мертваго. Для його укомплектування учнями і робітниками було вирішено зробити наступне: «через потребу створеного в Криму виноградного училища в учнях, <...> Його Імператорська Величність повелів призначити в це звання з військовосирітських відділень вихованців 10 чоловік. <...> такі вихованці призначені були з військовосирітських відділень Херсонського, Перекопського, Ахтирського» [8, арк. 125–127]. Вони були прийняті до училища на наступних умовах:

«1. Виділити на утримання їх до 80 крб. в рік кожному.

2. <...> мають право переходити в майстри, <...> а по вислужі 10 років в званні майстра, <...> отримати від казни у власність ділянку виноградного саду в 1 десятину.

3. <...> звільнені не можуть бути раніше, ніж вислужать 25 років, як усі військові люди» [8, арк. 121].

Можна з упевненістю стверджувати, що виноградники, закладені П. С. Палласом ще на початку XIX століття, за підтримки Д. Б. Мертваго, є основою сучасного виноградарства в Судакській долині. Держава і після створення училища, продовжувала надавати галузі всіляку підтримку. На закупівлю нових лоз за кордоном виділялися крупні суми [8, арк.24].

Особливий інтерес викликає проект, складений Д. Б. Мертваго і присвячений Таврійському магометанському духовному правлінню, під назвою «Штати духовного правління магометанського закону і правила для виробництва і про обов'язки духовних» [15, с. 129–133]. Таврійський губернатор вже брав участь в створенні подібної установи. Його внесок у створення першого в імперії Оренбурзького магометанського духовного зібрання на сьогодні є несправедливо забутим [19, с. 126–132].

Досвід, в створенні Оренбурзького магометанського духовного зібрання згодився йому при вирішенні релігійних питань Таврійської губернії [26, арк. 14]. У серпні 1805 р., генерал-губернатор Новоросійського краю – А. Е. Ришельє, знаходячись у Сімферополі, звернувся до Д. Б. Мертваго з пропозицією: «Розглянути можливість створення установи магометанського правління» [24].

У свою чергу муфті Сєїт-Мегмет ефенді: «листом від 29 серпня просив Мертваго звернутися до Імператора з проханням про відкриття духовного правління, оскільки в Криму для спостереження призначено п'ять ефендієв і отримує кожен з них платню, але без правління знаходяться вони поза справами» [2, с. 330].

Через місяць, тобто 28 вересня 1805 року, Таврійський губернатор представив А. Е. Ришельє: «Штати духовного правління магометанського закону і правила для виробництва і про обов'язки духовні, так само копії з Високих указів, які були підставою при цьому». В той же час, він прохав: «якщо знайдені будуть ці розпорядження відповідними користі тутешнього краю і вирішено буде Його Імператорсь-

кою Величністю їх ствердження, наказати муфтію негайно приступити до обрання духовних осіб, які будуть стверджуватися згідно правил» [11, арк. 132–134].

Проект передбачав наступний порядок призначення на посади: «Муфтії обирається Таврійської губернії магометанського закону обивателями всіх прошарків, від кожного міста і повіту представляється по два кандидата начальникові губернії. Після чого, одного з них буде призначено на посаду муфтія, за наказом Імператора. Старші і молодші ефендії в духовному правлінні ті, що засідають, обираються з духовних чиновників муфтієм і затверджуються губернатором» [2, с. 331–332]. В проекті також зазначалося: «Письмоводитель призначається Таврійським цивільним губернатором. Канцелярських служителів назначає муфтії і йому, як голові, надається право призначаючи їм платню» [2, 331–332]. Таким чином, головною метою Д. Б. Мертваго було сприяти повному контролю місцевої адміністрації над Таврійським магометанським духовним правлінням.

Дмитро Борисович не лише склав проект, але й намагався добитися його практичної реалізації. Так, він залучився до пошуків приміщення для Таврійського магометанського духовного правління, передбачаючи розмістити його в будинку – Катерини Петрівни Смірної (вдови економії директора Таврійської губернії радника Матвія Нікітича Смірнова) [12, арк. 111–120]. Також, Таврійський губернатор прагнув, щоб посаду муфтія обіймала лояльна до Російської імперії людина. У своїх «Записках» він приводить розповідь про вибори муфтія Муртази-Челебі [22, с. 137–139]. Цей уривок ілюструє вміння Д. Б. Мертваго бути вмілим дипломатом, провідником політики своєї держави в Таврійській губернії.

Але, на жаль, цей проект не був здійснений, оскільки вже в 1809 р., новий Таврійський губернатор А. М. Бороздін зіткнувся з тим, що була відсутня правова база, на яку могло б спертися Таврійське магометанське духовне правління в своїй діяльності [2, с. 335–336]. Ця установа не функціонувала, тому що не було потрібної фінансової підтримки зі сторони держави, спостерігалися протиріччя серед самого мусульманського духівництва і т. д.

Діяльність Д. Б. Мертваго на посту Таврійського цивільного губернатора демонструє нам приклад роботи тогочасного чиновника – реформатора. Отримавши губернію в занедбаному становищі, за короткий проміжок часу, він зумів навести лад у цих землях. Аналізуючи життєвий шлях Дмитра Борисовича, робиш висновок, що цей чиновник вдало організовував роботу кожного відомства, яким керував. Тільки складні відношення з Олександром I і його оточенням, викликані тим що Д. Б. Мертваго вважали прибічником Павла I, завадили йому зайняти більш значну державну посаду. Діяльність Дмитра Борисовича на державних службі, була прикладом для сучасників і має бути зразком у наш час.

Список використаних джерел та літератури

1. Аксаков С. Т. Воспоминания С. Т. Аксакова о Д. Б. Мертваго : Письмо к В. Б. Безобразову, 20.01.1857 / С. Т. Аксаков // Русский вестник. – 1857. – Кн. 1. – С. 125–133.
2. Александрова И. Ф. К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления / И. Ф. Александрова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (далі – ИТУАК). – 1918. – Т. 54. – С. 316–356.
3. Вайтаци М. П. Боль минувшего / М. П. Вайтаци // Исторический вестник. – 1913. – № 4. – С. 29–40.
4. Державний архів в Автономній Республіці Крим, ф. 26, оп. 1, спр. 542.

5. Там само, спр. 568.
6. Там само, ф. 24, оп. 1, спр. 9А.
7. Там само, спр. 475А.
8. Там само, ф. 26, оп. 1, спр. 542.
9. Там само, спр. 567.
10. Там само, ф. 24, оп. 1, спр. 669.
11. Там само, ф. 25, оп. 1, спр. 275.
12. Там само, ф. 26, оп. 1, спр. 565.
13. Губернаторы Оренбургского края / В. Г. Семенов, В. П. Семенова. – Оренбург : Оренбургское книжное изд-во, 1999. – 400с.
14. Дружинина Е. И. Южная Украина, 1800–1825 / Е. И. Дружинина. – М. : Наука, 1970. – 384 с.
15. Бойцова Е. В. Ислам в Крыму : очерки истории функционирования мусульманских институтов / [Е. В. Бойцова, В. Ю. Ганкевич, Э. С. Муратова и др.]; Крымский ин-т мира. – Симферополь : Элиньо, 2009. – 432с.
16. Ислам в Российской империи : законодательные акты, описания, статистика / сост. Д. Ю. Арапов. – М. : Академкнига, 2001. – 367с.
17. Кравчук А. С. Губернатор Д. Б. Мертваго в работе Комиссии по разрешению земельных споров (1802–1810) // Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма : матер. III Межд. науч. конф. Новый Свет, 1–3 окт. 2010 г. / Новосветский поселковый совет; сост. О. С. Анисимова; под. ред. В. Ю. Ганкевича, А. А. Непомнящего. – Новый Свет : Соло-Рич, 2011. – С.96–99.
18. Кравчук А. С. Источники для изучения института губернаторства в Таврической губернии в начале XIX века: к постановке проблемы // Сіверщина в історії України : зб. наук. праць / Нац. заповідник «Глухів»; Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – К. ; Глухів, 2010. – Вип. 3. – С. 28–30.
19. Кравчук А. «Штаты духовного правления магометанского закона и правила для производства и о обязанностях духовных» губернатора Д. Б. Мертваго // Нові дослідження пам'яток Козацької доби в Україні : зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК : у 2 ч.– К., 2011.– Ч. 2.– С. 126–132.
20. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения / Ф. Ф. Лашков // ИТУАК. – Симферополь, 1896. – № 24, 25.
21. Макидонов А. В. К светской и церковной истории Новороссии / А. В. Макидонов. – 2 изд. : испр. и доп. – Запорожье : Просвіта, 2006. – 116 с.
22. Мертваго Д. Б. Записки (1760–1824) / подг. С. Д. Дзюбанов, Г. Г. Мартынов – СПб. : Русская симфония, 2006. – 368с. – (Серия : «Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук»).
23. Непомнящий А. А. Подвижники кримоведения : в 2 т. – Симферополь: СГТ, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 с. – (Серия : «Библиография кримоведения» ; вып. 12).
24. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 28.
25. Російський державний історичний архів, ф. 1305, оп. 1, спр. 5.
26. Там само, ф. 1286, оп. 1, спр. 108.
27. Там само, ф. 1281, оп. 11, спр. 131.
28. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 603, оп. 1, спр. 383.
29. Державина Г. Р. Соч. : в 9 т. / Г. Р. Державин ; прим. Я. Грота. – СПб., 1869. – Т. 5. – 930 с.
30. Державина Г. Р. Соч. : в 9 т. / Г. Р. Державин ; прим. Я. Грота. – СПб., 1871. – Т. 6. – 987 с.
31. Державина Г. Р. Соч. : в 9 т. / Г. Р. Державин ; прим. Я. Грота. – СПб., 1872. – Т. 7. – 896 с.
32. Бобков В. В. Феодосийский градоначальник Александр Иванович Казначеев : основные вехи административной деятельности. – Ученые записки Таврического национального университета. : спец-выпуск «История Украины» – Т. 23 (62). – № 1. – 2010. – С. 32–41. – (Серия «Исторические науки»).
33. Непомнящий А. А. Таврический губернатор А. И. Казначеев / А. А. Непомнящий, В. Ф. Шарпа // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 2. – С. 226–229.
34. Посохов С. И. Губернаторы и генерал-губернаторы / С. И. Посохов, А. Н. Ярмыш ; Ун-т внут-ренних дел. – 2 изд. – Харьков, 1997. – 164с. – (Серия : «Харьковский биографический словарь»).

Кравчук А. С. Дмитрий Борисович Мертваго – таврический гражданский губернатор / А. С. Кравчук // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 116–127.

Впервые на основании различных архивных данных и других источников воссоздана деятельность второго Таврического гражданского губернатора – Д. Б. Мертваго. Проанализирована его работа, как главы Комиссии по земельным вопросам и управляющего Крымской соляной частью. Отображено общее положение в Таврической губернии в начале XIX века. Обращено внимание на необходимость системного изучения института губернаторства и биографий губернаторов Таврической губернии.

Ключевые слова: Д. Б. Мертваго, таврический губернатор, Таврическая губерния, Комиссия по земельным вопросам, Крымская соляная часть, институт губернаторства.

Kravchuk A. S. Taurida governor D. B. Mertvago / A. S. Kravchuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 116–127.

On the basis of various historical data and other sources, the biography of the statesman of the XIX century D. B. Mertvago was recreated. For the first time an assessment of his occupation at different positions was represented. The details of his activities as the Taurida civil governor were restored. For the first time an assessment of his occupation at different positions was represented. The details of his activities as the Taurida civil governor were restored. It was a difficult period in the history of Taurida province. Taurida governor D. B. Mertvago worked on created of Commission of the land problems. It was a complex process. He must to decided the problem quickly and he coped. Taurida governor created a militia of the Crimean Tatars. He engaged in colonization of South Ukraine. He created his own project of colonization. Governor created a new industry, such as wine. It was important for Russia Empire and had to bring a lot of money. He was an outstanding administrator and did many for Crimea and the country.

Keywords: D. B. Mertvago, Taurida province, governor of Taurida, Commission of the land problems, Crimean salt part governorship institute.

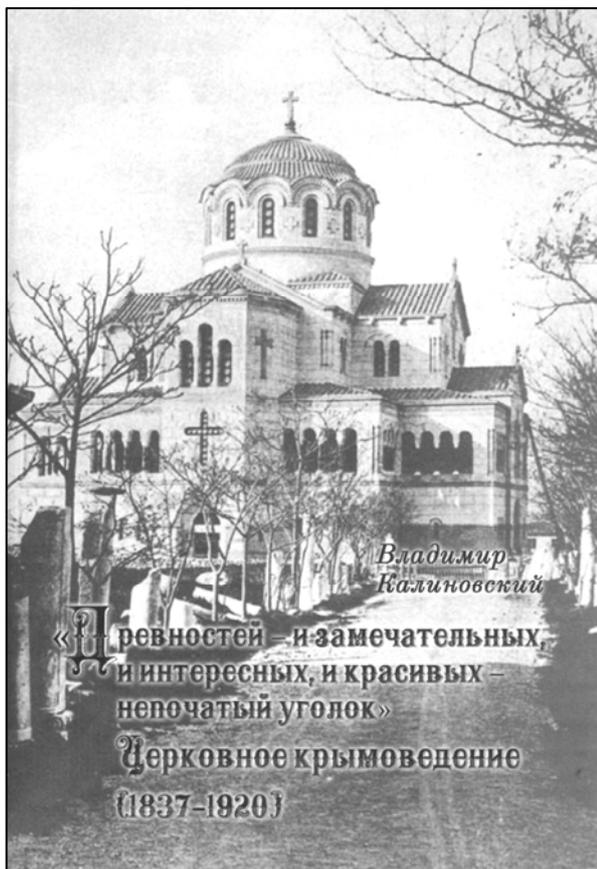
Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ЦЕРКОВНОМУ КРЫМОВЕДЕНИЮ

Кутайсов В. А.

*Крымский филиал Института археологии НАН Украины, г. Симферополь, Украина
E-mail: kutaiov_vadim@mail.ru*

Рец. на кн. : Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок» : церковное крымоведение, 1837–1920 / В. В. Калиновский ; под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего ; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – К. ; Симферополь : АнтикВА, 2012. – 340 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 18).

Книжная серия, возвращающая из небытия малоизвестные страницы прошлого отдельного региона, – явление уникальное не только в масштабах Украины, но и всего бывшего Советского Союза. В этой связи «Биобиблиография крымоведения», основанная и редактируемая профессором А. А. Непомнящим, выделяется как явление неординарное. За восемь лет свет увидело уже восемнадцать изданий, каждое из которых – оригинальное и качественное исследование значимых страниц истории Крымского полуострова либо истории науки.

Исключением не стала и рецензируемая книга. Автор монографии – молодой кандидат наук Владимир Витальевич Калиновский – выпускник аспирантуры Центра памятниковедения Национальной академии наук Украины – берется за тему, которая и актуальна, и интересна, и малоизученна. Исследователь открывает читателю без ма-

лого вековую историю участия православного духовенства в изучении и охране культурного наследия Крыма. Фактически, книга «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: церковное крымоведение (1837–1920)» стала первой попыткой обобщить и систематизировать колоссальный объем

важной информации, касающейся краеведческой работы духовных лиц на Крымском полуострове.

Почему актуальна заявленная проблема? Достаточно открыть серьезные периодические издания, включить телевизор или зайти на новостные порталы в Интернете. С завидной регулярностью там повторяются сообщения о конфликтах между священнослужителями и учеными по вопросам исследования тех или иных объектов, права собственности и т.д. То же можно сказать и о ситуации в Крыму, который так богат памятниками, связанными с христианством, как никакой другой регион Украины. Неслучайно В. В. Калиновский в названии своей книги использовал оборот «древностей непочатый уголок». Именно так написал о полуострове архиепископ Таврический Гурий (Карпов) (1814–1882). Оптимальное использование объектов культурного наследия, которое устроило бы и ученых, и духовенство, без сомнения, можно назвать одной из наиболее насущных культурных задач современности. В. В. Калиновский в своей работе обращается к досоветскому опыту взаимодействия служителей культа с историками и археологами – от переписки, касающейся мер по защите памятников до конкретных действий, в первую очередь, путем привлечения к работам сотрудников ведущих научных обществ. При этом, ставя во главу угла принцип объективности, автор указывает позитивные и негативные стороны такого сотрудничества, заостряя внимание читателя как на неприятных моментах, которых сегодня можно избежать, так и на примерах плодотворного объединения усилий. Именно поэтому на одних страницах книги мы читаем о монахах Херсонесского монастыря, проводящих хозяйственные работы на неисследованных участках городища, а на других о деятельности священника Валентина Томкевича, который изучал древности в своем приходе и даже получил открытый лист на проведение раскопок от Императорской Археологической комиссии – факт археологии сам по себе незаурядный.

Книга В. В. Калиновского отвечает всем требованиям, которые выдвигаются к современным научным исследованиям. Она отличается скрупулезностью подхода к изучению проблемы. Автором проработана значительная документальная база, которая включает в себя материалы из архивов Санкт-Петербурга, Одессы и Крыма, которые он впервые ввел в научный оборот. При написании работы были использованы раритетные издания и малоизвестные даже для специалистов публикации периодической печати. Замечу, что такая основательность характерна абсолютно для всех книг серии «Биобиблиография крымоведения». В. В. Калиновский успешно использует источниковедческий синтез, благодаря чему сюжеты, которые ранее рассматривались лишь косвенно, обретают качественно новое содержание. Скажем, противоречия выдающегося археолога Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847–1907) с братией Херсонесского монастыря освещал в своих работах еще первый директор Государственного Херсонесского историко-археологического музея Константин Эдуардович Гриневиц (1891–1971). Однако приводимые В. В. Калиновским факты убедительно доказывают, что отношения заведующего раскопками с монахами не ограничивались только конфликтами. Тщательная работа с источниками открыла перед нами и новые грани коммуникации многих авторитетных ученых досоветского времени. Оказалось, что такие леген-

дарные личности крымоведения как А. Л. Бертъе-Делагард, Н. П. Кондаков, А. И. Маркевич, Н. Н. Мурзакевич вели переписку с крымскими священнослужителями, обсуждая с ними вопросы сохранения христианских древностей. И на страницах данной книги эти авторитеты заговорили о злободневных проблемах церковного крымоведения в разные временные эпохи.

Внимательно В. В. Калиновский подошел и к работам своих предшественников. В исторической науке всегда важно, с одной стороны, повторно не «открыть Америку», присваивая себе уже известные факты, а с другой – не воспроизводить ошибок, вольных или невольных, которые встречались в трудах ученых прошлых поколений. В монографии В. В. Калиновского от эпохи к эпохе критически проанализированы основные работы по проблематике, рассмотрены их достоинства и недостатки. Тут встает интересный вопрос, насколько корректно для молодого специалиста подвергать критике своих предшественников, подробно анализируя недочеты работ коллег? А почему нет? Почему бы не обратиться к тому же опыту досоветской историографии, когда научная полемика была возведена в ранг культа и была необходимым содержанием научного процесса? А сколько можно молча поглощать уйму макулатуры с откровенной белибердой под шапками новоявленных «специалистов», которые, порой, с трудом понимают, о чем пишут?

Вполне оправданным выглядит то значительное внимание, которое В. В. Калиновский уделяет в своей книге церковной археологии. Во всех главах рецензируемой монографии рассмотрены разные аспекты этой темы, но наиболее показательным является анализ участия братии Херсонесского монастыря в раскопках на городище. Здесь содержится несколько примеров взаимодействия монахов с археологами: сотрудничество с Одесским обществом истории и древностей и непростое сосуществование с Императорской Археологической комиссией. И если в первом случае священнослужители строили свои отношения с учеными на принципах взаимного уважения, стремясь выполнять присылаемые одесситами инструкции, то во втором монастырь был отстранен от раскопок, что нередко приводило к конфликтным ситуациям. Вместе с тем В. В. Калиновским отмечены те компромиссные решения, которые находили археологи и монастырская братия. Читая о взаимоотношениях духовенства с учеными в досоветское время, невольно приходится проводить параллели с современностью. Разве незнакомы нам сегодня попытки без всяких научных оснований отмечать юбилейные даты, как это в 1891 году попробовал сделать игумен Балаклавского монастыря Никандр? Или споры из-за территорий, которые одинаково важны для духовенства и ученых, такие как Херсонес или Инкерман? Такие параллели лишней раз подчеркивают актуальность изданной монографии.

Еще одним достоинством работы В. В. Калиновского можно назвать внимание автора к важным сюжетам, которые ранее не получали должного научного освещения. Так, в монографии подробно рассмотрено создание в Симферополе в 1913 г. Церковного историко-археологического общества Таврической епархии. И здесь снова можно связать события вековой давности с современностью. Инициатор создания церковно-археологической организации архимандрит Вениамин (Федченков) не стал делать общество закрытым кружком, а пригласил в его руководство автори-

тетного и уважаемого крымоведа – Арсения Ивановича Маркевича. Достойный и наглядный пример!

Обозначу еще некоторые ценные составляющие книги В. В. Калиновского. Автор, безусловно, увлечен предметом своего исследования, но при этом не обеляет своих героев, не забывает об их упущениях или неправоте. Следовательно, молодой ученый не переходит той тонкой грани, которая отделяет объективность от пристрастности. Ярким достоинством книги является богатый и насыщенный, гармонично подобранный иллюстративный материал. Здесь можно найти портреты почти всех ее основных героев, от церковных иерархов до приходских священников, от выдающихся государственных деятелей до местных исследователей. Изложение материала сопровождается изображениями памятников, вокруг которых и разворачивается сюжет описываемых событий. Широко представлены и фотографии ключевых документов и публикаций. Благодаря такому подходу В. В. Калиновскому удалось воссоздать неповторимый колорит имперской эпохи XIX – начала XX в.

Таким образом, серия «Биобиблиография крымоведения» пополнилась очередной достойной монографией на актуальную тему. Ее автору, В. В. Калиновскому, удалось закрыть еще одну лакуну в крымской историографии. Остается только пожелать автору успехов в дальнейших изысканиях, а серии – скорейшего появления новых выпусков, которые, не сомневаюсь, подарят читателям немало интересного и которых, без преувеличения можно сказать, с нетерпением ожидают все, кто интересуется историей Крымского полуострова.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

УДК 94(477.75)725.942(477.75)

**«ДА БУДЕТ ЛЕГОК ТЕБЕ ВСЯКИЙ КАМЕНЬ»:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕВЕРОПОНТИЙСКИХ ЭЛЛИНОВ О ПОСМЕРТНОЙ
УЧАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)**

Лейбенсон Ю. Т.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: indrik.htonic@gmail.com*

Статья посвящена анализу отражения в эпитафиях античных городов Северного Причерноморья взглядов на посмертную участь человека. Известно, что восприятие загробного существования постепенно менялось. В архаический и частично классический периоды преобладал пессимистический взгляд на посмертие. В эллинистическое время широко распространяются обычаи, связанные с героизацией умерших. Наконец, в римское время героизация становится массовым явлением. Если ранее героями становились лишь ойкисты и доблестнейшие воины, то в первые века по Р. Х. каждая семья чтит своих умерших, как духов-охранителей. Для героев воздвигаются особые памятники, в их честь приносятся жертвы. В Северном Причерноморье все эти общегреческие процессы находят отражение в разных типах памятников, в том числе, эпитафиях. Поскольку эпитафии являются массовым материалом, они свидетельствуют не только о полисных традициях, но и об индивидуальных взглядах авторов. Обращает на себя внимание тот факт, что для колоний Северного Причерноморья характерна практически одновременная с метрополиями эволюция взглядов на посмертие. Эпитафии из Ольвии и городов Боспора классического времени, за некоторыми исключениями, лаконичны. Эллинистические же надписи все более обращаются к индивидуальности человека, многие эпитафии содержат надежду на блаженную участь умершего. Интересным представляется отличие эпитафий Херсонеса от эпитафий Ольвии и городов Боспора. Эллинистическая героизация умерших, безусловно, затронула Херсонес, об этом свидетельствуют многочисленные формы надгробных памятников. Но эллинистические эпитафии херсонеситов до римского времени так же скудны, как и в предыдущую эпоху.

Ключевые слова: эпитафия, Северное Причерноморье, героизация, эллинизм.

ВВЕДЕНИЕ

В оде Вакхилида Аполлон говорит: «Ты смертен, человек. Поэтому живи, как будто каждый день последний для тебя, и вместе с тем, как будто впереди еще полвека глубоко-богатой жизни. Законы божеские чти и духом радуйся. Нет блага выше» [1, с. 25].

Эти слова совершенно точно отражают некое «общее» древнегреческое представление о том, какое место должно отводить размышлениям о смерти. Человек смертен – это неоспоримый факт, но именно поэтому и нужно радоваться жизни. В отличие от своих азиатских соседей, эллин не воспринимал свое земное существо-

вание как подготовку к загробной жизни, последняя практически всю античную эпоху мыслилась им как досадная необходимость, думать о которой столь же досадно. Во многом, именно по этой причине, Эллада и не знала сколько-нибудь стройного и, тем более, единого учения о малой эсхатологии. Тем не менее, вопрос о смерти касается каждого человека и к нему никто не может остаться равнодушным. И каждая эпоха формирует свой специфический взгляд на посмертную участь человека, и в этом взгляде отражается мысль о жизни, о ее индивидуальной ценности (или об отсутствии таковой), о месте человека в мире. Отношение к смерти и посмертию, таким образом, выступает в качестве квинтэссенции философской и религиозной мысли эпохи. Древнегреческие представления о смерти, пусть и не такие детальные, как египетские или шумерские, не являются исключением. А поскольку древнегреческая история очень динамична, то и философская мысль эллинов претерпевала значительные изменения. Ряд источников позволяет увидеть, как менялось отношение к смерти на протяжении нескольких веков, с архаики до первых веков по Рождеству Христову. Нас будет интересовать, каким образом менялось это отношение в греческих метрополиях и в городах-колониях Северного Причерноморья, жители которых не теряли ни связи с исторической родиной, ни собственной эллинской идентичности.

К проблеме эволюции взглядов на посмертную участь в античности обращались многие исследователи. Прекрасно описаны изменения в общегреческой религии и философии [9; 10], освящен ряд вопросов, относящихся непосредственно к Северному Причерноморью [6; 18; 20]. Данная же работа имеет целью выяснить, как эта эволюция отражалась в конкретной группе памятников – надгробных эпитафиях, известных во всех крупных центрах Северного Причерноморья; как содержание эпитафий соотносится с другими надгробными памятниками и с античной культурной традицией в целом.

1. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОСМЕРТИИ: ОТ АРХАИКИ К РИМСКОМУ ВРЕМЕНИ.

В эпоху архаики посмертие представлялось как существование в сумеречном царстве Аида. Греческая мифология знает и достаточно подробную топографию царства мертвых, и множество правил, связанных с «правильным» вхождением в Аид (как, например, традиционный «обол Харона»). В «Одиссее» говорится, что души умерших лишены памяти, и тень Ахиллеса, вызванная Одиссеем, говорит, что лучше быть последним поденщиком на земле, чем властвовать над мертвыми в Аиде [4, XII: 488 - 491]. Подобное отношение к смерти не оставляло человеку надежды на достойное загробное существование, зато заставляло его реализовывать себя в краткий период земной жизни, занимаясь, в первую очередь, общественными делами. Следует отметить, что в классический период такое неутешительное отношение к смерти оставалось господствующим, но уже наметились пути иного разрешения проблемы.

Пифагор учил, что вечная душа переселяется с небес в бrenное тело человека или животного и претерпевает ряд переселений, пока не заслужит права вернуться обратно на небеса, в некое божественное состояние [8, с. 37]. Платон также говорил о возможном метемпсихозе, который ожидает неочистившиеся души. Только душа

истинного философа может «перейти в род богов» [17, с.316]. Подобные идеи развивали относительно немногочисленные последователи этих философов, и, хотя их вклад в развитие античной философии трудно переоценить, мысль о приобщении к богам не была широко распространена. В классический же период появляется тенденция к героизации и почитанию отдельных умерших. Это выражается в определенном типе памятников, которые устанавливались, прежде всего, на могилах аристократов. Кроме того, героями становились ктисты, ойкиты – отцы-основатели городов, а также доблестные воины. Герой мыслился, как существо сверхъестественного роста и красоты, он покровительствовал общине и отдельным гражданам. Но герой мог и жестоко наказать того, кто не воздает ему должных почестей. Гиппократ в трактате «О священной болезни» указывает на народные предрассудки, согласно которым, ночные страхи являются «наваждением героев» [3, с. 499].

Ситуация меняется в эллинистический период. Кризис полиса, распространение монархической формы управления заставляют общество искать новые формы и идеи, как в политической, так и в культурной, и в психологической сферах. Теперь, когда общественная жизнь и степень влияния на политическую ситуацию рядового гражданина античного полиса ограничена или сводится к нулю, вполне естественно, что сфера основных интересов человека перемещается к вопросам частной жизни. Это выражается в самых разных формах, в частности, в повышенном интересе к посмертной участи человека. Теперь религиозное сознание эллина не может смириться с безрадостной перспективой бродить бесплотной тенью в Аиде. И если раньше в Элизиуме или в сонме богов на Островах Блаженных обитали только отдельные лица: полубоги, великие воины или отцы полиса, то в эллинистический период героями, достойными такой загробной жизни, становятся все умершие. Конечно, теперь почитание героизированных умерших не выходит за рамки отдельной семьи, но оно имеет важное значение. Почивший родственник в представлении домочадцев не только удостоивается блаженной участи, но и может оказать влияние на судьбу потомков. Именно поэтому массовыми становятся такие формы надгробий, как герооны, эдикулы, наиски. Как божество обитает в своем храме, так и душа героя – в своей гробнице (рис. 1). Героизация умерших пережила эллинизм. «В римское время слово «герой» стало практически синонимом слова «покойник» [6, с. 6]. Интересна также формула, часто встречающаяся в римских эпитафиях: «Богам Манам» – так обращались к душам мертвых, от которых живые родственники ждали покровительства в житейских делах [21, с. 44]. Вместе с тем, получают развитие и другие представления, также возникшие в эллинистический период: например, представление о предопределении, связанное с астрологией (например, длительность человеческой жизни определялась положением светил при его рождении) [22, с. 216]. Подобные взгляды оставались господствующими до конца античности и сменились христианским учением о посмертном существовании души.

2. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОСМЕРТНУЮ УЧАСТЬ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Эволюцию взглядов на посмертное бытие в Северном Причерноморье отражают различные группы памятников: надгробия, антропоморфные скульптуры, саркофаги, росписи склепов. Нас же будет в первую очередь интересовать содержание

эпитафий. Надгробные эпитафии хорошо известны в северопричерноморских полисах, они присутствуют в разное время на значительной территории, а потому могут считаться массовым материалом. Особенность эпитафий не только в том, что они отражают верования, традиции и культурные связи, но и в том, что их содержание зачастую зависит от взглядов и убеждений сочинителя. Принимая эту особенность во внимание, заметим, что она не является препятствием для исследования, поскольку убеждения автора эпитафии, так или иначе, формируются в контексте той или иной культурно-исторической парадигмы.

Прежде всего, следует обратиться к эпитафиям, происходящим из Ольвии. Расцвет культуры этого полиса приходится на классический период. Ольвия находилась в окружении варварских племен, но, тем не менее, сохраняла тесные связи с греческими центрами. Все это сближает полис не с периферийной культурой, а с теми чертами, которые наблюдаются в развитии Аттики, следовательно, в целом надгробные памятники должны отражать соответствующие представления о загробной жизни. Что касается ольвийских эпитафий V – начала IV вв. до н. э., они в основном лаконичны и содержат либо исключительно имя и отчество усопшего [14: 96, 97], либо прощание с умершим. Исключением выглядит надпись на мраморной стеле, относящейся к V в. до н. э.: «Памятник доблести, я говорю, что вдали, за отчизну / Жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс» [16, с. 131]. Исключение это не случайно, так как отражает процесс героизации наиболее выдающихся граждан. Рельеф, сохранившийся на стеле, также об этом свидетельствует: на одной стороне памятника высечен стоящий юноша с копьем, а на другой – фигура, стоящая в профиль в восточной одежде с горитом у левого бедра и со стрелой в руках. В пользу героизации отдельных граждан (прежде всего, аристократов) говорят и находки надгробных мраморных скульптур, саркофагов и стел, схематически изображающих храм в миниатюре (в Ольвии они известны с архаики до римского времени). Тем не менее, процесс героизации во всех типах надгробных памятников отражают не надписи, а изобразительные средства.

Это справедливо и для эллинизма, с IV в. до н. э. по II в. н. э., когда «в Ольвии процветает апофеоз смерти – героизация умерших». Надгробные скульптуры и стелы, в которых широко представлен сюжет загробной трапезы, дополняются наисками и циппи, которые так же связывают с героизацией умерших. Но надписи прямо об этом не говорят, хотя и приобретают иной характер. Эпитафии становятся лиричнее, они отражают больший интерес к человеку, нежели надписи предыдущих периодов. «О, Эпикрат, Исократ дитя! / Над могилою стела / Памятник это / Хотя рано в могилу тебе» [16, с. 143]. Как и в большинстве регионов ойкумены, эти традиции получают развитие в римское время. Обращает на себя внимание надпись, относящаяся ко II в. н. э. Эпитафия посвящена Мойродору и сохранилась на постаменте для статуи, к сожалению, не сохранившейся. Она гласит: «Эта могила, о странник, заключает в себе покойника, дошедшего до обычного всем предела жизни. Его родиной был скифский город Ольвия, а имя у смертных – сложенное из слов судьба и дар. Это был маститый старец, который, уходя в назначенный роком дом Аида, оставил в живых двоих детей. Его, одинаково желанного людям и бессмертным, пошли в жилище благочестивых» [16, с. 131]. Эта замечательная во многих

отношениях надпись важна для нас, в первую очередь, как отражение представлений о необратимой судьбе, назначенном каждому «пределе жизни» и об особенной посмертной участи достойных людей: несмотря на то, что человек отправляется в «дом Аида», он заслуживает того, чтобы присоединиться к благочестивым (С. Э. Андреева дает перевод «блаженным»). Также распространена формула посвящения надгробия «Богам Манам», которую использовали римские солдаты, находившиеся в Ольвии [16, с. 139]. Все это традиции, находящие аналогии во многих других регионах античного мира.

Особенное внимание обращают на себя боспорские эпитафии. Абсолютное большинство стихотворных эпитафий происходят именно из городов Боспора. Они отличаются особенной лиричностью и поэтичностью: неоднократно в литературе отмечался тот факт, что в стихотворных надписях присутствуют разнообразные литературные приемы, свойственные лучшим образцам античной поэзии. Вместе с тем, боспорские эпитафии отражают и индивидуальный характер составителя, поэтому служат прекрасным источником для изучения духовной и общественной жизни боспорских полисов. Нас же, в первую очередь, интересует отражение в этих надписях представления боспорских граждан о смерти.

Из эпитафий классического времени известны краткие надписи, либо указывающие только имя и отчество погребенного, либо содержащие дополнительные сведения: происхождение, возраст или обстоятельства смерти: «Под этим памятником лежит муж, для многих желанный, родом тавр. Имя же его Тихон» [13, с. 114].

В эллинистическое время на Боспоре повсеместной становится героизация умерших (об этом свидетельствуют разнообразные формы памятников: саркофаги, курганы, стелы с рельефными изображениями сцен прощания, ритуальной трапезы и героизированного всадника) [6, с. 59–60]. Надписи же, прежде всего, отражают скорбь близких об ушедшем, в них мотив героизации звучит редко. Вместе с тем, эпитафии становятся подчеркнута лиричными, пространными, в них отражается глубокий интерес не только к обстоятельствам смерти, но и личности самого умершего: «Саббион, сын Стефана, прощай. Несчастный, тебя поразила удар судьбы и погибло все лучшее, что было в тебе: добрый нрав, ум, расцвет – и это причина наших терзаний. Музы, прежде улаживавшие тебя среди нас, теперь плачут над тобой, несчастный. Ты стал предметом скорби для матери и печали для отца. Словно ветка дерева ты был сломлен и ушел в Аид, Саббион. Но да будет легок тебе всякий камень, если при жизни ты был так ласков со всеми» [16, с. 146].

Вопрос о том, что случится с человеком после смерти, непосредственно затрагивается только в некоторых надписях, которые являются уникальными по ряду причин. Одна из надписей прямо говорит о том, что умерший отправляется в Аид: «Скифская земля, окружив, укрыла Гекатея, дышащего вином, вдали от милой родины. Душу его принял Ахеронт, а тело – могила» [16, с. 117]. Образцом литературного творчества на Боспоре по праву считается эпитафия Феофилы: «Феофила, дочь Гекатея, прощай. Ко мне, Феофиле, дочери Гекатея, недолговечной деве, сватались юноши. Но их предупредил похитивший меня Аид, узрев во мне Персефону – прекраснее Персефоны. И оплакивает вырезанная на могильном камне надпись девушку Феофилу, синопянку, свадебные факелы которой отец ее Гекатей приготовил не

для брака, а для Аида. Не брачные узы владеют тобой, дева Феофила, а то место, откуда не бывает возврата: ты уже не невеста Менофила, а соучастница Кору по ложу. А у твоего отца Гекатея осталось одно лишь имя погибшей, образ твой он видит в камне, несбыточные же его надежды нечестивая похоронила Мойра. Тебя, Феофилу, на долю которой выпала завидная среди людей красота, тебя, десятую музу Хариту, созревшую к браку, образец стыдливости, не руками темными обнял Аид, а Плутон лампадой зажег для тебя брачные свечи, приняв тебя в свадебный свой чертог возлюбленной супругой. Прекратите, родители, плач, остановите свои стенания: Феофила получила в удел ложе бессмертного» [16, с. 141]. Наряду с традиционным для всей Эллады выражением скорби из-за того, что девушка умерла до брака, автор высказывает мысль о завидной участи умершей – стать «Персефой лучше Персефоны», то есть, достигнуть бессмертия среди героев и богов [7, с. 20]. Эпитафия Феофилы – это, пожалуй, самое яркое, не столько в мифологическом, сколько в художественном отношении, свидетельство о героизации умерших в надписях Северного Причерноморья. Мотив героизации отражается и в других надписях. Описывая кончину Менодора, сына Аполлония, выходца из Синопы, погибшего в Боспорской земле, «изрубив много кровавых вражьих доспехов», автор эпитафии желает покойному «жить в священном доме благочестивых», что, безусловно, является хорошей посмертной участью [16, с. 131]. Другая надпись воспроизводит мотив героизации в том смысле, что умершие могут повлиять на судьбу своих родных, устанавливавших им памятники и должным образом заботящихся о них (это, по-видимому, и служило одной из причин героизации умерших): «Если что-либо значат молитвы родителей из Аида, то получишь ты, Антипатр, такую же благодарность от детей» [16, с. 132].

Нельзя обойти вниманием и эпитафию Гекатея: «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, сам познав священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий» [16, с. 121]. Необычность надписи привлекла исследователей вскоре после ее издания. Ю. Ю. Марти считал, что надпись свидетельствует о совершении Гекатеем самоубийства [15, с. 31]. Можно прийти к выводу, что эпитафия представляет взгляды орфиков, согласно которым душа вынуждена следовать по кругу перерождений. И поскольку Гекатей был посвященным в таинства орфиков, он из этого мучительного круга вырвался. Тем не менее, Д. В. Панченко прекрасно показывает неосновательность такого предположения: «круг страданий» - это не обязательно круг перерождений, уже во времена Аристотеля вошло в поговорку выражение «дела людские называют круговоротом», а формула «сам познав священные решения» указывает на философа-самоучку, а не на посвященного [15, с. 29]. Таким образом, в Гекатее можно видеть философа, достигшего истинной мудрости, для которой смерть кажется освобождением. О том же, что ждет Гекатея после смерти, автор надгробной надписи не говорит.

В эпитафиях римского времени наиболее часто отражается мотив беседы умершего с прохожим, указание имен тех, кто поставил памятник. О героизации умерших свидетельствует стела, найденная на Тамани: «Тимофей, сын Дасея, прощай. Тимофей, праведный муж своей отчизны, сын Дасея, ты умер, завершив три

десятка лет. О несчастный, я скорблю над тобой у твоей многооплаканной могилы; теперь, скончавшись, да пребываешь ты вместе с героями» [16, с. 1057].

Специфическими для всего Северного Причерноморья являются памятники Херсонеса. Этот полис был основан позднее Ольвии и крупных городов Боспора, кроме того, он является единственным дорийским полисом в данном регионе. Колонисты с самого начала взаимодействовали с окружающими варварами совершенно иначе, чем жители соседних греческих центров. Все эти факторы накладывали определенный отпечаток на традиции Херсонеса, в том числе, и погребальные. В то время, когда на Боспоре и в Ольвии обычным становится изображать на надгробиях героизированного умершего и свидетельствовать в эпитафии о глубокой скорби его родных, в Херсонесе распространяется несколько типов надгробных стел, на которых нельзя встретить подобных мотивов. Эллинистические памятники Херсонеса содержат скупые надписи, указывающие только имя и отчество погребенного, и изображения, на которых перед нами предстает не образ почившего, а его половозрастные атрибуты: на женском надгробии рельефно или только красками изображались тэния и алабастр, на памятнике, поставленном человеку, погибшему в юности, – стригиль и арибалл, стела, воздвигнутая зрелому мужчине украшалась изображением меча и портупей, а если погребенный умер в преклонных годах – сучковатого посоха (рис. 2). Герой не взирает на нас со своего надгробия и не жалуется на безвременную кончину в стихах эпитафии. При этом остальные черты погребального обряда указывают на героизацию умерших: это и оформление стел в виде миниатюрных копий храма, и распространение саркофагов, наисков, антропоморфных надгробий. Но портрет самого человека на его надгробии в IV–III вв. до н. э. не представляется херсонесским мастерам необходимым. Видимо, более важными являлись его общественные функции – материнство, защита родины (или подготовка к ней, или неспособность быть воином в силу возраста). Эта функция и указывалась на памятнике. Скорее всего, такая яркая черта херсонесских надгробий связана с дорийским характером полиса. В условиях постоянной военной угрозы личность гражданина в глазах современников, вероятно, была менее значима, чем его социальная роль. Такое предположение подтверждается сведениями об отношениях херсонеситов со скифами, бывшими постоянными врагами полиса [24, с. 9–15]. И если учесть, что херсонесские памятники, с одной стороны, свидетельствуют о героизации умерших, а с другой стороны, не содержат указаний на индивидуальные черты умершего, то можно предположить, что внутри семьи складывалась традиция почитания героизированных родственников, но, поскольку памятник ставился над захоронением и для всеобщего обозрения, на нем изображались только атрибуты умершего и писалось только его имя. Если семья потеряла близкого человека, то полис потерял, в первую очередь, воина, мать будущих воинов, мудрого старца и т. д. Эту догадку подтверждает и тот факт, что единственным исключением для херсонесских надгробий эллинистического является надпись на стеле иностранца: «Сыну воздвиг своему, усопшему Лисханориду / Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Эвклес», – гласит стихотворная эпитафия. На этой стеле изображение также нетипичное – представлена сцена прощания отца и сына [11, с. 59]. О том, какая судьба ждет человека за порогом смерти, ни в одном случае не сказано. Можно только предпо-

ложительно говорить о том, что, устанавливая богатые памятники, напоминающие храмы, херсонеситы надеялись на то, что почившие удостоятся пребывания вместе с богами и героями (рис. 3).

Так же, как и обычай заменять портрет умершего изображением его атрибутов, традиция лаконичных надписей на погребениях бытовала только до римского времени. Позднее херсонесские стелы украшают стихотворные эпитафии, не менее эмоциональные, чем боспорские. Например, широко известная эпитафия на стеле Ксанфа, датируемая первыми веками нашей эры:

«Ксанф, сын Лагорина, прощай! Странник, скрываю собою я Ксанфа, который Был утешеньем отца, Родины юной красой, Сведущим в таинстве Муз, безупречным средь сонма сограждан, Чтимый средь юношей всех, светлой звездой красоты. В битве за родину был он завистливым сгублен Ареем, Сирым родителям слез горький оставивши дар. О, если больше Плутону, чем вам достаются на радость Дети, зачем вы в родах мучитесь, жены, тогда?» [23, с. 26].

В херсонесских эпитафиях римского времени обращают на себя внимание следующие черты: мотив разговора умершего с прохожим, жалоба на несвоевременность и трагические обстоятельства смерти, распространяющаяся римская формула «Богам Манам». Все это представляет совершенно разное отношение к смерти и посмертию: от молчания о загробном мире, до уверенности в том, что духи умерших могут помогать или вредить живым. Э. И. Соломоник отметила, что некоторые надгробия римского времени свидетельствуют об увлечении херсонеситов астрологией, в частности, учением о том, что звезды определяют срок жизни, а душа человека после смерти обитает на Луне и других светилах. На распространение подобных взглядов указывает выражение «исполнив срок жизни», встречающееся в отдельных надписях, а также изображение трех звезд на надгробии Парфенокла (рис. 4). Под изображением звезд помещена типичная для римского периода эпитафия: «(Под) сим памятником лежу я, Парфенокл, сын Проклиона, трижды исполнивший десятилетнее время. Радуйтесь, прохожие, и вместе с тем здравствуйте» [22, с. 91].

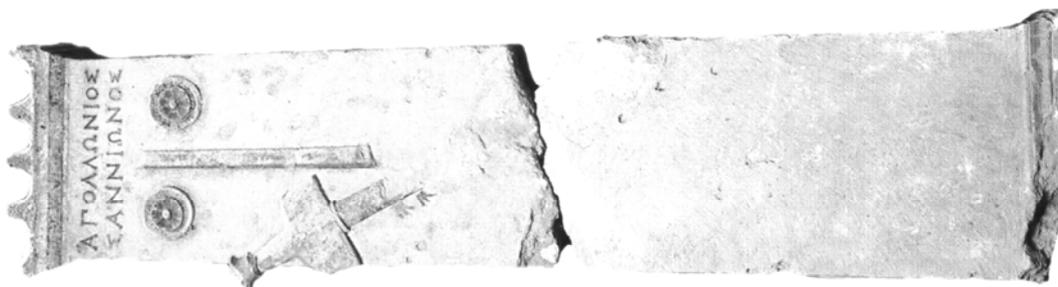
ВЫВОДЫ

Таким образом, мы видим, что эпитафии отражали изменение взглядов на посмертную участь в античном обществе, в том числе и в городах Северного Причерноморья. И наиболее важным изменением стала героизация умерших, существовавшая с эллинистического времени вплоть до широкого распространения христианства в IV-V вв. Именно героизация умерших способствовала иному восприятию посмертия, предполагая для души умершего достойную и даже желанную участь. Немаловажным представляется дальнейшее исследование греческих эпитафий, сопоставление северопричерноморских надписей и надписей из других центров, в частности, малоазийских, а также привлечение нового материала.

Список использованной литературы

1. Вересаев В. В. Аполлон и Дионис / В. В. Вересаев. – М. : изд-во политической лит-ры, 1990. – 81 с.
2. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство / В. Ф. Гайдукевич. – М. ; Л. : изд-во АН СССР. – 1949. – 624 с.
3. Гиппократ. Соч. / [пер. с древнегреч. В. И. Рудневой]. – М. : Биомедгиз, 1936. – 736 с.

4. Гомер. Одиссея / [пер. с древнегреч. В. Жуковского]. – М. : Правда, 1984. – 320 с.
5. Даниленко В. Н. Надгробные стелы / В. Н. Даниленко // Сообщения Херсонесского музея. – Симферополь : Крым, 1969. – Вып. 4 : Башня Зенона – С. 29-44.
6. Диатроптов П. Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье / П. Д. Диатроптов. – М. : Индрик, 2001. – 136 с.
7. Доватур А. И. Проводы Феофилы (CIRB 130) / А. И. Доватур // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. – СПб. : Глаголь, 1992. – С. 11-27.
8. Жмудь Л. Я. Пифагор и его школа / Л. Я. Жмудь. – Л. : Наука, 1990. – 187 с.
9. Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия / Ф. Ф. Зелинский. – Пг. : Огни, 1918. – 360 с.
10. Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма / Ф. Ф. Зелинский. – Пг. : изд-во РАН, 1922. – 44 с.
11. Картер Дж. Надгробия Херсонеса: Исследования и консервация / J. C. Carter [пер. с англ. С. Теленковой]. – Севастополь : Ege Yainlan, 2006. – 91 с.
12. Колесникова Л. Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса / Л. Г. Колесникова // Советская археология. – 1977. – №2. – С. 87-99.
13. Корпус боспорских надписей / [ред. В. В. Струве]. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 950 с.
14. Надписи Ольвии / [ред. Е.И. Леви]. – Л. : Наука, 1968. – 133 с.
15. Панченко Д. В. Эпитафия Гекатея (CIRB 121) : конфессия, философский топос или выбор пути? / Д. В. Панченко // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. – СПб. : Глаголь, 1992. – С. 28-42.
16. Папанова В. А. Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской / В. А. Папанова. – К. : Знання України, 2006. – 278 с.
17. Платон. Соб. соч. / [ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи]. – М. : Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
18. Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху / А. С. Русяева. – К. : Стилос, 2005. – 559 с.
19. Русяева А. С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии / А. С. Русяева // Вестник древней истории. – 1978. – № 1. – С. 87-104.
20. Свенцицкая И. С. «Памяти ради» : эволюция отношения греков к смерти и погребальным обрядам в эллинистическо-римское время / И. С. Свенцицкая // Вестник древней истории. – 2003. – № 4 – С. 101-110.
21. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического / Э. И. Соломоник. – М. : Наука, 1983 г. – 93 с.
22. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса / Э. И. Соломоник. – К. : Наукова думка, 1973. – 282 с.
23. Соломоник Э. И. «Ксанф, сын Лагорина, прощай!» : Поэзия античного Крыма / Э. И. Соломоник // Крымский альбом : историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. – Феодосия : Коктебель, 1996. – Вып. 1. – С. 25-31.
24. Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) / С. Ф. Стржелецкий // Сообщения херсонесского музея. – Симферополь : Крым, 1969. – Вып. 4 : Башня Зенона – С. 7-29.
25. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. VI в. н. э. : очерки истории и культуры / [ред. В. М. Зубарь]. – Харьков : Майдан, 2004. – 729 с.

Рис. 2. Херсонесская стела Никия и Анхиала

Рис. 1. Сцена прощания на стеле

Рис. 4. Стела Парфенокла, Херсонес.

Рис. 3. Стела врача, Херсонес

Лейбенсон Ю. Т. «Да буде легкий тобі всякий камінь»: погляди северопричорноморських еллінів на посмертну долю (за матеріалами епіграфічних пам'яток) / Ю. Т. Лейбенсон // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 132–143.

Стаття присвячена аналізу відображення в епітафіях античних міст Північного Причорномор'я поглядів на посмертну долю людини. Відомо, що сприйняття загробного існування поступово змінювалося. В архаїчний і частково класичний періоди переважав песимістичний погляд на посмертя. В елліністичний час широко поширюються звичаї, пов'язані з героїзацією померлих. Нарешті, в римський час героїзація стає масовим явищем. Якщо раніше героями ставали лише ойкіст і доблесний воїн, то в перші століття по Р. Х. кожна сім'я шанує своїх померлих, як духів-охоронців. Для героїв споруджуються особливі пам'ятки, на їх честь приносяться жертви. У Північному Причорномор'ї всі ці загальногрецькі процеси знаходять відображення в різних типах пам'яток, в тому числі, епітафіях. Епітафії є масовим матеріалом. Тому вони свідчать не тільки про полісні традиції, але і про індивідуальні погляди авторів. Звертає на себе увагу той факт, що для колоній Північного Причорномор'я характерна практично одночасна з метрополіями еволюція поглядів на посмертя. Епітафії з Ольвії та міст Боспора класичного часу, за деякими винятками, лаконічні. Елліністичні ж написи все більш звертаються до індивідуальності людини, багато епітафії містять надію на блаженну долю померлого. Цікавою здається відміна епітафій Херсонеса від епітафій Ольвії та міст Боспора. Елліністична героїзація померлих, безумовно, торкнулася Херсонеса, про це свідчать численні форми надгробних пам'ятників. Але елліністичні епітафії херсонеситів до римського часу так само лаконічні, як і в попередню епоху.

Ключові слова: епітафія, Північне Причорномор'я, героїзація, еллінізм.

Leybenzon J. T. «Let there be light to you every stone»: the views on the postmortal fate Greeks in the Northern Black Sea Region (based on the epigraphic sources) / J. T. Leybenzon // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 132–143.

This article analyzes the reflection in the epitaphs of ancient cities in the Northern Black Sea Region views in the postmortal fate of man. It is known that the perception of existence beyond the grave gradually changed. In the archaic and classical periods partially prevailed pessimistic view of the afterlife. In Hellenistic times widely distributed customs associated with the glorification of the dead. Finally, in Roman times glorification becomes widespread. If the heroes were previously only oykists and brave soldiers, in the first century AD, each family honor their dead, as spiritual guardians. For the characters of special monuments erected in their honor sacrifices. In the northern Black Sea coast these processes are reflected in the different types of sites, including epitaphs. Epitaph to a mass material. Therefore, they show not only the traditions of the polis, but also on the individual views of the authors. Attention is drawn to the fact that the Northern Black Sea colonies typical of practically contemporaneously with metropolitan evolution of views on the afterlife. epitaphs from Olbia and cities of Bospor classical time, with some exceptions, laconic. Hellenistic inscriptions also increasingly turning to personality rights, many epitaphs provide hope for a blissful fate of the deceased. An interesting contrast to the epitaphs of Chersonesus epitaphs Olbia and cities of the Bosporus. Hellenic glorification of the dead, of course, affected the Chersonesus, it was evidenced by the many forms of tombstones. But Chersonesus' epitaphs to the Roman period also scarce, as in the previous era.

Keywords: epitaph, the Northern Black Sea Region, glorification, Hellenism.

Поступила в редакцію 01.11.2012 з.

УДК [070:93](477.75)»1830/1850»

**ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ВОЕННОГО ВРАЧА Н. И. ЗАКРЕВСКОГО
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «МОРСКОЙ СБОРНИК»**

Лепусевич Н. З.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: nata-lepisevich@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию биографии и творческого наследия малоизвестного военного врача, служившего в Севастополе в 30-60-е годы XIX столетия, – Никифора Ивановича Закревского. Проанализированы мемуары Н. И. Закревского, опубликованные на страницах журнала «Морской сборник» в 60-е годы XIX века. Это издание является одним из наиболее важных источников изучения разработки конкретных сфер жизни. Это происходит потому, что периодические издания во все времена служили самым массовым и быстрым источником информации. Они содержат богатый материал для изучения и научного анализа наиболее важных событий в истории Российской империи, в том числе и региональной специфики. Объектом исследования является научное наследие Севастополя военного врача М. И. Закревского, который написал мемуары, описывающие жизнь в Севастополе в 1830-х годах. Результаты исследования позволят расширить историографическую базу исследования Крыму.

Ключевые слова: «Морской сборник», Севастополь, Крым, Н. И. Закревский, севастопольский военно-морской врач, М. П. Лазарев, А. С. Грейг.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальной темой в рамках исследования истории Крыма является воссоздание вклада отдельных личностей в изучение данного региона. Настоящее исследование посвящено изучению жизни и творчества военного врача, участника Крымской войны, Никифора Ивановича Закревского (1806–1864), жившего в Севастополе с 1829 года и опубликовавшего свои рассказы в журнале «Морской сборник» в течение 1860–1865 годов.

История Крыма всегда привлекала внимание многих ученых. Как справедливо заметил профессор А. А. Непомнящий: «Крым всегда притягивал своей мультикультурной средой самых разнообразных деятелей науки. Здесь фигурируют и маститые академики с мировым именем (В. А. Гордлевский, В. Ф. Зуев, И. Ю. Крачковский, А. Е. Крымский, П. С. Паллас), и забытые сегодня ученые, чья научная подвижническая работа на определенном этапе была новой ступенькой к комплексному познанию края (Ф. Ф. Лашков, А. А. Олесницкий, Е. Ю. Спасская и многие другие)» [1, с. 8].

Наряду с решением глобальных проблем истории необходимыми оказываются исследования сознания и поведения конкретных людей изучаемой эпохи, как одной из составляющих частей анализа социальных и экономических структур. В этом кон-

тексте рассматривается историческая биография отдельной личности, что является областью исследований исторической антропологии. О связи конкретной личности и истории писал и Г. Ф. Миллер: «Довольно известно есть, коим образом каждому человеку, какого бы кто звания ни был, в истории необходимая нужда есть; она обыкновенно называется зеркалом человеческих действий, по которому о всех приключениях нынешних и будущих времен, смотря на прошедшие, рассуждать можно» [2, с. 155]. В этом смысле изучение личности и социальных групп, как носителей культуры, в определенной социокультурной среде на различных этапах развития общества объясняет **актуальность** данного исследования. Рассмотрение жизни и творчества Никифора Ивановича Закревского, как одного из представителей дворянского сословия XIX в., посвятившего большую часть своей жизни служению черноморскому флоту, военной медицине, Севастополю, представляется актуальным.

Задачей исследования является анализ литературного наследия Н. И. Закревского, автора ценных мемуаров о жизни Севастополя в тридцатые годы XIX столетия – «Записок врача морской службы». Они, вне всякого сомнения, являются важным историческим источником по изучению истории Севастополя в середине XIX века.

Целью данной публикации является обзор, анализ и систематизация массива литературного наследия Н. И. Закревского по вопросам изучения истории Крыма и, в частности, Севастополя, на основе опубликованных мемуаров на страницах «Морского сборника».

2. «МОРСКОЙ СБОРНИК» КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КРЫМА

Современное развитие общества привело к усилению интереса к коммуникативным средствам информации. Периодика периода Российской Империи представляет собой многочисленный и малоизученный корпус исторических источников, тем самым, представляя исследовательский интерес. Среди научно-исторических периодических изданий второй половины XIX – начала XX веков одно из ведущих мест по своей информативной ценности занимает журнал «Морской сборник».

Издание является одним из важнейших источников изучения развития отдельных сфер жизни общества XIX века. Это обусловлено тем, что периодические издания во все времена служили наиболее массовым, оперативным источником информации. В них содержится богатый материал для изучения и научного анализа наиболее важных событий истории Российской Империи, в том числе и регионального характера. «Морской сборник» – старейший в мире ежемесячный журнал по военно-морской тематике, официальный орган военно-морского ведомства, издающийся с марта 1848 года без перерыва и смены названия. Был основан Морским учёным комитетом, который тогда возглавлял известный русский мореплаватель и гидрограф адмирал Фёдор Петрович Литке [3, с. 5–6].

Старейший русский военный журнал, созданный в качестве официального органа военно-морского ведомства, был призван заниматься изучением и распространением военно-морских и технических знаний на флоте. Программа «Морского сборника» предусматривала освещение не только специальных научно-технических вопросов, но и событий «прошедших времен во всех флотах», публикацию биогра-

фий видных деятелей русского флота, описаний «необыкновенных происшествий» и кораблекрушений, сведений о плавании судов и эскадр.

В журнале помещали свои работы виднейшие представители военно-морской мысли. «Морской сборник» оказывал большое влияние на развитие военно-морской исторической науки. К числу первых сотрудников журнала принадлежал историк флота А. П. Соколов, написавший около 150 статей. Его последователями явились С. И. Елагин, Ф. Ф. Веселаго, В. Ф. Головачев и другие. Наряду с материалами по военно-морскому искусству, кораблестроению, военно-морской технике, мореплаванию, истории в журнале печатались публицистические статьи Д. В. Григоровича, В. И. Даля, художественные произведения И. А. Гончарова, А. Н. Островского, А. Ф. Писемского, К. М. Станюковича и других. В 1856 тираж журнала достиг 6 тыс. экземпляров.

Во второй половине XIX – начале XX вв. с журналом активно сотрудничали талантливые военно-морские деятели – Г. И. Бутаков, К. Н. Посьет, С. С. Лесовский, И. А. Шестаков, С. О. Макаров, выдающиеся ученые Д. И. Менделеев, А. Н. Крылов и другие [4, с. 13–14].

Издательская деятельность «Морского сборника» являлась важной составляющей общественно-политического и культурного развития кримведения. До сих пор не существует целого обобщенного труда, посвященного данному вопросу. «Морской сборник» содержит разнообразную по форме и содержанию (научные статьи, документы, воспоминания, рецензии, некрологи) информацию, что даёт ещё более полное представление о развитии кримведения. В журнале в большом объеме представлен корпус статей, освещающих события Крымской войны 1853 – 1856 годов, большая часть материала посвящена защитникам Севастополя в период первой обороны 1854 – 1855 годов. Также на страницах «Морского сборника» размещены статьи о памятниках истории и культуры Крыма и Севастополя.

3. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ВОЕННОГО ВРАЧА

Мемуары севастопольского городского военного врача Никифора Ивановича Закревского начали печатать на страницах «Морского сборника» в 1861 году. Первым местом службы молодого выпускника Харьковского университета в 1828 году стал 60-типушечный боевой корабль Черноморского флота «Эривань», именно с него начал свою историю в «Морском сборнике» Н. И. Закревский.

Изучая жизненный путь военного врача, нужно отметить, что на протяжении двенадцати лет он плавал на военных судах и за это время написал ряд интересных очерков из жизни Черноморского флота и его деятельности в эпоху 1830–1834 годов. В 1861–1865 гг. в «Морском сборнике» публиковались фрагменты книги воспоминаний Закревского «Записки врача морской службы», посвящённые истории Севастополя и Черноморского флота рубежа 1820-30-х гг.: «Севастополь 1830–1831», «Корабль «Эривань», 1829»; «Адмирал А. С. Грейг», «На берегу в Севастополе 1830», где описывает события холерного бунта в городе, «Фрегат Штандарт», 1830, «Черноморский флот в Константинопольском проливе», 1833, «Корабль Иоанн Златоуст», 1833, в общей сложности, в журнале насчитывается 13 статей Н. И. Закревского [5, с. 161].

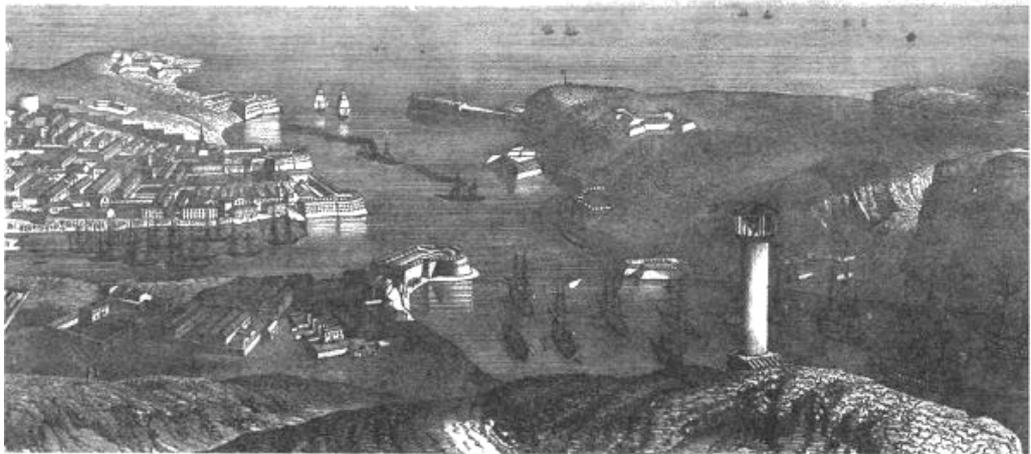
Рис.1. М. П. Лазарев в Севастополе.

Рис. 2. Обложка журнала «Морской сборник» за май 1908 года.

Рис. 3. А. С. Грейг.

Севастополь. С гравюры 1-й половины XIX в.

Рис. 4. Севастополь в первой половине XIX века.

По окончании в 1828 году Императорского Харьковского университета лекарь 3-го отделения поступил на службу в Черноморский флот, в 34-й флотский экипаж. Никифор Иванович Закревский сам выбрал место службы: «Воспитываясь на казенном иждивении, я имел право пользоваться наградою, за что и получил латинский диплом на звание, карманный хирургический набор – как необходимую принадлежность медику, и сто рублей ассигнациями – на обмундировку; за сим, по обязательным условиям для казенных воспитанников, со стороны университетского управления объявлено мне предложение об избрании рода службы, - я подумал, сообразил и решился вступить на службу морского ведомства в Черноморский флот. Это желание было принято, и представление об определении меня на службу отослано в морское министерство» [6, с. 62].

Между тем, ответа из министерства выпускник ждал полгода, и только 17 апреля 1829 года было дано распоряжение направить Никифора Закревского на службу на Черноморский флот. Как и всякий молодой человек, окончивший университет и вступающий во взрослую жизнь, автор записок испытывал всю гамму эмоций по поводу предстоящей работы врачом. «Мысль о том, как бы только поскорее на службу, во все времена томительного ожидания не оставляла меня; теперь же она заменилась иными, какими-то хаотическими мечтами – тогда мне было грустно, а теперь весело: раз десять перечитал я разрешение об определении моему на службу, всматривался в подпись моего генерал-штаб-доктора» [7, с. 63].

10 мая 1829 года Н. И. Закревский приехал в Николаев и сразу приступил к исполнению обязанностей судового врача на корабле «Эривань». Работа была тяжелой, но интересной. В этот ответственный период жизни молодого врача немалую роль играл главный доктор корабля М. И. Врачко, который помогал ему и делом, и ценными советами, познакомил с морской походной жизнью. Вместе с другом и коллегой Ф. Ф. Рерсом Никифор Закревский исследовал весь Николаев, часто посещал обсерваторию, он считал, что каждому моряку необходимы знания астрономии, а в этом могла помочь обсерватория. В записках Н. И. Закревский называет ее главным украшением порта. Также молодые люди часто ходили в городскую библиотеку. «Библиотека состояла из сочинений, относящихся до морских наук, здесь хранились морские карты, чертежи, модели разного рода судов, множество предметов, относящихся до археологии края; обломки статуй, камни с древними надписями, оружие, сосуды, довольно значительные коллекции монет, найденных на развалинах Ольвии, в Херсонесе Таврическом и Пантикапее; но все это собрание прекрасных и дорогих вещей подобно скомканному хламу, было запрятано в кладовую под ржавый замок и скрыто от любознательности» [8, с. 70].

Самым скучным временем для Никифора Ивановича Закревского была стоянка корабля «Эривань» на Очаковском рейде. Тогда врач осознал, что времени у моряков много, а толковых занятий мало. «Общество офицеров соединилось в одну семью. Вот сидишь в каюте, луч света проходит через иллюминатор и каюту освещает хорошо, читать бы можно, да нечего, у офицеров ни книжонки» [9, с. 72]. Далее в мемуарах Никифор Закревский высказывает причины праздной жизни моряков. Среди них перечислены скука, натура русского человека, молодость офицеров, отчужденность от общественной жизни и потому – неизбежное отсутствие нравствен-

ного влияния на молодых людей. Велика была радость Н. И. Закревского, когда он впервые в 1829 году переступил порог Севастопольской Морской библиотеки, а в 1833 году был избран ее секретарем-казначеем и библиотекарем [10, с. 198].

В 1830 году, возвращаясь из Созополя в Севастополь, на борт корабля «Эривань» поступили моряки, больные тифом, и Н. И. Закревский, совершая регулярные осмотры больных, тоже заразился. Когда же судно прибыло в Севастополь, город уже находился в карантинном положении по случаю чумы. Никифор Закревский долгое время не мог оправиться от тифа, его мучила горячка, поэтому врача причислили к заразным чумой горожанам. Находясь на Павловском мысе в холодной казарме, он лично оказался свидетелем жестокого обращения власти с севастопольцами, которые позже подняли бунт против властей города. «Восемьдесят больных нижних чинов команды фрегата «Эривань» свезены были на фрегат «Скорый», нарочно назначенный под временный госпиталь. На нем ничего не было надлежащим образом устроено. По числу больных не доставало ни тюфяков, ни одеял, ни теплых халатов. Необходимой посуды, перевязочных материалов и припасов не отпускали, а приказывали обходиться имеющимися на фрегате «Эривань», на фрегате же все было давно израсходовано. Вследствие сей неурядицы, было то, что в течение одной недели из 80-ти человек больных, брошенных на фрегате «Скором», умерло 60 человек, - остальные потом были взяты в госпиталь» [11, с. 93–94].

После пережитых в Севастополе событий Никифор Иванович Закревский принимает решение оставить должность врача на корабле «Эривань» и отправиться в морское плавание судовым доктором на фрегате «Штандарт». Но и здесь врача ждали испытания – на корабле вспыхнула эпидемия цинги. Моряков спасли регулярные посещения бани и травяные припарки, рецепт которых составил Никифор Иванович Закревский [12, с. 303].

К ценным наблюдениям Н. И. Закревского по истории Крыма можно отнести сведения о статистике, составе населения и о занятиях людей в 30-е годы XIX века. После войны Российской Империи с Турцией в 1828–1829 гг. в Севастополе, кроме военных и отставных морского и сухопутного ведомств, массово увеличилось число турок, греков, немцев и других народов. Все они в Севастополе, по мнению Н. И. Закревского, «промышляли кто чем может и чем горазд» [13, с. 74]. Самым бесполезным населением Севастополя автор записок считал греков, так как в основном они занимались торговлей вина, что пагубно сказывалось на образе жизни севастопольцев, в частности – моряков. «Полезной частью» греческого населения считались переводчики турецкого языка. Большую же часть севастопольцев составляли евреи, они в основном были купцами, цеховым ремесленниками. Немцев Н. И. Закревский называет «замечательными рестораторам» и хвалит их за способности по части изготовления разных видов колбас и кондитерских изделий. Этнографический и статистический вопросы Крыма Н. И. Закревский обозначил сложными. Известно, что до присоединения Крыма к Российской Империи в 1783 году, в Крыму господствующее положение занимали татары, было немного армян, греков, еще меньше – караимов. «Со времени присоединения Крыма к России до 1830-х годов точная численность народонаселения оставалась для населения темной – ни ученый Паллас, ни крымский судья Сумароков, ни Броневский и никто другой из туристов об этом не высказывались.

Расспрашивая самих татар, можно было узнать, что они насчитывали, кроме ногаев, от 270–280 тысяч человек обоего пола, армян – 6 тысяч, греки не могли дать верных сведений, так как среди них было много таких, которые про всякий случай имели документы на права турецкого или греческого подданного. Караимы определили себя в 4 тысячи человек, цыган – 1000 человек, немцев-колонистов – 24 тысячи, еврей-талмудисты – 2 тысячи» [14, с. 25]. При этом, автор отмечает, что свобода вероисповеданий, нравов, обычаев, промышленности и торговли не стеснялись в Крыму. Армяне, караимы сохраняли веру и язык. Всего в 1860 году по подсчетам Н. И. Закревского в Таврической губернии проживало 659.500 жителей обоего пола, большую часть из которых составляли татары. Их Н. И. Закревский обозначает как добросовестных работников по части ремесла – изготовления орудий для сельскохозяйственных работ, одежды, утвари для дома. Греки, евреи и караимы в основном «торговали, надували и спекулировали» [15, с. 221].

Также в записках Н. И. Закревский касается темы изгнания евреев из Севастополя в начале 1830-х годов. Он высказывает предположение, что изначально идеей выселения евреев из города стало стремление крупного севастопольского монополиста-еврея избавиться от конкурентов, который и затеял кампанию против единоверцев. А в 1829 г. император Николай I издал указ, согласно которому евреям, за исключением военнотружущих, предписывалось в течение двух лет покинуть Севастополь, ставший главной военно-морской базой России на Черном море. Военные губернаторы Севастополя и Николаева, адмирал А. С. Грейг пытались добиться отмены императорского указа, утверждая, что высылка евреев повредит экономике Севастополя, в особенности ремесленному производству и торговле. Но все же в 1834 году евреев окончательно выслали из города. Никифор Иванович Закревский видел в этом большое преимущество для Севастополя, объясняя его тем, что в Адмиралтействе «наконец прекратилось воровство и надувательство» [16, с. 104].

В своих мемуарах Никифор Иванович Закревский уделяет большое внимание истории Черноморского флота в тридцатые годы XIX века, его выдающимися деятелям, таким как Михаил Петрович Лазарев, Алексей Самуилович Грейг. На страницах «Морского сборника» опубликован корпус статей о черноморском флоте в Константинопольском проливе, о морских походах врача на кораблях «Штандарт», «Архипелаг», «Иоанн Златоуст». Период 1833–1834 годов это был временем смены Главного командира Черноморского флота. Между сторонниками адмиралов А. С. Грейга и М. П. Лазарева вспыхивали споры, свидетелем которых был и Никифор Иванович Закревский.

Особо любопытен эпизод, произошедший между М. П. Лазаревым и А. С. Грейгом по делу устройства Морской офицерской библиотеки. Долгое время у библиотеки не было своего здания и приходилось постоянно переезжать из дома в дом. И в 1834 году руководство Севастопольской офицерской библиотеки обратилось к главному командиру Черноморского флота и портов Михаилу Петровичу Лазареву об «удостоении им принять под свое покровительство Севастопольскую офицерскую библиотеку и быть ее почетным членом». Через несколько недель вместо положительного ответа комитет библиотеки получил следующее уведомление от М. П. Лазарева: «Дом, ныне занимаемый библиотекой, немедленно очистить; ибо

дом этот приобретен в казну для помещения штурманских кондукторов, а не для библиотеки, учреждения совершенно частного». Озадаченное таким ответом руководство уведомило о таком распоряжении Алексея Самойловича Грейга. Именно он и решил дальнейшую судьбу библиотеки, отправившись в Санкт-Петербург к императору. Результат встречи был таков – император Николай I повелел передать 46 тысяч рублей ассигнациями для обустройства библиотеки. Согласно таковому соизволению монарха, мысль М. П. Лазарева переменялась, и он лично принял активное участие в создании библиотеки. В том же 1834 году определено было составить проект здания, которое в 1840 году было окончательно готово [17, с. 202–203].

Н. И. Закревский пишет, что как при А.С. Грейге, так и при М.П. Лазареве Севастополь был не очень привлекателен для официальных визитов. Но все изменилось, когда в город были ассигнованы миллионы рублей, тогда в порте закипела энергичная деятельность по его устройству. Автор записок отмечает, что наступление новой эпохи ознаменовалось продолжительным пребыванием в Севастополе князя Александра Сергеевича Меншикова. При князе присутствовал помощник генерал-штаб-доктора П. П. Ланге, которому была поручена обязанность по устройству в Севастополе морского госпиталя. В особенности Севастополь возвышался в глазах аристократии с того времени, как значение города постарался объяснить знаменитый в то время путешественник Мармон, герцог Рагузский, маршал Франции. По его мнению, «Севастополь географическим и местным физическим положением своим имел возможность добавить еще многое к могуществу России» [18, с. 211]. Но тогда, отмечает Н. И. Закревский, из всего замечательного, что имелось в городе, только и было, что начавшиеся постройки корабельных доков и акведука для наливания их водой.

В своем рассказе об интересных личностях города автор вспоминает художника Монтверде, который состоял в Комитете, учрежденном в Севастополе по строительству корабельных доков. Как известно, к этой комиссии был причислен англичанин, главный строитель доков, Уптон. Н. И. Закревский пишет, что Монтверде был уникален тем, что он улавливал в каждом человеке индивидуальные особенности. По его картинам можно воссоздать образы севастопольцев той эпохи – генералов, офицеров, гражданских людей. К таким относилась мешанка Петрова, которая открыла в городе частную лечебницу. Люди считали, что она наделена знахарскими способностями, но в действительности оказалась шарлатанкой. Автор описывает, как пытался закрыть лечебницу Петровой, когда был назначен городским врачом. Работая в больнице, Н. И. Закревский боролся с открытой торговлей лекарствами, понимая, что все они попадают в «лечебницу» Петровой. Но когда начал действия против нее, встретил препятствие со стороны городского полицеймейстера, уговаривавшего Закревского не поднимать шум по этому делу. Автору записок не удалось продолжить начатое, так как в 1834 году его командировали на бриг «Аякс» [19, с. 234].

Много внимания в своих мемуарах Н. И. Закревский уделяет Черноморскому флоту, его кораблям, рассказывает историю постройки «Эривань», «Штандарта», «Иаонн Златоуста», в красках описывает поход корабля «Иоанн Златоуст» в Константинопольский пролив. Особенно интересно автор объясняет то, как люди в 1834 году поделились на «лазаревцев» и «грейговцев». К первым принадлежали русские,

ко вторым – греки. «Что такое Лазарев, – говорили греки, – как начальник штаба, может статься, он был бы и на своем месте... Но ему ли водить флот!..для этого дела он слишком молод или мало знаком с делом. В три месяца плавания у своих берегов, он тех способностей, какие требуются от адмирала, не выказал ничем – мы, кроме единственного, любимого им маневра «гони зайца вперед» – ничего от него не видали, ничему новому не научились. Лазаревцы же горячо отстаивали Лазарева» [20, с. 169].

В 1838 году Никифор Иванович Закревский был произведен в титулярные советники, в 1840 году был переведен в гражданское ведомство, работал городским врачом, участвовал в Крымской войне, за что в 1855 году был награжден орденом святой Анны 3 степени [21, с. 119]. Никифор Иванович Закревский скончался в 1864 году и был похоронен на кладбище Херсонесского монастыря [22, с. 138].

ВЫВОДЫ

Записки военно-морского врача Никифора Ивановича Закревского, опубликованные на страницах «Морского сборника», являются ценным источником по истории Крыма и Севастополя в 1830-е годы. Автор был свидетелем становления и развития Черноморского флота в сложных условиях – сначала при адмирале А. С. Грейге, затем – при М. П. Лазареве. Н. И. Закревский вместе с севастопольцами пережил чумной бунт 1830 года, участвовал в важных стратегических морских походах в Средиземноморье на таких боевых кораблях как «Эривань», «Штандарт», «Иоанн Златоуст», в течение 20 лет работал городским врачом, принимал активное участие в образовании моряков, способствуя развитию Севастопольской морской библиотеки, где в 1833 году работал в должности библиотекаря.

К сожалению, в мемуарах Н. И. Закревского не хватает эпизодов, описывающих ход Крымской войны, Первую оборону Севастополя 1854–1855 годов. Без этих воспоминаний невозможно полностью воссоздать жизненный путь автора записок. Кроме того, продолжение мемуаров могло бы служить важным источником по истории Севастополя в период Крымской войны. Таким образом, записки городского военного врача Н. И. Закревского ограничиваются описанием города, его жителей, флота лишь в 1830-е годы.

Таким образом, факты биографии Н. И. Закревского, развитие и реализация его творческих и исследовательских способностей на фоне явлений общественной жизни Севастополя, характеризуют его судьбу, как судьбу человека значимого и для современников, и для последующих поколений.

Список использованной литературы

1. Непомнящий А. А. Подвизники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – (Серия : «Библиография крымоведения»; вып. 12). – 600 с.
2. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири / А. И. Андреев. – М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 1. – 276 с.
3. Дыгало В. А. Старейший русский журнал / В. А. Дыгало. – М. : Связь, 1977. – 180 с.
4. Щедрин Г. И. Зеркало отечественного флота / Г. И. Щедрин // Филателия СССР. – 1973. – № 6. – С. 10–34.
5. Закревский Никифор Иванович // Общий морской список. – СПб., 1898. – Т. 10. – С. 161–162.

6. Закревский Н. И. Корабль «Эривань», 1829 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1861. – Т. 42. – № 3. – Неоф. отд. – С. 62–94.
7. Закревский Н. И. Корабль «Эривань», 1829 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1861. – Т. 42. – № 3. – Неоф. отд. – С. 62–94.
8. Там же.
9. Закревский Н. И. Севастополь 1830–1831 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1862. – Т. 48. – № 3. – Неоф. отд. – С. 44–85.
10. Закревский Н. И. Севастополь 1830–1831 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1861. – Т. 45. – № 10. – Неоф. отд. – С. 177–208.
11. Закревский Н. И. Севастополь 1830–1831 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1863. – Т. 54. – № 2. – Неоф. отд. – С. 139–168.
12. Закревский Н. И. Фрегат Штандарт, 1830 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1861. – Т. 43. – № 6. – Неоф. отд. – С. 261–305.
13. Закревский Н. И. Севастополь 1830–1831 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1862. – Т. 48. – № 3. – Неоф. отд. – С. 44–85.
14. Закревский Н. И. Севастополь 1830–1831 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1862. – Т. 53. – № 11. – Неоф. отд. – С. 3–30.
15. Закревский Н. И. Из посмертных записок врача, 1834 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1865. – Т. 66. – № 1. – Неоф. отд. – С. 209–235.
16. Закревский Н. И. Севастополь. Записки врача морской службы. / Н. И. Закревский. – Севастополь : историческая повесть. – Севастополь, 2007. – 149 с.
17. Закревский Н. И. Воспоминания об адмирале А.С. Грейге / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1864. – Т. 60. – № 2. – С. 189 – 205.
18. Закревский Н. И. Из посмертных записок врача, 1834 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1865. – Т. 66. – № 1. – Неоф. отд., С. 209–235.
19. Там же.
20. Закревский Н. И. Корабль «Иоанн Златоуст», 1833 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1863. – Т. 58. – № 9. – Неоф. отд. – С. 149–170.
21. Гауровиц И. С. Морские врачи в Севастополе / И. С. Гауровиц // Морской сборник. – 1855. – Т. 16. – № 5. – Неоф. отд. – С. 113–125.
22. Закревский Н. И. Севастополь. Записки врача морской службы / Н. И. Закревский. – Севастополь. Историческая повесть. – Севастополь, 2007. – 149 с.

Лепісевич Н. З. Життя і літературна спадщина севастопольського військового лікаря М. І. Закревського на сторінках часопису «Морской сборник» / Н. З. Лепісевич // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 144–155.

Стаття присвячена дослідженню біографії та творчої спадщини маловідомого військового лікаря, який служив у Севастополі в 30-60-ті роки ХІХ століття – Никифора Івановича Закревського. Проаналізовано мемуари Н. І. Закревського, опубліковані на сторінках часопису «Морской сборник» в 60-ті роки ХІХ століття. Це видання є одним з найбільш важливих джерел вивчення розробки конкретних сфер життя. Це відбувається тому, що періодичні видання в усі часи служили самим масовим і швидким джерелом інформації. Вони містять багатий матеріал для вивчення і наукового аналізу найбільш важливих подій в історії Російської імперії, в тому числі і регіональної специфіки. Об'єктом дослідження є наукова спадщина Севастополя військового лікаря М. І. Закревського, який написав мемуари, які описують життя в Севастополі в 1830-х роках. Результати дослідження дозволять розширити історіографічну базу дослідження Криму.

Ключові слова: «Морской сборник», Севастополь, Крим, Н. І. Закревський, севастопольський військово-морський лікар, М. П. Лазарев, А. С. Грейг, 1830-ті роки.

Lepisevich N. Z. Life and literary heritage of Sevastopol military doctor N.I. Zakrevskiy on the pages of the magazine «Marine Collection» / N. Z. Lepisevich // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 144–155.

The article deals with the biography and the creative heritage of the little-known military doctor who served in Sevastopol in the 30-60s of the XIX century - Nikifor Ivanovich Zakrevskiy. The analyzed memoirs of N. I Zakrevskiy are published in the journal «Marine Collection» in 60 years of XIX century. This publication is one of the most important sources of studying of the development of specific spheres of life of the investigated historical period. This is because the periodicals at all times served as the most massive and quick source of information. They contained a wealth of material for study and scientific analysis of the most important events in the history of the Russian Empire, including that of the regional specifics. The object of research is the scientific legacy of Sevastopol military doctor N. I. Zakrevskiy, who wrote the memoirs describing life in Sevastopol in 1830s.

The notes of surgeon Nikifor Ivanovich Zakrevskiy published in the pages of «Marine Collection» is a valuable source for the history of the Crimea and Sevastopol in 1830. The author was a witness of formation and development of the Black Sea Fleet in difficult conditions. N. I. Zakrevskiy with citizens of Sevastopol survived the «plague» in 1830, and participated in important strategic sea voyages in the Mediterranean warships such as «Erivan», «The Standard». During 20 years he worked as a town doctor, he was active involved in the formation of seamen, He contributed a lot to the Sevastopol naval library, where in 1833 he was working as a librarian.

The results of the study will allow to expand the historiographical base of Crimean Studies. Unfortunately, in the memoirs of N. I. Zakrevskiy there are no episodes that describe the progress of the Crimean War, the first defense of Sevastopol 1854-1855. Without this information it is impossible to recreate the memories of author's life. In addition, the continuation of the memoirs could be an important source for the history of Sevastopol during the Crimean War. Thus, the notes of urban military doctor N. I. Zakrevskiy are limited by description of the city, its residents, the Navy only in 1830.

Keywords: «Marine Collection», Sevastopol, Crimea, N. I Zakrevskiy, Sevastopol naval doctor, M. P. Lazarev, A. S. Greig.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

УДК 91(477.75)»1855»

**СОЧИНЕНИЕ «ЛЕДИ С БЕРЕГОВ АЛЬМЫ»:
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ В ЗАПИСКАХ АНОНИМНОГО АВТОРА**

Прохорова Т. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: grejprut@mail.ru*

В рамках усиления интереса к новым источникам по истории Крыма рассмотрено сочинение анонимного автора, посвященное описанию полуострова накануне Крымской войны (1853–1856). Прослежены упоминания о произведении в научных изданиях и указателях XIX – XXI вв., сделано предположение относительно авторства записок, обозначен круг затронутых автором вопросов. Проанализированы сведения относительно Юго-Западного Крыма. Введенные в научный оборот новые свидетельства анонимного автора могут быть использованы при реконструкции исторических процессов, имевших место в Крыму в XIX в.

Ключевые слова: записки путешественников, Крым, Эндрю Неильсон.

ВВЕДЕНИЕ

Путешествия как литературный жанр и записки путешественников как исторический источник зачастую представляют собой единые по форме и содержанию виды организации повествования. Историки ценят путевые записки за документальность, точность изложения событий, прямолинейность сюжетного ряда, достоверность, уникальность (авторы являются зачастую очевидцами событий и описывают их довольно оригинально), а также универсальность (описываются различные сферы жизни посещенных мест). Однако не стоит забывать и об их второй составляющей – литературно-художественной. В этом случае для путешествий характерны преувеличения, особое внимание к мифологическим компонентам истории, авторская свобода в выборе сюжетов, формы повествования и источников, на которые рассказчик опирается. Часто путешествия пишутся в крайне специфической форме, становясь яркими примерами художественной литературы; нередко автор избирает для своего сочинения какую-либо особенность, как, например, использование диалектных слов и названий, включение в рассказ легенд и поверий; некоторые используют такой интригующий прием как анонимность.

Путешествиям по Крыму посвящен целый ряд общих и специальных работ. Большое внимание сочинениям путешественников как особому историческому источнику уделено в работах ведущих исследователей истории Крыма – А. А. Непомнящего [1–4], Е. Н. Деремедведь [5–8], А. В. Мальгина [9], а также молодых специалистов С. В. Громенко [10; 11], Г. С. Каушлиева [12–15], Н. И. Храпунова [16–18]. Однако в силу существования бесконечного множества записок путешественников, побывавших в Таврике за более чем сто лет с момента присоединения Крыма к России до начала XX в., работы исследователей остаются неполными. Целью настоящего исследования является ознакомление читателей с еще одной работой,

посвященной Крымскому полуострову, которая пока еще не переведена на русский язык, а, значит, содержит описания малоизвестных сюжетов из истории края.

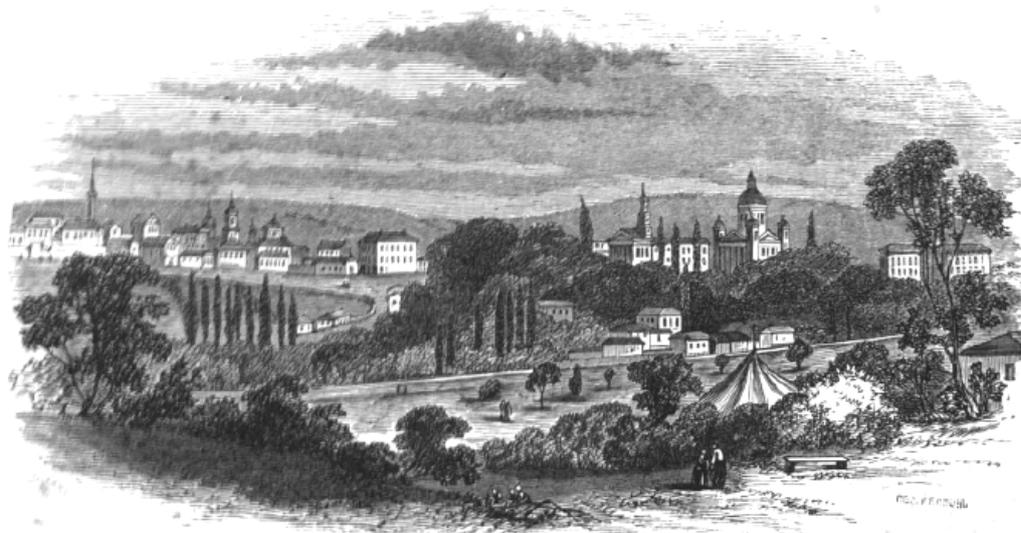
1. СОЧИНЕНИЕ АНОНИМНОГО АВТОРА XIX ВЕКА О КРЫМЕ

Анонимных авторов, посетивших и описавших Крым в конце XVIII – I половине XIX в., немного. Можно выделить несколько работ, претендующих на звание анонимных, поскольку авторство тех путешественников, которые их могли написать, не является абсолютно бесспорным. Тем не менее, рассмотрение этих трудов составляет важную часть в изучении истории освоения полуострова, особенно учитывая тот факт, что крымским древностям в этих работах отведено далеко не последнее место.

В 1855 г., в разгар Крымской войны (1853–1856), в Лондоне вышло сочинение неизвестного автора под названием «The Crimea, its towns, inhabitants and social customs by a Lady resident near the Alma» («Крым, его города, жители и народные обычаи, написанные Леди с берегов Альмы»). Перед читателем – небольшое (143 страницы) по объему произведение, повествующее о городах Таврики, народах, проживающие в них (татарах, русских, армянах, цыганах, немцах, караимах, греках), а также принципах крымской повседневности, названных автором «народными обычаями». Повествование строится таким образом, что любой интересующийся мог «побывать» в Таврике, пусть даже путешествие будет виртуальным: каждая глава – это краткая аннотация к городам, зарисовки, бытовые сцены, исторический очерк¹. Издание украшено черно-белой гравюрой: читателю предлагалось полюбоваться видом города Симферополя с востока (рис. 1).

---

¹ Содержание глав произведения: глава I (Контраст между Севером и Югом – Русская Италия – Татарские села – Виноградники – Ялта – Орианда – Алушка – Единственная дорога – Магарач – Юрзуф – Алушта); глава II (Русский извозчик – Село Демерджи – Таушан Базар – Салгир – Русский загородный дом – Закуска – Ужин – Село – Визит в домик прислуги – Состояние прислуги – Одежда крестьян – Суверия – Недостаток рабочих); глава III (Симферополь – Татарская часть города – Евреи и греки – Современная часть – Бульвар – Собор – Пейзажи – Музыка – Греческая похоронная служба – Свадебная церемония – Двенадцатый день – Освящение воды – Мечети – Церкви – Еврейская синагога – Зал для собраний – Зал суда – Больницы – Рынок – Зимние забавы – Скачки – Кладбища); глава IV (Берега Альмы – Сады и виноградники – Бахчисарай – Дворец ханов – Фонтаны – Гарем – Мечеть – Татарские дома – Татарские женщины – Дервиши – Татарская пища – Монастырь – Долина Иосафат – Чуфут-Кале – Караимские евреи – Синагога); глава V (Цыгане – Бельбекская долина – Дороги – Стервятники и орлы – Черная – Прибытие в Севастополь – Набережная – Террасы – Николаевская батарея – Адмиралтейство – Зал для собраний – Собор – Театр – Библиотека – Большие судна – Тюремные бараки – Военный госпиталь – Доки – Инкерман – Балка Ушакова – Древний Херсонес – Монастырь Святого Георгия – Балаклава – Чогурна – Мангуп-Кале – Каралез); глава VI (Зуя – Нейзац – Фриденталь – Розенталь – Немецкие колонисты – Выращивание картофеля – Хитрый способ краж – Кара-су Базар – Кукурузный рынок – Эски Крым – Дворец ханов – Болгарская колония – Каффа – Генуэзская крепость – Фонтан – Лазарет – Бани – Судак – Керчь); глава VII (Евпатория – Саак – Грязевые ванны – Степь – Мираж – Столбы пыли – Татарские воры – Мажары – Татарские села – Армянский базар – Сиваш, или Гнилое море – Соленые озера – Перекоп); глава VIII (Крымский климат – Суровые зимы – Летний зной – Распространение лихорадок – Стоймость хинина – Распространение оспы – Неопределенность культур – Татарский плуг – Примитивная борона – Севооборот – Бахча – Арбузы – Верблюды – Лошади – Местный рогатый скот – Овцы – Леса); глава IX (Охота на оленей – Обилие дичи – Татарский способ ловли перепелов – Промысловая птица – Волки и лисы – Грызуны – Птицы – Саранча – Опустошение, учиняемое ими – Скворцы – Приметы, связанные с ними – Вредительные гусеницы – Недостаток средств как главное препятствие развития).

SIMFEROPOL, FROM THE EAST.

Рис. 1. Симферополь. Вид с востока. Литография, середина XIX в.

Произведение было встречено британской публикой благосклонно – ведь оно было написано «на злобу дня». Война длилась уже второй год, прогремели Альминское (8 (20). 09. 1854 г.), Балаклавское (13 (25). 10. 1854 г.), Инкерманское (24. 10 (5. 11). 1854 г.) сражения, началась и продолжалась затяжная осада Севастополя. Сочинение вышло в феврале 1855 г. – в это время произошли перемены, которые обещали поворот в ходе войны, а именно: сменился император России (Александр I умер, на престол вззошел его сын Николай I), поменялось руководство Крымской армии (вместо князя Меншикова главнокомандующим стал М. Д. Горчаков) [19; 20]. Крым окрестили «новыми Фермопилами», «злом, которое хуже, чем казаки и Константинополь». Публицисты соглашались с теологом Каммингом, что «греки назвали город Севастополь, используя еврейское значение этого слова – Армагеддон» [21, р. 220]. Среди подобных настроений любая информация о Таврике была востребована, особенно написанная человеком, видевшим полуостров изнутри. Об этом уже писали критики в 1855 г., отмечая, что сочинение Леди «найдет круг внимательных читателей, которые желают знать все о Крыме и могут многому научиться у столь интеллигентного информатора». Ее произведение называли «компасом» крымской жизни; автор пишет свое сочинение по единственной причине: «ей есть что сказать, она уверена, что ее соотечественники дома с удовольствием будут ее слушать» [22]. Севастополь, Альма, Керчь, Балаклава, Черная – эти названия были знакомы всей Европе, поэтому обывателям было особенно интересно взглянуть на эти места с другой стороны – без статистики убитых и раненых, а наоборот, прочувствовать мирную сельскую жизнь довоенного Крыма [23].

В ряде британских журналов появились статьи-рецензии на вышедшее произведение. Одним из первых отозвался «Шотландский церковный журнал» («The Church of Scotland magazine and review») [24]. Рецензенты примеряли сообщения автора к событиям войны: если в рассказе упоминаются скорпионы, это значит, что британским войскам помимо летнего зноя придется бороться с другой природной опасностью; если автор пишет о прекрасных пейзажах, то, значит, солдатам-союзникам удастся получить хотя бы моральную компенсацию за болезни, лишения и людские потери, понесенные среди «этих прекрасных равнин». Описаны важнейшие города: Севастополь с его крепостями и природными ландшафтами, Симферополь, который предстает перед читателем как «веселая и пестрая столица», Евпатория – «самый важный морской порт на Черном море». Рецензенты выражают надежду, что Британия выйдет из войны победителем, и если автор еще вернется в свой новый дом в Крыму среди садов и виноградников, то пусть это будет земля, «облагороженная законами гения британской свободы и доблестью британского оружия» [24, p. 297].

Литературный и художественно-критический британский журнал «Атений» («The Athenaeum») отнес сочинение Леди к военной литературе. Первый «урожай» книг на военную тематику еще предстояло собрать – война была в разгаре, а данное произведение можно назвать лишь «початком». Среди наиболее востребованных книг в это время становятся словари, путеводители, указатели; большой популярностью пользовался англо-франко-русско-турецкий словарь Тима (С. А. Thimm) [25], где были собраны различные военные идиомы. Что до описываемого сочинения, то оно названо «приятной книгой», которая представляла собой не более чем компиляцию Кларка, Палласа, Олифанта и других историков. Критики пророчили этому произведению быть признанной частью «избранной» литературы о войне [26], особенно теперь, когда оно появилось в свободном доступе (раньше было доступно узкому кругу друзей автора).

Назвать автора «путешественником» можно условно. Вместе с Леди читатель отправляется в виртуальное путешествие, посещает Симферополь, Бахчисарай, берега Альмы, Севастополь, Балаклаву, Инкерман, Мангуп, Судак, Феодосию, Перекоп. Автор собрала воедино все сведения об этих местах, описала все события, свидетелем которых она была. О личности автора из текста сочинения можно узнать следующее: в течение девяти лет она жила на берегах реки Альма, несколько раз посещала села внутри полуострова, часто с ней путешествовал супруг, происхождение автора британское, о чем она нередко вспоминает в тексте сочинения, проводя параллели «с дорогой сердцу Англией». Точно установить личность путешественницы на основе имеющихся сведений невозможно. Немного можно узнать из указателей литературы о Крыме. Так, в фундаментальном справочнике А. А. Непомнящего данное произведение вошло в список иностранных сочинений о Крыме [1, с. 149]. Один из указателей «Russia through the eyes of foreigners. Travels and personal accounts from the sixteenth century to the October Revolution 1917», составленный профессором Кембриджского университета Э. Кроссом, содержит 250 наименований произведений с указанием полных имен и лет жизни авторов,

сведения о переизданиях, данные о переводах, однако об интересующей нас писательнице не говорит ничего [27].

Краткие сведения о «Леди с берегов Альмы» содержатся в библиографическом указателе по караимизму Б. Д. Валфиша и М. Кизилова. Составители отметили, что автор рассматриваемого нами произведения долгое время проживала на берегах реки Альма в 1820-х гг. Позволю себе не согласиться: автор вернулась в Англию накануне выхода произведения (1855 г.); описывая полуостров, Леди называет события, которые имели место накануне Крымской войны, приводит статистику за 1853 г., упоминает о своей поездке по крымским селам в Бельбекской долине в 1851 г., отмечает новейшие постройки и изменения (к примеру, строительство нового корпуса Морской библиотеки в 1846–1849 гг., поскольку старый сгорел в 1844 г.), упоминает наличие уже проложенной Воронцовской дороги по Южному берегу Крыма. Таким образом, все указывает на то, что пребывание нашей героини в Крыму приходилось на 1840-е гг. В указателе «Караитика» автором произведения названа Миссис Эндрю Неильсон [28, р. 258]. Под таким же авторством вышло переиздание книги в Чарльстоне в 2010 и 2012 гг. [29; 30]. Основной источник, на который ссылаются исследователи при определении авторства данного произведения, – указатель В. Кушинга «Инициалы и псевдонимы» [31, р. 164]. В этом словаре автор сочинения «Крым, его города, жители и народные обычаи», представившаяся как «Леди с берегов Альмы», действительно определена как миссис Эндрю Неильсон. Фамилия для Крыма «говорящая» – именно такую фамилию носила Анна Яковлевна Султан-Крым-Гирей, супруга Александра Ивановича Крым-Гирея (поженились в Эдинбурге в 1820 г. и переехали в Крым). Соблазнительной выглядит теория отождествления загадочного автора и султаны – обе леди имеют английское происхождение, долгое время прожили в Крыму, причем именно на берегах Альмы (у крымских ханов по берегам Альмы, Бельбека и Салгира имелись значительные землевладения). Однако султана умерла в 1855 г., в то время как загадочная миссис Неильсон вернулась в Англию и издала свое сочинение в Лондоне и Эдинбурге. «Ирландской леди, длительное время проживающей в Крыму», названа миссис Неильсон, описавшая дворец графа Воронцова на южном берегу, в «Иллюстрированной истории войны против России» Е. Нолана [32, р. 40–58].

Ответ находим на страницах этого же, выше упомянутого произведения – «Иллюстрированной истории войны против России». В разделе, посвященном положению, истории и социальному состоянию населения Крыма, сочинение миссис Неильсон названо достойнейшим трудом, служащим для знакомства с полуостровом. Помимо этого, названы сочинения Гомера, доктора Коха, Кларка, Спенсера, Сеймура, Гранта, Кохля и Демидова, но сочинение Неильсон наиболее прогрессивное для своего времени, т.е. полностью отвечающее запросам читателей [32]. В нескольких словах содержится весомое для нас уточнение: «книга написана анонимно и принадлежит перу британской леди, долгое время жившей в Крыму, чей муж приобрел имение на берегах реки Альма; его сестра вышла замуж за султана, представителя крымских ханов». Автор подписалась инициалами «Е. Н.», что, несомненно, означает, что она принадлежала роду Неильсонов. Обратившись к генеалогии семьи Султаны, исследователь увидит, что у ее родителей Джеймса и Анны Неильсон (годы

жизни 1753–1821 и 1777–1856 соответственно) было 11 детей, и среди них – Эндрю Неильсон (1811–1885). Их имена высечены на надгробном памятнике семейства Неильсон в Шотландии (возле церкви святых Джона и Кутберта в Эдинбурге) [33]. Таким образом, жена Эндрю Неильсона, брата султаны, и есть наша героиня.

Так или иначе, тайна личности миссис Эндрю Неильсон остается неразгаданной. Вполне возможно, что собирательный образ «леди с берегов Альмы» был создан публицистами специально, чтобы обобщить все сведения о Крыме, которыми располагала британская общественность, и познакомить читателя со столь неоднозначным регионом, ставшим яблоком раздора между крупнейшими государствами Европы и Азии.

2. ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИИ МИССИС ЭНДРЮ НЕИЛЬСОН

Анализ содержания сочинения миссис Неильсон можно проводить в нескольких контекстах – общефилософском, литературно-художественном, филологическом, проблемно-историческом. Структура повествования ровная, события изложены сквозным образом, разновременные происшествия в равной степени находят отражение на страницах сочинения – будь то историческая справка о событиях времен средневековья или сообщение о новейших изменениях в инфраструктуре края. Таким образом, сочинение целостное, логически выстроенное, тщательно продуманное, а значит было написано уже «с высоты прожитых» дней как некий итог проживания в Крыму. Об этом автор говорит уже в предисловии произведения [34, р. v].

Севастополю, его окрестностям и древностям посвящена пятая глава. К городу путешественница подъехала со стороны Бахчисарая, миновав Бельбекскую долину. Двигаясь вдоль реки, путники прибывали к мосту, пересекающему Бельбек, далее попадали на развилку, от которой одна часть дороги вела на северный берег главной городской бухты, а вторая, намного сложнее и извилистей, в Инкерман. Неильсон отправилась по первому пути, который был не только более комфортным для путешественников, но и значительно короче, и попала на Северную сторону, откуда переправилась на севастопольскую набережную. Северная часть города, по описаниям автора, была ограничена валом, укрепленным каменной стеной, и состояла из многочисленных построек, в том числе двух или трех ханов (гостиничных мест для тех рабочих, кто привозит продукты в магазины), магазинов, здания для охраны, а вдоль берега стояли лодки различной вместительности, обеспечивающие комфортную переправу на противоположный берег бухты. В городе внимание миссис привлекла Графская пристань, украшенная белой лестницей и двойной колоннадой наверху и обустроенная скамейками для отдыха населения. На этих скамеечках миссис Неильсон любила сидеть сама, наблюдая за прибывающими каждые пять минут лодками, которые доставляли на набережную молодых офицеров, солдат и моряков. Возле Николаевской батареи стоял путевой дворец, обустроенный для императрицы Екатерины II во время ее визита в Крым в 1787 г. в доме адмирала Ф. Ф. Макензи; затем путники следовали по направлению к Артиллерийской бухте, мимо городского рынка в «худшую часть» города. Минуя адмиралтейство, путешественники попадали на главную улицу, где стоял собор, магазины, усадьба военного

начальника порта и «прочих богатых семейств». В городе, как отмечает автор, есть очень хороший театр, куда с гастролями часто приезжают иностранные певцы, в том числе с итальянскими операми. На городском холме автор видела новую Морскую библиотеку с богатейшей коллекцией книг на различных языках; в глубине бухты располагались корпуса старых кораблей, в которых находились казематы для осужденных, закованных в цепи и выполнявших общественные работы. Далее располагались доки, а перед ними – холм, на котором расположены казармы и военный госпиталь.

Непродолжительное время пребывания в Севастополе миссис Неильсон посвятила знакомству с окрестностями. Первым на пути лежал Инкерман. Там английской леди приглянулись камеры и пещеры, вырытые в скале на такой пронзительной высоте, что достичь их могли только птицы и ветра. Однако, как выясняется по тексту дальше, путешественнице удалось взобраться в верхние пещеры по крутой лестнице, высеченной в скале, где помещением за помещением она осматривала камеры. Одна из них была приспособлена под часовню, где были видны колонны и надписи (вероятно, описывается церковь св. Георгия). Автор ничего не говорит ни о камерах на противоположном берегу реки Черная, ни о крепости на верху горы, нет предположений относительно времени появления скальных иссечений; нет подробного описания внутреннего устройства церкви св. Георгия (автор не упоминает ни алтарь, ни ямы с костными останками, о которых писали практически все авторы того времени, хотя, конечно, их могли уже убрать к концу 40-х гг. XIX в.).

По сообщению автора, на берегу внутренней бухты Севастополя (вероятно, Южной) располагался городской холм, на его восточном склоне жители устроили место для променада, а двигаясь дальше в том же направлении можно было выйти к Карантинной бухте: на одной стороне было кладбище, на другой – руины древнего Херсонеса. От него сохранилась часть древней стены и груды камней, которые обозначили место древнего города. Автор замечает, что камни были оставлены здесь, в обновленном городе, дабы спасти то, что избежало разрушительного влияния времени.

В семи верстах к югу от Херсонеса расположен монастырь св. Георгия, а в нескольких милях к востоку от него находится Балаклава на берегах закрытой бухты, куда не могут проникнуть ни ветра, ни волны, ни суда. В городке, полностью заселенном арнаутами и греческими пиратами, как говорит миссис Неильсон, не было ничего интересного, кроме остатков стены и крепости, предположительно, построенных генуэзцами [34, р. 78–80].

ВЫВОДЫ

Сведения, собранные автором, несомненно, интересны. Произведение писалось миссис Неильсон по возвращении из Крыма, по просьбе ее друзей в Англии, которые были крайне заинтересованы регионом, прославленным в событиях последней (Крымской) войны. Прожив на полуострове девять лет, автор собрала воедино все, что можно было сообщить общественности о Крыме. От прочих записок путешественников данное произведение отличало отсутствие эмоциональной окраски, хронологической последовательности в описываемых событиях, описания приключений личного характера – это был экстракт из всей массы прожитых лет в Крыму,

что делает сочинение похожим на искусственное. Сомнения о существовании загадочной миссис Неильсон подогреваются еще и тем фактом, что сведений о ней крайне мало, а те, что имеются, косвенного характера; сам же текст представляет собой грамотный пересказ общеизвестных фактов о Крыме, сообщенных П. С. Палласом, Э. Д. Кларком, Ф. Дюбуа де Монпере, автор не упоминает ни одного крымского деятеля. Путаницу вносят воспоминания личного характера, которыми изобилует сочинение, что выступает в пользу пребывания миссис Неильсон в Крыму. Таинственность автора вызывает особенный интерес к запискам; важно то, что они содержат ценные сведения по географии, топонимике, этнографии, истории, экономике Крыма. Критики признали сочинение одним из лучших описаний полуострова того времени, что выделяет его из произведений середины XIX в. о Крыме. Перед исследователями открывается широкий спектр работы; в перспективе – подробный и грамотный перевод сочинения, сопровождаемый комментариями, и введение сведений, сообщенных нам «Леди с берегов Альмы», в копилку знаний о Крыме.

Список использованной литературы

1. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий ; Ин-т укр. археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – 212 с. – (Серия : «Научно-справочные издания по истории Украины» ; вып. 46).
2. Непомнящий А. А. Иностранцы путешественники о колонизации Крыма в конце XVIII – XIX веке / А. А. Непомнящий // Заселення Півдня України : проблеми національного та культурного розвитку : міжн. наук.-метод. конф. : наук. доп. : у 2 ч. – Херсон, 1997. – Ч. 1. – С. 219–223.
3. Непомнящий А. А. Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття) : біобібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бізнес-інформ, 2003. – 456 с.
4. Непомнящий А. А. Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – Київ, 1998. – Вип. 1 : матер. III Всеукр. наук.-практ. конф. «Туризм в Україні : економіка та культура» : у 2 ч. – Ч. 2. – С. 138–144.
5. Деремедведь Е. Н. Английская литература путешествий XVIII – XX вв. о Крыме : реализация процесса коммуникации / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49. – С. 112–115.
6. Деремедведь Е. Н. История одного путешествия, или английская вилла для Роберта Лайелла / Е. Н. Деремедведь // Крымское время. – 2008. – 17 янв. – С. 21.
7. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера : авантюрные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : Сонат, 2008. – 208 с.
8. Деремедведь Е. Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 43. – С. 163–169.
9. Мальгин А. В. Русская Ривьера : курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи : конец XVIII – начало XX в. / А. В. Мальгин. – Симферополь : СОНАТ, 2006. – 352 с.
10. Громенко С. В. Адам Сераковський – польський мандрівник по Криму та його подорожні листи / С. В. Громенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : сер. : «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – С. 42–49.
11. Громенко С. В. Stepy, morze i góry : польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме / С. В. Громенко ; под ред. проф. А. А. Непомнящего ; Тавр. нац. ун-т им. В. И. Вернадского, Крым. ун-т культуры, искусств и туризма, Крым. о-во поляков. – Симферополь : Антикава, 2011. – 304 с. – (Серия : «Библиография крымоведения» ; вып. 14).

12. Каушлиев Г. С. Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII – начало XIX века) / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : сер. : «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – С. 100–113.
13. Каушлиев Г. С. До історії пам'ятокзнавчих розвідок мандрівників у Криму наприкінці XVIII – в першій половині XIX століття / Г. С. Каушлиєв // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : сер. : «Исторические науки». – Т. 24 (63), № 2. – 2011. – С. 66–74.
14. Каушлиєв Г. С. «Шлях на користь» : кримська подорож імператриці Катерини II в контексті вивчення історії краю / Г. С. Каушлиєв // Краєзнавство. – 2009. – №1/2. – С. 5057.
15. Каушлиев Г. С. Отечественные путешественники в изучении историко-культурного ландшафта Крыма на рубеже XVIII – XIX ст. / Г. С. Каушлиев // Питання історії науки і техніки. – 2011. – № 4 (20). – С. 29–38.
16. Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хербера (1806 г.) / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2008. – Вып. 14. – С. 645–697.
17. Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2009. – Вып. 15. – С. 656–681.
18. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь ; Керчь, 2011. – Вып. 17. – С. 595–630.
19. Скориков Ю. А. Севастопольская крепость / Ю. А. Скориков – СПб. : Стройиздат, 1997. – 320 с.
20. Тарле Е. В. Евпатория : смерть императора Николая I / Е. В. Тарле // Тарле Е. В. Крымская война : в 2 т. – Т. 1. – М. ; Л., 1941–1944. – С. 307–328.
21. Bland H. A Reply to the Rev. Dr. Cumming's Lectures on «the End of the World» with a Slight Glance at his «Apocalyptic Sketches» by H. Bland. Glasgow. Edinburgh ; Dublin, 1855 // Church of England quarterly review : a journal of theology, art, science and literature for the united church of England and Ireland. – London, 1855. – Vol. 38. – P. 21–222.
22. The Literature of the Quarter Classified and Reviewed : travels and topography : the Crimea, its towns, inhabitants, social customs by Lady resident near the Alma. London : Partridge, Oakey, & Co, 1855 // The Church of England quarterly review : a journal of theology, art, science and literature for the united church of England and Ireland. – London, 1855. – Vol. 37. – P. 490–491.
23. The brief notices : the Crimea, its towns, inhabitants, social customs by Lady resident near the Alma. Feap. 8 v. 143 p. London : Partridge, Oakey & Co, 1855 // The Eclectic review : July–December, 1855 / W. H. Stowell. – London, 1855. – Vol. 10. – P. 495–496.
24. The literary notices : the Crimea, its towns, inhabitants and social customs by a Lady resident near the Alma. Edinburgh : Shepherd & Elliot. 140 p. // The Church of Scotland magazine and review : January–June 1855. – Edinburgh, 1855. – P. 296–297.
25. Thimm C. A. English, French, Turkish, and Russian vocabulary and dialogues : for practical use by the Army and Navy, travelers, sportsmen, cyclists, and others in the East / C. A. Thimm. – London, 1857. – 74 p.
26. The war // The Athenaeum : the Journal of English and foreign literature, science and the fine arts. – 1855. – № 1431. – Saturday, March 31. – P. 375–376.
27. Cross A. Russia through the eyes of foreigners. Travels and personal accounts from the sixteenth century to the October Revolution 1917 : [on microfiche] / A. Cross. – Режим доступа : http://www.idc.nl/pdf/350_titlelist.pdf.
28. Walfish B. Bibliographia Karaitica : an annotated bibliography of Karaites and Karaism : in 2 vol. / by B. Walfish with M. Kizilov. – Leiden ; Boston ; Brill, 2010. – Vol. 2. – 810 p.
29. [Neilson A., mrs.] The Crimea, its towns, inhabitants and social customs by a Lady resident near the Alma / A. Neilson. – Charleston : Bibliobazar, 2010. – 330 p.
30. [Neilson A., mrs.] The Crimea, its towns, inhabitants and social customs by a Lady resident near the Alma / A. Neilson. – Charleston : Nabu Press, 2012. – 164 p.
31. Cushing W. Initials and pseudonyms : a dictionary of literary disguises / W. Cushing. – New-York : T. Y. Crowell & Co, 1885. – 600 p.

32. Nolan E. H. The war in Asia – Russian encroachments upon Turkey, Persia, and the Caucasian tribes–Schamyl, the sultan and prophet of the Caucasus // The illustrated history of the war against Russia : in 2 vol. / by E. H. Nolan. – London, 1857. – Vol. 1. – 322 p.

33. Smith J. Monumental inscriptions in Saint Cuthbert's Paris Churchyard, Edinburg / J. Smith ; Scottish record society. – Edinburg : J. Skinner & Co, 1915. – 101 p.

34. [Neilson A., mrs.] The Crimea, its towns, inhabitants and social customs by a Lady resident near the Alma / A. Neilson. – London : Partridge, Oakey, and Co, 1855. – 143 p.

Прохорова Т. О. Твір «Леді з берегів Альми»: Південно-Західний Крим у записках анонімно-го автора / Т. О. Прохорова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 156–165.

Через підвищення інтересу до нових джерел з історії Криму розглянуто твір анонімного автора, присвячений опису півострова напередодні Кримської війни (1853–1856). Простежено згадки про твір в наукових виданнях і покажчиках XIX–XXI ст., зроблено припущення щодо авторства записок, позначено коло порушених автором питань. Проаналізовано відомості щодо Південно-Західного Криму. Введені в науковий обіг нові свідчення анонімного автора можуть бути використані при реконструкції історичних процесів, що відбувалися в Криму в XIX в.

Ключові слова: записки мандрівників, Крим, Ендрю Неїлсон.

Prochorova T. A. The notes by Lady resident near the Alma: The South-Western Crimea in the work of the anonymous author / T. A. Prochorova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 156–165.

Because of the Crimean War (1853–1856) the interest to the Crimean history was increasing. It was the time when some new historical sources appeared. The writing of anonymous author, devoted to the description of the peninsula in 1840-s, was one of them. The references of that work are traced in scientific journals and indexes of XIX–XXI centuries. The assumptions about the authorship of the work were made. It is suggested that the notes could be written by Mrs. Andrew Neilson who was wife of sultana Anne Neilson's brother from Edinburg. But it is still possible that it was some generalized character of Crimean writer. Mrs. Neilson spent 9 years in the Crimea and learned a lot about the peninsula. She wrote about visits made to the Crimean villages and cities by her, including Inkerman and Sevastopol. The extracts, consisted the information about South-Western Crimea, were analyzed. Mrs. Andrew Neilson paid attention to local antiquities. Chersonese is described as ruined city, Inkerman as «cave city» and Balaclava as Greek city with Genoese fortress. The Notes are special by form and description. They were not written day by day, it is conclusive work of living in the Crimea. The notes of Lady are not new for the Crimean historians, but they still need to be translated from English. The new evidence of the anonymous author may be used in the reconstruction of the historical processes that have taken place in the Crimea in the XIX century.

Keywords: travelling notes, the Crimea, Andrew Neilson.

Поступила в редакцію 01.11.2012 г.

УДК 904(=512.143)(477.75):351.853

ДЖЕРЕЛА З ІСТОРІЇ ПОПУЛЯРИЗАЦІЇ КУЛЬТУРНОЇ СПАДЩИНИ КРИМУ (XIX – ПОЧАТОК XX СТ.)

Молочко Є. В.

*Центр пам'яткознавства НАН України та
Українського товариства охорони пам'яток історії та культури, м. Київ, Україна
E-mail: jane557@mail.ru*

Важливе дослідницьке та практичне значення в контексті відродження національної культури України має вивчення особливостей різноманітного досвіду популяризації пам'яток історії та культури Криму за дорядянських часів. Завдяки залученню різноманітної джерельної бази можливо надати об'єктивну оцінку творчої спадщини краєзнавців-популяризаторів. На основі комплексного вивчення й аналізу широкого спектра архівних та опублікованих джерел відтворюється цілісна картина розвитку пам'яткоохоронної діяльності в Криму впродовж XIX – початку XX ст.

Ключові слова: пам'яткознавство, культурна спадщина, Крим, популяризація.

У незалежній Україні об'єктивно все більше уваги приділяється питанням відновлення історичної пам'яті. В умовах, коли завдання збереження культурної спадщини набувають особливої важливості, актуальним стає досвід наших попередників у розширенні форм пам'яткоохоронної роботи. За дорядянських часів у Криму, який є музеєм просто неба, був накопичений значний унікальний досвід вивчення й охорони пам'яток історії та культури засобом їх популяризації. Саме ця форма пам'яткоохоронної діяльності, яка охоплює опис об'єктів культурної спадщини, розповсюдження інформації про них, заохочення до їхнього подальшого вивчення, робила пам'ятки відомими, ставила їх у центр туристичних відвідувань. Це стало першою ланкою вивчення пам'яток.

Наявність різноманітних джерел дозволяє комплексно підійти до аналізу популяризації пам'яток історії та культури Криму як форми їх вивчення й охорони в XIX – на початку XX ст. За формою документів джерела репрезентовано різноманітними опублікованими та рукописними матеріалами – описами екскурсій та путівниками; джерелами особового походження (спогади, некрологи, міжособистісна комунікація – епістолярій); діловодною документацією (статути, звіти громадських організацій); періодичною пресою. Більшість з опублікованих робіт і документів зберігається у фондах державних архівів і музеїв України та Російської Федерації.

За формою документів архівна джерельна база представлена рукописами краєзнавців і бібліографічними зібраннями, а також джерелами особового походження. У фондах архівів України та Російської Федерації виявленні рукописи праць кримознавців-популяризаторів і документи з історії організації вивчення й охорони пам'яток у Криму.

Основою джерельної бази є опублікований та рукописний набір краєзнавців, присвячений популяризації, вивченню й охороні пам'яток історії та культури Криму

в аналізований період. За формою викладу, науковим рівнем, жанровими особливостями й метою видання ці студії поділено на дві групи: науково-популярні нариси (В. Х. Кондаракі та Є. Л. Марков) і путівники.

Найбільш значною групою джерел є науково-популярні публікації, де охарактеризовано культурна спадщина Криму. Роботи кримознавців-популяризаторів цієї спадщини - джерела, що містять інформацію про історію вивчення, реставрації, стан окремих пам'яток археології, архітектури, історії. Ці публікації, а також виявлені рукописи дозволяють виділити характерні напрями діяльності краєзнавців, які стосувалися збереження культурної спадщини за допомогою її популяризації.

У зв'язку з цим найбільший інтерес представляють праці В. Х. Кондаракі [1–3] та Є. Л. Маркова [4–7], які створили змістовні й досить точні описи пам'яток Криму. В їхніх працях відсутні посилання на архівні матеріали, нерідко трапляються фактологічні помилки (наприклад, В. Х. Кондаракі опирається, як правило, на легенди Криму). Об'єктами дослідження виступали різні сюжети з історії Криму та його культурна спадщина. Проте в той час були відсутні фундаментальні наукові дослідження з історії краю. Тому саме на основі науково-популярних праць В. Х. Кондаракі та Є. Л. Маркова склалися в подальшому перші узагальнені уявлення про пам'ятки історії та культури Кримського півострову. У цих працях акцент зроблений на опис старожитностей. Залучення науково-популярних публікацій надає можливості дослідити форми роботи краєзнавців, визначити їх внесок у подальше вивчення й охорону пам'яток за допомогою їх популяризації серед широких верств населення.

Оригінальну та специфічну групу бібліографічних джерел становлять путівники, які можна розділити на кілька груп: 1) довідники про пам'ятки історії та культури півострову загалом і окремих його частин; 2) про пам'ятки окремих міст; 3) путівники довідкового (побутового) характеру; 4) путівники православними святинами (скити й монастирі); 5) бальнеологічні путівники (де відсутня інформація про культурну спадщину).

Значний корпус матеріалів із вивчення й охорони пам'яток історії та культури Криму містять путівники, складені відомими кримознавцями й збереженими в рукописному варіанті в архівних фондах. У особовому фонді П. І. Кьоппена (ф. 30) в Санкт-Петербурзькій філії архіву Російської академії наук зберігаються неопубліковані (здебільшого) кримознавчі матеріали досліджень академіка. Знайомство з цими документами дозволить почерпнути відомості про роботу вченого над путівником по Криму, який не був опублікований. Зберігся рукописний варіант фрагмента цієї роботи [8]. У особовому фонді «Бертъє-Делагард Олександр Львович» КРУ «Центральний музей Тавриди» представлено рукописний матеріал, підготований краєзнавцем для його путівника південно-східним районом Кримського півострова [9]. З матеріалів Архіву Російського географічного товариства – розряду 39 «Таврійська губернія» – залучений рукопис неопублікованого путівника, складеного Степаном Івановичем Верєбрюсовим і Яковом Дмитровичем Граховим [10].

Путівники – це одна з форм популяризації пам'яток Криму. Особливістю цього виду книжкової продукції є подання матеріалів, дібраних залежно від інтересів їх потенційних читачів. Автори путівників знайомилися зі спеціальною кримознавчою

літературою й уміщали у своїх працях загальні довідки, отримані з даних робіт. Довідники були орієнтовані на залучення туристів і тих, хто відпочиває, за допомогою ознайомлення їх із багатою й унікальною культурною спадщиною півострова. Крім цього, вони містили інформацію про природно-географічні умови, етнографічні особливості народів, перспективи розвитку регіону, а також статистичні матеріали про чисельність населення.

Дана група джерел носить об'єктивний характер, забезпечена ілюстративним матеріалом, надає в більшості текстів достовірні відомості про стан пам'яток краю в дорадянський період. Систематизація цих довідкових видань уможливила виявлення багатого за змістом корпусу відомостей про діяльність наукових товариств у галузі організації охорони культурної спадщини Криму, поширення накопичених фахівцями розширених пам'ятокоснавчих знань.

Значний обсяг інформації з досліджуваної проблеми містять офіційно-діловодні документи, серед яких виділяються статuti й звіти клубів і наукових товариств: Кримського гірського клубу (з 1905 р. – Кримсько-Кавказького гірського клубу) та Кримського товариства дослідників і любителів природи, організованих у ХІХ – на початку ХХ ст. Їх діяльність відображена в річних і екскурсійних звітах; у статутах закріплені принципи їх роботи. Названі документи публікувалися в періодичних виданнях товариств.

В основу статутів товариств [11–15] були покладені аналоги європейських альпійських клубів. У подальшому виходили нові варіанти статутів, у які вносилися зміни, продиктовані постійним розширенням сфер діяльності (серед яких чільне місце займали популяризація, вивчення й охорона пам'яток історії та культури Криму) [16].

До групи офіційних документів слід віднести річні звіти обох згаданих організацій. Так, щодо Кримського (Кримсько-Кавказького) гірського клубу збереглися щорічні звіти за період з 1890 до 1914 р. (за винятком 1893, 1899, 1910 рр.). Кожен звіт складався за єдиною структурою, що включала інформацію про особовий склад, склад правління, діяльність, відділення (для Кримського товариства дослідників і любителів природи – секції), фінансові питання. Звіти містять важливі для досліджуваної проблеми відомості про діяльність Кримського гірського клубу [17] та Кримського товариства дослідників і любителів природи (звіти є лише за окремі роки) [18] за різні періоди їх існування. Завдяки залученню цих джерел уможливило визначення коло питань, що вирішувалося їх керівництвом щодо організації вивчення й охорони пам'яток. Особливістю даних матеріалів є їх універсальний характер (описані археологічні пам'ятники, представлені відомості з географії, економіки, етнографії) і систематичність під час подання інформації. Значення звітів наукових організацій полягає в тому, що в них була зібрана й узагальнена важлива за своєю значимістю інформація про збереження пам'яток історії та культури Криму в певний час.

Змістовними є щорічні звіти Кримського гірського клубу, в яких відображені основні напрями його діяльності зі збереження культурної спадщини Криму: тексти доповідей, зроблених під час засідань правління Клубу; видавничу діяльність з метою популяризації пам'яток; екскурсії з відвідуванням визначних пам'яток, проведених Клубом. У річних звітах містилася інформація про роботу відділень. Значний

пласт інформації про проведені заходи, спрямовані на збереження старожитностей півострова, містився в екскурсійних звітах Ялтинського відділення Клубу [19]. У них докладно позначені різновиди спеціальних наукових екскурсійних поїздок (педагогічних, учнівських), що проводилися з метою популяризації історико-культурних цінностей. У звітах наведені відомості про кількість екскурсій та їх учасників, терміни екскурсійного сезону, докладний опис маршрутів з урахуванням відвідування пам'яток і пам'ятних місць. Звіти за 1893, 1899 і 1910 рр., на жаль, нами не виявлені. Важливе значення мають друковані окремі звіти керівників екскурсій [20]. Офіційно-діловодні матеріали дозволяє відтворити форми й методи діяльності наукових організацій щодо вивчення й популяризації культурних цінностей Кримського півострова.

Офіційно-діловодні документи виявлені у фондах Державного архіву в Автономній Республіці Крим: фонд «Сімферопольська чоловіча казенна гімназія» (ф. 104) [21–24], «Інспектор народних училищ Сімферопольського повіту» (ф. 212) [25; 26], «Ялтинське відділення Кримсько-Кавказького гірського клубу» (ф. 661) [27]. Зокрема, звіти про екскурсійну та наукову роботу організацій-фондоутворювачів. Завдяки залученню цих документів можливо охарактеризувати форми туристично-екскурсійних заходів (краєзнавчих і освітніх поїздок), що здійснювалися з метою ознайомлення (популяризацією) молоді з пам'ятками історії та культури Криму. Вивчення даної групи джерел дозволяє відновити повну картину охорони археологічних пам'яток Криму в другій половині XIX – на початку XX ст.

Важливим джерелом є загальноросійська й місцева періодична преса: офіційні матеріали, кримознавчі публікації щодо вивчення й охорони пам'яток історії та культури. У цій групі джерел виділяються періодичні видання товариств і клубів, які спеціалізувалися на дослідженні культурної спадщини. У Криму активно висвітлювали підсумки пам'яткоохоронної діяльності місцеві видання – «Записки Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба» та «Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы». На сторінках цих видань узагальнювався досвід роботи, публікувалися річні звіти товариств і їх відділень, протоколи засідань, програми та проекти, а також описи подорожей і екскурсій, влаштованих даними організаціями [28]. Значне місце відводилося доповідям і повідомленням про необхідність збереження старожитностей півострова [29–32].

Вивчені спеціалізовані екскурсійні журнали «Русский экскурсант», «Школьные экскурсии и школьный музей». Тематика подорожей як форми вивчення пам'яток також порушувалася в журналах «Исторический вестник», «Естествознание и география».

Численні публікації, пов'язані з популяризацією культурної спадщини Криму, виявлені на сторінках місцевих кримських видань: «Крым», «Крымский курьер», «Крымский вестник», «Керч-Феодосийский курьер», «Русская Ривьера», «Салгир», «Таврические губернские ведомости», «Таврические епархиальные ведомости», «Севастопольский листок», «Ялтинская жизнь». Серед загальноросійських газет зазначимо «Московские ведомости» й «Русские ведомости». Замітки на шпальтах даних видань сприяли поширенню інформації про кримські пам'ятки. Вони сприяють відновленню колориту епохи, окремих подій.

Важливу групу джерел становлять документи особового походження, репрезентовані спогадами туристів й екскурсантів, листами, нотатками, щоденниками. Мандрівники публікували свої враження окремими виданнями – у вигляді кореспонденцій у газетах, статей у періодичних виданнях різноманітного спрямування. Авторами таких творів були, як правило, вчителі, студенти й гімназисти. У невеликих нарисах і нотатках, у ґрунтовних спогадах представлені описи пам'яток історії та культури Криму, ступеня їх збереження. Численними за вмістом інформації є спогади про екскурсії у вигляді спеціальних видань, які, здебільшого, мали професійну спрямованість. Частіше за все їх укладачі вирушали безпосередньо на півострів із навчальною чи пізнавальною метою. Географія проведених екскурсій була обширною. Одна поїздка, як правило, поєднувала відвідування кількох пам'ятних місць у різних районах Криму. Спеціальні тематичні екскурсії присвячувалися окремим містам. Значний комплекс докладних описів відвіданих пам'яток розміщені в спогадах їх учасників.

Особливістю даної групи видань є суб'єктивний характер описів і відсутність пропорційності під час викладу матеріалу. Мандрівники й туристи ділилися найбільш яскравими враженнями від побаченого (архітектурні й археологічні пам'ятки). Значення цих джерел полягає в тому, що вони сприяли посиленню інтересу в суспільстві до охорони культурної спадщини Криму.

Туристи робили в своїх нотатках докладний опис відвіданих пам'яток. Так, в описі екскурсії в Бахчисарай наводилася інформація про культурну спадщину періоду Кримського ханства й «печерні міста», до Севастополя – про пам'ятки, пов'язані з Кримською (Східною) війною, до Південного берега Криму – про палацово-паркові ансамблі. Ці видання надають можливість більш детально ознайомитися зі станом пам'яткоохоронної роботи в Криму. У них відображено відомості про збереження пам'яток на певному проміжку часу (передусім про їх первісний вигляд), проведені охоронні заходи, спрямовані на їх збереження (описи реставраційних робіт). Ці джерела дозволяють представити рельєфну картину вивчення та популяризації об'єктів культурної спадщини Криму людьми різних уподобань, вікових категорій та соціального стану.

Окремі аспекти діяльності Є. Л. Маркова з популяризації культурної спадщини знайшли відображення в спогадах дорадянських авторів – В. С. Русакова [33] і С. А. Венгерова [34; 35]. Про службу Є. Л. Маркова в Сімферопольській чоловічій казенній гімназії згадується в публікації А. І. Маркевича [36]. У працях зазначених авторів міститься маловідома інформація про науково-популярну та громадську роботу краєзнавця.

Важливі за значенням матеріали містить листування згаданих краєзнавців з іншими дослідниками історії й старожитностей Криму, що відклася в архівних фондах. Вивчення епістолярію надає можливості визначити наукові пріоритети в дослідженні об'єктів культурної спадщини краю. Значний корпус документів зберігається в архіві Інституту російської літератури (Пушкінський дім) Російської академії наук в особовому фонді бібліографа Миколи Миколайовича Вакуловського (ф. 372) і Альберта Вікентьєвича Старчевського (ф. 583). Їхнє листування з В. Х. Кондаракі присвячене питанням збереження історичних пам'яток [37; 38]. В архіві редакції

журналу «Русская старина» (ф. 265) виявлений єдиний зі складених у дорадянський час рукопис біографії В. Х. Кондаракі, написаної відомим дослідником Бессарабського краю Василем Григоровичем Курдиновським (1871–?) на основі формулярного списку [39].

За обсягом інформації з історії вивчення пам'яток Криму в XIX – на початку XX ст. виділяється зібрання рукописного відділу Наукового архіву Інституту історії матеріальної культури Російської академії наук. Залучені матеріали фонду «Імператорська Археологічна комісія» (ф. 1). Інтерес представляють документи службового листування з пам'яткоохоронних питань В. Х. Кондаракі з Олександром Олексійовичем Васильчиковим [40–43], головою комісії Сергієм Григоровичем Строгановим [44], секретарем Одеського товариства історії та старожитностей Владиславом Норбертовичем Юргевичем [45]. Опрацювання цих документів дозволяє визначити внесок відомого кримознавця в справу популяризації об'єктів культурної спадщини півострова.

З документів відділу рукописів Російської державної бібліотеки (м. Москва) виділено матеріали особового фонду Олексія Єгоровича Вікторова (ф. 51). Найбільший інтерес становить його листування з В. Х. Кондаракі, що стосується вивчення й охорони середньовічних пам'яток Криму [46]. Одночасно використано листування В. Х. Кондаракі, виявлене в особових фондах Афанасія Федоровича Бичкова (відділ рукописів РНБ, ф. 120) [47], М. М. Вакуловського (відділ рукописів РНБ, ф. 125) [48]. У Російському державному історичному архіві у фонді Дмитра Михайловича Струкова (ф. 695) зберігається листування з ним В. Х. Кондаракі, що дає уявлення про стан вивчення й охорони християнських старожитностей Криму [49].

В архівному фонді «Шостий Археологічний з'їзд в Одесі» (ф. 275) у фондах Державного архіву Одеської області привертає увагу листування В. Х. Кондаракі з Никодимом Павловичем Кондаковим, яке відображає окремі етапи вивчення пам'яток Кримського півострова [50; 51]. Нові матеріали містяться у фондах Російського географічного товариства в Санкт-Петербурзі, де особливий інтерес становить листування В. Х. Кондаракі з секретарем Товариства Володимиром Ізмаїловичем Срезневським із питань організації охорони старожитностей [52].

З приватного листування М. О. Головінського з професорами Новоросійського університету (ф. 39, відділ рукописів і стародруків Одеської державної наукової бібліотеки ім. М. Горького) виявлені нові відомості про визначні пам'ятки Криму, що містяться частково в його путівнику [53]. Ця інформація сьогодні є важливим джерелом реставрації зовнішнього вигляду даних об'єктів.

Традиційним біографічним джерелом є некрологи. Інтерес представляють некрологи Є. Л. Маркову [54] та В. Х. Кондаракі [55], що були надруковані в різних газетах і журналах і містили спогади, детальний виклад біографій небіжчиків, біобібліографічну інформацію тощо. Некрологи містять також важливі відомості про творчий шлях згаданих кримознавців-популяризаторів культурної спадщини регіону. Разом із тим вони не позбавлені характерної для їх жанру ідеалізації.

Використання всього спектра репрезентативної джерельної бази – опублікованих матеріалів, архівних документів – дозволяє відтворити поетапний процес діяльності з популяризації, вивчення й охорони пам'яток історії та культури Криму про-

тягом XIX – початку XX ст., достовірно дослідити основні тенденції, форми й методи цієї роботи. У цілому, джерельна база є достатньою для отримання необхідної сукупності історичних фактів як емпіричної основи вивчення основних напрямів системи охорони культурної спадщини регіону.

Список використаної літератури

1. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма / В. Х. Кондараки // Новороссийские ведомости. – 1870. – 27, 28, 31 марта ; 4, 12 июня.
2. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма / В. Х. Кондараки. – СПб., 1875. – Ч. 1–17, т. 1–4.
3. Кондараки В. Х. В память столетия Крыма : история и археология Тавриды с политипажами / В. Х. Кондараки. – М., 1883. – 343, 67, 159 с.
4. Марков Е. Л. Очерки Крыма : картины крымской жизни, природы и истории / Е. Л. Марков. – СПб., 1872. – 505 с.
5. Марков Е. Л. Очерки Крыма : картины крымской жизни, природы и истории / Е. Л. Марков. – 2 изд. – СПб. ; М., 1884. – VII, 593, III с.
6. Марков Е. Л. Очерки Крыма : картины крымской жизни, природы и истории / Е. Л. Марков. – 3 изд. – СПб., 1902. – 534 с.
7. Марков Е. Л. Очерки Крыма : картины крымской жизни, природы и истории / Е. Л. Марков. – 4 изд. – СПб. ; М., 1911. – XI, 520, IV с.
8. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, ф. 30, оп. 1, д. 347, л. 1–6.
9. КРУ «Центральный музей Тавриды», ф. 4, кп. 22967, спр. 8682, 132 арк.
10. Архив Российского географического общества (АРГО), р. 39, оп. 1, д. 6, 17 л.
11. Устав Крымского горного клуба // Записки Крымского горного клуба. – 1891. – № 1. – С. III–X.
12. Устав Крымского горного клуба // Записки Крымского горного клуба. – 1901. – № 5/6. – С. 3–13.
13. Устав Крымско-Кавказского Горного Клуба. – Одесса, 1907. – 7 с.
14. Устав Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь, 1910. – 8 с.
15. Устав Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь, 1913. – 8 с.
16. Проект изменений устава Крымского горного клуба. – Одесса, 1894. – 9 с.
17. Смирнов В. И. Отчет о деятельности Крымско-Кавказского горного клуба за 25 лет своего существования (1890–1914 гг.) / В. И. Смирнов // Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба, 1890–1914 / под ред. М. А. Познанского. – Одесса, 1915. – С. 15–19.
18. Отчет о деятельности Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы за 1910 г. // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – 1912. – Т. 1. – С. 9–29.
19. Вебер Ф. Д. Доклад об экскурсии, устроенной Ялтинским отделением Крымского горного клуба 17 июня 1894 года на Чатырдаг и в Косью-Дамиановскую киновию / Ф. Д. Вебер // Записки Крымского горного клуба. – 1895. – № 4. – С. 12–22.
20. Веревский И. К. Доклад об экскурсии устроенной Крымским горным клубом для учеников Ананьевской гимназии под руководством преподавателя ее, членов и И. К. Веревского в июне 1900 г. / И. К. Веревский // Записки Крымского горного клуба. – 1900. – № 10. – С. 8–35.
21. Державний архів в Автономній Республіці Крим (ДААРК), ф. 104, оп. 1, спр. 375, 25 арк.
22. ДААРК, ф. 104, оп. 1, спр. 506, 26 арк.
23. ДААРК, ф. 104, оп. 1, спр. 577, 30 арк.
24. ДААРК, ф. 104, оп. 1, спр. 813, 35 арк.
25. ДААРК, ф. 212, оп. 1, спр. 285, 61 арк.
26. ДААРК, ф. 212, оп. 1, спр. 297, 51 арк.
27. ДААРК, ф. 661, оп. 1, спр. 11, 36 арк.
28. Ученическая экскурсия, устроенная Крымским горным клубом // Крымский вестник. – 1892. – 17 июня.

29. Боданинский У. А. Бахчисарайские памятники // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – 1917. – Т. 5. – С. 125–129.
30. Волошинов И. М., Клепинин Н. Н. Пещерное поселение Бакла в Крыму / И. М. Волошинов, Н. Н. Клепинин // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – 1913. – Т. 2. – С. 151–160.
31. Боровко Н. А. Тепе-Кермен : пещерный город в Крыму / Н. А. Боровко // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – 1913. – Т. 3. – С. 107–183.
32. Клепинин Н. Н. Об охране памятников в Крыму / Н. Н. Клепинин // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – 1913. – Т. 2. – С. 170–172.
33. Русаков В. Е. Л. Марков : к 40-летию его литературной деятельности : опыт характеристики // Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольфа. – СПб. ; М., 1898. – Т. 2. – № 2. – С. 35–39. – Изд. под псевд. : Либрович С. Ф.
34. Венгеров С. [А.] Е. Л. Марков / С. А. Венгеров // Новый энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – СПб., 1915. – Т. 25. – С. 755–757.
35. Венгеров С. [А.] Марков Евгений Львович / С. А. Венгеров // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – СПб., 1896. – Т. 17 А. – С. 659–660.
36. Маркевич А. И. [Е. Л. Марков как деятель народного образования в Крыму] / А. И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1903. – № 35. – С. 44–46.
37. Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (ИРЛИ), ф. 372, оп. 1, д. 135, л. 1–8.
- 38., отдел рукописей, ф. 583, оп. 1, д. 786, л. 1.
39. ИРЛИ, ф. 285, оп. 2, д. 1264, л. 3–18.
40. Институт истории материальной культуры РАН, рукописный архив (ИИМК РАН РА), ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 16.
41. ИИМК РАН РА, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 18–18 об.
42. ИИМК РАН РА, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 16–16 об.
43. ИИМК РАН РА, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 18–18 об.
44. ИИМК РАН РА, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 13.
45. ИИМК РАН РА, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 17–17 об.
46. Российская государственная библиотека, отдел рукописей, ф. 51, к. 18, д. 72, л. 1–2.
47. Российская национальная библиотека, отдел рукописей (РНБ ОР), ф. 120, оп. 1, д. 800, л. 1.
48. РНБ ОР, ф. 125, оп. 1, д. 10, л. 1.
49. Российский государственный исторический архив, ф. 695, оп. 1, д. 173, л. 1–4.
50. Державний архів Одеської області (ДАОО), ф. 275, оп. 1, спр. 36, арк. 11.
51. ДАОО, ф. 275, оп. 1, спр. 36, арк. 2–3.
52. АРГО, р. 39, оп. 1, д. 10, л. 19–20.
53. Одеська національна наукова бібліотека, відділ рукописів та стародруків, ф. 39, к. 1, спр. 527, 53 арк.
54. [Балабуха Н. Н.] Е. Л. Марков : некролог / Н. Н. Балабуха // Крым. – 1903. – 23 марта. – Изд. под псевд. : Н. Б-ха.
55. [Сообщение о смерти В. Х. Кондараки] // Одесский листок. – 1886. – 16 нояб.

Молочко Е. В. Источники по истории популяризации культурного наследия Крыма (XIX – начало XX в.) / Е. В. Молочко // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 166–174.

Важное исследовательское и практическое значение в контексте возрождения национальной культуры Украины имеет изучение особенностей разнообразного опыта популяризации памятников истории и культуры Крыма в досоветский период. Благодаря привлечению разнообразной источниковой базы возможно дать объективную оценку творческого наследия краеведов-популяризаторов. На основе комплексного изучения и анализа широкого спектра архивных и опубликованных источников воспроизводится целостная картина развития памятниковедческой деятельности в Крыму на протяжении XIX – начала XX в.

Ключевые слова: памятниковедение, культурное наследие, Крым, популяризация,

Molochko Ye.V. Sources of on the history popularization cultural heritage of Crimea (XIX - early XX century) / Ye.V. Molochko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 166–174.

Comprehensive study of a representative body of published (periodicals, scientific and popular publications, guidebooks) and archival sources (central, departmental and local funds archives of Ukraine and the Russian Federation) can objectively reconstruct a comprehensive picture of the development and popularization of the genesis of certain monuments in the Crimea ethnographers, NGOs and educational institutions, to evaluate various forms of their activities. Strengthening of interest in the study and protection of historical and cultural monuments of the Crimea in the analyzed period, conditional on the need to eliminate information vacuum on the peninsula that has existed since the time of the Crimean Khanate. In periodicals published material that was covered up excursion practice and formed an idea about the importance of excursions in the study and preservation of cultural heritage. Specialized tours and tourist magazines ever published reports about trips, lists of recommended regional literature, detailed information about attractions. One of the goals of this work was the publication of reports on the activities of scientific societies with descriptions of historical monuments and archeology. Analysis of large volume, content-popularizes heritage ethnographers to determine its relevance to the modern stage highlight the practical importance of these studies for further development monument research across all of Ukraine.

Key words: investigation of monuments, cultural heritage, the Crimea, popularization..

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

УДК: 947.7 (Р 477.22) (= 943.22)

РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В ЛИЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПЕРИОДИКИ ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

Сейтмететова С. А.

*КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник»,
Мемориальный музей Исмаила Гаспринского, г. Бахчисарай, Украина
E-mail: Selvina11@rambler.ru*

Предпринята попытка систематизировать личную коллекцию периодики Исмаила Гаспринского. Рассмотрена центральная, провинциальная российская периодическая печать, а так же местная – крымская. В ходе исследования были выявлены основные типы российской периодической печати конца XIX века, на информацию и сообщения которых опирался И. Гаспринский при написании своих заметок к газете «Терджиман». А так же рассмотрена периодика, хранящаяся в фонде Мемориального музея Исмаила Гаспринского.

Ключевые слова: «Терджиман», И. Гаспринский, крымские татары.

С каждым годом имя Исмаила Гаспринского, преданного забвению в прошлом столетии, звучит все чаще и на сегодняшний день великий просветитель известен не только в узком кругу специалистов. Благодаря исследованиям направленным на изучение его жизни и деятельности, мы подробно знаем о его педагогической и издательской деятельности, о роли его художественных произведений в крымскотатарской литературе, разносторонне изучена его просветительская деятельность в культурно-реформаторском и общественно-политическом движении мусульман России. С каждым днем растет число молодых исследователей-гаспринистов, вносящих свой вклад в изучение жизни такой многосторонней личности как Исмаил бей Гаспринский.

Исследование затрагивает редакторскую работу просветителя и, конечно же, личную коллекцию периодической печати И. Гаспринского, благодаря которой редактор газеты «Переводчик-Терджиман» публиковал в своем издании хронику текущей жизни и зарубежные новости. Исследователи не раз подчеркивали, что газета «Переводчик-Терджиман» является не просто первой крымскотатарской газетой, она представляет собой некую летопись, энциклопедию по изучению мусульманской жизни России. Заметки, основанные из перепечаток европейской и тюркоязычной прессы, занимают значительную часть разделов газеты «Переводчик-Терджиман», касающихся иностранных известий. Материал для внутренних известий, писался с помощью ведущей печати Российской империи, получившей мощный толчок развития после реформ 60–70-х гг. XIX века, а так же смягчения цензурных правил в отношении повременной печати приведшей к увеличению количества изданий и их тиражей. К концу XIX века система русской печати складывалась из трех основных направлений: консервативно-монархического («Русский вестник», «Московские ведомости», «Гражданин» и др.), либерально-буржуазного

(«Вестник Европы», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости» и др.) и демократического («Искра», «Отечественные записки», «Дело») [1]. С ростом потребности населения в широкой и разносторонней информации газетное дело становится выгодным коммерческим предприятием. Газеты пестрят частными объявлениями, биржевыми таблицами, коммерческой рекламой. В конце XIX века в России были уже и массовые, и общественно-политические, и специализированные издания. Большинство ежедневных газет свою главную задачу видели в максимально возможном достоверном информировании читателей о событиях внутренней и международной жизни. Заметное развитие получила и региональная печать. В первой половине XIX века складываются отдельные центры провинциальной печати: Казань, Астрахань, Тбилиси, Баку. Здесь выходили газеты и журналы различных типов: официальные и частные, органы различных партий и общественных групп. Возникновение и развитие провинциальных газет часто было результатом проявления серьезных усилий, следствием упорной борьбы и труда местной интеллигенции. Создание национальных периодических изданий часто являлось важным культурно-историческим делом для целого народа. Просветительские тенденции местной печати были чрезвычайно сильны, несмотря на строгий надзор цензуры и администрации [2, с. 38]. И. Гаспринский не раз указывал важность печатного дела для российских мусульман и всячески поддерживал местную печать и ее издателей.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период с 1883 по 1905 года – времени издания первого крымскотатарского двуязычного периодического издания – газеты «Переводчик-Терджиман», до превращения издания в ежедневную, издающуюся только на крымскотатарском языке. Некоторые аспекты данной темы были изучены В. Ю. Ганкевичем и И. А. Богдановичем. Источниковой базой исследования стал комплекс информационных заметок и перепечаток, помещенных в рубрике «Внутренние известия», «Разные вести», первоисточником которых служила периодическая печать Российской империи. Однако в виду неполноты комплекта газеты «Переводчик-Терджиман», хранящегося в фонде Мемориального музея И. Гаспринского и обширности по одиночным упоминаниям той или иной газеты, были поставлены следующие задачи: отобрать наиболее часто упоминаемые И. Гаспринском периодические издания – ведущую правительственную периодику столицы, перепечатываемую в «Терджимане», а так же ведущую провинциальную печать Казани, Уфы, Оренбурга, Ташкента, материалы которой, чаще других изданий перепечатывались И. Гаспринским. В итоге, в качестве основных объектов были выбраны следующие периодические издания: столичные – «Биржевые ведомости», «Правительственный вестник», «Московские ведомости», «Новое время», «Новости», «Московский листок», «Свет», «Русские ведомости», «Русский вестник»; провинциальные – «Волжский вестник», «Восточное обозрение», «Кавказ», «Казанский листок», «Каспий»; местные – «Крым», «Севастопольский листок», «Ялта».

Коллекцию российской периодики в личной библиотеке Исмаила Гаспринского условно можно разделить на две большие группы: центральную и провинциальную периодическая печать.

Проанализировав материал рубрик «Внутренние известия» и «Разные вести», можно выделить основные направления интересов ее редактора, тематически охватывающие правительственные известия, административные новости, финансовые известия, вопросы здравоохранения, флот, промышленность и сельское хозяйство, просвещение (образование и печать), религиозную тематику, благотворительность, межнациональные отношения, театр и светские мероприятия, а так же судопроизводство и преступность.

Заметки, включающие в себя правительственные известия, для освещения которых привлекался материал таких изданий, как «Правительственный вестник», «Сенатские ведомости», «Известия Министерства земледелия и государственных имуществ», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» содержал такую информацию как распоряжения правительства, официальные объявления, распоряжения и постановления местной администрации, городских и земских учреждений края и т.д. Большой массив информационных и обзорных заметок писался на основе материала центральной прессы: «Биржевые ведомости», «Вестник финансов», «Гражданин», «Исторический вестник», «Новое время», «Новости», «Новый обозреватель», «Новое обозрение», «Неделя», «Московский листок», «Петербургский листок», «Свет», «Политический корреспондент», «Русская жизнь», «Русские ведомости», «Русский инвалид», «Русский курьер», «Русская старина», «Русский вестник». На базе материала этих периодических изданий редакция публиковала хронику и информационные заметки, касающиеся вопросов торговли, проведения новых ветвей железных дорог, промышленности, новинок издательского дела, открытие новых школ и прочее.

Одной из часто упоминаемых в «Терджимане» изданий, является газета «Биржевые ведомости» (1880–1917), которая была основана на базе газет «Биржевой вестник» и «Русский мир». Издание в основном публиковало финансовые и экономические материалы. Из него И. Гаспринский перепечатывал торговые сведения, состояние армии, развитие фабрик, прохождение ярмарок, сведения из министерства финансов. К примеру, заметка, информирующая о сбыте фальшивого чая в № 26, от 6 сентября 1887 [3]; заметка «Торговые сведения» в № 14, от 25 апреля 1891, где указаны точные торговые сведения о продуктах первостепенной важности для различных городов России [4]; или же заметка об отводе земель под переселенческие участки в связи с постройкой сибирской железной дороги в № 24, от 23 июля 1893 [5].

«Московские ведомости», одна из самых распространенных газет в заметках «Терджимана». Основанная Московским университетом, она выходила в Москве в 1756–1917гг. и редактировалась профессорами университета. Тематикой газеты были указы, придворные известия, иностранные известия, внутренняя хроника и объявления [6, с. 24 – 25]. Так, в заметке в № 19, от 23 ноября 1885 рассматриваются «Предположения министра финансов о выпуске кредитных билетов новых образцов <...>» [7]; в № 16, от 23 апреля 1895 в разделе Разные вести, сообщается о том, что «Министерством внутренних дел закончен проект введения нового городского Положения на Кавказе» [8]; а в № 40, от 22 октября 1895 года сообщается о том, что «Русская пресса часто говорит о привилегированном положении Финляндии <...>» [9].

Судя по количеству ссылок и упоминаний в «Переводчике-Терджимане», можно предположить, что И. Гаспринский в 1887 году выписывал газету «Новости», хотя название этого периодического издания упоминается так же и 1884, 1889 гг. «Новости» была ежедневной газетой, выходившей в 1871–1880 гг. в Петербурге и выражала интересы крупных промышленников [6, с. 538–539]. На данную газету И. Гаспринский часто ссылался в заметках затрагивающих вопросы торговли, таможенных пошлин, сельского хозяйства и пр. К примеру, заметка в № 24 от 1 июля 1884 «С распространением русского владычества в Средней Азии<...>» [10].

Газета «Новое время» (1868–1917) не уступает «Новостям» по количеству ссылок у упоминаний. И. Гаспринский, возможно выписывал данное издание в 1885, 1886, 1887, 1889, 1890, 1891 гг. Политическая и литературная газета «Новое время» была одной из самых популярных газет России. Ее тираж достигал 60 тыс. экз. Информация «Нового времени» охватывала различные вопросы социальной жизни [6, с. 509–511]. Интересны заметки «Терджимана» о вакуфах, написанные на основе материала «Нового времени» [11].

«Правительственный вестник», упоминается в газете «Переводчик-Терджиман» с 1883 по 1905гг, практически в каждом номере. Газета еженедельно издавалась в Санкт-Петербурге с 1869 по 1917гг. В издании публиковались правительственные распоряжения, отчеты о заседаниях Государственного совета и совета министров, внутренние известия, административные известия, телеграммы из-за границы, сведения о деятельности земских, городских благотворительных учреждений и ученых обществ, списки избирателей, таблицы тиражей, биржевой указатель, метеосводки [6, с. 524].

Коллекцию российской центральной периодической печати завершает политическая, экономическая и литературная газета «Свет», ежедневно издаваемая в Петербурге в 1882–1917 гг. И. Гаспринский часто использовал материалы газеты «Свет» для написания заметок по торговле и административным новостям в 1884, 1887, 1888, 1889, 1890 гг. Но больше всего ссылок на данное периодическое издание в заметках имеющих отношение к строительству новых железных дорог [12].

Не реже упоминается провинциальная печать, материал которой использовался для написания заметок затрагивающих вопросы социальной, торговой, промышленной и сельскохозяйственной жизни губерний. Это такие издания как: «Астраханский листок», «Бакинские известия», «Волжский вестник», «Восточное обозрение», «Донская речь», «Кавказ», «Казанский листок», «Каспий», «Кешкуль», «Мшак», «Новороссийский телеграф», «Одесские новости», «Окраина», «Оренбургский листок», «Одесский вестник», «Сибирская газета», «Степная газета», «Рижский вестник», «Туземная газета», «Туркестанские ведомости», «Уфимские губернские ведомости» и прочие.

Одной из часто упоминаемых провинциальных газет является «Волжский вестник» – общественная, политическая и литературная газета, издаваемая в Казани 3 раза в неделю, а с № 142 за 1884г. ежедневно. «Волжский вестник» был одной из наиболее популярных газет либерально-народнического направления. Ее постоянные отделы: «Внутренние известия», «Корреспонденции «Волжского вестника», «Иностранные известия», «Торговый отдел», затрагивали острые общественно-политические, экономические вопросы. В центре внимания газеты было крестьянство и в связи с этим деятельность земств. Систематически публиковались материалы

о тяжелом экономическом положении крестьян, бездеятельности земств [6, с. 655]. Эти темы были очень интересны редактору «Терджимана», однако из данной газеты И. Гаспринский выделил материал, касающийся межконфессиональных отношений и татарской интеллигенции [13].

Нет сомнений, что И. Гаспринский долгое время выписывал газету «Кавказ» – политическую и литературную газету, издаваемую с 1846 по 1918гг. Тематика газеты включала в себя официальные документы, материалы по истории, культуре, археологии, экономике края, библиографические обзоры, заметки о пограничных странах [6, с. 314–315]. Особый интерес представляют заметки по просвещению мусульман, основанные на материале данной газеты [14]. За 1895 год И. Гаспринский перепечатал информацию из газеты «Кавказ» 11 раз. Материал этих перепечаток вмещал тематику освещающую качество уровня грамотности мусульман, сельского хозяйства, светских новостей и слухов, исторические заметки, заметки просветительского и религиозного характера, медицины, женского образования.

Газета «Каспий», в коллекции провинциальной российской периодической печати И. Гаспринского занимает одно из центральных мест. Газета издавалась с 1881 по 1919гг в Баку. Выходила 2 раза в неделю, а с 1884г. – ежедневно. Первая и четвертая страницы газеты заполнялись объявлениями, а вторая и третья страницы заполняли отделы: «Местная летопись», «Общая летопись» перепечатываемая из разных газет, «Иностранные известия», «Керосинные рынки», «Нефтяное дело». В некоторых номерах на первой полосе публиковались телеграммы «Каспия». Фельетон «Каспия» содержал беллетристику (часто переводные рассказы), публицистические выступления на местные темы [6, с. 625 – 626]. В 1900-х гг. газета много внимания уделяла вопросу о взаимоотношениях различных народов Закавказья, отстаивала идею единства интересов нации. Предполагается, что именно на «Каспий» у И. Гаспринского была постоянная подписка, так как ссылки на данное периодическое издание можно проследить, начиная с 1884г. Материал, черпаемый из данной газеты очень пестрый. Он может касаться как здравоохранения [15], международных отношений [16], так и преступности [17]. И. Гаспринский нередко перепечатывал статьи «Каспия», затрагивающие торговлю, повышение цен, судебные дела, светские и административные новости, и, конечно же, просвещение.

На страницах «Переводчика» часто упоминается газета «Казанский листок». Предположительно за этим названием стоял «Казанский биржевой листок», газета, издаваемая в Казани в 1869–1892гг, так как она несколько раз меняла подзаголовки. Тематика газеты затрагивала интересы промышленных и торговых кругов, правительственные распоряжения, тиражи выигрышей, сведения с казанской и столичных бирж, отчеты банков. Так же в газете публиковались торговая корреспонденция, сообщения из русских городов, иностранные известия. А так же судебный указатель, библиография вновь выходящей литературы, статистические материалы (в основном перепечатка), постановления губернского земского собрания, фельетоны, статьи из истории губернии. Иногородняя и иностранная хроника перепечатывалась из столичных газет [6, с. 519 – 520]. Очень интересны заметки И. Гаспринского перепечатанные из «Казанского биржевого листка», охватывающие религиозные вопросы мусульман [18].

Перечень упоминаний газеты «Казанский биржевой листок» в газете «Переводчик -Терджиман» за 1884 – 1887 гг.

№	Число, месяц, год	Название заметки /статьи	Тематика заметки /статьи
2	17 января, 1884	«Разные известия. Каз. листок говоря о чайной торговле в Казани <...>»	Торговля
3	23 сентября, 1885	«К учебному вопросу»	Просвещение
11	25 октября, 1885	«По поводу беспорядков в дер. Сулеевой»	Конфессиональные вопросы
11	25 октября, 1885	«Школьное дело в Казанской губернии в 1884 году»	Просвещение, образование
20	26 ноября, 1885	«Некто г. Бабаев изобрел особый огнеупорный состав<...>»	Научные открытия
3	18 января, 1887	«Казанский Бирж. Листок, приводит интересные сведения о развитии сифилиса в Казани <...>»	Здравоохранение
25	30 августа, 1887	«Казанский листок сообщает, что управление госуд. имуществ <...>»	Торговля
13	12 апреля, 1887	«В № 59 Казанского Биржевого Листка помещена статья...»	Конфессиональные вопросы

Немало ссылок на ежедневную социально-политическую и литературную газету «Оренбургский листок» («Наш край») (1876 – 1906), издаваемую в Оренбурге [6, с. 571–572]. Так, заметка, о должностных нарушениях размещенная в № 19 «Терджимана», от 23 ноября 1885 года [19] или же статья об общественных отношениях в № 47 от 26 декабря 1890 года под названием «Чем и как мы способствуем укреплению мусульманства в киргизах» [20].

Новости полуострова освещались в заметках «Терджимана» написанных на материале крымских газет. Местная печать была представлена в «Терджимане-Переводчике» такими изданиями как «Крым», «Севастопольский листок», «Таврические губернские ведомости», «Ялта».

Из местной печати, одной из часто встречающихся в заметках И. Гаспринского была политическая, общественная, литературная и научная газета «Севастопольский листок», издаваемая в Симферополе в 1882 – 1906гг. Это издание несколько раз меняло заглавие: 1 октября 1882 – 16 февраля 1886 «Севастопольский справочный листок»; 19 февраля 1886–4 марта 1888 «Севастопольский листок». А с 1 октября 1882 по 4 марта 1888 издается в Севастополе [21]. Газета «Крым», упоминаемая в «Переводчике» с 1888 года была непосредственным продолжением «Севастопольского Листка». Она издавалась в Симферополе, с 1888 г., три раза в неделю и служила преимущественно интересам Таврической и соседних с ней губерний [22].

Рис. 1. Последняя страница журнала «Mugalim», № 5 от 5 января 1914 г.

литературного характера и освещал новости в сфере образования. Всего за время существования издания вышло 240 номеров [23, с. 669]. В фондах Мемориального музея хранится 22 номера.

Большинство сотрудников журнала составляли муллы и муддарисы получившие образование в Бухаре, Турции, Египте. Редактором журнала был Риззатдин Фахретдин (1859–1936) – просветитель, историк, религиозный деятель, богослов, с которым И. Гаспринский был лично знаком. Р. Фахретдин был автором трудов об общественной жизни мусульман их положении в России, по истории и мусульманской философии, толкования положений Шариата и хадисов, популярных брошюр по основам этики, морали и педагогики [23, с. 610]. На страницах «Переводчика» имя Р. Фахретдина и названия его трудов звучало не раз.

Хабутдинов А.Ю. пишет, что нет такой сферы гуманитарных и богословских знаний, которую бы не объял этот журнал [24, с. 65].

В фондах Мемориального музея Исмаила Гаспринского сохранилась лишь часть татарских периодических изданий, входивших в состав личной коллекции периодики И. Гаспринского. Это такие издания как: «Malumat», «Shura», «Dunya ve maiset» («Мир и жизнь»), «Din ve maiset» («Религия и жизнь»), «Din va Adab» («Религия и нравственность»), «Mugalim» («Учитель») (Рис. 1), «Hukuk ve Hayat» («Право и жизнь»), «Feyuzat» («Благо»), «Iktisad» («Экономика»), «Ау қар», «Mekterp» («Школа»), «Ak yul» («Светлый путь»), «Ang» («Сознание»), «Rehber» («Руководитель»).

Подробнее хотелось бы сказать о журнале «Shura» (Рис. 2). Общественно-просветительский и литературно-публицистический журнал, издавался с 10 января 1908 по январь 1918 гг. в Оренбурге на татарском языке. Выходил дважды месяц как приложение к газете «Vakt» и содержал материалы научно-популярного,

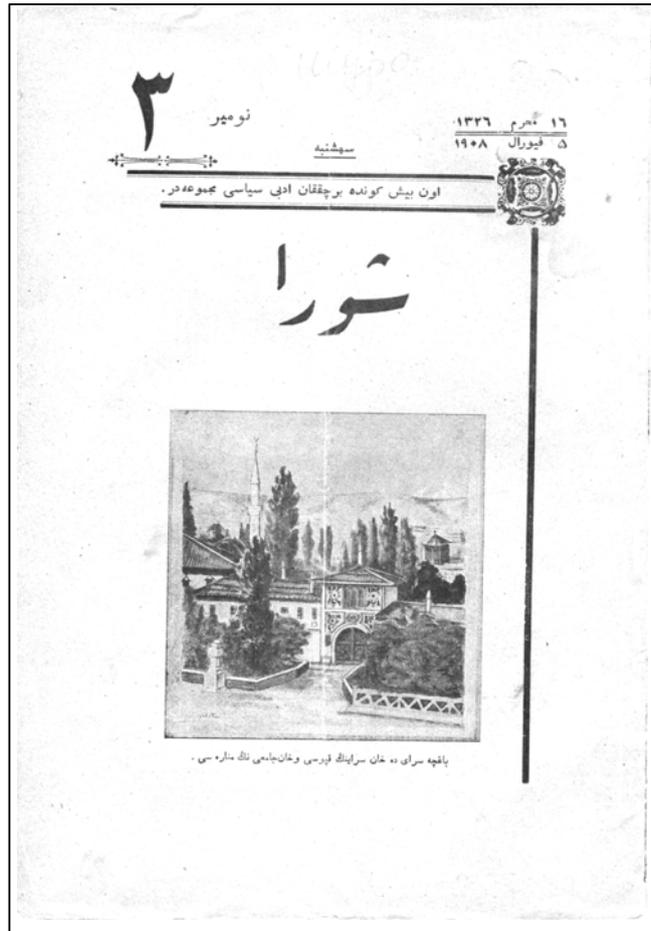

Рис. 2. Обложка журнала «Shura», № 3 от 5 февраля 1908 г.

Самым содержательным отделом журнала являлся отдел «Статьи», где помещались статьи по философии, этике, экономические вопросы, этнографии, истории [25, с. 16]. Как и в «Переводчике-Терджимане», вопросы воспитания и обучения, под которые был отведен отдельный раздел, были одними из главенствующих тем в «Shura». В отличие от издания И. Гаспринского, язык журнала очень сложный, изобилует персидскими, арабскими, турецкими словами и оборотами, из-за чего издание вероятнее всего было труднодоступным для широкого круга читателей.

Интересен ежемесячный юридический, религиозно-философский, литературный, общественно-научный журнал «Hukuk ve Nuyat». Издание освещало юридические права и обязанности мусульман, истолковывая шариат, но у него была широкая культурно-просветительская программа. Журнал выходил дважды в месяц. Издавался в Казани в

1913 – 1914 годах на русском и татарском языках и должен был служить осознанию экономических и правовых интересов представителей татарских деловых кругов. Редактор журнала – Шейх-Аттар Хасанович Иманаев (1875 – 1939), стремился оказать помощь своим единоверцам в ознакомлении с русским языком, действующим в судах и правительственных учреждениях, куда мусульмане вынуждены были обращаться по ряду жизненно важных вопросов. В издании рассматривались вопросы о делении права на гражданское и уголовное, о гражданских правах населения, о юридических лицах, о волостном и мировом судах, о наследственном праве, об амнистии, о законе и др. [26].

Будучи уникальным явлением мусульманской периодики, газета «Переводчик-Терджиман» не могла обделить вниманием набиравшую обороты в начале XX века коммерческую деятельность. Бурное развитие российского общества в предприни-

мательском направлении, все большая интенсификация деловых, коммерческо-торговых операций в среде российского мусульманства вызывали к жизни такие издания, которые бы способствовали осознанию правовых, экономических, коммерческих возможностей предприимчивых людей, объединяли представителей делового мира на почве корпоративных интересов. В таких целях в Самаре в 1908 году был создан журнал «Iktisad», который так же выпускался И. Гапринским. «Iktisad» – ежемесячный журнал по вопросам торговли, земледелия, экономики, политэкономии [27, с. 11]. Издавался 6 лет и во многом содействовал развитию торгово-промышленных операций среди мусульманского купечества и предпринимателей. Журнал давал компетентные рекомендации тем, кто занимался различной хозяйственной деятельностью. В фонде Мемориального музея хранится 14 экземпляров этого журнала.

Развитие периодической печати России того времени, рост ее в конце XIX–начала XX вв. оказал огромное влияние на общественную и культурную жизнь страны. Российская периодическая печать имеет важное значение в формировании и функционировании «Переводчика-Терджимана», так как статьи и заметки этих изданий составляли основной массив перепечатаваемого информационного материала газеты, став существенным источником рубрик освещающих внутренние известия. В первую очередь, конечно же, важен сам материал, перепечатаваемый из российских газет, так как, во-первых, он информировал читателей о жизни мусульман не только России, но и всего мира, знакомя мусульман Крыма с проблемами и успехами их собратьев, проживающих не только на территории их страны, но и в ближнем и дальнем зарубежье.

Во-вторых, внешний вид «Переводчика-Терджимана» хоть во многом и был приближен к турецкой периодике, однако, не возможно не заметить влияние на структуру газеты со стороны провинциальной печати Казани, Оренбурга, Баку.

Периодическая печать – это источник, из которого исследователи чаще всего извлекают наиболее яркие публикации для иллюстрации авторских предложений, оставляя за пределами исследования массу фактического материала. Порой незаметные и маленькие по объему заметки скрывают за собой очередную газету или журнал выпускаемый Исмаилом беом. Прибегнув к простому подсчету количества упоминаний того или иного периодического издания, можно легко определить выпускал ли И. Гаспринский то или иное издание и на каком промежутке времени длилась подписка. Благодаря анализу всего информационного материала газеты «Переводчик-Терджиман» за промежуток с 1883 по 1905гг., а так же наличию в Мемориальном музее сохранившихся экземпляров газет и журналов можно с уверенностью говорить, что российская периодическая печать в личной коллекции периодики Исмаила Гаспринского занимала главенствующее место, представляя собой 19 журналов и 40 газет.

Список использованной литературы

1. Есин Б. И. История русской журналистики XIX в. [Электронный ресурс] / Б. И. Есин. – М. : Высшая школа, 1989. – Режим доступа : <http://www.eartist.narod.ru/text4/08.htm>
2. Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России : задачи и теоритико-методологические принципы изучения / Б. И. Есин. – М., 1981. – 132 с.

3. Развитие фабрикации и сбыта фальшивого чая видимо <...> // Переводчик-Терджиман. – 1887. – 6 сент.
4. Торговые сведения // Переводчик-Терджиман. – 1891. – 25 апр.
5. Биржевые Ведомости сообщают, что вдоль линии строящейся сибирской железной дороги <...> // Переводчик-Терджиман. – 1893. – 23 июля.
6. Русская периодическая печать (1702 – 1894) : / справочник / [под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова]. – М., 1959. – 835 с.
7. Предположения министра финансов о выпуске кредитных билетов новых образцов <...> // Переводчик-Терджиман. – 1885. – 23 нояб.
8. Министерством внутренних дел закончен проект введения нового городского Положения на Кавказе // Переводчик-Терджиман. – 1895. – 23 апр.
9. Русская пресса часто говорит о привилегированном положении Финляндии <...> // Переводчик-Терджиман. – 1895. – 22 окт.
10. С распространением русского владычества в Средней Азии <...> // Переводчик-Терджиман. – 1884. – 1 июля.
11. В одном из последних номеров «Севастопольского листка», со слов «Нового времени» <...> // Переводчик-Терджиман. – 1886. – 7 марта; «Новое время» по поводу выезда из Петербурга в Крым <...> // Переводчик-Терджиман. – 1887. – 31 марта.
12. Организуется акционерное общество имеющее целью проведение <...> // Переводчик-Терджиман. – 1887. – 18 янв.; На Брянском и Коломенском заводах уже изготавливается по заказу <...> // Переводчик-Терджиман. – 1895. – 9 июля.
13. Из Уфы пишут, что при приеме новобранцев между татарами и русскими происходят беспорядки... // Переводчик-Терджиман. – 1884. – 17 янв.; «Волжский вестник» слышал, что среди некоторых интеллигентных татар возникла мысль <...> // Переводчик-Терджиман. – 1887. – 1 февр.
14. В 266 номере газеты Кавказ мы прочли интересную корреспонденцию из Гори о мусульманском отделении учительской семинарии <...> // Переводчик-Терджиман. – 1894. – 17 янв.
15. Газета «Каспий» говоря об эпидемии дифтерита в Баку <...> // Переводчик-Терджиман. – 1894. – 17 янв.
16. Прибывшие из Персии сообщают нам <...> // Переводчик-Терджиман. – 1884. – 8 фев.
17. Кое о чем // Переводчик-Терджиман. – 1884. – 21 мая.
18. В № 59 Казанского Биржевого Листка помещена статья <...> // Переводчик-Терджиман. – 1887. – 12 апр.
19. «Оренбургский Листок» сообщает, что в благородном семействе оренбургской городской управы <...> // Переводчик-Терджиман. – 1885. – 23 нояб.
20. Чем и как мы способствуем укреплению мусульманства в киргизах // Переводчик-Терджиман. – 1890. – 26 дек.
21. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс] – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/
22. Переводчик-Терджиман. – 1885. – 26 нояб. ; 1889. – 12 нояб. ; 1889. – 23 дек. ; 1890. – 30 янв. ; 1890. – 7 окт. ; 1895. – 10 дек.
23. Татарский энциклопедический словарь / [под ред. М. Х. Хасанова]. – Казань, 1999. – 703 с.
24. Хабутдинов А. Ю. Лидеры нации / А. Ю. Хабутдинов – Казань, 2003. – 160 с.
25. Марданов Р. Ф. «Шура» журналы (1908–1917): әдәбият мәсьәләләре / Р. Ф. Марданов. – Казань : Рухият, 2001. – 152 с.
26. Емельянова И. А., Ахунов А. М. Забытые страницы: Шейх-Аттар Иманаев (1875–1939) [Электронный ресурс] / И. А. Емельянова, А. М. Ахунов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2002. – 1/2. – Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2002_1_2/04/04_6/
27. Газеты и журналы на татарском языке (1905–1985) / [сост. Р. М. Нуруллина]. – Казань, 1989. – 87 с.

Сеїтметова С. А. Центральна і провінційна російська преса в особистій колекції періодики Ісмаїла Гаспринського / С. А. Сеїтметова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 175–185.

Зроблено спробу систематизувати особисту колекцію періодики Ісмаїла Гаспринського. Розглянута центральна, провінційна російська періодична преса, а також місцева - кримська. У ході дослідження були виявлені основні типи російської періодичної преси кінця XIX століття, на інформацію та повідомлення яких спирався І. Гаспринський при написанні своїх заміток до газети «Терджиман». А також розглянута періодика, що зберігається у фонді Меморіального музею Ісмаїла Гаспринського.

Ключові слова: «Терджиман», І. Гаспринський, кримські татари.

Seitmemetova S. A. Central and Provincial Russian Periodic Press in Ismail Gasprinsky's Personal Collection of Periodicals / S. A. Seitmemetova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 175–185.

This research is attempted to systematize Ismail Gasprinsky's personal collection of periodicals. The study involves educator's editorial work, I. Gasprinsky's personal collection of periodicals due to which the editor of the newspaper «Terdjiman» published the chronicle of everyday life and international news in his edition. Material for internal news for the newspaper was written with the assistance of the leading press of the Russian Empire, which received a boost after the reforms of the 60 – 70's of 19 century. The chronological framework of this research covers the period from 1883 to 1905. It was the time of publication of the first bilingual Crimean Tatar periodical – the newspaper «Terdjiman», before turning into a daily edition, published only in Crimean Tatar. Sourcebase of the research is a set of information notes and reprints, placed in the section «Vnutrenniye izvastiya» («Internal News»), «Razniye vesti» («Miscellaneous News»). However, due to incomplete set of newspaper «Terdjiman» stored in collection of the Memorial Museum of I. Gasprinsky, the main goal was to select periodicals which were the most frequently mentioned by I. Gasprinsky. Among such publications for the research was selected the following: the leading government periodicals of capital, reprinted in «Terdjiman», as well as the leading provincial press of Kazan, Ufa, Orenburg, Tashkent. The materials of these periodicals were reprinted by I. Gasprinsky more often than other publications. In the result, the following periodicals were chosen as the main objects: capital – «Birjeviye vedomosti», «Pravitelstveniy vestnik», «Moskovskiy vedomosti», «Novoye vremya», «Novosti», «Moskovskiy listok», «Svet», «Ruskiye vedomosti», «Ruskiy vestnik», provincial – «Voljskiy vestnik», «Vostochnoye obozreniye», «Kavkaz», «Kazanskiy listok», «Kaspiy»; local – «Krim», «Sevastopolskiy listok», «Yalta». The funds of Memorial Museum of Ismail Gasprinsky, where only part of Tatar periodicals included in the personal collection of periodicals of I. Gasprinsky was saved, were also researched. The development of Russian periodicals of that time and its growth in the late 19 – early 20 centuries had an enormous impact on the social and cultural life of the country. Russian periodic press is extremely important in the formation and functioning of the «Terdjiman». The material reprinted from Russian newspapers is important, because it informed the readers about the life of Muslims, not only in Russia but the whole world. It introduced Muslims of Crimea with their problems and successes of their counterparts living not only in their country, but in foreign countries as well.

Keywords: Terdjiman, I. Gasprinsky, Crimean Tatars.

Поступила в редакцію 01.11.2012 г.

УДК 325.54+314(477.75)»19»1944–1970

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВАЯ АДАПТАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ (1965–1976)

Сеитова Э. И.

Ключевой компонентой для показателя закрепления переселенцев в Крыму являлась эффективная реализация программы их социально-бытовой адаптации. В нее, прежде всего, входило строительство домов для вновь прибывших, расширение инфраструктуры, кредиты, а так же внимание к нуждам и проблемам новоселов. Однако, как и ранее, случались нарушения. Они касались преимущественно организации обеспечения переселенцев жильем. Но в целом процесс социально-бытовой адаптации вновь прибывшего населения в 1965–1976 годах вышел на более качественный уровень.

Ключевые слова: Крым, трудовые переселенцы, социально-бытовая адаптация, льготы.

В 1944 году, в связи со сложившимся плачевным демографическим положением Крыма, была начата масштабная переселенческая программа. В течение 1965–1976 годов в ее организации, прежде всего, большое внимание уделялось составлению народнохозяйственного плана по приему семей новоселов и строительству для них домов. Заранее, примерно за месяц до начала вселения, во все районы выезжали работники Областного отдела по использованию трудовых ресурсов и переселения Исполнительного комитета Крымского областного совета депутатов трудящихся, которые вместе с районными уполномоченными, через райисполкомы, организовывали сплошную проверку готовности хозяйств. При этом обращалось особое внимание на готовность домов к вселению, на своевременный завоз топлива, определялись меры по оказанию прибывшим людям материальной помощи. Для участия в отборе людей хозяйства, имевшие план вселения от 10 и более семей, как правило, делегировали в области выхода ответственных представителей [1].

Большое значение придавалось встрече и размещению прибывших новоселов. За неделю до прибытия эшелонов во все районы вселения выезжали работники Отдела. На станцию разгрузки своевременно подавалось необходимое количество транспорта. Для встречи переселенцев, как правило, прибывали руководители хозяйств, представители районных организаций и работники Областного отдела. Автоколонны с людьми и их имуществом в организованном порядке направлялись в хозяйства вселения. Там людей уже ожидали специально определенные для встречи дежурные, которые помогали разгружать имущество. После размещения, во всех хозяйствах проводились встречи со старожилками [2].

В населенных пунктах, где размещались семьи вновь прибывших, проводилась большая работа по строительству учреждений культурно-бытового обслуживания населения, а так же по организации электрификации и водоснабжения домов [3].

В соответствии с действующими льготами, новоселы начинали погашать задолженность по кредитам Госбанка на строительство принятых ими по актам домов с 3 года после вселения. За пользование кредитом они оплачивали 2% годовых от суммы задолженности сразу же после приема дома. В случае отказа – они оплачивали колхозам или совхозам квартплату за пользование жилой площадью. В случае ухода из места вселения в течение двух лет, то есть до наступления сроков платежа по погашению кредита, переселенец должен был погасить задолженность по уплате процентов за пользование кредитом. А также квартплату за этот период, или в случае, если ему дом не был передан по акту – задолженность по квартире [4].

В целях обеспечения выполнения плана приема семей переселенцев и строительства для них домов, в 1966 г. Областной отдел в районы выхода от каждого хозяйства вселения направили производственно-экономические характеристики. Помимо этого, в каждом районе вселения было издано по 1000 экземпляров районных газет, с отведением 2 страниц для освещения жизни, быта и трудовой деятельности новоселов Крымской области. Указанные газеты высылались в соответствующие области вселения по 500-1000 экземпляров. Кроме того готовились агитационные материалы [5]. Во всех хозяйствах были созданы Фонды помощи семьям новоселов [6].

Особенностью организации контроля над строительством домов для переселенцев в 1967 г. являлось то, что Отдел стал принципиальнее и предметнее предъявлять требования к строителям, руководителям хозяйств за соблюдение ими установленных проектно-сметных норм и технико-экономических показателей. Дома имели хорошее состояние, что, безусловно, способствовало закреплению вновь прибывших семей [7].

В соответствии с Постановлением ЦК КП Украины и СМ УССР от 18 февраля 1967 г. №116 Государственный комитет по использованию трудовых ресурсов и его органы на местах осуществляли контроль над: хозяйственным устройством переселенцев в местах их вселения и предоставлением им установленных льгот; качеством приема новоселов в хозяйствах; вселением их в новые дома и передачей их по актам [8]. А также необходимо было следить за выполнением хозяйственными органами планов строительства домов с надворными постройками и материально-техническим обеспечением этого строительства, а также за использованием построенного жилья по целевому назначению; включением всех трудоспособных в производительный труд; наделением новоселов приусадебными участками в установленных размерах; оказанием необходимой помощи нуждающимся семьям, за счет получаемых колхозами льгот; устройством быта переселенцев в местах вселения; принятием хозяйственными органами и руководителями колхозов, совхозов, птицефабрик необходимых мер по закреплению прибывшего населения в сельскохозяйственном производстве и на постоянное жительство в местах вселения; рассмотрением жалоб, заявлений и писем новоселов [9].

ЦК КП Украины и Совет Министров УССР Постановлением от 18 февраля 1967 г. №116 «О мерах по обеспечению дальнейшего роста производительности труда в промышленности и строительстве» возложили на Государственный комитет и его органы по использованию трудовых ресурсов осуществление контроля над выполнением обязательств по хозяйственному устройству переселяемого населения. Проверкой

в отделах Крымского, Херсонского и Харьковского облисполкомов было установлено, что указанный контроль велся. Однако в этом процессе имелись значительные упущения. Данные отделы и их уполномоченные вместо осуществления контроля над выполнением государственных планов переселенческого строительства пытались вести технический надзор над строительством домов. А в ряде случаев выполняли административно-хозяйственные функции, подменяя этим строительные контрольные органы или непосредственно строительные организации [10].

В 1968 г. пришли к выводу, что при подготовке годовых планов строительства домов для переселенцев нужно было не допускать рассеивания объектов нового строительства. А необходимо было предусматривать сооружение не менее 10–15 домов в одном населенном пункте [11].

Для проверки выполнения плана строительства домов для переселенцев, а также правильности использования построенных и выданных на строительство кредитов Госбанка, горрайисполкомы были обязаны создать специальные инвентаризационные комиссии [12].

В Положении «О районной (городской) комиссии по использованию трудовых ресурсов» было определено, что Комиссия создавалась решением исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся как совещательный орган на общественных началах и в своей деятельности подчинялась исполнительному комитету. Функциями Комиссии были: изучение наличных трудовых ресурсов района (города) и состояние их использования; организация проведения проверок использования трудовых ресурсов в отдельных колхозах, совхозах, на предприятиях, в селах, поселках, городах; выявление недостатков в использовании трудовых ресурсов и планирование мер по улучшению их использования; изучение неорганизованного сезонного перемещения сельского населения и внесение предложений по упорядочению этого процесса; проверка организации проведения организованного набора рабочих и перемещения семей; выполнение государственных планов оргнабора и переселения; проведение массово-разъяснительной работы среди населения, работы общественных уполномоченных при исполкомах сельских, поселковых и городских (районного подчинения) советов депутатов трудящихся и внесение своих предложений по выявленным недостаткам [13].

В это время все прибывавшие семьи, как правило, размещались в заранее подготовленных домах, построенные по типовым проектам М-2-К или М-3-К со светом, радио, водопроводом и надворными постройками. Во всех хозяйствах вселения для каждой семьи выдавалось бесплатно 0,5 тонны угля, по 0,5 м³ дров. В совхозах продавалось по себестоимости необходимые продукты питания, а в первое время нуждающимся семьям продовольствие выдавалось в рассрочку. Новоселам также оказывалась помощь в приобретении крупного рогатого скота, поросят, птицы и саженцы фруктовых, декоративных деревьев [14].

Однако, как и прежде, случались недостатки. Например, размещение в жилых домах производилось без изготовления комплексной проектно-сметной документации, без привязки типовых проектов на участках застройки, не изготавливались варианты чертежей для оформления фасадов, не предусматривались основные элементы благоустройства. Строительство хозяйственных построек производилось умень-

шенных размеров, не выполнялись по ним отдельные виды работ, были случаи, где их совсем не строили. При неудовлетворительном качестве работ допускались значительные упущения в оформлении фасадов и внутренних помещений; не полностью выполнялись мероприятия по защите деревянных конструкций от разрушения, по утеплению чердаков; нарушались технические требования при кладке фундаментов, стен и т. п. [15].

В соответствии с постановлением Госстроя УССР от 18 февраля 1970 г. №14 «Об улучшении качества строительства жилых домов для переселенцев в УССР» на областные отделы по делам строительства и архитектуры были возложены функции контроля над размещением и качеством строительства жилых домов для новоселов. Сооружение домов должно было проводиться, как правило, по разработанным генпланам перспективных сел с детальной разбивкой на кварталы и выносом в натуру красных линий застройки работниками технических бюро при районном архитекторе. Но министерства и ведомства республики не выделяли необходимых средств и лимитов на проектные работы для своевременного изготовления планировочной и проектно-сметной документации. Это привело к тому, что в большинстве случаев застройка улиц и кварталов производилась без учета рельефа местности, а при наличии только двух типов применяемых жилых домов и одинаковой отделки фасадов, при значительной длине улиц, это приводило к «скучному и однообразному виду застройки». Местные органы архитектуры совместно с отделом по труду Обл-исполкома проводили определенную работу для улучшения планировочных решений застройки и фасадов жилых домов. Так, например, в селе Желябовка Нижнегорского района, несмотря на протяженность улицы (38 домов) в отделке фасадов каждого дома была применена различная фактура отделки, введен цвет [16].

К организации контроля над качеством строительства, правильностью застройки и благоустройства населенных пунктов шире стали привлекать специалистов-строителей сельхоз органов и районных архитекторов. Требовалось обеспечить передачу домов в установленном порядке в момент их заселения. А также необходимо было пресекать попытки хозяйств использовать жилье, построенное за счет кредитов Госбанка, не по назначению [17].

Областной отдел по использованию трудовых ресурсов и переселения Исполнительного комитета Крымского областного совета депутатов трудящихся пытался, прежде всего, сосредоточить свое внимание на своевременном и планомерном разрешении следующих вопросов: организация приема семей переселенцев; создание необходимых жилищных, культурно-бытовых и производственных условий для новоселов; осуществление эффективного наблюдения за уходом и качеством строительства жилых домов [18].

Совет Министров СССР в целях упорядочения льгот, предоставляемых вновь прибывшему населению Постановлением от 31 мая 1973 г. № 364 «О льготах по переселению» распорядился: установить, что семьям новоселов выплачивалось единовременное денежное пособие (100 руб. на главу семьи, 35 – на члена семьи) и оплачивалась стоимость проезда от места выхода до места вселения, а также стоимость провоза имущества весом до 2 тонн на семью и перевозимый скот в пределах норм, установленных для колхозного двора Уставом. Семьи, приехавшие в колхозы и сов-

хозы, освобождались сроком на 8 лет от уплаты сельхозналога или подоходного налога; колхозы, принимавшие людей, освобождались от уплаты подоходного налога по числу принятого населения. Колхозы, вновь образованные из новоселов – от уплаты этого налога освобождаются на указ срок полностью. Совхозам, принимавшим переселенцев, необходимо было предоставить им в год вселения отдельные жилые дома или квартиры, приусадебные участки в установленных размерах и в течение двух лет после вселения освободить новоселов от квартирной платы, предоставлять им бесплатно топливо и коммунальные услуги по действующим нормам [19].

Разрешалось Госбанку СССР предоставлять колхозам и совхозам отсрочку погашения задолженности кредитов, выданных им на строительство домов с надворными постройками и на покупку скота для новоселов на срок до 6 лет. [20]. Помимо этого можно было списывать по представлению райисполкомов и горисполкомов недоимки с переселенцев по сельскохозяйственному налогу. А с колхозов, из которых выезжали колхозники – по подоходному налогу. Рекомендовалось колхозам мест выхода производить полный расчет по оплате труда с переселенцами не позднее 10 дней до их выезда в места вселения. Рекомендовалось колхозам, принимать население, оказывать нуждавшимся дополнительную помощь в хозяйственном устройстве и в погашении кредитов, полученных на строительство жилых домов и покупку скота, за счет средств фонда колхоза. Льготы, предусмотренные постановлением, также предоставлялись семьям, переселившимся в добровольном порядке в соответствии с планами межреспубликанского механического движения населения и планами внутриреспубликанского переселения. А также в государственные комплексы по производству продуктов животноводства на промышленной основе, на птицефабрики и в опытно-производственные хозяйства. Данное Постановление распространялось и на тех, кто переселялся по приглашению колхозов и указанных сельхозпредприятий, для которых были установлены планы вселения [21].

Вопросы, связанные с приемом, хозяйственным, трудовым устройством семей новоселов и строительством для них домов находилось под постоянным контролем областного отдела и районных уполномоченных. В 1974 г. была организована проверка, которая охватила 185 хозяйств. Так, было установлено, что в хозяйствах вселения семьи переселенцев в момент прибытия размещались в заранее подготовленных жилых домах. Для каждой семьи в установленном размере были выделены приусадебные участки. Со стороны руководителей хозяйств оказывалась помощь в их вспашке, а нуждающимся семьям – содействие в приобретении посадочного материала. Трудоспособным членам семей предоставлялась работа с учетом производственной необходимости, специальности или опыта их работы. Дети дошкольного возраста были определены в школы, а дошкольного – в детские сады и ясли. Вместе с тем, в ходе ревизий в ряде хозяйств обнаружались существенные недостатки в решении вопросов трудового и хозяйственного устройства. Однако все замечания были учтены [22].

В конце 1975 г. с целью обеспечения целевого использования домов, построенных для новоселов за счет кредитов Госбанка, райисполкомам было приказано организовать и провести инвентаризацию строительства и использования жилья во всех колхозах и совхозах. Для проведения инвентаризации необходимо было образовать

специальные комиссии в составе: заместителя председателя райисполкома (председатель комиссии), уполномоченного отдела облисполкома по использованию трудовых ресурсов и председателей отделения Госбанка СССР, управления сельского хозяйства райисполкома и межколхозного капитального строительства. Комиссиям было поручено, в процессе проведения инвентаризации, принять меры, дабы дома использовались строго по целевому назначению, при этом в кратчайшие сроки оформлять передачу жилья в собственность переселенцам [23]. Итоги инвентаризации были рассмотрены всеми райисполкомами районов вселения с принятием соответствующих решений, направленных на устранение выявленных нарушений [24].

17 января 1975 г. Облисполком принял решение «О мерах по выполнению плана приема семей переселенцев и строительства для них домов в 1975 г.». Этим документом он обязал райисполкомы, Областное управление сельского хозяйства, тресты совхозов обеспечить строгое соблюдение колхозами и совхозами установленного порядка использования домов, построенных для переселенцев за счет кредитов Госбанка только по целевому назначению [25].

Облисполком обязал Областное управление сельского хозяйства, тресты совхозов, райисполкомы и Отдел облисполкома по использованию трудовых ресурсов обеспечить беспрепятственное предоставление льгот, а также своевременно решать вопросы по передаче в личную собственность жилых домов и обеспечивать их хозяйственное и трудовое устройство [26]. Тенденции, которые существовали на последнем этапе исследуемого нами периода в строительной сфере заметны из результатов проверки, которая была организована Государственным комитетом Совета Министров УССР по делам строительства весной 1977 г. Она показала, что архитектурно-планировочный и технический уровень переселенческого строительства в Крымской и Херсонской областях был низок, а качество работ в целом ряде случаев неудовлетворительное. Сооружение жилых домов, как правило, проводилось без изготовления проектно-сметной документации, без привязки к участкам строительства, не применялись различные варианты оформления фасадов. Строительство жилых домов часто проводилось с нарушением генпланов. Так, например, в с. Зеленогорское, Белогорского района Крымской области дома были построены на участках, где по генплану намечалась двухэтажная застройка, а в с. Пруды Советского района – на пахотных землях. Имелись случаи строительства жилых домов для новоселов в неперспективных селах Нижнегорского района. Прием построенных жилых домов проводился формально [27].

В связи с этим, Государственный комитет Совета Министров УССР по труду 26 августа 1977 г. приказал усилить контроль над качеством строительных работ, соблюдением типовых проектов, над полным и правильным использованием кредитов Госбанка СССР, а также распорядился не допускать случаи сдачи в эксплуатацию жилых домов без приема их Государственной комиссией. Этим же приказом предусматривалось строительство в местах вселения переселенцев детских садов, ясель, больниц, предприятий торговли и общественного питания, помимо этого – своевременное проведение работ по электрификации и водоснабжению за счет государственных капиталовложений и собственных средств колхозов и совхозов. Предполагалось повысить ответственность местных советских и строительных органов за

своевременное и качественное строительство домов для новоселов с надворными постройками, их надлежащий прием и хозяйственное устройство [28].

Для оформления кредитов Госбанка СССР на строительство жилых домов для переселенцев составлялась упрощенная типовая смета к рекомендуемым Госстроем СССР типовым проектам М-2-К и М-3-К, причем без учета затрат на привязку проекта к местным условиям, инженерные коммуникации, благоустройство. То есть смета сводилась к 4,5 тыс. руб. Однако фактическая стоимость строительства такого дома обходилась в 5,1-6,3 тыс. руб., разницу хозяйства вынуждены были доплачивать за счет собственных средств. С 1976 г. в области применялись жилые дома только по типовому проекту 185-31-31 (М-3-К), а типовой проект М-2-К практически не использовался.

По внутренней планировке М-3-К в большинстве случаев удовлетворял заказчика и поэтому общие размеры при строительстве оставались без изменений. Но веранда, кладовая впоследствии жильцами обычно расширялись самостоятельно, зачастую кладовые преобразовывались под ванную с санузлом и устройством выгребов. Дистраивались еще небольшие по размеру (3,76 x 3 м) хозяйственные сараи, строились летние кухни, гаражи, что из-за малых размеров приусадебных участков приводило впоследствии к хаотичности и неприглядному виду. Архитекторы, в свою очередь, были не в состоянии проконтролировать самовольное строительство [29].

Со временем переселенческая застройка стала выходить на новый уровень. Так, Отдел по труду Крымского облисполкома в 1977 г. рассмотрел вопрос о состоянии проектирования и строительства жилых домов для новоселов и выполнении Постановления Госстроя СССР от 18 февраля 1970 г. №14 «Об улучшении качества строительства жилых домов для переселенцев в СССР» и посчитало, что применяемый в то время проект 185-31-31 (М-3-К) жилого дома, уже морально устарел (не было ванны, внутреннего водопровода и др. недостатки). Поэтому посчитали, что целесообразным было бы переработать этот типовой проект, в связи с новыми требованиями СНиП (строительные нормы и правила). А так же включить для строительства рекомендованный Центральным научно-исследовательским и проектным институтом жилых и общественных зданий жилой дом по типовому проекту 185-16-13 сметной стоимостью 5160 рублей. Наряду с этим на центральных усадьбах совхозов и колхозов решили внедрять в строительство двухэтажные, двухквартирные, трехкомнатные дома с коммунальными удобствами. Для этого поручили проектным организациям системы Госстроя СССР разработать типовой проект на базе типового проекта 144-32-4, примененного в экспериментальном порядке совхоз-заводом «Прибрежный» Крымской области [30].

Таким образом, основным способом обеспечения закрепления переселенцев на новых местах жительства являлось их хозяйственно-бытовое устройство, а также внимание к проблемам и нуждам новоселов. Так, Областной отдел по использованию трудовых ресурсов и переселения Исполнительного комитета Крымского областного совета депутатов трудящихся заботился об организации прибытия людей, их оперативном перемещении в районы вселения, благополучном расселении в новых домах и т. д. Но по-прежнему существовало много недочетов, например, отделы и многие уполномоченные по использованию трудовых ресурсов не в полной мере

осуществляли свои функции; были нарушения технологий строительства переселенческих домов; имелись случаи нецелевого использования жилья, построенного на кредиты Госбанка. Однако, невзирая на это, процесс хозяйственно-бытового обустройства прибывшего населения в рамках данного периода вышел на более качественный уровень. Переселенцев расселяли в новых домах, построенных по типовым проектам М-2-К и М-3-К, в колхозах и совхозах их компактного проживания дома были электрифицированы, был проведен водопровод, широкими темпами строились школы, детские сады, хозяйственные объекты. Переселенцы имели возможность воспользоваться кредитами государства, на них были ориентированы льготные цены на продовольствие. В результате предпринятых мер, абсолютное большинство организовано прибывшего населения закрепилось в регионе.

Список использованных источников

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. Р-3508, оп. 1, д. 172, л. 4–5
2. Там же, л. 6–7
3. Там же, л. 9
4. Там же, л. 18
5. Там же, д. 172, л. 21–22
6. Там же, д. 170, л. 7
7. Там же, д. 212, л. л. 31–32
8. Там же, д. 305, л. 60
9. Там же, л. 63
10. Там же, д. 304, л. 67–68
11. Там же, д. 217, л. 26
12. Там же, д. 233, л. 28
13. Там же, д. 234, л. 10
14. Там же, д. 235, л. 44–45
15. Там же, д. 265, л. 24
16. Там же, д. 390, л. 44
17. Там же, д. 288, л. 3
18. Там же, д. 309, л. 64
19. Там же, д. 320, л. 12–13
20. Там же, л. 14–15
21. Там же, л. 16–17
22. Там же, д. 342, л. 9
23. Там же, д. 356, л. 27
24. Там же, л. 50
25. Там же, д. 358, л. 50
26. Там же, д. 374, л. 12
27. Там же, д. 386, л. 34
28. Там же, д. 387, л. 24
29. Там же, д. 390, л. 45
30. Там же, д. 388, л. 20

Сейтова Е. И. Соціально-побутова адаптація переселенців у Кримській області (1965–1976) / Е. И. Сейтова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 186–194.

Головною компонентою для показника закріплення переселенців у Криму була ефективна реалізація програми їх соціально-побутової адаптації. Мається на увазі, перш за все, будівництво житла, розширення інфраструктури, кредити і увага до потреб та проблем нового населення. Але, як і раніше, траплялись порушення. Вони стосувались переважно організації забезпечення переселенців житлом. Проте в цілому процес соціально-побутової адаптації прибулого населення впродовж 1965–1976 років вийшов на більш якісний рівень.

Ключові слова: Крим, трудові переселенці, соціально-побутова адаптація, пільги

Seitova E. I. The social adaptation of resettlers in Crimea (1965–1976) / E. I. Seitova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 186–194.

The main component for measuring the consolidation of the settlers in Crimea was the effective implementation of a social adaption program. It, first of all, included the building of houses for newcomers, infrastructure expansion, credit, and the attention to needs and problems of the new settlers. They cared about organizing the arrival of people and safely moving them into new houses. But there were still many problems. For example, some people did not fully carry out their functions. There were technological violations of constructing houses for the settlers. And there were cases of inappropriate uses of housing. But despite it all, the process of economic and housing arrangements for the arriving population rose to a better level within this period. Immigrants settled in new houses. They were hooked up to electricity, water pipes were laid. Schools, kindergartens were under construction. The settlers were able to use state credits, and they received preferential prices on food. As a result of these measures, the absolute majority of the population arrived and were settled in an orderly fashion in the region

Key words: Crimea, labor settlers, social adaptation, privileges.

Поступила в редакцію 01.11.2012 г.

УДК 93:339.37:65.012»18/19» (477.75)

ВНУТРІШНЯ ТОРГІВЛЯ В КРИМУ У ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ ХІХ – НА ПОЧАТКУ ХХ СТ.: ПИТАННЯ ОРГАНІЗАЦІЇ ТА КОНТРОЛЮ

Сєрова К. Д.

*Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, м. Сімферополь, Україна
E-mail: ke-rina_history@mail.ru*

Розглядаються питання організації функціонування об'єктів постійної торгівлі в Криму. Охарактеризовано законодавство Російської імперії, а також постанови органів місцевого врядування, що регламентували підприємницьку діяльність на півострові в другій половині ХІХ – на початку ХХ ст. Досліджено механізм контролювання торгового процесу в містах Криму.

Ключові слова: Крим, внутрішня торгівля, торговельне законодавство, організація підприємницької діяльності, контролювання торгового процесу.

Ефективність внутрішньої торгівлі, як і будь-якої системи, залежала від злагодженої роботи механізму організації та контролювання процесу. Вільний ринок, який активно розширювався після проведення реформ у другій половині ХІХ ст., проявляв себе як живий організм, якому були чужі елементи планування. Однак без єдиних правил і стандартів подальший розвиток торгівлі був неможливим. Тому, основні обмеження і орієнтири для розвитку внутрішньої торгівлі були закладені в законодавчій сфері, «торговое право и коммерческий процесс явились теми правовыми институтами, через которые в общее законодательство вводились новые принципы, обусловленные рыночными отношениями и идеями естественных прав человека» [1, с.5].

Незважаючи на активну модернізацію законодавства Російської імперії в другій половині ХІХ ст. особливій системи торгового права в державі не існувало, були лише окремі торгові закони [2, с. 18]. Структурні елементи дореволюційного торгового права містяться в окремих торговельних і цивільних законах, а також у торговельних звичаях. В рамках даного дослідження позначимо основні закони і норми, що регулювали торгові відносини і підприємницьку діяльність на півострові в другій половині ХІХ – на початку ХХ ст.

Перші дослідження, що висвітлюють організаційно-регулюючу систему дореволюційної внутрішньої торгівлі з'явилися в радянські часи [3]. Засновником вивчення різноманітних аспектів функціонування внутрішнього ринку України в українській історіографії по праву вважається І. О. Гуржій [4]. Більш детально особливості торгового процесу вивчав Б. А. Кругльак. Дослідник одним з перших проаналізував функціонування об'єктів стаціонарної торгівлі України на рубежі ХІХ – ХХ ст. [5]. У сучасній українській історіографії окремі аспекти організації торгівлі в містах та регіонах України вивчаються А. Скидановою [6], Г. А. Гарбаром [7] та інш. [8]. Найбільш широко регулюючий механізм внутрішньої торгівлі на прикладі м. Києва представлений у працях І. О. Гуржій [9]. Окремі питання організаційної діяльності

торгового процесу в Криму на рубежі XIX – XX ст. вивчали дослідники Д. Ю. Аверіна-Лугова [10] та В. В. Бойко [11]. Відсутність праць, що висвітлюють цілісність організаційно-регулюючого механізму торговельної діяльності на півострові, зумовлює актуальність даного дослідження.

Серед законодавчих джерел торговельної діяльності на першому місці розташовується «Статут Торговий» складений в 1857 р. і доповнений в 1903 р. [12]. Статут висвітлює питання функціонування біржової і ярмаркової торгівлі, діяльності товарних складів, а також визначає механізм самостійного розвитку торгівлі шляхом з'їздів представників промисловості, біржової торгівлі і торгового посередництва. Норми, що регулювали заснування та функціонування організацій, що сприяли торгівій справі: громадських банків, товариств взаємного кредиту, ломбардів, міняльних крамниць, містяться в «Статуті кредитному» [13]. Статут судочинства торгового містив норми судоустрою по комерційних справах, а також положення про неспроможність купців [14]. Основним законом, що регламентував вільне переміщення продукції в імперії, був «Статут про забезпечення народного продовольства» [15, с. 234], що пройшов кілька редакцій. Торгові норми містять у собі «Питний статут» 1861 р. [16], положення про казенний продаж спиртних напоїв [17], а також положення про трактирний промисел [18]. Дані акти регламентували функціонування трактирного промислу і продажу спиртного в імперії.

Одним з основних документів торгового права наприкінці XIX ст. стало Положення про державний промисловий податок прийняте 8 червня 1898 р. [19]. Під дію закону потрапила діяльність торгових і промислових підприємств, а також індивідуальна підприємницька діяльність, що дозволило значно збільшити збори для казни. Особливість податку полягала в тому, що він визначався за видом торгівлі (дріб'язкова, роздрібна, оптова), кількості робітників і приміщень. Недоліком закону 1898 р. була його складність, що викликало «при его применении на практике немало затруднений не только для плательщиков налогов, но и для податного надзора, равно как и для контрольных учреждений, на которых лежит поверка промыслового дохода» [20, с.9].

Законодавство Російської імперії визначало загальний напрям розвитку торговельної сфери держави. Безпосередньою ж організацією і регулюванням торгового процесу займалися органи місцевого врядування, поліція, а також Казенна палата губернії. Органи місцевого врядування після введення Городового положення були наділені прерогативою видання постанов, що відносяться до галузі торгового права. Думи і управи зобов'язані були сприяти розвитку місцевої торгівлі і промисловості, влаштовувати ринки і базари, підтримувати кредитні установи, забезпечувати нагляд за правильним виробництвом торгівлі. Думи складали обов'язкові постанови, що регламентували торгові дії в місті. До них відносилися постанови про санітарні норми, внутрішній розпорядок на ярмарках, ринках і базарах, про час відкриття та закриття торгових і промислових закладів у святкові дні, про нормальний відпочинок службовців торгових закладів, торгівлю міцними напоями, збереження порядку в публічних місцях. Таким чином, міські думи й управи визначали норми функціонування і порядок проведення торгівлі в конкретному місті.

Керчь. Базар на Предтеченской площади. Фотооткрытка начала ХХ в.

Географія розташування об'єктів постійної торгівлі в місті була своєрідна. Магази́ни і крамниці з відома поліцейських чинів могли засновуватися у всіх частинах міста, хоча розташовувалися переважно на центральних вулицях (Салгірна та Пушкінська в Сімферополі, Набережна в Ялті, Воронцовська та Магістратська у Керчі; Нахімовський проспект та Велика Морська в Севастополі). Трактирні і питні заклади могли відкриватися тільки в центральних районах, внаслідок того, що поліція повинна була постійно спостерігати за порядком і благочинням в них. Органи міського врядування видавали спеціальні постанови, які регламентували місця відкриття тих чи інших об'єктів стаціонарної торгівлі в місті [21]. Ринки найчастіше розташовувалися в центрі міста. У губернській столиці торгова площа знаходилася між вулицями Салгірною та Севастопольською, в безпосередній близькості до Олександро-Невського собору. У Керчі п'ять торгових площ: Привізна, Магістратська, Таманська, Предтеченська і Босфорська, були зручно розташовані по всьому місту [22]. Торгівля свіжим хлібом, молоком та іншими швидкопсувними продуктами могла здійснюватися по всьому місту. Виняток становили лише склади дров, вугілля і нафтових продуктів, які було заборонено влаштувати поруч з житловими будівлями, тому вони були винесені на околиці міста. Загалом, торгово-економічне життя зосереджувалося в центрі міста.

Торговельні заклади півострова мали чітко регламентований час роботи. До кінця ХІХ ст. у всіх містах півострова діяли «Обов'язкові постанови про час відкриття та закриття торговельних закладів у недільні, святкові, дванадесяті та високоурочисті дні». Положення зводились до обмеження торгівлі в основні церковні свята, а також у високоурочисті дні: «восшествие на престол, коронация, тезоименитство, рождение»

[23] правлячого монарха. Торговельні заклади «за исключением аптек, пекарен, мясных и других помещений, в которых производится торговля исключительно съестными припасами и кормом для скота» [24] працювали за скороченим графіком. Години роботи в урочисті дні та церковні свята варіювалися в різних містах. Наприклад, в Ялті торговельні заклади в святкові дні працювали з дванадцятої до третьої години пополудні, в Карасубазарі – з полудня до шістнадцятої години [25]. Графік роботи торговельних закладів був пов'язаний з урочистими літургіями, що проводилися в ці дні. На особливості роботи торговельних закладів впливали й етнічні традиції місцевого населення. У Бахчисараї «в виду резко преобладающего мусульманского населения <...> торговые заведения по пятницам закрываются с 11 часов утра до 1 часа пополудни (в продолжение 3-х часов)» [26] для можливості здійснення колективної молитви джума-намаз у святковий для мусульман день – п'ятницю. В цілому торговельні заклади могли працювати не більше дванадцяти годин на добу.

Самим масштабним об'єктом постійної торгівлі міста був ринок. Ринкова торгівля здійснювалася щодня з обов'язковим придбанням торгових документів на кожен різновид комерційної діяльності. Торговельна діяльність на міських ринках регламентувалася особливими положеннями. Правила включали в себе статті про спеціалізацію торгівлі, санітарні норми для ринкових площ, місць і торговців, заборону скупки товарів до закінчення базарного часу, страйків з метою підвищення або зниження цін на товари, а також заборону «продавать на базаре не зрелые гнилые фрукты и другие овощи и съестные припасы, которые по удостоверению врача окажутся вредными к употреблению в пищу» [27, арк. 4].

Міським ринкам була властива своєрідна організація торгівлі: торговельні приміщення та товари «устанавливаются правильными рядами, придерживаясь, на сколько возможно, однородности предметов в каждом из рядов и не загромождая свободного доступа ко всякому отдельному предмету» [28]. На ринку Сімферополя в середині 70-х рр. XIX ст. існували бакалійний, борошняний, м'ясний, іконно-посудний, галантерейний, залізно-скобяний, мармурово-вапняний, башмачний, тютюновий, фруктовий, рибний, хлібний, старо-залізний ряди, а також тимчасові лісові склади, столики з дріб'язковою торгівлею, будки та ларі із зеленню та їстівними припасами [29, арк. 12–18]. На ринку Севастополя в 1898 р. обов'язковими постановами були розмежовані і визначені місця для продажу окремих груп товарів. Між будівлею міського ринку і Народним театром могли продаватися фрукти, зелень, птиця і вина; для продажу деревного вугілля, сіна, соломи та подібних товарів, відводилося місце на сінній площі з правого боку шосе [30, арк. 3].

На початку XX ст. думи міст Криму ухвалили однаковий блок обов'язкових постанов, спрямованих на систематизацію торгових норм і заборону продажу товарів низької якості. Особлива увага приділялася правилам реалізації життєво необхідних продуктів харчування: хліба, м'яса, риби, молока. На початку XX ст. загроза епідемії залишалася досить актуальною, тому для торгуючих на міських товчучках товарами других рук була видана «Постанова про заборону продажу вживаного плаття і білизни, без законного посвідчення про те, що воно було піддано належній дезинфекції» [31]. У Севастополі всі жителі, що займалися скупкою та продажем старих речей, повинні були носити встановлений знак з номером та підписом «лахмітник» і

Керчь. Рыбная набережная и пристань. Фото начала ХХ в.

мати дозвіл від управи на виробництво даного промислу [32]. Лахмітникам було заборонено входити в будинки без дозволу власників, продавати ношений товар вони мали право виключно на товкучці.

Спостереження за правильним виробництвом торгівлі було покладено на органи місцевого врядування. У великих населених пунктах, де «исполнение этих обязанностей затруднительно для одних только членов дум» [33, с. 171], вибиралася спеціальна торговельна депутація. Торгові депутації склалися з трьох – семи членів, за вибором місцевих підприємців. Члени торгової депутації обиралися на три роки з осіб що «заслуживают особливую доверу». Торгові депутати здійснювали нагляд за торгівлею, мали право безперешкодного доступу у всі торгові та промислові підприємства, складали письмові звіти для Казенної палати. У разі чинення опору або відмови у відвідуванні особам, що проводили перевірку торговельних закладів, на власника накладався штраф. Незалежно від постійного нагляду за торгівлею, один раз на рік проводилася генеральна перевірка всіх торгових і промислових закладів міста або повіту. У населені пункти для нагляду за правильним виробництвом перевірки присилалися чиновники казенних палат. Про кожний об'єкт торгівлі або промислу збирався однаковий блок інформації та вписувався в журнал генеральних перевірок. Після оформлення журналу, його копія відсилалася в Казенну палату.

За ринковою торгівлею також здійснювався особливий нагляд. Щоденний контроль процесу торгівлі на міських ринках здійснював базарний доглядач або староста. Основними функціями базарного доглядача були: спостереження за тим, щоб місця на торгових площах не займалися самовільно без дозвільних паперів управи; перевірка квитанцій про сплату орендної вартості торгового місця, запобігання оптової скупки товарів до дозволеного часу, контроль наповнюваності торгової площі та її саніта-

рного стану. У разі виявлення невідповідності правилам торгівлі доглядач доповідав торговому депутату даної ділянки про порушення. Базарним старостам було заборонено користуватися службовим становищем: займатися торгівлею або скупкою привезених товарів. За порушення, недбале виконання або ухилення від обов'язків базарний доглядач піддавався відрахуванню з платні від 50 коп. до 5 рублів за кожне порушення. Всього ж базарний доглядач отримував від управи до 180 рублів на рік [34, арк. 12–13]. З 1861 р. крім членів базарної комісії і поліцейських чинів, що стежили за благочинням, для контролю за правилами торгівлі призначався один з членів міської думи [35, арк. 4]. У 1869 р. земства одержали повноваження нагляду за правильним ходом торгівлі в містах і селищах, з метою, щоб «производство торговли и промыслов не было допускаемо без взятия торгующими надлежащих документов с уплатою следующих по закону пошлин, а в том числе и в пользу земства» [36, арк. 1], а також за «употреблением правильных мер, весов, расчетов и т. п.» [37].

Незважаючи на такий посилений контроль з боку місцевого врядування, ринкова торгівля мала ряд недоліків. Першорядною проблемою для торгових площ було забезпечення санітарного стану, «на здешней базарной площади [Сімферополь] множество балаганов расположено в совершенном беспорядке, так что в некоторых местах невозможно между ними пройти <...> в округе оных чрезвычайно много накопилось разной нечистоты, которая может иметь влияние на заражение воздуха» [38, арк. 1]. Розвитку ринкової торгівлі перешкоджала діяльність перекупників. Ціни на предмети були вільними. Міські управи встановлювали ціни лише на важливі життєві товари: хліб, м'ясо, рибу. Ціни на інші товари найчастіше не відповідали їх дійсної собівартості. Це було пов'язано з існуванням цілої армії перекупників: куркулів і матробасів (матрібази), баришників, шибайв, гуртівників у багатьох містах півострова. Заходи для боротьби з перекупкою товарів приймалися на місцевому рівні. «Обов'язкові постанови про обмеження часу оптової купівлі життєвих продуктів» діяли в багатьох містах півострова. Згідно з даними постановами «в базарные дни <...> и накануне этих дней <...> продажа продуктов, привозимых сельскими хозяевами, должна производиться только розничная для потребителей; всякая закупка этих продуктов в означенное время для перепродажи воспрещается» [39]. У 1881 р. Керч-Єнікальська управа прийняла обов'язкові постанови «Про припинення в м. Керчі куркульства», згідно з якими була заборонена оптова та роздрібна купівля товарів першої необхідності в будні всім, хто торгує в місті (на площах і в крамницях, перекупникам і куркулям) зі світанку і до 11-ї години ранку, як у самому місті, так і за його межею [40].

Таким чином, організаційний механізм внутрішньої торгівлі в Криму складався з кількох рівнів: державного, на якому задавався загальний вектор розвитку торговельно-економічного життя держави, і місцевого, де визначалися основні особливості і координати функціонування торгівлі в конкретному місті. Регулювання та спостереження за правильним ходом торгового процесу здійснювалося безпосередньо на місцях за допомогою злагодженої роботи базарних наглядачів, поліцейських чинів, торгової депутації і членів управ. Отже, у другій половині XIX – на початку XX ст. організаційно-контролюючий апарат, збалансовано виконував функції регулювання комерційного процесу в Криму.

Список використаних джерел та літератури

1. Архипов И. В. Модернизация торгового права и коммерческого процесса России в XIX – начале XX вв. : дисс. докт юрид наук / И. В. Архипов. – Саратов, 2000. – 463 с.
2. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Московское научное издательство, 1919. – 376 с.
3. Авдаков Ю. К. Городская торговля России в начале XX столетия : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. К. Авдаков. – М., 1950. – 25 с.; Половников А. П. Торговля в старой России / А. П. Половников. – М., 1958. – 100 с.
4. Гуржій І. О. Україна в системі всеросійського ринку 60–90-х рр. ХІХ ст. / І. О. Гуржій. – К., 1968. – 189 с.
5. Кругляк Б. А. Внутренняя торговля в России в конце XIX – начале XX века : на материалах Украины / Б. А. Кругляк. – Самара, 1992. – 191 с.; Його ж. Развитие внутренней торговли на Украине в 60–90-х гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук / Кругляк Борис Абрамович. – Житомир, 1975. – 208 с.; Його ж. Роль постійної торгівлі у розвитку капіталізму на Україні (60–90-ті роки ХІХ ст.) / Б. А. Кругляк // Історія нар. госп. та екон. думки УРСР. – 1983. – Вип.17. – С.55–65.
6. Скиданова А. Економіко-правові умови розвитку стаціонарної торгівлі у Харківській губернії (друга половина ХІХ – початок ХХ ст.) / А. Скиданова // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії : зб. наук. пр. – 2008. – Вип. 11. – С. 241–250; Її ж. Магазинна торгівля Харкова (30-ті – 50-ті рр. ХІХ ст.) / А. Скиданова // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії : зб. наук. пр. – 2006. – Вип. 8. – С. 203–213; Її ж. Розвиток крамничної мережі Харківської губернії (друга половина ХІХ – початок ХХ ст.) / А. Скиданова // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії : зб. наук. пр. – 2007. – Вип. 10. – С. 150–160; Її ж. В. Розвиток стаціонарної торгівлі у Харківській губернії (друга половина ХІХ – початок ХХ ст.) : дис. ... канд. ист. наук / А. Скиданова ; Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2010. – 261 с.
7. Гарбар Г. А. Готелі дореволюційного Миколаєва : проблеми атрибуції / Г. А. Гарбар // Історичний архів : наук. студії. – 2009. – Вип. 3. – С. 36–39; Його ж. Заклади розміщення м. Миколаєва як складова інституту гостинності (кінець ХІХ – початок ХХ століття) / Г. А. Гарбар // Гілея : зб. наук. ст. – 2007. – Вип. 7. – С.237–241; Його ж. Сфера гостинності м. Миколаєва в останній третині ХІХ на початку ХХ ст. : заклади харчування / Г. А. Гарбар // Наук. пр. істор. ф-ту Запор. Держ. ун-ту. – Запоріжжя. – 2006. – Вип. ХХ. – С. 79–84; Його ж. Сфера гостинності м. Миколаєва : стан закладів розміщення (кінець ХІХ – поч.ХХст.) / Г. А. Гарбар // Гілея : зб. наук. статей. – 2009. – Вип. 20. – С.50–55.
8. Довжук І. Внутрішня торгівля Наддніпрянської України у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст. / І. Довжук // Наукові записки з української історії. – 2006. – Вип. 18. – С. 36–48; Конончук Д. Торговля в Ніжині : історія і сучасність / Д. Конончук, І. Конончук // Ніжинська старовина. – 2008. – Вип. 8 (11). – С. 47–57; Москалюк М. Внутрішня торгівля в Україні у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст. / М. Москалюк // Київська старовина. – 2007. – № 4. – С. 63–73; Чорний Д. М. Торговля в Харкові на початку ХХ ст. / Д. М. Чорний // УІЖ. – 2005. – №5. – С.53–59.
9. Гуржій І. О. Влада й основні організаційні заходи в галузі торгівлі м. Києва ХІХ ст. / І. О. Гуржій // Проблеми історії ХІХ – початку ХХ ст. – 2009. – № 16. – С.38–51.
10. Аверіна-Лугова Д. Ю. Крим наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. : міська повсякденність : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Ю. Аверіна-Лугова ; Запорізь. нац. ун-т. – Запоріжжя, 2009. – 20 с.
11. Бойко В. В. Розвиток внутрішньої торгівлі у містах Таврійської губернії у другій половині ХІХ ст. [Електронний ресурс] / В. В. Бойко // Таврійські студії. – 2012. – № 2. – Режим доступу : http://www.nbu.gov.ua/e-journals/tavst/2012_2/pdf/9.pdf. Перевірено 1.12.2012.
12. Устав Торговый : О торговых установлениях : о биржах и ярмарках // Свод Законов Российской Империи (далее СЗРИ) : в 13 т. / под ред. А. А. Добровольского ; сост. Н. Е. Озерецковский, П. С. Цыпкин. – СПб., 1913. – Т.11. – Ч.2. – Стб. 2101–2332.
13. Устав Кредитный [Электронный ресурс] // ПСЗРИ : издание неофициальное / под ред. Г. Г. Савича. – СПб., 1904. – Т. ХІ. – Ч. 2. – Режим доступу : http://www.hist.msu.ru/Banks/law/ust_kr/ust_kr.htm. Перевірено 1.12.2012.
14. Устав Судопроизводства Торгового // СЗРИ : в 13 т. / под ред. А. А. Добровольского. – СПб., 1913. – Т. 1. – Ч. 2. – Стб. 2332–2394.
15. Устав об обеспечении народного продовольствия // Сборник правил по обеспечению народного продовольствия / сост. Г. Г. Савич. – СПб. : тип. МВД, 1900. – Вип. 1.

16. Устав о питейном сборе. – СПб., 1867. – 123 с.
17. Высочайше утвержденное положение о казенной продаже питей // ПСЗРИ : собр. 3. – СПб., 1898. – Т.14. (1894). – С.404–410.
18. Высочайше утвержденное положение о трактирном промысле // ПСЗРИ : собр. 3. – СПб., 1897. – Т.13 : 1893. – С. 404–410; Положение о трактирных заведениях 1861 // Таврические губернские ведомости (далі ТГВ). – 1861. – № 43. – Приложение;
19. Устав о прямых налогах // СЗРИ. – 1912. – Т. 5. – С.35–273.
20. Государственный промысловый налог. Сборник узаконений, правил, форм, инструкций, циркуляров и разъяснений Министерства финансов, с законодательными мотивами, алфавитными указателями, дополнениями и изменениями по 1 января 1902 г. / сост. В. Сакович. – СПб., 1902.
21. Расписание местностей в г. Симферополе в коих заведения трактирного промысла вовсе не допускаются // Справочная книга по г. Симферополю 1911 г. / Симферопольское городское управление. – Симферополь : Типография Г. М. Энгеля и Ф. Т. Коршунова, 1911. – С.16–17.
22. Державний архів в АРК (далі ДААРК), ф. 455 : Керч-Єнікольська управа, оп 1, спр. 415 : О внутреннем распорядке торговли на городских площадях. – 1878. – 17 арк.
23. Обязательные постановления, составленные Ялтинской думой о времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в г. Ялте // ТГВ. – 1902. – № 48. – 5 дек. – С. 413.
24. Там само.
25. Обязательные постановления, составленные Карасубазарскою городскою думою в заседании 31 октября 1902 г. для жителей г. Карасубазара о времени открытия и закрытия торговых заведений в праздничные, воскресные и высокаторжественные дни // ТГВ. – 1902. – № 50. – 19 дек. – С. 424.
26. Обязательные постановления, составленные Бахчисарайскою городскою думою в заседании 31 января 1907 г. о нормальном отдыхе служащих в торговых заведениях, складах, конторах и ремесленных заведениях г. Бахчисарая // ТГВ. – 1907. – № 16. – 22 февр. – С. 66.
27. ДААРК, ф. 522 : Ялтинська міська управа, оп. 1, спр. 120 : Правила о порядке торговли на базаре и инструкция об обязанностях базарного старосты. – 1874. – 28 арк.
28. Там само, арк.6.
29. ДААРК, ф. 63 : Симферопольська міська управа, оп. 1, спр. 30 : Дело о временных балаганах устроенных на базарной площади. – 1874. – 95 арк.
30. ДААРК, ф. 681 : Євпаторійська міська управа, оп. 1, спр. 734 : Дело об издании обязательных постановлений относительно установления платы за места, занимаемые на площадях. – 1898. – 5 арк.
31. Обязательные постановления для жителей Алушты с упрощенным управлением о воспрещении продажи бывшего в употреблении платья и белья // ТГВ. – 1905. – № 31. – 26 апр. – С. 133.
32. Обязательные постановления о разносной и развозной торговле в гор. Севастополе // ТГВ. – 1911. – № 94. – 2 дек. – С. 375.
33. Высочайше утвержденное положение о пошлинах за право торговли и других промыслов // ПСЗРИ : собр. 2. – СПб., 1867. – Т.40. – отд. 1.
34. ДААРК, ф. 455: Керч-Єнікольська управа, оп. 1, спр. 153 : Об утверждении инструкции базарным смотрителем и вообще надзору за правильною торговлею на базарных площадях. – 1874. – 57 арк.
35. ДААРК, ф. 26 : Канцелярія Таврійського губернатора, оп. 1, спр. 24158 : О назначении члена Симферопольской думы для наблюдения за правилами торговли на базарной площади. – 1861. – 6 арк.
36. Там само, спр. 25249 : По циркуляру МВД о предоставлении земским учреждениям права участия в надзоре за правильным производством торговли и промыслов. – 1869. – 24 арк.
37. Там само, арк. 1.
38. Там само, спр. 20928 : О составлении проекта о правильном расположении балаганов на базарной площади и об очищении на оной разных нечистот. – 1856. – 17 арк.
39. Обязательные постановления об ограничении времени оптовой покупки жизненных продуктов в г. Алуште, изданные Таврическим губернатором по разъяснению МВД от 7 января 1894 г. // ТГВ. – 1907. – № 43. – 5 июня. – С. 181.
40. ДААРК, ф. 455 : Керч-Єнікольська управа, оп. 1, спр. 958 : О пресечении в г. Керчи кулачества. – 1881. – 73 арк.

Серова Е. Д. Внутренняя торговля в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв.: вопросы организации и контроля / Е. Д. Серова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 195–203.

Рассматриваются вопросы организации функционирования объектов постоянной торговли на полуострове. Охарактеризовано законодательство Российской империи, а также постановления органов местного управления, регламентирующие предпринимательскую деятельность в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв. Исследован механизм контролирования торгового процесса в городах полуострова.

Ключевые слова: Крым, внутренняя торговля, торговое законодательство, организация предпринимательской деятельности, контролирование торгового процесса

Sierova K. D. Domestic trade in the Crimea during the second half of XIX – at the beginning of XX centuries: organization and control / K. D. Sierova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 195–203.

Effective operation of internal trade, like any system, independent of the mechanism of coordinated work organization and control of the sales process.

Despite the active modernization of the legislation of the Russian Empire in the second half of the XIX century, special system of commercial law did not exist. There were only a few trade laws.

Legislative provisions of the trading process are contained in the numerous laws of the Russian Empire. Among them «The commercial charter», «The credit charter», «The charter of trading justice» and others.

One of the main instruments of commercial law at the end of XIX century was «The position of the state tax on trade» June 8, 1898.

The activities of commercial and industrial facilities, as well as self-employed, it becomes subject to this law. It will significantly increase taxes for the treasury.

The legislation of the Russian Empire set the overall direction of the trading areas of the state. The direct sales organization and regulation of the process involved in local government, the police and the Exchequer of province.

Dumas and councils were obliged to contribute to the development of local trade and industry, to establish markets and bazaars, to support credit institutions, to provide an overview of the correct merchandise.

The city dumas and council determined rules and procedures for the operation of trade in a particular city.

The institutional mechanism of domestic trade in the Crimea consisted of several levels. The state level defined the general vector of development of trade and economic activity. The local level set the main features and coordinates the functioning of trade in a particular place: in the city, in township, in village.

In this way, the organizational and control system is balanced served as control of the sales process in the Crimea during the second half of XIX – early XX centuries.

Keywords: Crimea, internal trade, trade legislation, the organization of business, control of the trading process.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

УДК : [725+904]: 351.854(477.75)»1944/1953»

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КРЫМА: СОСТОЯНИЕ, ОХРАНА, РЕСТАВРАЦИЯ (1944–1953)

Соколов А. А.

*Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК
E-mail: saa.sev@rambler.ru*

Рассмотрены проблемные вопросы охраны памятников истории и культуры в Крыму. На основе широкого круга опубликованных и архивных источников раскрывается развитие государственной памятникоохранительной системы. Анализируются причины и приводятся конкретные примеры разрушений памятников. Освещаются принимаемые меры по обеспечению их охраны.

Ключевые слова: охрана памятников, культурное наследие, разрушение, реставрация, Крым.

Важную роль в развитии независимой Украины, возрождении духовности, исторической памяти, самоидентификации народа принадлежит национальному культурному наследию и ее составной части – памятникам истории и культуры. Стремление к совершенствованию памятникоохранительного дела сегодня стало одним из основных направлений культурной политики украинского государства. В этой связи осмысление исторического, положительного и негативного, опыта охраны культурного наследия приобретает особый интерес. Обращение к предыдущим этапам позволяет лучше понять причины происхождения многих современных проблем и найти пути их оптимального решения.

Актуальность проведения данного исследования обусловлена необходимостью изучения накопленного опыта в разработке конкретных моделей организационного, правового и экономического обеспечения памятникоохранительной работы на региональном уровне. В частности, чрезвычайно интересным, представляется проследить деятельность государственных органов по охране и использованию памятников Крыма в период 1944–1953 годов.

В последнее время проблемы охраны памятников в Крыму занимает значительное место в трудах отечественных ученых. Однако, несмотря на существующий массив работ, заявленная проблема до сих пор не была предметом специального исследования. Единственной работой дающей весьма поверхностный обзор данной проблемы, является обзорная публикация кандидата исторических наук Т. Ф. Григорьевой «Вивчення, охорона і спорудження пам'яток історії та культури в Криму як один з напрямків краєзнавчих досліджень» вышедшая еще в 1989 году. Работа не лишена субъективных оценок свойственных советской исторической науке [1].

Основная цель нашей статьи – реконструкция государственной системы охраны памятников истории и культуры в Крыму в послевоенный период 1944–1953 гг.

Основной корпус источников нашего исследования составляют опубликованные и неопубликованные документы Государственного архива в Автономной Рес-

публике Крым. Источниковой базой также служат партийные и государственные документы, законодательные акты советского государства, а так же нормативные акты центральных и местных органов власти.

Период 1944–1953 годов стал временем послевоенного восстановления разрушенных городов, экономики, промышленности, возрождения культуры и духовной жизни страны. Важное место в этом процессе занимала охрана памятников истории и культуры. Боевые действия нанесли колоссальный урон культурному наследию страны. Разрушенными или поврежденными оказались тысячи уникальных памятников. Общее количество потерь, до сих пор не поддается подсчету. Сразу же после освобождения Крыма в мае 1944 г. развернулась работа по обследованию и учету памятников, составления списков историко-археологических и архитектурных объектов. Совет Народных Комиссаров Крымской АССР, 6 июня 1944 г. издал распоряжение «Об охране памятников и иных сооружений искусства в Крымской АССР», обязавшее председателей Исполнительных комитетов районных и городских Советов депутатов трудящихся до 16 июня 1944 г., произвести учет всех памятников [2, л. 59]. Особое внимание уделялось выявлению и сохранению объектов, связанных с подвигами советского народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. На государственный учет были взяты 27 братских могил советских воинов в Керчи, 17 – в Армянске, 8 – в Феодосии, братская могила партизан в Симферополе, Аджимушкайские каменоломни и др [3, л. 1–5].

Военный совет Черноморского флота, оценив масштабы разрушений, 18 июня 1944 г. принял решение о скорейшем «Восстановлении исторических памятников обороны Севастополя 1854–1855 гг., и сооружений памятников обороны 1941–1942 годов». Командование флота обязалось «приложить все усилия для возрождения города-памятника». Здесь же прилагался список пострадавших памятников, требовавших неотложной реставрации [4, л. 272–275].

В течение 1944–1945 гг., органами архитектуры Крыма было установлено техническое состояние 120 наиболее известных памятников. В 1946 г. проведено еще более детальное обследование 72 памятников с целью определения мероприятий по их дальнейшей охране [5, л. 23].

Большое значение отводилось вопросам увековечения памяти Великой Отечественной войны, созданию памятников, связанных с подвигами советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками. Проведение этой работы имело важное идеологическое значение. На местах захоронений воинов, боевых сражений, командных пунктов стали возникать мемориальные памятники и знаки. Первоначально они создавались из недолговечных и материалов (дерева, гипса, кирпича) и не всегда представляли высокохудожественные произведения. К примеру, в июне 1944 года при участии представителей воинских частей и жителей Краснопереконского района были открыты два деревянных обелиска на братских могилах бойцов 2-й гвардейской армии в Армянске и у деревни Ишунь [6, с. 3]. В ноябре 1945 года в парке санатория «Ударник» власти Евпатории установили обелиск, в центре которого находилась гипсовая фигура солдата [7, с. 5]. Но наибольшее количество памятных знаков в 1944–1945 годах было воздвигнуто в Севастополе.

8 июня 1944 года Военный Совет Отдельной Приморской армии принял постановление № 071 «Об увековечении памяти героев, павших в боях за освобождение Крыма» путем установки ансамблей памятников в районе Сапун-горы, мыса Херсонес и на горе Митридат [8, с. 18]. В феврале 1946 года вышло правительственное постановление «О взятии воинских могил на учет и их благоустройстве». Оно обязало местные органы советской власти взять под охрану братские могилы и воинские захоронения периодов гражданской и Великой Отечественной войн. По всей стране стали сооружаться мемориальные комплексы, отражающие тему борьбы, подвига и бессмертия. Но массовое развитие монументальное искусство на военно-патриотическую тему приобретет только в 50-е годы XX века. Для первых послевоенных лет наиболее характерно создание не крупных мемориальных комплексов, а памятников отдельным героям [9, с. 172].

Экономические трудности послевоенного периода серьезно осложнили выполнение охранительных мероприятий по всем категориям памятников. Повсеместно ощущалась нехватка средств, квалифицированных специалистов и рабочей силы. Даже при наличии финансирования, Управление по делам архитектуры при Крымском областном исполкоме (далее – Крымоблисполком), в 1945 г. не смогло получить предназначенные для ремонта памятников строительные материалы и рабочих. Строительные организации, из-за загруженности в работе, отказывались производить ремонт памятников. В итоге запланированные на 1945 и 1946 гг. работы были не выполнены. Дополнительную сложность представляло отсутствие ответственных арендаторов и охранных договоров на памятниках, числящихся в системе городского хозяйства [10, л. 9].

В целом, в 1945–1947 гг. на ремонт и охрану памятников истории архитектуры Крыма было ассигновано 200 тысяч рублей, из которых удалось освоить всего 136 тысяч. Большая часть средств пошла на заделку трещин, восстановление кровли, уборку мусора, нанесение на памятники охранных надписей и межевых знаков заповедников [5, л. 23]. Наиболее масштабные работы развернулись в Бахчисарайском и Херсонесском музеях. В частности, в первом был сделан ремонт крыши, бассейнов и фонтанов дворца, сооружены стены вокруг бани «Сары-Гузель» [11, л. 54]. Во втором – проведена консервация средневековой базилики, укреплен кладка 19 куртины оборонительных стен и монетного двора, отремонтировано главное здание музея [12, с. 60]. Сделано было чрезвычайно мало. В неотложной консервации и реставрации нуждались еще сотни памятников.

Первоочередной задачей советского государства, в те годы, было восстановление разрушенного народного хозяйства, жилого фонда, социальных и культурно-просветительных учреждений. Из-за острого недостатка строительных материалов нередко камень добывался из археологических памятников. При этом в ход шел не только обработанный, но и бутовый камень. В результате ценные памятники варварски уничтожались местными жителями и строительными организациями [13, л. 61]. Подобные действия тогда не считались чем-то преступным, а порой даже поощрялись властями. Так, в 1947 г. учреждения треста «Севастопольстрой» в течение двух месяцев практически полностью разобрали четыре башни средневековой крепости Каламита, 1427 года постройки. Невзирая на многочисленные сигналы уче-

ных и общественности, власти старались не замечать происходящего [14, л. 101]. Остановить уничтожение памятника удалось только после вмешательства Отдела архитектуры Крымоблисполкома и принятия 12 мая 1948 г. решения Совета Министров РСФСР о придании территории крепости и Инкерманского пещерного монастыря статуса государственного историко-архитектурного заповедника [15, с. 64–67]. С конца 40-х годов XX века постепенно, на стройматериал стало разбираться Французское кладбище времен Крымской войны под Севастополем. За несколько лет были разрушены все саркофаги, большая часть ограды и мраморных надгробий [16, с. 21].

По причине большой нехватки свободных помещений, распространенным явлением стало использование памятников архитектуры в хозяйственных целях. Передача их в эксплуатацию чаще всего происходила без какого-либо согласования с органами архитектуры. В большинстве случаев организации и предприятия самостоятельно занимали пустующие памятники. Последствия такого использования часто были катастрофическими. Яркими примерами подобного обращения служат: хранение горюче-смазочных материалов в уникальных ханских мавзолеях Эски-Дюрбе XIV в. и Ахмед-Бея XVI в. в Бахчисарае; устройство механической мастерской в Покровском храме начала XIX в. поселка Ореанда; установка водонапорного бака на генуэзской башне XIV в. в Алуште [10, л. 4], использование под склад зерна мечети Джума-Джами XVI века в Евпатории [5, л. 23] и храма Иоанна Предтечи IX века в Керчи [17, л. 31].

Относительно организованной была охрана только памятников находившихся в ведение музеев. В 1947 г. начальник сектора охраны памятников областного отдела архитектуры В. Н. Ковалева отмечала: «При всем этом все же нужно считать, что систематическая охрана существует только за памятниками, закрепленными за музеями. Охрана памятников здесь возникла и развивалась вместе с музеями и является прямой обязанностью музеев. Что касается всей массы остальных памятников, имеющих по всему Крыму, то здесь сохранение даже уникальных памятников часто зависит от случая» [5, л. 25].

В это же время с особой силой проявилась ведомственная разобщенность в управлении культурным наследием. С 1946 г. в связи с административной реформой, контроль за памятниками архитектуры, монументальной живописи и скульптуры начал осуществляться Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР (далее – СМ СССР). В ведение Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при СМ СССР перешли все музеи, памятники истории и археологии. Аналогичные комитеты были созданы при Советах Министров союзных республик. Свои функции они осуществляли через соответствующие областные управления и городские отделы при Исполнительных комитетах (далее – исполком). Таким образом, единая управленческая функция разделялась между двумя ведомствами. Разобщенность и несогласованность действий этих органов становилась причиной частых срывов памятникоохранительных работ [18, с. 157]. Непосредственно в Крымской области, оба комитета действовали как отделы в структуре Крымского областного исполнительного комитета.

Прошедшая реформа привела к значительному сокращению штатов памятничко-охранных органов Крымоблисполкома. Если в 1944 г. в Отделе охраны памятников архитектуры было пять человек [19, л. 1], то в 1947 в Секторе охраны памятников архитектуры численность всего два сотрудника [14, л. 6], а в 1950 вообще одна штатная должность [20, л. 99].

Дело охраны и использования памятников нуждалось в законодательном оформлении. В послевоенные годы последовала череда важных правительственных документов. Первым нормативно-правовым актом в области охраны памятников стало постановление Советам Министров РСФСР «Об охране памятников архитектуры» от 22 мая 1947 года. Главное внимание в нем обращалось на порядок использования архитектурных объектов. Обязанность за их сохранение возлагалась на местные Исполкомы. Вновь подтверждалось, что учреждения и организации, в пользовании которых находятся памятники архитектуры, должны заключать с органами Управления по делам архитектуры договоры-обязательства, предусматривающие порядок использования, охраны, содержания и необходимый ремонт. В противном случае, памятники зодчества могли быть изъяты из ведения арендаторов, с «возмещением убытков и восстановлением повреждений памятников за счет учреждений и предприятий» [21, с. 62].

В соответствии с этим Постановлением, Крымоблисполком в своем решении «Об охране памятников архитектуры и исторических памятников Крыма» от 23 января 1948 г., возложил на исполкомы городских и районных Советов в городах Севастополе, Керчи, Бахчисарае, Судаке и областной Отдел по делам архитектуры, ответственность за неприкосновенность, сохранность и правильное использование памятников архитектуры [11, л. 113]. В приложении к этому, давался список конкретных памятников, использование которых допускалось только в музейных целях. К ним относились: Ханский дворец, мавзолей Эски-Дюрбе, бани Сары-Гюзель в Бахчисарае; ансамбль пещерного города Чуфут-Кале; Генуэзская крепость в Судаке; церковь Иоанна Предтечи и античные городища в Керчи; Херсонесского городище в Севастополе [11, л. 115].

Значительным, достижением законотворческой деятельности союзного правительства, стало принятие СМ СССР постановления № 3898 от 14 октября 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры», с исчерпывающей полнотой освещавшим теоретическую и практическую стороны задачи сохранения культурного наследия в масштабах всех страны [22]. Этот Постановление на долгие годы стало ключевым документом, регламентировавшим правила охраны и использования памятников, вплоть до вступления в силу в 1977 г. закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Отмечалось, что «в деле охраны памятников культуры имеются серьезные недостатки» и «контроль за сохранностью исторических и археологических памятников не осуществляется». Руководство охраной и реставрацией памятников со стороны Комитета по делам архитектуры и Комитета по делам искусств при СМ СССР также «осуществляется неудовлетворительно». Признавалось, что «организации, учреждения и предприятия, в ведении или аренде которых находятся памятники архитектуры, не обеспечивают их сохранность, а исполнительные комитеты местных Советов депутатов трудящихся не

проявляют должной заботы об охране памятников и обеспечении их сохранности». Постановление возлагало на исполнительные комитеты разных уровней непосредственную охрану памятников. Руководством и контролем за постановкой на учет, реставрацией и использованием памятников должны были заниматься Комитеты по делам культурно-просветительных учреждений при Советах Министров союзных республик. Советам Министров союзных республик, совместно с названными комитетами предписывалось в течение 1948–1949 гг. произвести: «учет всех выявленных до настоящего времени памятников, подлежащих внесению в государственный список памятников культуры» [22, с. 66]. Они же обязались предусмотреть в народно-хозяйственных планах выделение материалов и средств для реставрации и поддержания сохранности памятников культуры, не находящихся в арендно-хозяйственном использовании.

Данное постановление разрешило Президиуму Академии наук СССР образовать Научно-методический совет по охране памятников культуры в составе представителей от АН СССР и указанных комитетов, а также: отдельных «видных специалистов в области изучения и реставрации памятников культуры». На Совет возлагались: «осуществление научно-методического руководства делом охраны и изучения памятников культуры, совершенствование методов реставрационных работ и установление научной классификации памятников культуры» [23, с. 163–165].

В приложении к Постановлению утверждалось «Положение об охране памятников культуры», первый параграф, которого объявлял, что: «все находящиеся на территории СССР памятники культуры, имеющие научное, историческое или художественное значение являются неприкосновенным всенародным достоянием и состоят под охраной государства» [24, с. 68].

Здесь же вводилось разделение памятники истории и культуры на две группы: общесоюзные: «имеющие выдающееся научное, историческое и художественное значение», и республиканские. Списки памятников архитектуры и искусства общесоюзного значения утверждались СМ СССР по представлению Комитета по делам архитектуры и Комитета по делам искусств. Списки исторических и археологическим памятников общесоюзного значения теми же правительственными органами, но по представлению Советов Министров союзных республик и Президиума АН СССР [24, с. 69].

Во втором разделе Положения речь шла о памятниках архитектуры объединенных в три группы: 1) «не могущие быть использованными в практических целях» (древние станы, триумфальные арки, монументы, художественные ограды, мосты, фонтаны, надгробные памятники и пр.); 2) «могущими быть использованными, но исключительно под научные и музейно-показательные учреждения с сохранением их художественно-исторического облика, обстановки и внутреннего убранства» (музеи-дворцы, музеи-церкви, музеи-монастыри, музеи-крепости и пр.); 3) «могущие быть использованными в хозяйственных целях без ущерба для их сохранности и без нарушения их историко-художественной ценности» путем предоставления таковых на началах аренды. Пользование архитектурными памятниками, допускалось «только на условиях», выработанных Комитетом по делам архитектуры и оформленных особыми «Охранно-арендными договорами» или «Охранными обяза-

тельствами». Памятники архитектуры, находящиеся в ведении Советов депутатов трудящихся, могли передаваться в ведение предприятий, учреждений и организаций по «Охранно-арендным договорам» исключительно исполкомами местных Советов с согласия Комитета по делам архитектуры при СМ СССР и союзных республик. На непосредственных арендаторов памятники, возлагалась полная: «ответственность за их содержание к сохранности и своевременному ремонту, за благоустройство занимаемых памятниками участков и организацию надлежащей охраны этих памятников» [24, с. 70].

Обращалось внимание на то, что если памятники эксплуатировались не в соответствии с их характером и назначением и подвергались вследствие этого «угрозе разрушения или порче», то по требованию Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР или подчиненных ему местных органов таковые подлежали «немедленному изъятию от их пользователей с взысканием с них причиненного памятнику ущерба в размере стоимости восстановительных работ» [24, с. 71].

На Советы Министров автономных республик и исполкомы местных Советов, на территории которых располагались памятники архитектуры, возлагалось: « а) осуществлять надзор за содержанием в сохранности и охраной архитектурных памятников сданных в аренду; б) принимать надлежащие меры по охране и содержанию памятников архитектуры, состоящих на учете, но не отданных в аренду; в) устанавливать охраны зоны вокруг памятников».

Новое Положение значительно расширяло круг охраняемых памятников, чем это наблюдалось в предшествующих законодательных актах. Вместе с тем, Положение страдало теоретической не разработанностью. Например, в нем не разграничивались вне музейные памятники от памятников государственного музейного фонда, условно производилось деление памятников на категории.

Новшеством в Положении явилось и то, что СМ СССР мог объявлять заповедниками памятники культуры комплексного характера: «имеющие особое научное, историческое или художественное значение» [24, с. 70]. Изменение, перемещение, застройка и снос памятников культуры запрещались без особого разрешения СМ СССР – в отношении заповедников и памятников культуры общесоюзного значения; Советов Министров союзных республик – в отношении памятников республиканского значения. Оставалось неизменным правило, по которому в исключительных случаях, когда дается разрешение на снос или переделку памятника культуры, ответственные охранные органы обязались: «организовать работы по завершению научного исследования и фиксации данного памятника». Подобные работы должны были проводиться: «за счет учреждений, получивших разрешение на снос или переделку памятников» [24, с. 72]. Из содержания Положения следовало, что государство брало на себя обязательство по охране памятников лишь общесоюзного и республиканского значения, оставляя все зоны правового регулирования памятники местного значения.

Общеобязательным условием для проведения раскопок становилось получение специальных разрешений – «Открытых листов», выдаваемых Академией наук СССР и союзных республик, а так же зарегистрированных в Комитете по делам культур-

но-просветительных учреждений (далее – Культпросветучреждений) той республики, на территории которой находится памятник подлежащий исследованию.

Исполнительные комитеты местных Советов обязаны были через местные органы Культпросветучреждений не допускать использование археологических памятников в качестве строительного материала, а так же их распашку и разрытие в каких-либо хозяйственных целях. Пресекать самовольные раскопки и другие действия, влекущие разрушения памятников. Устанавливать вокруг них охранные зоны и следить за их неприкосновенностью. В исключительных случаях, когда дается разрешение на снос или переделку памятника, органы охраны обязаны организовать его научное исследование и фиксацию. Связанные с этим расходы должно брать на себя учреждение или организация, получившая данное разрешение [24, с. 73].

В развитие Постановления, 28 мая 1949 г. СМ РСФСР утверждает инструкцию «О порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР» [25]. Руководствуясь Инструкцией, в 1949–1950 г. исполкомами в Крымской области и Севастополе была составлены паспорта более чем 1600 памятников археологии [13, л. 56]. Но сама паспортизация проводилась очень медленно и с множеством ошибок. Полные данные не поступали в срок, часто задерживались и дорабатывались. В большинстве паспортов не было схем расположения памятников на местности, не указывался размер охранной зоны и на кого возложен надзор за состоянием памятника. В целом работа по паспортизации всех категорий памятников затянулась на целое десятилетие [26, л. 58].

Несмотря на положительные стороны Постановления № 3898, на деле документ оказался далек от абсолютного исполнения. Его существенным пробелом, было отсутствие административной и криминальной ответственности за нарушение норм охраны и использования памятников. Данное обстоятельство позволяло ответственным лицам и государственным органам безразлично относиться к судьбе памятников. Другим серьезным недостатком, была неспособность арендаторов архитектурных памятников производить в полном объеме возложенные на них ремонтные и реставрационные работы. Выполнить такие требования могли только экономически крепкие организации и предприятия, имевшие для этого специальные бюджетные ассигнования или большие прибыли. Другие, финансово слабые организации, не способны были сделать даже простой ремонт памятника, особенно в сельской местности [27, с. 178].

На эти проблемы открыто указывало Специальное совещание, проведенное в ноябре 1949 г. Крымским филиалом АН СССР. В итоговом докладе его участники сетовали, что: «Неудовлетворительное положение с охраной памятников всех категорий в Крымской области вызвано в первую очередь безответственным отношением к делу охраны со стороны, старого руководства областных организаций Крыма, а так же тем, что районные и сельские советы депутатов, на которых решением Советом Министров СССР, возложена задача сохранения памятников, еще не прониклись сознанием своей ответственности и зачастую, относятся к этим вопросам безразлично» [13, л. 52]. Здесь же подчеркивалось: «Древние сооружения используются случайными арендаторами бесхозяйственно зачастую незаконно и почти бесконтрольно. Районные советы и главные архитекторы городов не выполняют област-

ных решений и бездействуют в этих вопросах. При благоустройстве городов до сего времени принимались ничтожные меры по охране и приведению в порядок памятников культуры. Древние сооружения, руины в черте города, старинные фонтаны и другие памятники остаются местами свалок и недопустимо загрязнены, в силу чего недоступны для осмотра» [13, л. 63]. Отдельные попытки, улучшить состояние памятников, конечно же, имели место, но скорее были исключением, чем правилом.

Вопреки постановлений Совета Министров СССР, случаи хищнических разрушений, с целью добычи строительного материала, участились [13, л. 56]. Сильным повреждением подверглись древние поселения и могильники в Кизил-Кобинском ущелье, а так же уникальный памятник палеолита – Чокурчинская пещера. В Симеизе трест «Крымакадемстрой», прокладывая шоссейную дорогу через природно-исторический заповедник «Гора Кошка», использовал камень из расположенных рядом таврских погребений (таврских ящиков) [13, л. 57]. При строительстве военного аэродрома, в начале 1950–х гг. были снесены клеры так называемого Страбонского Херсонеса IV в. до нашей эры [28, л. 34]. В 1949 г. в окрестностях Севастополя уничтожены шесть позднеантичных гробниц, одна из которых представляла исключительную эпиграфическую ценность. Здесь же, в 1952 г. разобрана античная усадьба III–II вв. до н. э. [29, л. 1]. Приведенные примеры лишь небольшая часть, безвозвратно утерянного культурного достояния.

В плохом состоянии находились археологические памятники Керченского полуострова. Их охраной, на основе многолетних традиций, занимался Керченский историко-археологический музей. Но, его штате, не было достаточного количества сторожей. Археологические экспедиции, работавшие в Керчи, не обеспечивали охрану исследуемых ими городищ. Прямо с раскопов населением и воинскими частями изымался камень и вывозилась земля [13, л. 60]. На территории античных городов Тиритака, Мирмекий и Парфений, вплоть до начала 60-х гг., располагались хозяйственные и жилые постройки, возведенные еще в 1945 году [30, л. 27]. Под угрозой затопления грунтовыми водами был уникальный склеп Деметры II в. до н. э. [31, с. 70]. Местонахождение большинства склепов не было нанесено на план города и не обозначалось топографически [13, л. 60].

В не менее тяжелом положении были памятники архитектуры. Как показало проведенное обследование район Карантинной бухты в Феодосии, объявленный в 1948 г. историко-архитектурным заповедником: «Находится в полной заброшенности и безнадежности. Церкви с живописью и барельефами раскрыты, загрязнены и превращены в уборные. Из-за отсутствия ремонта крыши в сводах появились трещины. Такая же грязь и свалка в башнях генуэзской крепости. Стены генуэзской крепости и замка разбираются на строительство, а около башни Криско сделан пролом для прохода. Средства, выделяемые через органы архитектуры из местного бюджета не осваиваются. Памятники, находящиеся в арендном пользовании не в лучшем состоянии, не охраняются, не производится ремонт, не выполняются договорные обязательства по эксплуатации. Появились новые повреждения. Памятники на территории Заповедника запрещено сдавать в аренду, не смотря на это многие здания в аренде «Торгпорта». Аренда ничем не оформлена» [13, л. 28]. Армянский храм Св. Сергия XIV века в Феодосии был приспособлен как хранилище фильмоте-

ки местного кинотеатра, в следствии чего была утрачены фрески и внешняя отделка [32, л. 28].

Совершенно бездействовал Евпаторийский горисполком: «Памятники Евпатории (мечеть Джума-Джами XVI в., Караимская кенасса, Текие дервишей XIV–XVI вв.) сравнительно хорошо сохранились. Но за последние два года состояние памятников значительно ухудшилось. Ни один из арендаторов не производил ремонта в эксплуатируемом им памятнике, наоборот арендаторами нанесены новые повреждения. В портал соборной мечети, обрамленной разным мрамором, въезжают машины, которыми сбита колонна и мрамор его облицовки. В результате эксплуатации исчезают архитектурные детали караимских построек, художественная резьба потолков, роспись. Сильно ухудшилось состояние ансамбля Караимской кенасы» [33, л. 66].

Не обеспечивалась охрана памятников Бахчисарая, Старого Крыма, Судака, Симферополя, Севастополя, Керчи и других городов. В октябре 1952 г., специальная комиссия в составе представителей: Научно-методического совета по охране памятников при президиуме АН СССР, сектора истории и археологии Крымского филиала АН СССР О. М. Домбровского и начальника сектора Охраны памятников Отдела по делам архитектуры при Крымоблисполкоме О. И. Базилева осмотрела памятники архитектуры наиболее крупных городов Крыма. По результатам осмотра был составлен акт с подробным описанием их состояния. Большинство памятников требовало капитального ремонта. Особо подчеркивалось, что памятники архитектуры, принадлежащие учреждениям культуры, находятся в удовлетворительном состоянии, в то время как памятники, подотчетные местным Советам, требуют неотложного ремонта [32, л. 27–34].

Немногочисленные ремонтно-реставрационные работы на памятниках архитектуры, были чрезвычайно плохо организованы. Большим недостатком в их проведение, было отсутствие специализированной мастерской на подобие тех, что уже существовали в Киеве, Казане, Новгороде, Ярославле и других регионах. К примеру, в 1949 г. Керченский горисполком решил полностью отреставрировать храм Иоанна Предтечи. Но подрядные строительные организации не имели необходимого опыта. В течение ряда лет поступающие деньги не использовались, а сами работы проводились бессистемно и некачественно. В итоге реставрация храма была завершена только в конце 1954 года и то не полностью [17, л. 70].

Поиск наиболее оптимальной формы, организации охраны памятников, проведения научно-исследовательской и культурно-просветительской работы, привел областные власти к идее передачи на баланс музеев памятников, в соответствии с их спецификой. В частности, по решению Крымоблисполкома «Об утверждении границ и передаче в ведение музеев памятников архитектуры» от 28 мая 1949 г. в ведение Старо-Крымского краеведческого музея поступил средневековый армянский монастырь Сурп-Хач. Успенский монастырь под Бахчисараем был передан музею Пещерных городов Крыма, а руины генуэзской крепости в Феодосии стали филиалом местного краеведческого музея [17, л. 30].

Начиная с 1950 г., в целях пропаганды охраны и изучения памятников истории, все активнее стали издаваться плакаты призывавшие оберегать культурное достояние. На них изображались важнейшие исторические события и связанные с этим

памятники. Самым растиражированным были плакаты прославлявшие подвиги советских воинов, героев Гражданской и Крымской войны. Такие плакаты были ценным пособием для культурно–просветительных учреждений и активно использовались в массовой работе музеев, библиотек сельских клубов, при проведении докладов, лекций, экскурсий на историко-краеведческие темы [34, л. 1–7]. В соответствии с требованиями оформления, текст плаката содержал схематический очерк о памятнике, занимавший не больше одной трети от общей площади листа. Изображения памятников размещалось крупным планом в центре плаката [35, с. 196].

Таким образом, в послевоенный период (1944–1953 гг.) памятникоохранительное дело в Крыму столкнулось с целым рядом проблем, серьезно затруднявших ее функционирование и развитие. В их числе – всеобщая разруха, нехватка финансирования и квалифицированных специалистов. Вместе с этим, остро сказывались ведомственная разобщенность и безразличие местных властей в вопросах охраны культурного наследия. Правительственные постановления, призванные улучшить охрану памятников, на практике оказались малоэффективными. Областной, районные и городские Исполкомы, непосредственно ответственные за охрану памятников, не выполняли возложенные на них обязанности. В результате памятники ветшали, разрушались, перестраивались, сносились. Ответственные органы и чиновники, вовремя не реагировали на факты многочисленных нарушений, а иногда умышленно старались их не замечать. Нередки были случаи целенаправленного уничтожения памятников, по вине отдельных лиц и организаций. Многие уникальные архитектурные объекты использовались в хозяйственных целях, без каких-либо арендных договоров. Средств, выделяемых государством на ремонт и охрану, не хватало, а иногда они использовались и вовсе не по назначению.

Вместе с этим памятникоохранительные органы в Крымской области были чрезвычайно ограничены в финансировании и штатах. Это обстоятельство, конечно не оправдывает бездействие всей системы исполнительной власти в области, но и не делает виновными исключительно отдельные органы. Охрана памятников в Крыму требовало серьезной перестройки и усиления контроля за исполнением норм законодательства.

Список использованных источников и литературы

1. Григор'єва Т. Ф. Вивчення, охорона і спорудження пам'яток історії та культури в Криму як один з напрямків краєзнавчих досліджень // Охорона, використання та пропаганда пам'яток історії та культури в Українській РСР : зб. метод. матер. / Ін-т історії АН УРСР : в 6 ч. – К., 1989. – Ч. 5. – 89 с.
2. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК), ф. Р-1042, оп. 3, д. 1.
3. ГААРК, ф. Р-20, оп. 11, д. 7.
4. Центральный военно-морской архив Российской Федерации, ф. 1037, оп. 1, д. 33.
5. ГААРК, ф. Р-3385, оп. 1, д. 4.
6. Обелиск на могиле героев // Красный Крым. – 1944. – 10 июня.
7. Их подвиг бессмертен // Красный Крым. – 1945. – 2 нояб.
8. Андросов С. А. Первые памятники Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1945) / С. А. Андросов // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 15. – С. 16–27.
9. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление / А. М. Кулемзин ; Кемеровский обл. ин-т усовер. учителей. – Кемерово, 2001. – 328 с.
10. ГААРК, ф. Р-3385, оп. 2, д. 2.
11. ГААРК, ф. Р-4281, оп. 1, д. 1.

12. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса–Херсона и его окружи (1914–2005 гг.). // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2009. – Вып. 6. – 496 с.
13. ГААРК, ф. Р-3385, оп. 1, д. 147.
14. ГААРК, ф. Р-3385, оп. 2, д. 3.
15. Охрана памятников истории и культуры : сб. док. / сост. Г. Г. Анисимов. – М. : Советская Россия, 1973. – 191 с.
16. Гуркович В. Н. Французское военное кладбище в Севастополе / Издательский центр Крымского гос. мед. ун-та. – Симферополь, 2000. – 51 с.
17. ГААРК, ф. Р - 3385, оп. 2, д. 4.
18. Полякова. М. А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов / М. А. Полякова. – М. : Дрофа, 2005. – 271 с.
19. ГААРК, ф. Р - 3385, оп. 1, д. 10.
20. ГААРК, ф. Р - 3385, оп. 1, д. 163.
21. Об охране памятников архитектуры: Постановление Совета Министров РСФСР от 22 мая 1947 г., № 389 // Охрана памятников истории и культуры : сб. док. – М. : Советская Россия, 1973. – С. 62–64.
22. О мерах улучшения охраны памятников культуры : Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г., № 3898 // Охрана памятников истории и культуры : сб. док. – М. : Советская Россия, 1973. – С. 65–67.
23. Михайлова Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века / Н. В. Михайлова. – М. : Закон и право, 2001. – 280 с.
24. Положение об охране памятников культуры // Охрана памятников истории и культуры: сб. док. – М. : Советская Россия, 1973. – С. 68–75.
25. Инструкция о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР // Сборник постановлений РСФСР. – 1949. – № 3. – Ст. 30.
26. Государственный архив города Севастополя (далее – ГАГС), ф. Р – 109, оп. 1, д. 22.
27. Акуленко В. І. Охорона пам'яток культури в Україні / В. І. Акуленко. – К. : Вища школа, 1991. – 274 с.
28. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 88.
29. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 30.
30. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 4.
31. Дорофійенко І. Проблеми реставрації склепу Деметри в Керчі // З історії української реставрації / за ред. І. Тимофійенка. – К. : Українознавство, 1996. – 276 с.
32. ГААРК, ф. Р-3385, оп. 2, д. 6.
33. ГААРК, ф. Р-3385, оп. 1, д. 147.
34. ГААРК, ф. Р-3385, оп. 1, д. 109.
35. Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) // История СССР. – 1967. – № 7. – С. 191–208.

Соколов А. А. Пам'ятки історії та культури Криму: руйнування, охорона, реставрація (1944–1953) / А. А. Соколов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 204–216.

Розглянуто проблемні питання охорони пам'яток історії та культури в Криму. На основі широкого кола опублікованих і архівних джерел розкривається розвиток державної пам'яткоохоронної системи. Аналізуються причини і наводяться конкретні приклади руйнувань пам'ятників. Освячується прийняті заходи по забезпеченню їх охорони.

Ключові слова: охорона пам'яток, культурна спадщина, розпушення, реставрація, Крим.

Sokolov A. A. Monuments of historic and cultural Crimea: destruction, protection, restoration (1944–1953) / A. A. Sokolov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 204–216.

In the article the problem issues of cultural and historical monuments in the Crimea. On a wide range of published and archival sources revealed the development of the state system of protection of monuments. The reasons and specific examples of destruction of monuments. Special attention is paid to the facts of deliberate destruction of monuments. Shows the effect of general economic dislocation poslevonnyh first years on the state and the protection of monuments. Great importance is given, the analysis of both positive and negative strontium existing law. Proved the inefficiency of government regulations. In particular, when addressing the rental use of monuments. Demonstrated, the barriers between the issues in the protection of cultural heritage. Weakness of local authorities and decision-makers. The examples of the irresponsible attitude of the local authorities to the fate of specific sites. Discusses the measures taken for the protection of monuments. Few are blessed restoration and konservtsii. Points to errors in their organization and conduct. Lessons learned and the general characteristic of the development of business sites in the period.

Keywords: protection of monuments, cultural heritage, razpushenie, restoration, Crimea.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.

УДК 94 (477.75) 1923/1925

ВСЕКРЫМСКИЕ СЪЕЗДЫ МУСУЛЬМАН КРЫМСКОЙ АССР (1923–1925)

Хайруддинова Э. М.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: elmaz88@mail.ru*

Съезды мусульман играли важную роль в жизни крымских татар. Во время советской власти в Крыму было проведено три съезда: 15 января 1923 г., 1–5 сентября 1924 г., 1–6 декабря 1925 г. В 1920-е гг. центральной проблемой Всекрымских съездов мусульман являлось сохранение традиционных мусульманских институтов: маале (религиозных общин), мечетей, конфессиональных школ (мектебов) и медресе, вакуфов. Кроме этого не мало усилий они приложили к созданию управленческого религиозного института – Народного управления религиозными делами мусульман Крыма. В статье рассмотрена деятельность съездов мусульман Крыма 1923–1925 гг., проведен анализ документов съездов и даны выводы по широкому кругу обсужденных вопросов.

Ключевые слова: ислам, Советская власть, Крымская АССР, государственно-конфессиональные отношения, мусульманское духовенство, мусульманские съезды.

Всекрымские съезды мусульман играли важную роль в жизни крымских татар. Они созывались по инициативе мусульманских общественно-политических деятелей, для решения национальных, социально-политических и религиозных проблем. Актуальным представляется изучение деятельности и определение роли всекрымских съездов мусульман в оформлении органов мусульманского религиозного управления в Крымской АССР.

После завершения гражданской войны важнейшей задачей мусульман было восстановление своей организационной структуры. С этой целью они принимают решение о созыве Всекрымского съезда мусульман, намеченного на январь 1923 г. Во время советской власти в Крыму было проведено три съезда: 15 января 1923 г., 1–5 сентября 1924 г., 1–6 декабря 1925 г. Помимо Всекрымских съездов мусульман в этот период проводятся Всероссийские съезды мусульманских деятелей, в работе которых принимали участие и крымские мусульмане: в июне 1923 г. в Уфе проходил второй Всероссийский съезд мусульман, в октябре 1926 г. состоялся третий съезд.

Предметом нашего исследования является изучение материалов Всекрымских съездов мусульман. В этой связи в качестве задач исследования было определено: рассмотрение деятельности съездов мусульман Крыма, анализ документов съездов, изучение круга обсуждаемых вопросов и освещение политики советской власти по отношению к мусульманам.

В конце 1922 года инициативная группа из числа крымских татар начинает работу по созыву первого съезда мусульман: получает разрешение, оплачивает канцелярский сбор, печатает объявления, арендует помещение [1, д. 12, л.1–3].

I съезд был проведен 15 января 1923 г. в Симферополе. Участвовало около 30 делегатов. В ответе на ходатайство инициативной группы прописывалось, что общее количество делегатов съезда не должно было превышать это число; местом проведения съезда рекомендовали выбрать г. Симферополь, а не г. Бахчисарай, вероятно это было связано с тем, что правительство опасалось активизации мусульман Крыма, память о событиях 1917–1918 гг. была еще свежа. Председателем съезда был избран Ибраим Тарпи [2, д. 390, л. 32].

Первый Всекрымский Съезд представителей мусульман был проведен для избрания органов народного управления и принятия «Положения об организации мусульманского Правления по делам религии» [1, д. 16].

Открытие съезда состоялось 15 января в 11 часов дня под председательством Ибраима Тарпи, который предложил избрать президиум.

В состав президиума вошли: Ибраим Тарпи, Сеит Умер Хатипов, Муслядин Аджи Халиль, Сеит Мемет Кады заде, Сеит Ариф эфенди.

В состав секретариата были избраны: Сеит Джелиль Шеми и Мустафа Бесим.

Единогласно был принят следующий порядок дня: доклад Тарпи Ибраима – «Мусульманская религия и современная культура»; рассмотрение проекта «Положения об организации мусульманского правления по делам религии»; выборы членов управления; рассмотрение вакуфного вопроса и текущих дел.

Вначале был заслушан доклад И. Тарпи на тему: «Мусульманская религия и современная культура», затем был зачитан текст, заранее подготовленного и тщательно выверенного проекта «Положения об организации мусульманского управления по делам религии», который был единогласно принят на этом съезде.

В соответствии с «Положением о народном управлении религиозными делами мусульман Крымской ССР»¹ [2, д. 390, л. 38–39], органами религиозной организации мусульман Крыма должны были стать учреждения: съезд представителей мусульманских приходов и духовенства (мусульманларынъ дин хадими ве маалле векиллерининъ ичтимаи), Народное управление религиозными делами мусульман Крыма (Къырым мусульманлары халкъ идаре-и шериеси) – НУРДМК, Совет Улемов (Ильми Шурасы), Районные отделения (Шубелер векалетети), Приходские попечительства (Маалле мутевеллилер эйти).

В частности в ведении НУРДМК должны были находиться дела, во-первых, духовно-религиозного характера (наблюдение за отправлением духовно-религиозных обрядов, выдача фетв, надзор за точным и правильным печатанием Корана и других религиозных книг); во-вторых, вопросы организации и управления (руководство деятельностью районных отделений, надзор за правильным исполнением своих обязанностей, учреждение и организация новых районных отделений, назначение и утверждение в должности мусульманских духовных лиц и т.д.); и, в-третьих, вопросы религиозного просвещения (открытие религиозных курсов для подготовки духовенства, приходских школ (мектебов), разработка и составление для них программ, надзор за ведением преподавания религии и т.д.) [1, д. 16, л. 2].

Съезды уполномоченных предполагалось проводить один раз в году. Для рассмотрения и решения вопросов, касающихся религиозной жизни мусульман, для

¹ Официально утвержденное название документа.

рассмотрения и утверждения отчетов и выбора членов НУРДМК. Они должны были приурочиваться к первому числу месяца мухаррам по хиджре.

«Халкъ идаре-и шериеси» должно было состоять из 5 лиц, избираемых съездом уполномоченных мусульманских приходских общин, сроком на год с местопребыванием в г. Симферополе.

Органами НУРДМК на местах должны были стать – районные «шахбе» (отделы) и попечительства местной приходской общины. Было образовано 9 районных отделов (Алуштинский, Севастопольский, Бахчисарайский, Феодосийский, Керченский, Джанкойский, Евпаторийский, Симферопольский).

Денежные средства НУРДМК, а также шахбе и Приходских общинных попечительств должны были формироваться в этот период только за счет добровольных пожертвований.

Специальные поправки НКВД к проекту создания НУРДМК были изложены в соответствующем «Заключении» [1, д. 2, л. 10]. В соответствии, с которым советская власть лишила НУРДМК права открытия религиозных школ, как противоречащих политике советской власти. И включило ряд дополнений в проект.

Проект с внесенными поправками был утвержден в НКВД Крыма 5 февраля 1923 г. в соответствии с заключением Административного Управления, постановлений ВЦИКа и Совнаркома Крыма от 3 августа 1922 г. «Халкъ идаре-и шериеси» Крыма было официально создано, однако не получило статуса и прав юридического лица.

Легализация «Халкъ идаре-и шериеси» Крыма была осуществлена только после издания инструкции НКВД и Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР от 27 апреля 1923 г.

В ходе работы съезда были проведены выборы в «Халкъ идаре-и шериеси». В состав народного управления избрали: Ибрагима Тарпи, Сеит-Мемета Кады-Заде, Муслидина аджи Халиля, Сеит-Мурата эфенди, Джемаледдина эфенди Абдурамана.

Рассмотрев вакуфный вопрос, съезд устанавливает традиционное культурно-просветительское значение института вакуфов по Шариату и постановляет «обратиться в КрЦИК и СНК с ходатайством о возвращении земель и домов». По сути, от решения вакуфного вопроса зависело экономическое и финансовое положение управления, т.к. денежные средства НУРДМК, с учетом конфискации советской властью всего вакуфного имущества, формировались в этот период только за счет добровольных пожертвований, что, естественно, существенным образом снизило возможности управления [1, д. 5, л. 6–7]. В заявлении, поданном КрымЦИКу Управление просило крымские вакуфы поставить в такое же правовое положение, как и туркестанские. Кроме этого требовало вернуть здания, построенные на средства местных мусульман [2, д. 403, л. 10].

Президиум ВЦИК рассмотрел обращение крымского муфтия и в связи с этим направил в июле 1923 г. в Крымский ЦИК распоряжение. В нем предписывалось сохранить правовой статус НУРДМК, согласно зарегистрированному уставу, а рассмотрение прочих вопросов отложить до разработки общих позиций относительно мусульман всего СССР.

С этим уставом новосозданное управление просуществовало до следующего съезда представителей мусульманских общин, которое прошло с 1 по 5 сентября 1924 г. в Симферополе. Приняло участие 104 делегата. Съезд был открыт Ибраимом Тарпи.

Работа съезда хорошо освещена в первом номере печатного органа НУРДМК – журнале «Асрий мусульманлыкъ» («Современное мусульманство») изданного в ноябре 1924г. Решение о начале издания журнала было принято на втором съезде.

В повестке дня стояли следующие вопросы: возвратить мусульманским обществам ранее принадлежавшие им недвижимое имущество (вакуфные здания), предназначенные для удовлетворения религиозно-просветительских нужд мусульманского населения; освободить от налогов (или уменьшить до минимального размера) все мечети и другие здания религиозно-культурного характера; все архивы, принадлежавшие бывшему мусульманскому духовному управлению, перешедшие затем в ведение отдела ЗАГСа, передать НУРДМК, а все метрические книги, изъятые из рук мусульманского духовенства, возвратить в ведение приходских общин; разрешить народному управлению выписывать все научно-религиозные книги и журналы, издаваемые в разных мусульманских странах; разрешить отправлять учеников в образовательные заведения Турции и других мусульманских стран с целью подготовки «религиозно-грамотных людей»; сделать распоряжение всем властям на местах, чтобы не препятствовали представителям НУРДМК исполнять возложенные на них уставом этой организации обязанности.

На утверждение Крымского НКВД была представлена новая редакция устава НУРДМК. В соответствии, с ней НУРДМК, сохранило за собой право наблюдения за применением норм шариата во время заключения брака и развода, и при разрешении вопросов о наследовании и разделе имущества и материальных средств. Наблюдение и вынесение специальных решений имело силу только в случаях добровольных обращений мусульман в эту структуру с просьбой решить эти вопросы по законам шариата. Таким образом, советская власть лишила религиозное управление мусульман Крыма права решать вопросы судебной компетенции даже в самом ограниченном объеме. Несмотря на это, правоверные продолжали рассматривать духовное управление как арбитра в спорах, которые в свое время рассматривало ТМДП.

На II съезде произошли изменения и в руководстве. Вместо И. Тарпи НУРДМК возглавил Муслидин эфенди Халил. Обновлению подлежал и список членов Президиума народного управления. Секретариат НУРДМК возглавил Хабиб Эшреф. Для того, чтобы улучшить подчинение районных управлений центральному штат центрального управления был расширен от 5 человек до 9. Членами НУРДМК были избраны: Юсуф Рахимов (севастопольский имам), хаджи Байрам Али (имам г. Судака), хаджи Абдулла Латиф – (имам г. Къарасувбазара), Ильяс Ирис – (имам г. Евпатории), хаджи Билял – (кълматыйский имам), Якъуп Кемаль – (имам Дерекоя), Абду-ль Халим Абду-ль Меин – (Коккоз), Бекир эфенди – (Байдары) [3].

Для разрешения вопросов поднятых на II съезде, НУРДМК обратилось в Президиум Крым ЦИКа.

Фото 1. Участники первого Всероссийского съезда мусульман

9 июня 1924 г. президиум ВЦИК издает постановление о разрешении преподавать мусульманское вероучение в мечетях детям, закончившим школу 1-й ступени или же достигшим 14 лет [4, с. 78–79]. В развитие этого постановления 14 марта 1925 г. Центральное Административное Управление при Крымском ЦИК (ЦАУ Крыма) и республиканский НКП опубликовали инструкцию «О порядке преподавания мусульманского вероучения на территории Кр.ССР». Данный документ содержал два основных положения: во-первых, создание конфессиональных школ подразумевалось только в мечетях; во-вторых, преподавание основ религии запрещалось дополнять общеобразовательными дисциплинами, кроме перевода с арабского на крымскотатарский язык. Таким образом, новосоздаваемые конфессиональные школы решительно отстранялись от государственной системы образования и теряли свое национально-религиозное значение.

Важным событием в развитии мусульманского движения в Крыму стал III съезд. Он был созван в Симферополе с 1 по 6 декабря 1925.

Основной акцент на съезде был сделан на возрождение и развитие конфессионального образования. Специальная комиссия по преподаванию исламского вероучения представила на рассмотрение съезда свои предложения: открывать религиозные школы не только при мечетях, но и в более удобных для таких целей помещениях; возродить конфессиональные учебные заведения, для подготовки квалифицированных кадров мусульманского духовенства – медресе; проводить религиозные занятия с свободное от обучения время в гражданских школах. Отдельным пунктом стало требование допустить к религиозному обучению детей младше 14 лет.

Все эти положения получили одобрение делегатов съезда и были утверждены единогласно.

Рис 2. Обложного первого номера журнала

Среди других вопросов рассмотренных на съезде были: рассмотрение деятельности исполнительно органа за прошедший год, избрание нового Президиума, проблемы издания периодического органа НУРДМК, утверждение бюджета на 1926 г.

Во время работы съезда были внесены изменения в устав. Президиум НУРДМК был утвержден в количестве 10 членов: муфтия, его заместителя, казначея и 7 шахбе.

Для решения текущих вопросов президиум НУРДМК запланировал на 3–4 ноября 1928 г. проведение очередного, IV Всекрымского съезда мусульман. Предполагалось подвести итоги деятельности за последние 3 года, необходимо было провести выборы нового состава духовного управления, обсудить вопросы финансового состояния управления. Однако ему не суждено было состояться. В конце 1928 года

«Халкъ идареи шериеси», фактически прекратило свое существования, в связи с тяжелейшим материальным положением.

Рассмотрев деятельность съездов мусульман Крыма, можно прийти к выводу, что в истории развития органов мусульманского религиозного управления в Крымской АССР выделяются три этапа: 1922–1923 гг. – период становления и юридического оформления; 1923–1925 гг. – совершенствование организационной структуры управления; 1925–1928 гг. – завершение работы и ликвидация.

Время проведения съездов мусульман соответствовало первому этапу строительства государственно-конфессиональных отношений в регионе. Для него было характерно широкое сотрудничество укрепляющейся власти и части духовенства, что значительно отличалось от общей линии конфессиональной политики в государстве. Сотрудничество это выражалось в деятельности съездов мусульманского духовенства и верующих, активности со стороны прогрессистов (представленных наиболее молодой частью духовенства).

В ходе работы съездов были утверждены: Положение о религиозной организации мусульман живущих в пределах Крымской социалистической советской республики, Устав НУРДМК.

На съездах обсуждались также проблемы внутренней жизни мусульман Крыма: проблемы возрождения и развития конфессионального образования; проблемы, связанные с возвратом конфискованного советской властью вакуфного имущества; проблемы подготовки квалифицированных кадров мусульманского духовенства; проблемы издания периодического органа «Халкъ идареи шериеси»; проблемы, связанные с судебной компетенцией (уточнение предела применения мусульманского права).

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. Р-1518, оп. 1.
2. ГААРК, ф. Р-663, оп. 10.
3. Къырым мусульманлары экинджи диний ичтимайи // Асрий мусульманлыкъ. – 1924. – № 1. – С. 22–30.
4. Ислам и советское государство (1917–1936) : сб. док. / сост. Д. Ю. Арапов. – М. : Марджани, 2010. – Вып 2. – 208 с.
5. Ганкевич В. Ю. Органы духовного управления мусульман Советского Крыма (1920-е гг.) / В. Ю. Ганкевич, З. З. Хайретдинова // Ислам в Крыму : очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е. В. Бойцова, В. Ю. Ганкевич, Э. С. Муратова и др. – Симферополь : Элиньо, 2009. – С. 272–327.
6. Белоглазов Р. Н. Духовное образование крымских мусульман в условиях становления Советской власти в Крыму / Р. Н. Белоглазов // Ганкевич В. Ю. Крымскотатарские медресе : курс лекций / В. Ю. Ганкевич. – Симферополь : Доля, 2001. – С. 53–69.

Хайруддінова С. М. Всекримські з'їзди мусульман Криму (1923–1925) / С. М. Хайруддінова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 217–224.

З'їзди мусульман відігравали важливу роль у житті кримських татар. Під час радянської влади в Криму було проведено три з'їзди: 15 січня 1923 р., 1–5 вересня 1924 р., 1–6 грудня 1925 р. У 1920-і рр. центральною проблемою Всекримської з'їзді мусульман було збереження традиційних мусульманських інститутів: маале (релігійних громад), мечетей, конфесійних шкіл (мектебе) і медресе, вакуфів. Крім цього не мало зусиль вони доклали до створення управлінського релігійного інституту – Народного управління релігійними справами мусульман Криму. У статті розглянута діяльність з'їзді мусульман Криму 1923–1925 рр., Проведено аналіз документів з'їзді та дано висновки з широкого кола обговорених питань.

Ключові слова: іслам, радянська влада, Кримська АРСР, державно-конфесійні відносини, мусульманські з'їзди.

Khayruddinova E. M. Muslim Congress in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1923 – 1925) / E. M. Khayruddinova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 217–224.

The article describes the activities of Muslims Congress in the Crimea in 1923–1925 years. Congress of Muslims have played important role in the life of the Crimean Tatars. During the Soviet authorities in Crimea have been three of the Congress: 15 January 1923, 1–5 September 1924, 1–6 December 1925. At the Congress considered religious, national, social and political problems. In the 1920-s years the main problem of muslims was to preserve the traditional Muslim institutions: Maale (religious communities), mosques, religious schools (mekteb) and madrassas, vakufs. At the first congress was re-established management religious institute. The article considers the activities of the Congress of Muslims of Crimea 1923–1925 years. The analysis of documents Congresses. Illuminated circle of the issues and policies of the Soviet government towards Muslims.

The time of the Congress of Muslims in line first phase of church-state relations in the region. For him, it was characterized by a wide partnership of government and clergy. Cooperation is manifested in the activities of congresses Muslim clergy and the faithful, the activity of the progressives.

A review of activities of the Congress of Muslims of Crimea in the development of Muslim religious control of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic by three phases: 1922–1923 – period of formation and legal registration, 1923–1925 – improving the management structure; 1925–1928 – shutdown and liquidation.

Keywords: Islam, the Soviet government, the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, state-confessional relationships, Muslims Congress.

Поступила в редакцію 01.11.2012 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абибуллаева Эльмира Эбазеровна	старший научный сотрудник Мемориального музея Исмаила Гаспринского КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» (Бахчисарай, Украина)
Акимченков Виктор Владимирович	аспирант Центра памятниковедения НАН Украины и УТОПИК (Киев, Украина)
Андреева Лариса Юрьевна	ведущий специалист кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Анисимова Ольга Сергеевна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Асанова Улькера Кязимовна	кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории Украины одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Одесса, Украина)
Гаврилов Владимир Николаевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Украины Черниговского национального педагогического университета имени Т. Г. Шевченко (Чернигов, Украина)
Ганкевич Виктор Юрьевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Задерейчук Иван Афанасьевич	кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой социально-экономических дисциплин Крымско-го экономико-правового института Международного гуманитарного университета (Симферополь, Украина)
Ищенко Элеонора Сергеевна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Кравчук Александр Сергеевич	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Кутайсов Вадим Александрович	доктор исторических наук, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины (Симферополь, Украина)

Лейбенсон Юлия Тарасовна	аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Леписевич Наталья Зеноновна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Молочко Евгения Валентиновна	Центр памятниковедения НАН Украины и УТОПИК (Киев, Украина)
Прохорова Татьяна Александровна	аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Сейтмететова Сельвина Алиевна	научный сотрудник Мемориального музея Исмаила Гаспринского КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» (Бахчисарай, Украина)
Сейтова Эльвина Изетовна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Серова Екатерина Дмитриевна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Соколов Андрей Андреевич	старший преподаватель Севастопольского филиала Европейского университета финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса (Севастополь, Украина)
Хайруддинова Эльмаз Мухиддиновна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)
Эмруллаев Шевкет Алиевич	научный сотрудник отдела охраны памятников КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» (Бахчисарай, Украина)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Просим вас придерживаться правил подготовки и оформления рукописей для журнала «Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского». Авторские рукописи должны быть оформленными в соответствии с государственными стандартами и отвечать требованиям Постановления ВАК Украины №7-05/1 от 15.01.2003 г.: «...принимать к печати... только научные статьи, которые имеют такие необходимые элементы: постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными актуальными научными или практическими заданиями; анализ последних исследований и публикаций, положивших начало исследованию данной проблемы и на которые опирается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается отмеченная статья; формулировка целей статьи (постановка задания); изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из данного исследования и перспективы последующих разведок в данном направлении» (Бюллетень ВАК Украины, № 1, 2003).

1. Текст рукописи принимаются на украинском или русском языке с указанием даты ее написания, личной подписью автора, аннотациями и ключевыми словами на русском, украинском и английском языках (300-500 зн.), сведениями об авторе (имя, отчество полностью, фамилия, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, служебный и домашний телефоны, E-mail).

Для аспирантов, адъюнктов и соискателей необходимо представить рекомендацию научного руководителя или рецензию ученого, имеющего научную степень по специальности, отвечающей предмету исследования, и (или) выписку из протокола заседания соответствующей кафедры (отдела) с рекомендацией статьи к печати.

При направлении рецензии на издание – один экземпляр рецензируемого издания.

К тексту добавляются: дискета (диск) с рукописью (Microsoft Word), рецензия-рекомендация.

2. Требования к оформлению текста рукописи.

2.1. Бумага формата А4 (размер 210 x 297 мм); параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 20 мм, левое – 30 мм, правое – 15 мм; шрифт – Times New Roman 14 pt; интервал между строками – 1,5.

2.2. Ссылки на источники указываются в тексте в квадратных скобках с указанием номеров страниц соответствующего источника, а сами названия источников приводятся в конце текста статьи в порядке упоминания. Каждый источник с новой строки.

- Библиографические описания источников должны обязательно содержать фамилию и инициалы авторов, названия их трудов, город и год издания (издательство указывать не обязательно).

- Авторские примечания оформляются в конце страниц с использованием символа * как знака сноски.

3. Объем авторских рукописей. Объем статьи – не более 10, а рецензии – не более 3 печатных страниц до 0,5 усл. п. л. (до 20 тыс. зн. с пробелами); рецензий и тому подобное – до 0,2 усл. п. л.

Рукописи, которые не отвечают требованиям, отмеченным в п. 1-3, редакция не регистрирует и не рассматривает с целью публикации.

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ

Абибуллаева Э. Э., Эмруллаев Ш. А.	
Символика надгробных камней: сравнительный анализ материалов мусульманских кладбищ Бахчисарая и Турции XVII-XIX вв.	3
Акимченков В. В.	
Второй съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа: неизвестные страницы истории памятникоохранительной деятельности	12
Андреева Л. Ю.	
К истории создания Панорамы «Штурм Перекопа»	30
Анисимова О. С.	
Административно-территориальные преобразования в городах Крыма (конец XVIII – начало XX века)	43
Асанова У. К.	
Экспедиционная деятельность государственного Херсонесского историко-археологического музея (20–30-е гг. XX в.): по материалам архивов Санкт-Петербурга и Москвы.....	51
Гаврилов В. М.	
Набори до закладів системи трудових резервів як фактор деформації статево-вікової структури населення колгоспних сіл	72
Ганкевич В. Ю.	
Вплив ангальтсько-російських династичних зв'язків на історію України (до 800-річчя Ангальтської державності)	86
Задерейчук І.П.	
Борошномельна галузь промисловості у німців Криму в XIX – першій третині XX ст.	96
Ищенко Э. С.	
Православные культовые сооружения Севастополя (конец XVIII – начало XX века)	106
Кравчук О. С.	
Дмитро Борисович Мертваго – Таврійський цивільний губернатор	116
Кутайсов В. А.	
Содержательное исследование по церковному крымоведению. Рец. на кн. : Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок» : церковное крымоведение, 1837–1920 / В. В. Калиновский ; под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего ; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – К. ; Симферополь : АнтикВА, 2012. – 340 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 18).	128

Лейбенсон Ю. Т.	
«Да будет легок тебе всякий камень»: представления северопонтийских эллинов о посмертной участи (по материалам эпитафических памятников)	132
Леписевич Н. З.	
Жизнь и литературное наследие севастопольского военного врача Н. И. Закревского на страницах журнала «Морской сборник»	144
Прохорова Т. А.	
Сочинение «Леди с берегов Альмы»: юго-западный Крым в записках анонимного автора	156
Молочко Е. В.	
Джерела з історії популяризації культурної спадщини Криму (XIX – початок XX ст.)	166
Сеитмететова С. А.	
Российская периодическая печать в личной коллекции периодики Исмаила Гаспринского	175
Сеитова Э. И.	
Социально-бытовая адаптация переселенцев в Крымской области (1965–1976)	186
Сєрова К. Д.	
Внутрішня торгівля в Криму у другій половині XIX – на початку XX ст.: питання організації та контролю	195
Соколов А. А.	
Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944–1953)	204
Хайруддинова Э. М.	
Всекрымские съезды мусульман Крымской АССР (1923–1925)	217
Сведения об авторах	225
К сведению авторов	227